
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА
ФОНД ИМЕНИ НИКОЛАЯ БУХАРИНА и АННЫ ЛАРИНОЙ-БУХАРИНОЙ

СЕРИЯ «АИРО-XX — ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО-XX

Г.А. Бордогов	главный редактор
А.И. Ушаков	генеральный директор
С.А. Александров	зам. исполнительного директора
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациоли	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В. Молодяков	АИРО-XX, Токийский университет
В.А. Невежин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Т.А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоуллетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
А.В. Венков	Ростов-на-Дону
В.И. Голдин	Архангельск
В.А. Дробышев	Старый Оскол
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
А.Г. Макаров	Москва
Н.А. Постников	Курск
Е.М. Раскатова	Иваново
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

Марк ЮНГЕ

СТРАХ
ПЕРЕД ПРОШЛЫМ

Реабилитация Н. И. Бухарина
от Хрущева до Горбачева

Москва
2003

Печатается по:

Junge M. Bucharins Rehabilitierung. Historisches Gedächtnis in der Sowjetunion 1953–1991. — Berlin, Basis-Druck, 1999.

Дизайн и верстка: *Сергей Щербина*

Издатель: *Александр Ушаков*

Юнге Марк. Страх перед прошлым. Реабилитация Н. И. Бухарина от Хрущева до Горбачева. Серия «АИРО-XX — Первая публикация в России» под ред. Г. А. Бордюгова. — М.: АИРО-XX, 2003. — 336с.

В монографии подробным образом рассматривается драматическая история реабилитации Бухарина, анализируются причины её срыва в условиях десталинизации и смещения Хрущева, а затем нового открытия Бухарина в период перестройки. Значительное место в книге отведено проблеме исторических дискуссий вокруг Бухарина и его наследия, функции и значению реабилитации в политической истории России.

Рассчитано на специалистов, аспирантов, студентов, а также всех, интересующихся историей.

ISBN 5–88735–101–2

ISBN 5–88735–101–2

© Юнге М., 2003.

© АИРО-XX, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
1. Реабилитация Бухарина как предмет исследования.....	8
2. Состояние исследования и источников.....	10
3. Источники и метод.....	14
I. ТАБУИРОВАНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ» ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА.....	22
1. «Правый» и «левый» уклоны в Большой советской энциклопедии.....	23
2. «Политические» в законодательстве об амнистии.....	29
II. ДЕМОНТАЖ СТАЛИНА В 1956 г. И ДИСКУССИЯ О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ.....	32
1. Последствия переоценки права для политика реабилитации.....	36
2. Справка прокуратуры о процессе «право-троцкистского блока».....	41
3. Критические вопросы в стране и за границей.....	53
III. РЕСТАЛИНИЗАЦИЯ ЗА СЧЕТ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ С ИЮЛЯ 1956 г.	63
1. Архивные материалы как инструмент власти.....	67
2. Дозировка реабилитации.....	72
3. Оценка Бухарина официальной историографией между XX и XXII съездами.....	76
IV. ВТОРАЯ ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ 1961 г. И ПОПЫТКА РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА.....	88
1. Вовлечение родственников Бухарина в процесс реабилитации....	89
2. Политическое заключение комиссии Политбюро о «право-троцкистском блоке».....	95
3. XXII съезда и вопрос о реабилитации внутрипартийной оппозиции.....	106
4. Воздействие XXII съезда на общественность.....	110
5. Политические сомнения против широкомасштабной реабилитации.....	118

V. СМЕЩЕНИЕ ХРУЩЕВА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОТНОШЕНИЯ К «ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ».....	133
1. Отмена политики реабилитации Брежневым.....	139
2. Критические вопросы в стране и за границей.....	141
VI. ЭЙФОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ И НОВОЕ ОТКРЫТИЕ БУХАРИНА В 1987 г.....	155
1. Осторожное снятие табу.....	157
2. 70-я годовщина Октябрьской революции как стартовый сигнал для гражданской реабилитации Бухарина.....	160
3. Статья о Бухарине в энциклопедии Октябрьской революции.....	164
4. Восстановление имени Бухарина в печати.....	166
VII. РЕАБИЛИТАЦИЯ БУХАРИНА И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КУРСА ПЕРЕСТРОЙКИ В НАЧАЛЕ 1988 г.....	173
1. Формальная реабилитация.....	175
2. Гражданская реабилитация Бухарина исторической наукой.....	188
3. Бухарин как символ реформируемости системы.....	210
VIII. УСИЛИЯ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА, НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПАРТИИ.....	223
1. Комсомольские активисты требуют реабилитации Бухарина.....	224
2. Поддержка реабилитации родственниками Бухарина.....	230
3. Бухарин в зеркале общественного мнения.....	232
IX. БУХАРИН КАК ОБЪЕКТ СПОРА ПОЛИТИКОВ И УЧЕНЫХ С СЕРЕДИНЫ 1988 ДО 1991 гг.	
1. Заявления демократических сил.....	239
2. Сомнения со стороны русских националистов.....	240
3. Разногласия в общественных науках вокруг вновь открытого «любимца партии».....	249
X. ФУНКЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА.....	263
ДОКУМЕНТЫ.....	272
УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.....	306
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	327
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	328
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	333

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1987 — начале 1988 годов, на пике перестройки в Советском Союзе, состоялась посмертная реабилитация Николая Ивановича Бухарина, вызвавшая большой отклик среди общественности и средств массовой информации. Никто иной как Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем докладе, посвященном 70-й годовщине Октябрьской революции, впервые снова официально упомянул Бухарина, которого Ленин называл «ценнейшим и крупнейшим теоретиком» и «любимцем партии», а Сталин казнил как врага партии и государства.

4 февраля 1988 г. Верховный суд СССР официально объявил о формальной, т. е. юридической реабилитации Бухарина. Тем самым он признал недействительным вынесенный против Бухарина своей же Военной коллегией 13 марта 1938 г. и приведенный в исполнение смертный приговор в процессе «право-троцкистского блока» (1). Особого внимания заслуживает посмертное восстановление в партии решением специальной комиссии Политбюро от 21 июня 1988 г. Бухарина и его соратников А. И. Рыкова и М. П. Томского, хотя до этого на нем лежало клеймо «отклонявшегося от линии партии». Тот факт, что других видных жертв сталинской юстиции и секретной службы, как, например, руководителей «левой оппозиции» Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого в партии не восстановили, хотя и их упоминали в печати и отчасти формально реабилитировали, ясно свидетельствует о важном значении, которое в процессе перестройки придавалось Бухарину, и указывает на политически мотивированный выбор этой фигуры для восстановления в партии.

Через 40 лет замалчивания начался настоящий бухаринский бум. Никто из прежде замалчивавшихся фигур советской истории не был представлен в средствах массовой информации — в газетах, журналах, на телеэкране, — так часто и обстоятельно, как он. Началось

переиздание его трудов, и постоянно появлялись новые книги и статьи о нем. К 100-летию со дня рождения Бухарина Музей революции открыл выставку, посвященную ему. Кроме того, состоялись научные конференции, специально посвященные Бухарину. Осенью 1988 г. в Москве даже вышла на русском языке написанная за 15 лет до этого в США американским историком Стивеном Коэном биография Бухарина (2).

Возникает вопрос, почему именно Бухарин, прежде строго замалчивавшийся как руководитель т. н. «правой оппозиции», так почитался и был реабилитирован. Очевидно, Бухарин особым образом вписывался в политику нового времени и был призван поддержать её. В его лице был реабилитирован политический деятель, имя которого означало синоним альтернативного пути политического и экономического развития СССР, резко противостоявшего централизованной плановой экономике с опорой на тяжелую промышленность, начало которой положил Сталин в 1929 г. и которая на протяжении времени Хрущева и Брежнева оставалась в силе — до XXVII съезда КПСС. Его имя было связано с экономической политикой, которая предусматривала сосуществование рыночных механизмов с кооперативными формами хозяйствования и собственности и не хотела допустить пренебрежения сектором предметов потребления (легкая промышленность и сельское хозяйство) (3). Кроме того, имя Бухарина представляло собой синоним такого социализма, который, в отличие от сталинизма, ориентировался не на конфронтацию с различными социальными группами, а на их интеграцию.

1. РЕАБИЛИТАЦИЯ БУХАРИНА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего надлежит исследовать, в каком политическом и экономическом контексте происходила реабилитация Бухарина и шедшее параллельно с ней интенсивное восприятие общественностью его личности, политики и теории и каковы были их функция и значение в Советском Союзе конца 80-х гг.

На эти вопросы можно, однако, ответить только с учетом процессов, происходивших в 50-е и 60-е гг., т. к. политическое руководство во главе с Горбачевым снова начало проводить политику реабилитации с того момента, где она была оборвана в 60-е гг., т. е. приступило к реабилитации бывшей внутривнутрипартийной оппозиции. В исторической ретроспективе предполагается, таким образом, поначалу рассмотреть вопрос о том, почему Бухарин был реабилитирован только полвека спустя после гибели, а не в середине 50-х гг., когда после смерти Сталина постепенно освобождали узников лагерей и реабилитировали многих жертв сталинской юстиции. Почему Бухарина обошли и тогда, когда в 1957 и 1959 гг. были посмертно реабилитированы некоторые его «соучастники» по процессу «право-троцкистского блока»?

В рамках исследуемого исторического периода (1953–1991 гг.) следует определить различные этапы отношения к реабилитации Бухарина в Советском Союзе и охарактеризовать сходства и различия между ними. Чтобы достичь результатов и в деталях, анализируется позиция партийного руководства в разные исторические периоды, обсуждение вопроса о реабилитации на съездах и важных пленумах ЦК, исследуется вопрос о том, в каких органах рассматривалась реабилитация Бухарина, действовали ли здесь «силы торможения» или стимулирующие силы, а также различные группы интересов. В этих рамках особое внимание уделяется вопросу о том, как общественные науки, в особенности история, относились к Бухарину, ибо одна из их важнейших функций заключалась в том, чтобы в соответствии с партийными предписаниями легитимировать и обеспечивать политику партии в глазах общественности с помощью истории.

Общественный масштаб реабилитаций становится видимым, во-первых, в результате анализа реального воздействия соответствующей политики на условия жизни и труда родственников Бухарина и, во-вторых, в результате исследования реакции «неформальных» групп на восстановление значения его личности.

Речь не должна идти прежде всего о выяснении обстоятельств отдельной судьбы. Напротив, задача состоит в том, чтобы на примере Бухарина проанализировать взаимоотношения между политическими и общественными изменениями, общей политикой реабили-

тации и вопросом о реабилитации выдающейся личности. Цель работы — вскрыть стереотипы, мотивы и детерминанты, которыми определялась реабилитация Бухарина или отсутствие таковой на протяжении 1953–1991 гг.

2. СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКОВ

Начало реабилитации жертв политических репрессий 30–50-х гг. до сих пор с полным основанием связывалось с кампанией десталинизации, старт которой дал в середине 50-х гг. Н. С. Хрущев (4).

Ряд исследователей уже рассматривал вопрос о явлении реабилитации и его очевидной связи с политической конъюнктурой. Они анализировали прежде всего общую функцию реабилитаций в Советском Союзе и других восточноевропейских странах (5). Первые систематические исследования с середины 60-х гг. представила американский политолог Дж. П. Шапиро (6). Она изучала гражданскую реабилитацию граждан Советского Союза, подвергшихся репрессиям в 30-е гг., для чего провела количественный анализ упоминания этих лиц в протоколах XX и XXII съездов, в Большой советской энциклопедии (БСЭ) и в советской печати (7). На переднем плане работы находился общий политический контекст: автор подробно анализировала секретный доклад Хрущева на XX съезде и начатую после смерти Сталина в 1953 г. реформу юридического аппарата. В этой связи упоминание табуированных до тех пор личностей служило ей дополнительным важным признаком десталинизации (8).

Б. Левицкий, публицист и обществовед, эмигрировавший из Советского Союза, наоборот, скептически оценивал начатую после смерти Сталина кампанию по десталинизации. Анализируя соответствующие источники прежде всего в содержательном плане, он приходил к выводу, что политика реабилитации — новый акт произвола руководства КПСС, целиком вписывавшийся в традицию сталинизма (9).

Напротив, братья Рой и Жорес Медведевы с симпатией рассматривали политику Хрущева, направленную против «культы

личности Сталина». В соответствии с этим они считали и практику реабилитации при Хрущеве конструктивным элементом этой политики (10). Диссидент же А. Антонов-Овсеенко, сам прошедший долгое время в лагерях как сын «врага народа», осуждал политику реабилитации 50–60-х гг. как недостаточную и непоследовательную (11).

Первое существенное исследование предпринял в 1986 г., изучая политику реабилитации после смерти Сталина, историк А. П. ван Гудевер (12) из Утрехта. Его исследования основывались на работах 60–70-х гг., которые он, однако, значительно превзошел в том, что касается качества обработки и оценки материала. В своей книге ван Гудевер описывает границы десталинизации в СССР, основываясь на данных о реабилитации или несостоявшейся реабилитации политических заключенных, которые в сталинскую эпоху пали жертвой волн чистки и террора (13).

В качестве первого шага ван Гудевер определяет понятие «реабилитация», сравнивая соответствующие советские словари и тексты законов с западной и восточноевропейской научной литературой, а также с традициями реабилитации при Хрущеве. При этом он различает три разные формы реабилитации: 1. «Формальную реабилитацию» с её юридическими (отмена приговора и возвращение гражданских прав), социальными (восстановление доброго имени) и материальными (возмещение утраченных заработной платы, имущества, пенсии и т. д.) аспектами, включая восстановление в партии. 2. «Гражданскую реабилитацию», выражающуюся в упоминании соответствующего лица в печати, словарях и научной литературе. 3. «Посмертную реабилитацию», касающуюся казненных или умерших в лагерях или тюрьмах лиц. Последний аспект реабилитации в значительной степени пересекается с «гражданской» и «формальной» реабилитацией (14).

В качестве второго шага ван Гудевер исследует процесс реабилитации как таковой, начавшийся в СССР после 1953 г. Из-за недостатка источников автор сначала подробно анализирует практику реабилитации в Чехословакии того времени, чтобы потом использовать её в качестве возможной модели для анализа хода событий в Советском Союзе (15). После 1968 г. ведущие политики Коммунистической партии Чехословакии эмигрировали на Запад, благодаря

чему туда попала важная внутренняя информация, в том числе документы, о процессе реабилитации в Чехословакии (16). Количество и качество доступных документов и информации значительно превосходило объем материалов, доступный тогда в Советском Союзе. Этим ван Гудевер и оправдывал свой подход. Он мог также исходить из того, что структура сталинистского общества сохранилась в обеих странах и Чехословакия переняла правила проведения реабилитации от своего «большого брата» — СССР (17), что подтверждает предположение автора о том, что КПСС по аналогии с КПЧ заняла место юстиции, в то время как суд и прокуратура только исполняли указания сверху, в основном из Политбюро или Президиума ЦК партии. Следовательно, и в Советском Союзе не было правового притязания на реабилитацию и систематической проверки всех уголовных дел, т. е. за освобождением заключенных из лагерей в результате амнистии или по постановлению специальной комиссии не осуществлялась автоматически их реабилитация. Для этого требовалось специальное заявление, которое вовсе не должно было в обязательном порядке рассматриваться властями (18).

На этом фоне ван Гудевер и проанализировал практику реабилитации в Советском Союзе. Важнейший результат, к которому он пришел после тщательного анализа советской прессы 1953–1980 гг., литературы по истории партии и научной периодики, словарей и протоколов партийных съездов заключался в том, что в Советском Союзе мог быть реабилитирован только тот, кто не принадлежал к оппозиционным группировкам. Следствием этой политики реабилитации была до 1988, за малыми исключениями, полная реабилитация лишь верных сталинистов, которых арестовывали только под предлогом принадлежности к оппозиции, бывшие же оппозиционеры, например, видные обвиняемые на показательных процессах 1936–1938 гг., включая Бухарина, за немногими изъятиями, не имели шанса на реабилитацию.

К тому же, ван Гудевер занижал численность формально реабилитированных. Если исследователи обычно говорили о 12–20 млн. реабилитированных, то утрехтский историк, исходя из расчета численности граждан, обладавших избирательным правом, смог показать, что между 1953 и 1959 гг. гражданские права получили вновь лишь 2 млн. человек (19).

Подводя итоги, ван Гудевер ставил вопрос о причинах сдержанности в проведении политики реабилитации и отсутствия реабилитации внутрипартийных оппозиционных групп. Причина, на его взгляд, заключалась в политической функции, придававшейся процессу реабилитации. Хотя КПСС и сделала большой шаг в направлении возмещения ущерба, причиненного террором и выяснения его обстоятельств, но она не была заинтересована в упрочении политически независимых правовых норм в связи с вопросом о реабилитации (20). Вместо этого ван Гудевер констатировал наличие глубокого разрыва между политической пропагандой и политической реальностью в Советском Союзе — с одной стороны, в публичных заявлениях по поводу культа личности и социалистической законности пробуждалось впечатление, что партия коренным образом изменила свое отношение к террору, с другой — политическая действительность препятствовала последовательному претворению в жизнь этих политических норм. По мнению ван Гудевера, положительными факторами для развития процесса реабилитации были XX съезд партии в 1956 г. и секретный доклад Хрущева, приведший к многочисленным формальным реабилитациям, и XXII съезд в 1961 г., вслед за которым в рамках общественного осуждения сталинского террора последовала волна гражданских реабилитаций. Гражданские реабилитации в рамках, заданных XXII съездом, автор объясняет ведущейся в 1957 г. борьбой за власть против так называемой антипартийной группы. Их следовало понимать как призыв к партийным кадрам придерживаться политики десталинизации.

Негативными факторами, замедлявшими реабилитации в целом и полностью воспрепятствовавшими реабилитации внутрипартийной оппозиции, были, по мнению ван Гудевера: 1. То обстоятельство, что партия, после смерти Сталина поставив проблему террора и реабилитации, адресовала вопрос первой инстанции, т. е. тем в партийном руководстве, кто в значительной степени разделял ответственность за террор. (21) 2. Страх элит перед прошлым, нейтрализация пошлого, как о том свидетельствует неясная и изобилующая эвфемизмами терминология, а также тривиальное содержание публикаций по истории партии и статей, посвященных памяти видных жертв террора (22), и 3. общая приемлемость террора как стратегии сохранения власти внутри партии.

С первых дней существования большевистского режима вплоть до наших дней террор сохранял однажды принятую функцию защищающей силы. Вопрос о терроре, как показал автор, оценивался исключительно политически, но никогда — в категориях права или даже морали. Обсуждались только время и целесообразность применения террора (23).

Заслуга ван Гудевера при ответе на вопрос о функции реабилитации и причинах не состоявшейся реабилитации бывших групп внутрипартийной оппозиции состоит прежде всего в обрисовке важных основных линий и фактов. Вопрос о не состоявшейся реабилитации т. н. внутрипартийных оппозиционеров, включая Бухарина как одного из виднейших представителей т. н. «правой оппозиции», ван Гудевер смог рассмотреть только указав на общую политическую ситуацию в Советском Союзе (24). Причина же данного обстоятельства заключалась в том, что до августовского путча 1991 г. информация для служебного пользования о политике реабилитации в 1953–88 гг., содержавшаяся в советских архивах, не была доступна общественности.

3. ИСТОЧНИКИ И МЕТОД

Напротив, настоящую книгу удалось написать при других предпосылках. Во-первых, вопреки прогнозам ван Гудевера, в условиях гласности бывшие внутрипартийные оппозиционеры были реабилитированы, так что в распоряжении автора оказались многочисленные научные статьи, газетные публикации, книги, речи, телефильмы и т. д., содержавшие оценку рассматриваемых лиц. После смены политического строя в 1991 г. и указа Президента Российской Федерации Б. Ельцина об архивах в июне 1992 г. условия работы историков в них улучшились (25). Появилась официальная возможность доступа к различным прежде закрытым фондам. Это касалось Архива министерства безопасности (бывшего Архива КГБ), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (бывшего Центрального партийного архива) и Центра хранения современной документации (бывшего архива ЦК), с документами которых

автор предлагаемой работы смог ознакомиться во время трех научных командировок в Москву (сентябрь 1990 — июль 1991 г., сентябрь — декабрь 1991 г. и сентябрь — ноябрь 1992 г.).

Тем не менее «на месте», в архивах, приходилось, как и прежде, преодолевать большие бюрократические препятствия. Благодаря выдающемуся месту, которое занимал Бухарин в политике реабилитации эпохи перестройки, чему способствовало преимущественно его положительное восприятие, удалось ознакомиться и с документами, официально ещё находившимися в спецхране. Они касались политики реабилитации не только в 50–60-е, но и в 80-е гг. Документы можно подразделить на две категории: 1. Материалы, посвященные борьбе с Бухариным внутри партии и правительства и 2. Документы, освещающие воздействие политики реабилитации в отношении т. н. внутрипартийной оппозиции на настроение общества.

Для изучения вопроса о неофициальном, внутривнутрипартийном рассмотрении реабилитации «правой оппозиции» как в 50–60-е, так и в 80-е гг. важное значение имели находящиеся в этих архивах документы Министерства юстиции, аппарата ЦК и КГБ (26). В данной связи следует особенно подчеркнуть два «строго секретных» заключения о «право-троцкистском блоке» — одно Генеральной прокуратуры СССР 1956 г., второе Комиссии Политбюро 1961 г. Эти документы впервые позволили познакомиться с внутренними обстоятельствами и условиями политики реабилитации конца 50-х — начала 60-х гг. (27). Но не менее важным было и подготовленное в 1987–88 гг., опубликованное только частично заключение прокуратуры, Института марксизма-ленинизма, Комиссии партийного контроля и КГБ о «право-троцкистском блоке», дающее представление о внутривнутрипартийной стратегии реабилитации во время перестройки. Это материал удалось обогатить, взяв интервью у нескольких представителей юстиции, партийного аппарата и правительства, занимавшихся реабилитацией Бухарина. Так, В. И. Ежов, один из ведущих прокуроров, готовивших с 1987 г. юридическую реабилитацию Бухарина, дал подробное интервью о трудностях, которые пришлось преодолеть в процессе реабилитации. Сотрудник ЦК В. П. Наумов, бывший член и эксперт рабочей группы по реабилитации «право-троцкистского блока» в основанной в 1988 г. Комиссии Политбюро

по реабилитации, обстоятельно рассказал о политических аспектах реабилитации Бухарина во время перестройки (28).

По поводу же общественного значения реабилитации внутрипартийной оппозиции или её в свое время несостоявшейся реабилитации было доступно только досье о внутривнутриполитических настроениях в высшей школе, подготовленное КГБ для ЦК в 1956 г. Существенное дополнение образуют прошения о реабилитации отца или мужа, поданные дочерью и сыном Бухарина, Светланой Гурвич-Бухариной и Юрием Николаевичем Лариным и женой — Анной Лариной-Бухариной, которые также дали несколько интервью автору. Они были важнейшими свидетелями, если говорить о периоде 60-х гг. Они описали свои усилия по реабилитации отца и мужа и трудные условия жизни и труда родственников не реабилитированных «врагов партии и народа». Кроме того, они предоставили в распоряжение автора свои письма Хрущеву и Брежневу, а также в ЦК, содержащие аргументацию их просьбы о реабилитации отца и мужа (29). Применительно к 80-м гг. этот материал дополняется интервью с руководителями Клуба им. Бухарина в Набережных Челнах, из которых явствует, что уже с 1986 г. существовали неформальные инициативы с целью реабилитации Бухарина.

Анализируя роль общественных наук, особенно истории, в процессе реабилитации Бухарина, автор обращался, за немногими исключениями, к газетным и журнальным статьям и книгам. Такой способ работы имел смысл для оценки официальной политики реабилитации, т. к. вплоть до конца 80-х гг. задача исторических наук заключалась в том, чтобы своими средствами доводить до общественности политику партии. Поэтому были проинтервьюированы некоторые историки, определявшие направление гражданской реабилитации в 1987–88 гг. Целью интервью было выяснение вопроса о том, как складывалось сотрудничество между партией и исторической наукой в вопросе о реабилитации Бухарина (30).

Для того, чтобы вписать политику реабилитации в общий политический контекст, оказалась в высшей степени полезной последовавшая впервые в 90-е гг. публикация многочисленных партийных документов, позволяющая глубже увидеть механизмы политики в 50–60-е гг. Имеется в виду в особенности июньский (1957 г.) пленум ЦК, посвященный «последней антипартийной группе» (31).

На этой основе удалось обстоятельнее осветить вопрос о причинах несостоявшейся реабилитации приверженцев различных внутрипартийных оппозиционных групп, например, т. н. троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и т. д. в 50–60-е гг., лишь в виде подхода исследованный ван Гудевеком. Теперь не было необходимости, основываясь на аналогиях (Чехословакия — Советский Союз) и на материалах, опубликованных в Советском Союзе (учебники по истории партии, словари, научная литература), делать обратные заключения относительно осуществлявшейся «за кулисами» политики реабилитации по отношению к внутрипартийным оппозиционным группам. Кроме того, новый материал позволил составить точное представление об официальной политике реабилитации, проводившейся в 80-е гг. по отношению к Бухарину, оценить роль исторических наук в этом процессе, а также его общественно-политические последствия. Работа с материалом производилась следующим образом: опубликованные впервые в настоящей монографии заключения о реабилитации, составленные в 50–60-е гг. и имевшие до сих пор характер «строго секретных», были сопоставлены с теми, которые использовал уже ван Гудевер, чтобы выявить различия между оценками Бухарина, базировавшимися на заключениях для внутреннего пользования, и официальным вариантом его оценки, представленным в особенности исторической наукой. Это сравнение официальной политики реабилитации и информации для внутреннего пользования дополняется, чтобы показать последствия политики реабилитации, интервью и письмами (прошениями), а также упомянутым досье КГБ 1956 г.

Источники для внутреннего пользования из 80-х гг., в свою очередь, сопоставляются, с одной стороны, с газетными, журнальными и книжными публикациями, касающимися реабилитации Бухарина, а с другой — с названными интервью с представителями аппарата ЦК и юстиции и видными историками из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и институтов Академии наук. При этом в определении и использовании понятия «реабилитация» труд опирается на охарактеризованную выше концепцию ван Гудевера.

На выбор хронологических рамок работы (1953–1991 гг.) повлияло изменение состояния источников. На основании вышеупомянутого заключения стало возможно доказать, что уже вскоре после

смерти Сталина в связи со стремлением дисциплинировать спецслужбы были найдены документы и собраны свидетельские показания, прокладывавшие путь юридической реабилитации Бухарина и других обвиняемых на процессе «право-троцкистского блока» в рамках политики, начатой XX съездом, но реабилитации не последовало. Поэтому в первой части работы рассматриваются причины и результаты неудачи этой и других попыток реабилитации Бухарина в политической обстановке 1953–1987 гг.

Во второй части рассматриваются политические, экономические и общественные мотивы реабилитации Бухарина. Исследование заканчивается 1991 г., августовским путчем, повлекшим за собой конец Советского Союза. Тем самым и политика реабилитации как важный компонент системы утратила свою функцию.

* * *

Мне выпало большое счастье познакомиться со Светланой Николаевной Гурвич-Бухариной, Анной Михайловной Лариной-Бухариной, Юрием Николаевичем Лариным и Надеждой Федоровной Фадеевой. Они великодушно ответили на некоторые мои вопросы и дали мне интервью, а также предоставили в мое распоряжение свои личные материалы и документы. Профессора Теодор Бергманн и Стивен Коэн помогли мне связаться с этими и другими людьми, занимавшимися реабилитацией Николая Бухарина.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить Ларису Роговую, Людмилу Кошелеву и Татьяну Краснову, без помощи которых при поисках в архивах работа была бы обречена на провал.

Очень интересными были дискуссии с Геннадием Бордюговым и Владимиром Козловым о месте историка в период «перестройки». Кроме того, они предоставили мне информацию о том, где находятся важные архивные материалы по реабилитации Бухарина. Без постоянной помощи Николая Тепцова и Александра Ватлина я не смог бы попасть в архив ФСБ.

Я признателен клубу Н. И. Бухарина в Набережных Челнах за неожиданный прием в его члены и многочисленные материалы об их усилиях по реабилитации Бухарина.

За критическое прочтение работы, замечания и предложения я сердечно благодарю Геннадия Бордюгова, Марию Браукхоф, Рольфа Биннера, Уве Якомайта, Бернда Бонвеча и Ханса Хеннинга Шредера, а также Юрия Николаевича Афанасьева за всестороннюю помощь в работе во время моего пребывания в Советском Союзе.

Беттина Бранд также оказала мне в этом неоценимую помощь. Лизелотта Юнге, Карин Юнге и Вильгельм Юнге помогли мне преодолеть финансовые трудности, связанные с публикацией работы. Проект был поддержан, кроме того, DAAD, землей Северный Рейн-Вестфалией, Рурским университетом в Бохуме, Internationales (Фонд Гете). Решающий вклад в издание русской версии монографии внесли Фонд имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной, его руководитель Стивен Коэн.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1929 г. Бухарин был обвинен Сталиным в «правом уклоне» от генеральной линии партии из-за его критики в адрес планировавшейся форсированной индустриализации и коллективизации и снят со своих должностей в Политбюро и Коминтерне, с поста главного редактора «Правды», а также временно выведен из ЦК. Его публичная самокритика в 1930 г. также не смогла воспрепятствовать утрате политического влияния. В 1934 г. Бухарин был обвинен в троцкистских искажениях, в 1937 г. окончательно исключен из ЦК партии и вслед за этим арестован. После вынесения Бухарину приговора его труды были изъяты из всех общедоступных библиотек и исчезли в спецхране. Его имя больше не упоминалось ни в одном вновь изданном сборнике документов, ни в одной энциклопедии — разве только для очередного шельмования. Подробную биографию Бухарина с соответствующим указателем литературы см. *Hedeler W., Stoljarowa R. Nikolai Bucharin. Leben und Werk.* — Mainz, 1993. Кроме того, Хеделер опубликовал библиографию статей, писем, брошюр и книг Бухарина. Ср. *Hedeler W. Nikolai Bucharin. Bibliographie.* — Mainz, 1993.

2. *Коэн С. Бухарин Политическая биография. 1988–1938.* — М., 1988.

3. В этой связи Коэн подчеркивал не только то, что Бухарин в 20-е гг. был «реальной альтернативой» Сталину, но обращал внимание и на прямую связь экономических реформ 60-х гг. в Восточной Европе с его идеями. *Коэн С. Указ. соч.* См. также *Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates.* — Princeton, 1974. Еще в середине 80-х гг. вышел сборник, центральной темой которого вновь была роль Бухарина как реформиста: *Smith K. (Ed.) Soviet industrialization and Soviet maturity.* — London/New York, 1986.

4. Реабилитации были и при Сталине, но нет оснований, обобщая, говорить о политике реабилитации, так как речь идет об отдельных случаях. Только при Хрущеве реабилитации играли значительную общественно-политическую роль.

5. Ср., в частности: *Labeledz L.* Resurrection and Perdition. — *Problems of Communism*, 1963, № 2, p. 48–59; *Oppenheim S. A.* Rehabilitation in the Post-Stalinist Soviet Union. — «The Western Political Quarterly», 1967, № 1, p. 97–115; *Shapiro J. P.* Soviet Historiography and Moscow Trials. After Thirty Years. — «Russian Review», 1968, № 1, p. 68–77; *Shapiro J. P.* Rehabilitation Policy under the Post-Khrushchev Leadership. — «Soviet Studies», 1969, № 4, p. 490–498; *Shapiro J. P.* Rehabilitation in Soviet Central Asian Party Organization. — «Central Asian Review», 1966, № 3, p. 199–209; *Shapiro J. P.* Rehabilitation Policy and Political Conflicts in the Soviet Union 1953–1964, unpublished Ph. D. thesis Columbia University, 1967 (University Microfilm, Ann Arbor, Mich. 1977); B. Levitsky (ed.). *The Stalinist Terror in the Thirties*. Documentation from the Soviet Press. — Stanford, Cal. 1974; *Goudoever van A. P.* The Limits of Destalinisation in the Soviet Union since Stalin. — London/Sidney, 1989.

6. Ср. цитированные работы Дж. П. Шапиро.

7. *Shapiro J. P.* Soviet Historiography... p. 68–73.

8. *Shapiro J. P.* Rehabilitation Policy... (1967) p. 108–9, 241–242.

9. Б. Левицкий не высказывает это прямо, но его анализ «культы личности» и секретного доклада Хрущева позволяют сделать такое предположение. Ср. *Levitsky B.* The Stalinist Terror... p. 2, 4.

10. *Medvedev R. A., Medvedev Zh. A.* Khrushchev. The Years in Power. — New York, 1976, p. 13–23; *Medvedev R. A.* Political Essays. — Nottingham 1976; *Medvedjew R.* Vom XX. zum XXII. Parteitag der KPdSU. Ein kurzer historischer Überblick. — *Crusius R., Wilke M.* (Hrsg.). Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. Frankfurt a. M., 1977, S. 23–49; *Medvedev R. A.* On Stalin and Stalinism. Oxford, 1979; *Medvedev R. A.* Tyranny. — New York, 1981, p. 322–39.

11. *Antonov-Ovseenko A. V.* The Time of Stalin. Portrait of a Tyranny. — New York, 1981, p. 322–339.

12. *Goudoever van A. P.* The Limits of Destalinisation in the Soviet Union since Stalin. London/Sidney, 1989.

13. Работа концентрируется на судьбах людей, выполнявших политические функции. При этом временной акцент делается на 50–60-е годы.

14. *Goudoever van A. P.* The Limits... p. 7–9.

15. Разумеется, автор указывает и на различия между Советским Союзом и Чехословакией. В качестве особенности «пражской весны» с ее далеко зашедшей либерализацией подчеркивается, что такой процесс был возможен только на основе демократической традиции страны и мог осуществляться сильным классом горожан и интеллигенции, vgl. ebd., S. 30, 211.

16. Ср. в особенности *Pelikan J.* (Hrsg.) Das unterdrückte Dossier. Bericht des ZK der KPTsch über politische Prozesse und «Rehabilitierungen» in der Tschechoslowakei 1949–1968 (the Piller-rapport). — Wien, 1970.

17. *Goudoever van A. P.* The Limits... p. 22–37, 211.

18. Там же, p. 35, 211.

19. Там же, p. 219.

20. Там же, p. 211.

21. Там же, 213.

22. Там же, p. 216.

23. Там же, p. 217.

24. Это касается и использовавшихся им работ, опубликованных в 60–70-е гг.

25. Указ был издан в июне 1992 г., но не утвержден Верховным Советом.

26. См. документальное приложение и список литературы.

27. Ср. Справка по результатам изучения материалов дела антисоветского «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА». — Архив Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации (Архив ФСБ РФ) и № 2 в документальном приложении.

28. Ср. литературу в разделе «Личный архив автора»,

29. Ср. литературу в разделе «Личные архивы» родственников Бухарина и документ № 10 в документальном приложении. Сначала у выживших родственников репрессированных оппозиционеров имелись сомнения относительно изложения информации, которые удавалось устранить только после длительных бесед с ростом доверия.

30. Ср. интервью в списке литературы.

31. Последняя антипартийная группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС. — «Исторический архив», 1993, № 3–4, 1994, № 1–2.

I. ТАБУИРОВАНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКИХ» ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

5 марта 1953 г. умер Сталин. Восемь человек (Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин и А. М. Микоян), внесшие тело в мавзолей и установившие саркофаг рядом с забальзамированным телом Ленина, были теперь самыми могущественными в Советском Союзе. Средства массовой информации показывали плачущих людей, подавленных горем и печалью. Тем не менее сбивало с толку то обстоятельство, что, несмотря на выставленную на показ печаль, никто из новых руководителей не написал статью памяти Сталина — народ ведь привык, что по соответствующим поводам раздавались хвалебные гимны в честь великого «вождя».

Так уже после смерти Сталина началась тихая десталинизация. В то время как сталинская экономика после войны была жестко сфокусирована на интересах безопасности, т. е. на военной промышленности, теперь увеличивалось производство потребительских товаров за счет тяжелой промышленности. В культурной жизни можно было теперь ощутить «оттепель», понятие, вслед за названием романа Ильи Эренбурга, ставшее обозначением общего ослабления директивного режима по отношению к литературе и искусству. Новая национальная политика имела следствием ослабление русификации в республиках. С арестом Берии в июне 1953 г. была сломана власть службы безопасности и повышена правовая безопасность. Были ограничены произвольные аресты; началась ликвидация системы штрафных лагерей — «Архипелага ГУЛАГ» (1).

Началась разрядка и во внешней политике. Была признана точка зрения Югославии о существовании различных путей к социализму, а в рамках политики мирного сосуществования устанавливались новые контакты с США и Западной Европой.

А как обстояло дело с исследованием и интерпретацией истории Советского Союза, в особенности с историей партии и при этом с оценкой различных оппозиционных групп внутри КПСС, например, т. н. «левой оппозиции» во главе с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым и т. н. «правой оппозиции», которую возглавляли Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и П. М. Томский?

«Левая оппозиция» требовала в середине 20-х гг., вопреки мнению Сталина и Бухарина, за которыми стояло большинство членов партии, ускоренного предоставления средств для индустриализации, а для этого — более значительного отягощения сельского хозяйства. Напротив, «правая оппозиция» выступала в 1928–29 гг. за сохранение нэпа и отвергала внезапно совершенный Сталиным поворот к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Вслед за этим члены обеих групп были обвинены во фракционной деятельности и отклонении от генеральной линии партии и сняты со своих важных постов (2). В 30-е гг. партийное руководство, находившееся под контролем Сталина, снова обратилось к этим обвинениям и сконструировало один за другим три больших показательных процесса, а также многочисленные региональные, в ходе которых как ведущих представителей оппозиции, так и её приверженцев, и тех, кто был объявлен таковыми, приговорили к смертной казни или к многолетнему заключению в лагеря.

Произошли ли здесь после 1953 г. существенные изменения по сравнению с эрой Сталина и думали ли уже о реабилитации оппозиционеров?

1. «ПРАВЫЙ» И «ЛЕВЫЙ» УКЛОНЫ В БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

И после смерти Сталина сохранилось явление, заключавшееся в том, что основные тенденции и линии, оказывающие определяющее

воздействие на реабилитацию, демонстрировались прежде всего в изложении истории. Если видные лидеры оппозиции во всеуслышание упоминались в исторических трудах, то можно было исходить из того, что состоялась их формальная реабилитация. Официальные извещения о реабилитированных публиковались лишь в редких случаях.

Первым трудом, в котором под различными заголовками можно было установить такое развитие событий в ранний послесталинский период применительно к различным внутрипартийным оппозиционным группам, была Большая советская энциклопедия (БСЭ), выходявшая в 1949–60 гг.

Ещё в первом издании БСЭ, выходявшем в 1926–47 гг., в одном из томов, изданных до политического «демонтажа» Бухарина имела статья о его политическом и теоретическом пути — объемом в 14 колонок и с фотографией на целую страницу (3). Статья представляла собой исключительно положительное описание его заслуг в защите генеральной линии партии (4). Последующие же тома, в особенности появившиеся после показательного процесса 1938 г., представляли собой резкое противоречие охарактеризованному. Под заголовками «левые коммунисты», «левый уклон», «правый уклон» и «право-троцкистский блок» были слово в слово повторены вынесенный на процессе приговор и его обоснование (5). Как и следовало ожидать, Бухарина не упоминали и выходявшие с 1949 г. первые тома второго издания БСЭ. Но и в томах этого издания, появившихся в первые годы после смерти Сталина, бросается в глаза сохранившееся общее табуирование представителей различных оппозиционных группировок (6).

Хотя многие оппозиционеры занимали высокие государственные и партийные посты, их имена не появлялись в виде заголовков в этих томах энциклопедии. Важнейшие были названы только в связи с изложением определенных тем. Бухарин был упомянут лишь в статьях «Левые коммунисты», «Левый уклон», «Право-троцкистский блок» и «Правый уклон» как ведущий представитель ряда «уклонов» (7).

Соответствующий том второго издания БСЭ, в котором Бухарин упоминался в статьях «Левые коммунисты» и «Левый уклон», вышел уже через несколько месяцев после смерти Сталина, в декаб-

ре 1953 г. Сначала бросается в глаза то обстоятельство, что основу информации для авторов по-прежнему представляют важнейшие источники, сохранившиеся от эпохи Сталина — «История ВКП(б). Краткий курс», отчет о показательном процессе в марте 1938 г. и одна из речей Сталина (8). Тем самым, как и на процессе, не делается различия между т. н. «правым» и «левым» уклонами. Оба рассматриваются в соответствии с традицией антипартийной борьбы. «Левые» характеризуются при этом как замаскированные «правые», прикрывающие свой «правый оппортунизм» левыми фразами. Утверждается, что «левый уклон» являлся оппортунистическим движением, состоявшим из антипролетарских, контрреволюционных элементов; лидерами его были Бухарин и Троцкий, Зиновьев, К. Б. Радек и Г. Л. Пятаков.

Напротив, в качестве лидеров «левых коммунистов» были названы Рыков, Томский и вновь Бухарин. Будучи непримиримыми врагами Коммунистической партии и Советской власти, «левые коммунисты» и сторонники «левого уклона» имели общую цель — уничтожить Советское правительство и восстановить капитализм, причем особенно в 1918 г., во время обсуждения Брестского мира, когда, например, «левые коммунисты» требовали продолжать без передышки войну против империалистической Германии, чтобы в зародыше задушить Советскую власть и тем самым поддержать эсеров, меньшевиков и империалистов.

Процесс 1938 г. против «право-троцкистского блока», в соответствии с данными авторов, показал, что Троцкий, Бухарин и их сообщники уже в 1918 г. были врагами советского народа, заключали контрреволюционные соглашения (особенно Бухарин), ставя своей целью подорвать Брестский мир, арестовать и убить Ленина, Сталина и Я. М. Свердлова и создать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров. Переход к нэпу «левые уклонисты» критиковали, утверждая, что это — возврат к капитализму. На этот упрек отвечали с помощью цитаты Сталина о том, что в действительности неприятие «левыми уклонистами» участия крестьян в строительстве социализма могло привести к отрыву рабочих от крестьянского базиса, т. е. авангарда рабочего класса — от остальной массы рабочих и тем самым к восстановлению капитализма. Затем в 1926 г. из разбитых антисоветских групп был основан

«троцкистско-зиновьевский блок». Статья о «левом уклоне» заканчивается следующей общей оценкой:

«Перед лицом грандиозных достижений советского народа противники генеральной линии Коммунистической партии, «левые» и «правые» течения, троцкистско-бухаринские перерожденцы оказались вынужденными спрятать свои затасканные «платформы» и уйти в подполье» (9).

Они, утверждалось далее, сомкнулись с меньшевиками и пошли в услужение фашистской разведке, чтобы помочь империалистам расчленить СССР и восстановить капитализм (10). Таким образом, «левые коммунисты» и «левые уклонисты» и Бухарин как их мнимый руководитель, характеризуются как враги линии партии, политика которых свергла бы молодую Советскую власть в случае войны, а теория привела бы к восстановлению капитализма.

В отличие от данного тома, вышедшего в 1953 г., в томе 34, появившемся двумя годами позже, где Бухарин упоминался в статьях «Право-троцкистский блок» и «Правый уклон», отмечаются некоторые изменения по сравнению с соответствующими статьями первого издания БСЭ. Если статьи «Правые реставраторы» и «Право-троцкистский блок» в т. 46 этого издания, вышедшем в 1940 г., представляли собой просто обобщение приговора по делу «право-троцкистского блока» в марте 1938 г., то в соответствующем томе второго издания основные пункты обвинения просто не упоминались или были, по меньшей мере, смягчены.

Покушение на Ленина больше не характеризуется как цель совместного заговора Бухарина, Троцкого и эсеров. Сталин не появляется в качестве потенциальной жертвы этого заговора. Отсутствует обвинение в планировании и осуществлении убийства сына Горького М. Пешкова. Больше не упоминаются конкретные акты саботажа. Правда, сохраняется общее обвинение в саботаже. Ни один из членов «право-троцкистского блока» не обвиняется индивидуально в определенном преступлении. В перечислении республик, названных в приговоре, которые «право-троцкистский блок» хотел отторгнуть от Советского Союза, отсутствуют Средняя Азия и Закавказье (11).

Правда, по поводу процесса по-прежнему утверждается, что имело место справедливое осуждение шпионов и диверсантов, ставивших своей целью под руководством империалистических

государств разрушить социалистическое общество в Советском Союзе и осуществлять антипартийные акции.

Статья о «правом уклоне» смыкается со статьей о «право-троцкистском блоке», т. к. блок рассматривается в качестве организации-преемника «правых уклонистов». В принципе «правый уклон» был большой опасностью для коммунистической партии, т. к. его приверженцы ставили своей целью свернуть страну с пути Ленина, начать ликвидацию завоеваний пролетариата и в конечном счете реставрировать капитализм. Его лидерами были Бухарин, Рыков и Томский, а их соучастниками в числе прочих — троцкисты и зинovieвцы, представлявшие собой длинную руку меньшевиков и тем самым агентов зарубежных шпионских служб в партии. В 1926–27 гг. «правый уклон» не поддержал критику в адрес «троцкистско-зинovieвского блока», сберегая свои силы для окончательного оформления «правого уклона» в партии в 1928–29 гг., т. е. на фазе борьбы партии за ликвидацию капиталистических элементов в экономике и коллективизацию сельского хозяйства.

В соответствии с утверждениями авторов, на июльском (1928 г.) пленуме ЦК «правые уклонисты» потребовали отказа от социалистической индустриализации страны и от социалистического преобразования сельского хозяйства. В отличие от генеральной линии партии их теория содержала положение о том, что в период построения социализма классовые противоречия будут затухать, а капитализм — вращаться в социализм. «Правые реставраторы» требовали замедления темпа роста промышленности, снижения интенсивности колхозно-совхозного строительства и отказа от регулирующей роли государства в области торговли. «Бухаринцы», руководителя которых Бухарин Ленин, согласно статье, уже в 1922 г. характеризовал как идеолога спекулянтов и кулаков, открыто поддерживали капиталистические элементы в стране, прежде всего кулаков, вместо того, чтобы помогать партии в борьбе против кулачества.

На ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК Бухарин, рассказывает статью, был как идеолог «правого уклона», исключен из Политбюро. Заявления лидеров «правого уклона» об отказе от антипартийных идей были двурушническими, так как они на деле ещё усилили борьбу против партии, ибо «правые» планировали контрреволюционное кулацкое восстание и по прямому указанию зарубежных

шпионских служб осуществляли саботаж. Кроме того, Бухарин заключил соглашение с эсером Семеновым об убийстве руководителей Коммунистической партии и советского правительства. Авторы замечают, что в конце 20-х — начале 30-х гг. «правый уклон» представлял собой большую опасность и для международного революционного движения, т. к. он был связан с «правооппортунистическими» движениями в коммунистических партиях капиталистических стран. Они представляли социал-демократическую, ревизионистскую линию, требуя щадить капитализм в капиталистических странах и восстановить его в своей стране. Поэтому в 1937 г. на февральско-мартовском пленуме ЦК Бухарин и другие были исключены из партии. Затем в марте 1938 г. процесс «право-троцкистского блока» разоблачил всю его деятельность, т. к. блок рассматривается в качестве организации-преемника «правых уклонистов» (12).

В сравнении с первым изданием БСЭ (1926–1947) терминология в томах второго издания (1949–1960), вышедших после смерти Сталина, стала более умеренной и объективной. Тем не менее в 24 томе, вышедшем в декабре 1953 г., т. е. вскоре после смерти Сталина, в статьях «Левые коммунисты» и «Левый уклон» ещё не проводится различие между левой и правой внутрипартийными оппозициями на личностном уровне. Это происходит только в томе 34, появившемся двумя годами позже, где Бухарин упоминался в статье «Правый уклон». Здесь нет точной даты начала деятельности «правого уклона». В первом издании «правый уклон» характеризовался в статье «Правые реставраторы» как организация «правых капитулянтов», превратившаяся на протяжении 1907–1937 гг. из «антиленинской группы» в «банду политически двуличных шпионов, саботажников и убийц», действовавших под руководством зарубежных шпионских служб (13). Но осуждение «правого уклона» и его лидеров не было смягчено в целом и в томах второго издания (1949–1960), вышедших после 1953 г. (14) Бухарина с его мнимыми контактами с т. н. антипартийными группами вроде троцкистов и с кулаками и с его теоретическим и идеологическими позициями по экономическим проблемам следовало по-прежнему искать по ту сторону генеральной линии партии.

О личности Николая Бухарина можно сказать, что он в тт. 24 и 34 второго издания БСЭ характеризовался в упомянутых статьях по-

прежнему вместе с Троцким или троцкистами как один из главарей оппозиции и враг партии, шпион и террорист, имевший целью восстановление капитализма с помощью империалистических (и фашистских) спецслужб. На каждом этапе политического развития СССР Бухарин стоял по ту сторону генеральной линии партии — во внешней политике во время обсуждения Брестского мира как сторонник войны, позже в международном коммунистическом движении как политик, симпатизировавший капитализму, во внутренней политике во время НЭПа как идеолог спекулянтов и кулаков и, в конце концов, в 1928–29 гг. как противник форсированной индустриализации и коллективизации (15).

Политико-идеологическая оценка «левых коммунистов» и «правого уклона», данная в статьях, демонстрирует ненарушенную преемственность с эпохой Сталина, даже если терминология и производит впечатление более объективной. Только статьи о «правотроцкистском блоке» и «правом уклоне», в которых не упоминаются основные пункты обвинений 1938 г., позволяют предчувствовать, что в 1955 г. заколебалась по меньшей мере юридическая основа показательных процессов.

2. «ПОЛИТИЧЕСКИЕ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ АМНИСТИИ

В соответствии с ненарушенной преемственностью политико-идеологической оценки бывших внутрипартийных оппозиционеров до 1956 г. не было широкой реабилитации лиц, осужденных в 30-е гг., т. к. это требовало бы отмены первоначальных приговоров. Были реабилитированы только отдельные лица на основе личных инициатив высокопоставленных партийных работников. Так, бывший шеф спецслужб Берия в качестве тактического мероприятия в борьбе за власть, развернувшейся после смерти Сталина, вернул из лагерей своих сторонников, чтобы расставить их на посты, имевшие для него решающее значение (16).

Различные законы об амнистии, которые принял после 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР, содержали решающие ограничения для жертв показательных процессов (17). Так, статья 7 указа

об амнистии от 27 марта недвусмысленно исключала подавляющую часть политических заключенных:

«Не применять амнистию к лицам, осужденным за контрреволюционные преступления (...) к лишению свободы сроком более пяти лет» (18).

Тем самым амнистия предназначалась только для уголовников и осужденных по неполитическим статьям (19). Амнистия, указ о которой принял Президиум Верховного Совета СССР 17 сентября 1954 г., также касалась только советских граждан, осужденных за то, что во время Великой Отечественной войны они якобы сотрудничали с оккупантами (20). В 1954 г. были освобождены только политические заключенные, арестованные до достижения 18 лет и уже отбывшие треть срока (21).

Становится ясно, что до 1956 г. нельзя отметить видимого изменения в политической оценке политических заключенных и в юридическом обращении с ними. Наряду с «уголовниками» амнистией смогли воспользоваться только коллаборационисты Второй мировой войны, заключение которых можно было оправдывать особыми условиями времени (22). Большая группа заключенных, осужденных по внутривнутриполитическим мотивам накануне и после второй мировой войны, оставались за немногими исключениями в лагерях или в ссылке. Отмена приговоров, вынесенных представителям различных внутрипартийных оппозиционных групп, представлялась немислимой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ликвидацию системы штрафных лагерей начал ещё сам Берия. Ср. «Об амнистии. Указ Президиума Верховного Совета СССР» от 27 марта 1953 г. — «Правда», 28 марта 1953 г., с. 1.

2. О различных оппозиционных группах внутри КПСС см.: *Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland.* — Köln-Berlin, 1962, особенно с. 296–418.

3. БСЭ (1926–1947), т. 8, — М., 1927, с. 271–84.

4. До 1928 г. Бухарин был одним из редакторов первого издания БСЭ.

5. БСЭ (1926–1947), т. 36, — М., 1 июля 1937 г., с. 163–165; БСЭ (1926–1947, т. 46, — М., 1940, с. 668–673.

6. БСЭ (1949–1960); первым томом, вышедшим после смерти Сталина, был 19 от 16.6.1953.

7. БСЭ (1949–1960), т. 24, — М., 8 декабря 1953 г., с. 403–405; БСЭ (1949–1960), т. 34, — М., 20 июня 1955 г., с. 363.

8. БСЭ (1949–1960), т. 24, — М., 8 декабря 1953 г., с. 403–405. Статьи «Левые коммунисты» и «Левый уклон» рассматриваются вместе, т. к. они во многом совпадают в содержательном отношении.

9. Там же, с. 405.

10. Там же.

11. *Goudoever*. The Limits of Destalinisation..., p. 55 f.

12. БСЭ (1949–1960), т. 34, — М., 1955, с. 365–366.

13. БСЭ (1926–1947), т. 34, — М., 1955, с. 365–366.

14. *Goudoever*. The Limits of Destalinisation..., p. 157.

15. В этом смысле только проявлением последовательности является отсутствие упоминания имени Бухарина в статье «НЭП».

16. *Medvedev R. A., Medvedev Zh. A.* Khrushchev: The Years in Power. — New York, 1976, p. 15.

17. До смерти Сталина политические заключенные не освобождались. Всякая надежда на амнистию оказывалась необоснованной; *Maurach R.* Das sowjetische Amnestiegesetz. — «Osteuropa», 1953, № 3, p. 166.

18. Об амнистии. Указ Президиума Верховного Совета СССР. — «Правда», 28 марта 1953 г., с. 1.

19. В результате этих правил амнистии, разработанных еще Берия, из заключения были освобождены всё-таки 1201738 человек. При этом речь шла не только об «уголовниках», но и о лицах, осужденных за «прогулы» и опоздания. Ср. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ. Историко-социологический аспект. — «Социологические исследования», 1991, № 6, с. 12.

20. *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. — М., 1990, с. 21; Ведомости Верховного Совета СССР, — М., 1955, № 17.

21. *Goudoever*. The Limits of Destalinisation..., p. 38.

22. Там же, p. 39; *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно», с. 22 и сл.

II. ДЕМОНТАЖ СТАЛИНА В 1956 г. И ДИСКУССИЯ О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ

Только XX съезд КПСС, состоявшийся 14–25 февраля 1956 г., позволил ожидать поворота. Отчетный доклад ЦК характеризовался конкретной постановкой проблем без обычного взваливания ответственности за них на «империалистический заговор». Произошло демонстративное обращение к Ленину и, напротив, Сталин не упоминался. Новый первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев обрисовал экономико-политические контуры новой программы, в соответствии с которой должно было «продолжать» расти материальное благосостояние населения и предстояло в экономическом отношении догнать США (1).

Но самым ярким событием на съезде был секретный доклад Хрущева и его расчет со Сталиным (2). Хрущев заклеил «культ личности» Сталина и подвел итоги его господства. Сталин, сконцентрировав власть в своих руках, нарушал принцип коллективного руководства и не созывал съезды партии, которые могли бы контролировать его власть. Реакцию Сталина на нападение Германии на Советский Союз Хрущев охарактеризовал как катастрофическую для страны, он осудил и обращение Сталина с Югославией в 1948 г.

Хрущев критиковал и отношение Сталина к внутрипартийным оппозиционным группам: с одной стороны, в самом начале своего доклада он указал на то, что в 20-е гг. партия «провела большую идейную политическую борьбу против тех людей в своих рядах,

которые выступали с антиленинскими положениями, с враждебной партии и делу социализма политической линией» (3). К представителям этой антиленинской линии Хрущев причислил блоки троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев, чья линия, по его мнению, привела бы в случае своего осуществления к реставрации капитализма и капитуляции перед мировой буржуазией. В своей речи Хрущев отверг точку зрения Бухарина и других, выступавших за сохранение принципов нэпа против курса Сталина на форсированную индустриализацию и коллективизацию сельского хозяйства, заявив, что в этом случае Советский Союз не имел бы мощной тяжелой промышленности и эффективных колхозов, оказавшись «бессильным перед капиталистическим окружением». С другой стороны, Хрущев осуждал применение репрессий и террора против внутрипартийной оппозиции в 30-е гг., несмотря на то, что они как идейные противники партии были политически уже разгромлены в конце 20-х гг. и без таких мер подавления. В это время резко сократилась социальная база для враждебных партии групп (4).

В эту аргументацию включается и позиция Хрущева, в соответствии с которой он не характеризовал различных оппозиционеров, осужденных и казненных в 30-е гг., как террористов, шпионов и агентов империализма. В этом контексте Хрущев намекал на то, что обстоятельства, связанные с убийством С. М. Кирова в 1934 г., таят в себе много непонятого и загадочного, давая понять даже, что в этом убийстве мог участвовать Сталин, а не Бухарин, как утверждалось до тех пор (5).

В рамках общего осуждения террора и репрессий 30-х и 50-х гг. он назвал и оппозиционеров жертвами систематического нарушения социалистической законности, как и «многих честных коммунистов... которые вынесли на своих плечах гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации и коллективизации ... активно боролись против троцкистов и правых, за ленинскую линию партии». Как правило, вопреки всем нормам юридической науки доказательством вины служило признание самого виновного. Признания же вымогались путем физического давления. Хрущев констатировал, «что и в отношении людей, которые... выступали против линии партии, часто не было достаточно серьезных оснований, чтобы их физически уничтожить» (6).

Первый секретарь ЦК КПСС пошел даже на шаг дальше, когда, сославшись на Ленина, показал альтернативу физическому уничтожению. Сталин, по его словам, заменил «ленинский метод убеждения и воспитания» и «идейной борьбы» «административным подавлением, массовыми репрессиями и террором» (7). Интересно, что в качестве примера такого удавшегося убеждения Хрущев приводит имена Зиновьева и Каменева, которых он все время упоминал в своем секретном докладе вместе с правыми и троцкистами как важнейших представителей внутрипартийной оппозиции. После Октябрьской революции Ленин назначил Зиновьева и Каменева на важные посты, хотя до неё они выступали против ленинского плана вооруженного восстания и даже выдали 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» содержание соответствующего решения ЦК. Известно, отмечал Хрущев, что Зиновьев и Каменев при жизни Ленина совершили немало серьезных ошибок. В своем «завещании» Ленин предупреждал, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно же, не являлся случайностью». «Но Ленин не ставил вопроса об их аресте и, тем более, об их расстреле» (8).

Заключая доклад, Хрущев нарисовал общую мрачную картину 30-х гг., остановившись на убийстве Кирова, делах Р. И. Эйхе, Я. Э. Рудзутака, а также на массовых преследованиях большинства членов и кандидатов в члены ЦК. Хрущев сообщал, что ЦК располагает многочисленными документами о жестоком и незаконном обращении с партийными кадрами и для расследования этой практики будет создана партийная комиссия. В этой связи в вину НКВД ставились систематическое применение пыток и фальсификация обвинений, которая по договоренности со Сталиным приводила к конструированию вымышленных «антисоветских групп» и «блоков» (9).

Таким образом, в своей речи Хрущев, говоря о внутрипартийных оппозиционных группах, проделал сложное балансирование. Внутрипартийные оппозиционеры, по-прежнему находившиеся под политическим и идеологическим запретом, — троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы, — как и ранее, пребывали по ту сторону линии партии, и дискуссия об их политических и теоретических взглядах оставалась нежелательной. Вместе с тем и они упоминались в качестве жертв репрессий 30-х гг. наряду с лояльными коммунистами,

которые были осуждены в результате применения несоразмерных репрессий со стороны правительственного аппарата и секретных служб (10).

Бывшие лидеры «левой оппозиции» Зиновьев и Каменев занимают в этих рамках даже выдающуюся роль. В описании их дела Хрущев закладывает основу своей критики. Сталин уличается в отклонении от ленинской линии партии именно потому, что он начал репрессии против противников партии, которые были политически уже разгромлены. Репрессии против лояльных членов партии Хрущев описывает просто как первый результат такого развития событий.

Тем самым возникает впечатление, что нарушения законности со стороны Сталина и НКВД были в восприятии нового руководства нерасторжимо связаны с бывшей внутрипартийными оппозиционерами. В соответствии с этим репрессии 30-х гг. и показательные процессы были подвергнуты критическому рассмотрению, тем более что здесь особенно отчетливо просматривается соучастие Сталина.

Тем самым секретный доклад Хрущева предполагает возможность реабилитации Бухарина. Представляется, что он, а вместе с ним и другие бывшие внутрипартийные оппозиционеры, например, Рыков и Томский, Зиновьева и Каменев, в конце 20-х гг. политически уже разгромленные и павшие жертвами террора, за который несет ответственность Сталин, должны быть теперь реабилитированы.

Здесь возникает вопрос о том, какое развитие событий, начавшееся после смерти Сталина, создало общие условия для сформулированной в 1956 г. в «секретном докладе» полуофициальной (11) переоценки т. н. «правой и левой оппозиции», осужденной в ходе больших показательных процессов 30-х гг. Речь идет об условиях, в которых по меньшей мере формальная реабилитация представлялась возможной.

1. ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕОЦЕНКИ ПРАВА ДЛЯ ПОЛИТИКА РЕАБИЛИТАЦИИ

Ключевую роль в указанных изменениях для дискуссии о реабилитации, по меньшей мере формальной (юридической), и жертв показательных процессов играло, очевидно, и вписанное в контекст критической оценки террора 30-х и 50-х гг. демонстративное повышение роли юстиции и связанное с этим дисциплинирование Министерства государственной безопасности и Министерства внутренних дел.

Наделенное при Сталине особыми полномочиями и юридическими правами и ответственное фактически только перед ним лично или его секретариатом, Министерство государственной безопасности, бывший Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) в основном и осуществляло противозаконную деятельность — начиная с репрессий и показательных процессов 1936–38 гг. до последнего «дела» о «заговоре врачей», имевшего место незадолго до смерти Сталина (12).

После смерти Сталина интересам партийной и государственной элиты соответствовало установление барьеров против злоупотребления властью, тем более что сами представители этой элиты при Сталине, несмотря на свою лояльность, не были застрахованы от произвола со стороны Министерства государственной безопасности (13). В качестве первой меры, ещё связанной с ограничением власти Берия, сразу же взявшего на себя руководство Министерством внутренних дел, уже 6 марта, т. е. на следующий день после смерти Сталина, Министерство государственной безопасности было присоединено к Министерству внутренних дел (14). Но и Берия прилагал усилия, чтобы создать впечатление поворота в его министерстве.

Уже 4 апреля Министерство внутренних дел СССР опубликовало в «Правде» сообщение, в соответствии с которым в результате «тщательной проверки всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства установлено», что обвиняемые «были арестованы бывшим Министерством государственной

безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований». Кроме того, «показания арестованных, якобы подтверждавшие выдвинутые против них обвинения, получены работниками Следственной части Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия» (15). В соответствии с этим Министерство внутренних дел объявляло об освобождении и «полной реабилитации» врачей и в заключение подчеркивало, что лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности (16).

Но двумя днями позже это сообщение Министерства внутренних дел было использовано в комментарии «Правды» в качестве повода для того, чтобы не только ещё раз назвать основных виновников «дела кремлевских врачей» — министра государственной безопасности С. Д. Игнатъева и его заместителя и начальника следственной части М. Д. Рюмина, но и в принципе подчеркнуть, что Министерство государственной безопасности грубейшим образом нарушило советскую законность и допустило произвол и злоупотребление властью.

Тем самым ответственность за описанные события возлагалась не только на отдельных лиц, но и на весь аппарат министерства как таковой. Комментатор противопоставлял ему правительство Советского Союза как ту инстанцию, которая вскрыла недостатки во всем государственном аппарате и открыто и прямо сообщила о них народу. Кроме того, отмечалось в комментарии, «социалистическая законность, охрана прав советских граждан, записанных в Конституции СССР — важнейшая основа дальнейшего развития и укрепления Советского государства. Никому не будет позволено нарушать советскую законность» (17).

Хотя в данном случае на переднем плане находилась борьба за власть между Берия (Министерством внутренних дел) и другими членами Президиума ЦК КПСС (государственный аппарат и партия), нельзя не увидеть, что статья демонстративно подчеркивала авторитет советской социалистической законности и Конституции СССР. Она положила начало другим решительным мерам, имевшим целью эффективный контроль над спецслужбами и полицейским аппаратом и фактическую отмену террора как средства политики.

Эти меры должны были успокоить кадры и снова обеспечить неприкосновенность партийным лидерам и аппарату, а также существенно уменьшить давление на массы. Вначале последовали смещение (июнь 1953 г.) и осуждение (декабрь 1953 г.) Берия, который при Сталине был одним из главных организаторов репрессий в 30-е и начале 50-х гг. После смерти Сталина Берия представлял вовне либеральную политику, но фактически выступал за сохранение самостоятельности органов безопасности и пытался с помощью привычных средств консолидировать свою власть (18).

Как сообщала «История КПСС» 1959 г., пленум ЦК 2–7 июля 1953 г. укрепил эффективный контроль партии над всеми звеньями государственного аппарата и за работой всех органов и ведомств, включая органы государственной безопасности (19). Затем, в конце 1955 г. во время процессов против сотрудников госбезопасности в Грузии не просто стал предметом рассмотрения террор послевоенного времени, но впервые были реабилитированы и видные исторические фигуры, оказавшиеся жертвами показательных процессов 1936 и 1937–38 гг. (20). В 1955 г. были без особого шума реабилитированы и лица, осужденные в непосредственной связи с показательными процессами (21).

Но для того, чтобы можно было на деле осуществить повышение роли «социалистической законности», о чем постоянно шла речь, министерство юстиции и Верховный суд получили более широкие полномочия (22). Существовавшей при Сталине, но не имевшей действительного влияния юстиции (23) было теперь поручено проведение стратегически важных мероприятий — спецслужбы ставились под наблюдение прокуратуры, без участия которой не разрешалось проведение ни одного расследования (24). Подсудность по делам, рассматривавшимся военными судами, также была передана в Прокуратуру СССР путем учреждения поста военного прокурора в системе прокуратуры (25). На краткое время министерство юстиции в 1953–1954 гг. приняло от министерства госбезопасности и руководство трудовыми лагерями, что имело место в 1929–1931 и отчасти в 1934 гг. (26). Но на будущее прокуратура получила не только задачу контроля над органами госбезопасности. Ей было также поручено осуществление смещения и расстрела Берия и расследование беззаконий, совершенных министерством госбезопасности

в 30-е и 50-е гг. В сентябре 1953 г. Верховный Суд получил указание проанализировать нелегальные процессы внутри спецотделов министерства внутренних дел, т. н. «троек» (27), формально распущенных уже постановлением от 17 ноября 1938 г. В рамках деятельности комиссии под руководством секретаря ЦК П. Н. Поспелова, назначенной Президиумом ЦК КПСС и имевшей целью вскрыть репрессии против членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде в 1934 г., а также против других советских граждан в 1934–1940 гг., прокуратура начала обширные расследования (28).

Наряду с этим повышением роли права, вызванным насущными задачами, имела место и общая либерализация права, которая позволяла и показательным процессам предстать в виде юридически несостоятельного явления, т. е. лишала их правовой базы. Признания не могли более использоваться для осуждения без подтверждающих доказательств. Специально созданный в ходе расследования убийства Кирова закон против «контрреволюционной деятельности» был резко ограничен, термин «контрреволюционный» был исключен и заменен формулировкой «антигосударственный» (29).

Чтобы подчеркнуть ключевую роль прокуратуры, члены Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин и К. Е. Ворошилов приняли участие в июне 1955 г. в заключительном заседании собравшегося в Москве Всесоюзного совещания руководящих прокурорских работников. Военный прокурор Б. А. Викторов пишет об этом в своих воспоминаниях:

«Без преувеличения скажу — это было воспринято как сенсация. Такого внимания со стороны руководителей партии и государства прокуроры не удостоивались почти четверть века... Сталин же перед прокурорами никогда не выступал и ни в какие юбилеи приветствий не присылал. Он делал это только в адрес бойцов Первой конной армии и сотрудников ВЧК–ОГПУ» (30).

По словам Викторова, затем Хрущев в докладе перед прокурорами не только подчеркнул важную роль прокуратуры, но и упомянул об её вовлеченности в нарушения законности:

«Мы пришли к вам не для того, чтобы упрекать, что при вашем попустительстве в НКВД творился произвол... Мы пришли засвидетельствовать свое почтение и уважение к вам... Берия и его банда создали систему — сами арестовывали и сами судили. Вы тоже

виноваты, но мы принимаем во внимание, в какое положение вы были поставлены...» (31).

И последовавшее за тем предупреждение Хрущева о том, что теперь речь идет не о личных контактах, что будут требовать правильной юридической работы на основе законов, благоприятствовало начавшейся с 1955 г. систематической проверке процессов и дел, в ходе которых имело место осуждение за контрреволюционную деятельность (32).

С учетом сказанного переоценка показательного процесса в марте 1938 г., содержащаяся в секретном докладе Хрущева, является продуктом серьезных структурных изменений, начатых политической и административной элитой в Советском Союзе сразу же после смерти Сталина. При повышении роли юстиции речь шла прежде всего о создании надежного, не поддающегося коррупции контрольного механизма, который мог бы с юридической точки зрения проверять службу государственной безопасности. Дело было прежде всего в предоставлении юстиции большей самостоятельности по отношению к интересам государства. В 30-е гг. и Вышинский, как известно, выступал за кодификацию и сохранение правовых норм. Правда, он рассматривал эти действия исключительно как средства государства, с помощью которых отстаивались его интересы по отношению к гражданам (33).

Благодаря созданию при Хрущеве правовых норм, в значительной мере обязательных как для государства, партии, так и для граждан, смогла быть гарантирована личная безопасность государственной и партийной элиты и без террора стабилизировано господство партии по отношению к кадрам среднего звена (34). В секторе права с 1955 г. развивалась определенная собственная динамика, и в ходе этого развития событий все без изъятия юристы, работавшие для Прокуратуры СССР, рекомендовали, как можно будет доказать на примере данного ею в 1956 г. заключения о процессе «право-троцкистского блока», формальную, т. е. юридическую реабилитацию всех жертв нарушения законности, совершенных НКВД, и дали для этого соответствующий материал (35).

2. СПРАВКА ПРОКУРАТУРЫ О ПРОЦЕССЕ «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА»

Вплоть до 90-х гг. оставалось только строить предположения относительно того, был ли Бухарин, а с ним и внутривнутрипартийная оппозиция, включены в 1956 г. в процесс реабилитации. Единственным источником таких предположений служил секретный доклад Хрущева. Лишь в 1993 г., через 37 лет после этой речи, стало возможно доказать, основываясь на юридической справке, с которой удалось ознакомиться в Архиве ФСБ и благодаря примечанию к публикации стенограммы июньского пленума (1957 г.) ЦК КПСС, что уже в 1956 г. предпринимались серьезные шаги по реабилитации и внутривнутрипартийной оппозиции (36): 13 апреля 1956 г. по инициативе Президиума ЦК КПСС была создана комиссия, которой надлежало проверить материалы судебных процессов против Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других (37). Её председателем стал Молотов (38). Сам факт создания комиссии может объясняться письмом Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 г., в котором он в драматическом тоне заверял в своей невинности и просил Сталина прислать ему яду, чтобы избавиться от необходимости выступать на запланированном открытом судебном процессе. Это письмо было вскоре после XX съезда показано членам и кандидатам в члены Президиума, а также секретарям ЦК КПСС (39). Затем сама комиссия поручила дать уже упомянутую справку (40) по процессу «право-троцкистского блока». В этой справке, составленной в июле 1956 г., прокуратура СССР настоятельно рекомендовала формальную реабилитацию обвиняемых.

Так как подобные документы проверок, датированных 50-ми годами, до сих пор не были известны, следует обстоятельнее остановиться на упомянутой справке. Следует исходить из того, что Прокуратура СССР составила справку уже через несколько месяцев после XX съезда и послала её в ЦК КПСС. Соответствующий пятидесятивосьмистраничный документ назван «Справка по результатам изучения материалов дела антисоветского “право-троцкистского блока”» (41).

На справке имеется пометка «Совершенно секретно». Об этом документе знали только руководители важнейших партийных и

государственных органов, т. е. КГБ, прокуратуры, ЦК, Комитета партийного контроля и Президиума ЦК КПСС. С большой вероятностью авторство документа можно приписать Р. А. Руденко, с 1953 г. Генеральному прокурору СССР и члену комиссии Молотова. Название документа указывает на то, что речь идет о юридическом заключении, подвергающем проверке не только судебный процесс, но и следственные материалы, лежавшие в основе процесса.

Справка, разбитая на четыре раздела, включает:

- 1) обобщение приговора и обоснования приговора в процессе «право-троцкистского блока» от 13 марта 1938 г.,
- 2) анализ материалов процесса (предварительное следствие),
- 3) изложение судебного процесса и
- 4) мнение Прокуратуры СССР по поводу исследованных материалов.

Если говорить о приговоре и его обосновании, то в документе сначала дословно воспроизводятся основные положения вынесенного 13 марта 1938 г. и опубликованного приговора (42). Затем прокуратура под названием «Предварительное следствие» представила результаты своего анализа двадцати пяти томов материалов следствия, на которые опирался судебный процесс против «право-троцкистского блока» (43). Сначала нейтрально констатировалось, что, как явствуют материалы процесса, арест 21 осужденного по процессу «право-троцкистского блока» последовал на основании «показания арестованных и осужденных по другим делам о троцкистско-зиновьевских антисоветских организациях, группе военных заговорщиков во главе с Тухачевским, грузинских буржуазных националистов и других» (44).

В данной связи авторы указывают на противоречие. В начале предварительного следствия большинство арестованных, в том числе и Бухарин, не признавали свою вину «ни по одному пункту», но затем заявили о своей виновности в создании антисоветского «право-троцкистского блока» и контрреволюционной деятельности. Юристы замечают по этому поводу, что «все без исключения» ошеломляющие признания вины «противоречивы и сомнительны».

После этой критики, основанной на содержательной оценке материалов, авторы обращают внимание на серьезнейшую формальную ошибку в предварительном следствии — она одна оправдыва-

ла бы аннулирование приговора в соответствии с пониманием права, сложившимся в Советском Союзе в послесталинскую эру. Дело в том, что обвинительное заключение было разработано до завершения следствия. Юристы доказывают это с помощью двух дат. Официально предварительное следствие было объявлено законченным 25 февраля 1938 г. и материалы переданы Военной Коллегии Верховного Суда СССР, напротив, обвинительное заключение было подписано Генеральным прокурором Вышинским уже 23 февраля.

В заключение справки указывается, правда, весьма неясно, на то, что обвиняемые были сильно ущемлены Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР. С одной стороны, статья 206 требовала знакомить арестованных с материалами следствия, с другой — было невозможно прочитать двадцать пять томов следственного дела за несколько дней. Здесь авторы намекают на последовавшее в связи с убийством Кирова дополнение к Уголовно-процессуальному кодексу. Это дополнение от 1934 г. (ст. 467) гласило, что обвинительное заключение вручается обвиняемым лишь за 24 часа до судебного заседания (45).

В следующем разделе, посвященном судебному процессу, нет ни содержательной, ни формально-юридической критики. Вместо этого приводятся уже известные факты о месте судебного разбирательства и составе суда (46). При этом большое место занимает документирование представления доказательств. В сокращенной форме излагаются показания 21 обвиняемого, дается содержание закрытых судебных заседаний и заключений экспертов, т. е. врачей, а также обобщение приговора по делу «право-троцкистского блока» (47).

В своем завершающем комментарии авторы ещё раз обращаются к уже описанному противоречию, которое они констатировали в результате анализа и проверки материалов предварительного следствия и судебного разбирательства, а также дополнительных источников. С одной стороны, из материалов явствует, что осужденные в соответствии с пунктами обвинительного заключения полностью признали свою вину в принадлежности к антисоветскому «право-троцкистскому блоку» и проведении антисоветских акций, с другой — «проверкой, произведенной Прокуратурой СССР в 1956 году, установлено, что показания осужденных, которые они дали на предвари-

тельном следствии и на суде, по основным пунктам обвинения не соответствуют действительности, опровергаются установленными проверкой фактами и являются сфальсифицированными» (48).

Чтобы подчеркнуть установленное несоответствие между фактами и показаниями обвиняемых на предварительном следствии и во время судебного разбирательства, юристы приводят в своей справке многочисленные примеры средств, с помощью которых осуществлялось манипулирование «действительностью» в ущерб обвиняемым:

1. *Применение насилия и принуждения*: например, Плетнев в 1939–40 гг. в жалобе отказался от показаний и заявил, что они были получены с помощью физического и морального давления:

«В жалобе Плетнев указал: Я был... полуумирающий: опухоли суставов, слабеющее сердце, отеки ног, живота, ослабевающая психика, отсутствие сна, допросы по 15–18 часов, угрозы избиениями и даже смертью, физическое душение за горло... В результате я перестал как следует соображать и дал после одного месяца физических и моральных мучений некоторые показания...» (49).

11 сентября 1941 г. Плетнев был расстрелян НКВД. Допрошенная 3 июля 1956 г. по делу Крестинского начальник санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм показала, что видела Крестинского израненным и лежащим без сознания в своей камере в результате побоев.

2. *Моральное давление*: для разъяснения вопроса о моральном давлении на арестованных были приведены показания М. П. Фриновского, заместителя наркома внутренних дел Н. И. Ежова, чье участие в моральном давлении на обвиняемых явствует из следующей цитаты:

«Относительно подготовки открытого процесса по делу Рыкова, Бухарина, Ягоды и других, Фриновский заявил, что Ежов неоднократно беседовал с Рыковым, Бухариным, Ягодой и Булановым. При этом каждого из них убеждал, что им будет сохранена жизнь, что они не будут расстреляны.

Так, показывая о разговоре Ежова с Булановым, Фриновский указывает, что в конце беседы Ежов (...) сказал: «... держитесь хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреливали» (50).

3. *Фальсификации*: кроме того, подробно описывается, как опросы бывших работников НКВД, проведенные в начале 1956 г., показали, что процесс «право-троцкистского блока» основывается на грубых фальсификациях. Для подтверждения этого тезиса авторы, опираясь на показания бывших работников НКВД, данные в 1939 г., доказывают фальсификацию показаний. Пример такого рода «исправлений» — дело Гринько, бывшего наркома финансов:

«... протоколы допросов Гринько подвергались существенной правке Ежовым и Ушаковым». (51)

Следующим пунктом аргументации юристов является попытка в принципе лишить процесс основы. Подчеркивается, например, что определенные лица, в соответствии с показаниями осужденных на процессе участвовавшие в заговорах, были реабилитированы уже в 1955–56 гг.:

«Показания Бухарина в основе своей аналогичны показаниям Рыкова и также не подтверждаются материалами проверки. Бухарин, как и Рыков, в допросах назвал участниками «право-троцкистского блока» большое число бывших руководящих партийных, советских и хозяйственных работников, в том числе Кабакова (52), Антипова (53), Комарова (54), Жукова (55), Уншлихта (56), Лобова (57) (...), которые, как уже отмечено, реабилитированы.

(...) Бухарин показал, что к к[онт] р[еволюционной] организации правых принадлежали Уншлихт и Лобов (...). Однако проверкой установлено, что эти лица были осуждены необоснованно, в связи с чем они в марте 1956 года Военной Коллегией реабилитированы» (58).

Относительно дела Левина в справке подчеркивается, что, согласно решению Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 7 марта и 11 апреля 1956 г., дело Металликова и Ходоровского было прекращено за отсутствием состава преступления.

Чтобы лишить силы важнейшее обвинение — шпионаж, авторы обращаются и к таким материалам, которые не имеют непосредственного отношения к процессу:

«Проверкой по материалам Государственного особого архива МВД также не обнаружено никаких сведений о связях Бухарина с иностранными разведками.» (59) (...) «По данным Государственного особого архива МВД СССР никто из осужденных по делу «право-

троцкистского блока» шпионом иностранных разведок не значится» (60).

Таким образом, подготовленная прокуратурой «Справка по результатам изучения дела антисоветского “право-троцкистского блока”» подтверждает факт решительного поворота в оценке внутрипартийных оппозиционных групп, начатого на XX съезде. Руководство партии, представленное комиссией Молотова, поручило после XX съезда дать юридическую справку по проверке обвинения против «право-троцкистского блока», хотя в идеологическом отношении осужденные по-прежнему находились по ту сторону линии партии. При этом авторы ограничились формально-юридической проверкой материалов процесса.

Главная критика направляется в адрес НКВД. Авторы справки доказывают систематическое нарушение этим органом официально существовавших и в 30-е гг. правовых норм путем фальсификаций, формальных ошибок и принуждения к признанию с помощью физических и психических пыток. Тем самым советские юристы вскрыли механизм, с помощью которого НКВД под руководством наркома внутренних дел Ежова сконструировал процесс «право-троцкистского блока» и определяло его ход. Лишь намеком авторы упоминали о том, что после убийства Кирова в 1934 г. не только систематически нарушались нормы права, но и происходило их резкое сокращение и выходивание в соответствии с решениями политбюро и ЦК (61).

Для справки характерна её якобы строго аполитичная позиция. «Стыковка» с политикой, например, причастность Сталина как генерального секретаря, а также политбюро и ЦК к нарушениям законности, не рассматривалась. Тем самым прокуратура строго придерживалась ориентиров, сформулированных в секретном докладе Хрущева, в соответствии с которыми внутрипартийная оппозиция рассматривалась в рамках «повышения роли социалистической законности» и «укрепления правовых норм», но без пересмотра характера её идеологического осуждения. Напротив, авторы утверждали, что предварительное следствие в процессе «право-троцкистского блока» могло быть начато только на основании свидетельских показаний в предшествовавших процессах и не упоминали о политическом характере процесса, представлявшем основную пред-

посылку его начала. Сам процесс, включая предварительное следствие, также не характеризуется как уголовно-правовое обоснование давно уже вынесенного политического приговора. Причина бросающегося в глаза пристального внимания юристов к тому, что происходило в аппарате НКВД, и отсутствие всякой связи с политическим контекстом, в котором состоялся показательный процесс в марте 1938 г., не вытекает из самого документа. Но её можно установить с помощью дополнительных документов (62). Конкретно речь идет о реконструкции способа работы юристов, т. е. во-первых, об определении того, с какими материалами они детально ознакомились, чтобы составить справку и, во-вторых, о том, какую информацию при этом прокуратуре не предоставило государственное и партийное руководство.

Эта реконструкция имеет важнейшее значение, т. к. с её помощью можно определить, на основе каких представлений о целях, имевшихся у Президиума ЦК КПСС или комиссии Молотова, прокуратура составила справку (63). Документы, с которыми дополнительно ознакомился автор, представляют собой другие материалы из архива Министерства безопасности РФ — четыре тома дел, посвященных т. н. процессу Бухарина, т. е. процессу «антисоветского право-троцкистского блока». Первые два тома озаглавлены «Процесс Бухарина». Они содержат в основном копии протоколов процесса «право-троцкистского блока», которые изготовлялись в исправленной форме сразу после процесса (64).

Но в одном из двух дел подшиты две неопубликованные справки (65) о мнимой шпионской деятельности Бухарина, датированные 1956 г., основанные на трофейных документах времен Второй мировой войны, находящихся в Центральном государственном особом архиве (был переименован в Центр хранения историко-документальных коллекций, затем объединен с Центральным государственным архивом Советской Армии и переименован в Российский государственный военный архив. — *Прим. перев.*) (66).

Первая справка констатирует, что в документальных материалах Центрального государственного особого архива СССР имеется следующая информация о Н. И. Бухарине: результаты оценки документов и картотеки французской полиции и контрразведки показали,

что Бухарин на контрразведку не работал. В соответствии со справкой информация датируется 1921–1923 гг., 1936 и 1937 гг. (67).

Вторая справка оценивает картотеку гестапо и также констатирует, что нет указаний на установление контактов Николаем Ивановичем Бухариным с немецкой секретной службой (68). Обе справки разъясняют, что в архиве именно того ведомства, которое оказало решающее воздействие на ход предварительного следствия по делу «право-троцкистского блока» нельзя было найти доказательств или указаний шпионской деятельности осужденных. Уже эти факты должны были привести к предположению о том, что НКВД получил протоколы допросов с помощью пыток или подобных способов.

Хотя в справках не была в качестве адресата недвусмысленно названа Прокуратура СССР, можно предполагать, что заказчиком выступала именно она. С одной стороны, после смерти Сталина прокуратуре предоставлялись все более широкие полномочия, включая и доступ к архивам Министерства внутренних дел, с другой, высшие инстанции уполномочивали её расследовать дело Бухарина. Но два из вышеупомянутых четырех томов доказывают, что основная база источников, на которую могли опираться юристы, находилась, очевидно, в архивах НКВД. На них имеется надпись «Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других» (69) и они датируются 1988 г. (70).

Подшитые здесь копии оригинальных документов могли использоваться как дополнительная информация о способе работы юристов, т. к. на них имеются копированные штампы, указывающие на то, что эти материалы, пусть не в столь упорядоченной форме, применялись уже в 1956 г. (71). Каждая из описей также позволяет предположить, что в поздние 80-е гг. не проводилось дополнительных опросов по поводу процессов в НКВД в 1938–41 гг., касавшихся и процесса «право-троцкистского блока». Как представляется, в 1988 г. имеющиеся материалы были только систематизированы и упорядочены.

В рамках данной работы особое значение имеют протоколы допросов в НКВД, проведенные в 1938–39 и 1940 гг., так как они касаются и предварительного следствия, и процесса «право-троцкистского блока» (72). Здесь находятся, например, документы след-

ствия против сотрудников НКВД от 8 ноября 1938 г., содержащие показания о нарушении законности этим органом в ходе процесса в марте 1938 г., а также приговор от 3 февраля 1940 г. по делу так называемой антисоветской террористической организации в аппарате НКВД. Протокол приговора от февраля 1940 г. доказывает, что два года спустя после процесса «право-троцкистского блока» показания о фальсификациях во время предварительного следствия в процессе 1938 г. были использованы против руководящих работников НКВД (73).

Тем самым из документов явствует, что прокуратура использовала не только материалы процесса как таковые, но и протоколы допросов, составленные в 1938–40 гг. в связи со сменой Н. И. Ежова Л. П. Берия на посту наркома внутренних дел (74). Теперь они послужили тому, чтобы найти серьезные доказательства неправоудного характера процесса марта 1938 г.

Эта картина подтверждается и данными в 1939 г. показаниями М. П. Фриновского против своего начальника Ежова. Можно предположить, что Берия как новый шеф тайной полиции в процессе тихой «ликвидации ликвидаторов» (Левицкий) или кадрового обновления службы безопасности и её превращения из «машины террора» в «современный орган надзора» использовал показательный процесс 1938 г. с его фальсификациями против Ежова и его доверенных лиц. В этой связи Фриновский якобы пытался спастись, давая под протокол показания против своего шефа о деталях практики допросов во время предварительного следствия в процессе «право-троцкистского блока».

Получив фланговое прикрытие в виде решений Политбюро (75) и ЦК (76), а также статей в «Правде» с критикой в адрес спецслужб, Берия смог в конце 1938 г. пробудить впечатление у средних кадров своего ведомства, что оно при Ежове распоясалось и теперь предстоит решающая реформа. Поэтому для прокуратуры в 1956 г. имели большое значение показания и жалобы, полученные во время тайных процессов против сотрудников НКВД, как и показания немногих выживших участников показательного процесса в марте 1938 г. Напрашивалось предположение, что они, с одной стороны, должны были способствовать вскрытию практики и методов допросов при

Ежове, а с другой — делались, как в случае с Фриновским, в надежде спасти свою голову.

Но о том, что юристы вполне осознавали незаинтересованность Берия в выяснении фальсификаций и преступлений в связи с предварительным следствием по данному процессу, свидетельствует дело Плетнева, процитированное в самой справке. Из него становится ясно, что Плетнев как один из трех не приговоренных к смертной казни обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока» смог сформулировать в 1939 или 1940 гг. жалобу на примененные к нему психические и физические истязания, которая затем, если судить по нынешнему состоянию информации, могла быть применена против Ежова или его приближенных. Но, когда структурные изменения в НКВД были в 1941 г. в значительной степени завершены, Плетнева вместе со 170 заключенными Орловской тюрьмы расстреляли в сентябре 1941 г. на основе заочного приговора Военной Коллегии Верховного Суда СССР и тем самым устранили как свидетеля (77).

Кроме того, в 1956 г. юристы подстраховались с помощью опросов бывших сотрудников НКВД, уволенных со службы в 1939 г. Об этом свидетельствует третий из четырех томов из архива Министерства безопасности Российской Федерации. В их число входят наряду с протоколами допросов Ежова и другие документы, дополняющие цитированные в справке показания начальника санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблум, допрошенной 3 июля 1956 г. (78). Так, здесь находятся копии протоколов допросов А. А. Розенблум от 16 ноября 1954 г. и от 27 декабря 1955 г. (79), на которых она отказывается от своих показаний, данных в ходе судебного процесса перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР и упоминает также, что помнит, как Крестинский, избитый до бессознательного состояния, был принесен в санчасть тюрьмы (80).

Вероятно, с помощью этих показаний Розенблум хотела добиться в 1954–55 гг. проверки своего осуждения в конце 30-х гг. (81). Таким путем прокуратуре стала уже за два года до XX съезда известна информация о показательном процессе, приведшая, однако, только после него к новым допросам, связанным с процессом «право-троцкистского блока» (82). Тем самым косвенно подтверждается предположение о том, что прокуратура не по собственной инициа-

тиве начала проверку процесса, а только в 1956 г. получила соответствующее поручение от политического руководства.

Дополнительные материалы подтверждают тот факт, что прокуратура уже в 1956 г. составила обоснованную справку по процессу «право-троцкистского блока», однозначно доказывавшую неправомерность предварительного следствия, хода процесса и приговора. Но дополнительные материалы показывают также, что не только политическое руководство и комиссия Молотова хотели, и это бросалось в глаза, избежать в справке всякой ссылки на политический контекст, в котором состоялся показательный процесс в марте 1938 г. Причина этого заключалась и в характере источников, на которые могла опираться прокуратура. Юристы могли использовать в основном архивы МВД и МГБ (бывших НКВД и НКГБ). При этом они искусно пользовались в своих целях — для поиска доказательств морального и физического давления в целях «выбивания» показаний у обвиняемых во время предварительного следствия и процесса по делу «право-троцкистского блока» — структурными преобразованиями в аппарате НКВД, проведенными в 1938–1941 гг. Полученные доказательства и косвенные улики юристы подкрепили с помощью систематического анализа документов французской и немецкой секретной служб времен, доставшихся в качестве трофеев во время Второй мировой войны, а также в результате дополнительных опросов бывших сотрудников НКВД в 1954–56 гг.

Но ввиду ограничения архивными материалами МВД и МГБ возникает в целом впечатление, будто за процесс в марте 1938 г. должен отвечать один лишь НКВД под руководством Ежова. Тем самым Берия хотя и способствовал, с одной стороны, разъяснению фальсификаций, с другой — успешно защитил политический центр власти со Сталиным во главе от подозрения в «авторстве» террора и к тому же замел важные следы, устранив Ежова и его сотрудников (83). Это наблюдение подтверждается протоколами допроса Ежова, так как и Ежов «признает», что интересно, что указанный процесс был сконструирован и направлялся НКВД за спиной партийного руководства. Таким образом Сталин не проявлялся в качестве закулисного руководителя (84).

Материалы, привлеченные в дополнение к «Проверке материалов процесса антисоветского “право-троцкистского блока”», под-

тверждают подозрение относительно того, что прокуратура в 1956 г. не имела, несмотря на данное ей поручение, доступа к политически значимым документам в Центральном партийном архиве, в архиве ЦК или архиве Политбюро (ныне Президентском архиве). Напрашивается предположение о том, что руководство государства и партии сознательно намеревалось таким способом блокировать расследование политических параметров процесса. В качестве доказательства ведущей роли Сталина в репрессиях должно было хватить общего указания на то, что секретные службы находились под его контролем (85).

Отсутствие заинтересованности политической элиты в юридическом расследовании связи с политическими аспектами процесса может объясняться тем фактом, что преобладающая часть избранных в 1956 г. членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС прямо и активно участвовала в репрессиях против предполагаемых оппозиционеров и лояльных партийных кадров.

Член Президиума Молотов был даже в качестве одного из ближайших сотрудников Сталина вовлечен в подготовку и проведение процесса против Бухарина. Среди прочего он дал разрешение на арест И. Д. Кабакова, упомянутого в справке прокуратуры от 7 июля 1956 г. в связи со снятием обвинений с «право-троцкистского блока» и реабилитированного уже в 1955 г. (86)

Даже Хрущев, в своем секретном докладе страстно выступивший в пользу жертв террора, соглашался, подобно Молотову, Микояну, Г. М. Маленкову, М. А. Сулову, Ворошилову и Кагановичу на многочисленные аресты (87). Правда, они не были связаны с процессом «право-троцкистского блока» (88). Так, в 1936–37 гг. он, будучи первым секретарем Московского обкома партии, а с 1938 г. первым секретарем ЦК КП Украины, санкционировал произвольные аресты партийных кадров (89). Таким образом, наследники Сталина не ограничивались просто политическим шельмованием внутрипартийной оппозиции (90), но и несут личную ответственность за массовые репрессии. Хрущев заметил позже в своих воспоминаниях о ситуации 1953–1956 гг.:

«За три года после смерти Сталина (...) мы не смогли разорвать с прошлым, мы не могли набраться мужества, внутренней потребности и приоткрыть полог и заглянуть, что же там за этой ширмой, что

кроется за тем, что было при Сталине. Мы сами, видимо, были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и ещё не освободились от его давления» (91).

3. КРИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СТРАНЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

В противоположность справке Прокуратуры СССР о «право-троцкистском блоке» участники некоторых партсобраний на среднем и низовом уровне, а также партсобраний в важнейших институтах, занятых изучением общественных наук, не придерживались границ выяснения причин репрессий 30-х и начала 50-х гг. и поиска ответственных за них, которые наметил Хрущев в своем секретном докладе.

То же касается и некоторых руководящих функционеров зарубежных компартий. В 1956 г. непосредственно после XX съезда в Советском Союзе и за границей проявились тенденции, которые историк Леонхард удачно назвал «бурной десталинизацией» (92). Открыто ставился вопрос о политическом соучастии руководящей элиты, требовали критики системы и переоценки внутрипартийной борьбы. Например, руководитель Итальянской компартии Пальмиро Тольятти отказался признать концепцию советских товарищей, согласно которой в репрессиях виноваты только Сталин и его секретная служба, что имели место лишь «искривления» в принципе приемлемой системы экономики и управления. В интервью югославской газете «Нови аргументи» он возлагал ответственность за происшедшее и на часть общественной системы Советского Союза. При этом он говорил о разрастании бюрократических и авторитарных методов управления и грубые нарушения законности со стороны правительства, о том, что демократическая жизнь в Советском Союзе была сужена, а частично и совсем задушена. Наконец, Тольятти высказывался и о политической ответственности нынешнего руководства (93). Хотя интервью Тольятти не было опубликовано в советской печати, 27 июня 1956 г. в «Правде» появилась статья генерального секретаря КП США Юджина Денниса, лишь немногим более умеренным тоном повторявшего подобные тезисы (94). Отсутствовал, правда, пункт, имевший решающее значение — не шла речь о соучастии руководящих элит.

Но вопрос об ответственности ближайших сотрудников Сталина за репрессии ставился не только за границей — его открыто обсуждали и на партийных собраниях (95). К тому же на собраниях в важнейших институтах, занятых изучением общественных наук, были заданы критические вопросы по поводу бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров, касавшиеся политических аспектов их осуждения и замалчивания этих имен в истории и в современной ситуации. Таким образом, участники собраний не придерживались ориентира, данного Хрущевым — рассматривать только юридическую сторону репрессий. Об этом свидетельствует «Перечень наиболее существенных вопросов, поступивших на партийных собраниях Академии общественных наук, Высшей партийной школы и Московского государственного университета» от 26 мая 1956 г. (96).

Многочисленные вопросы (97) непосредственно касаются бывших внутривнутрипартийных оппозиционных групп или их руководителей:

«№ 117: Можете ли вы объяснить, были ли Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и др. врагами народа и шпионами или же деятелями, стоявшими на ошибочных позициях. Ведь известно, что Ленин, хотя и критиковал этих людей, но тем не менее с некоторыми из них был лично в близких отношениях.

С позицией правых и троцкистов мы знакомимся только из произведений Сталина. Что по-прежнему ли мы будем также изучать этот период борьбы или и здесь все-таки нам нужно изучать первоисточник?

№ 120: Являлись ли иностранными шпионами Бухарин, Рыков, Каменев, Радек, Зиновьев и др.? Вели ли они антисоветскую деятельность?

№ 121: Будут ли пересматриваться процессы 1936–38 гг. (Каменев-Зиновьев, Бухарин-Рыков и др.)?

№ 122: Существовал ли в действительности хоть один из правотроцкистских и прочих заговорщических террористических антипартийных центров, названных в обвинительных заключениях 1935–38 гг.?

№ 123: За последнее время были реабилитированы польские коммунисты (за 1938 г.) и Бела Кун (98). Не будет ли в ближайшее время аналогичного положения с деятелями других компартий? (...) (99)».

Из вопросов становится ясно, что в ведущих учебных заведениях возникают сомнения в справедливости основных пунктов обвинения на процессах 30-х гг. Слушатели больше не соглашались с утверждением о том, что Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков и другие были врагами народа и иностранными шпионами, а также руководителями террористических центров, направленных против партии (вопросы 117 и 120).

Тогда со всей очевидностью ожидался пересмотр процессов 1936–1938 гг., тем более что сразу после XX съезда в Польше и Венгрии были реабилитированы коммунисты из этих стран (например, Бела Кун), жившие в Советском Союзе в эмиграции и арестованные в 30-е гг. (вопрос 123) (100). Правда, вопрос 117 отражает куда более дифференцированную позицию. Здесь дополнительно ставятся под сомнение политические ошибки Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и Рыкова: с одной стороны, говорится в вопросе, они были видными фигурами общественно-политической жизни, признаваемыми партией, с другой — их позиции не могли быть столь ошибочны, если Ленин хотя и критиковал этих деятелей, но поддерживал с ними тесный контакт.

В качестве вывода осуждалось то обстоятельство, что до сих пор позицию правых и троцкистов можно изучать только в изложении Сталина. Но для того, чтобы выйти за пределы сталинского стереотипа интерпретации, представлявшего позиции правых и троцкистов как борьбу против партии, те, кто ставили вопросы, рекомендовали дать возможность самостоятельно изучать источники.

Скрытое в этих вопросах требование изучения источников без предварительной политической цензуры доказывает, что в высших партийных и государственных учебных заведениях имелись люди, стремившиеся создать собственную, не цензурированную партией картину событий 20-х — 30-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Программа вылилась в экономическую реформу 1957 г. Большинство экономических министерств было ликвидировано или преобразовано в государственные комитеты. Унаследованную иерархию министерств заменили региональными Советами народного хозяйства, чтобы сдержать сверхцентрализацию.

2. Обычно секретный доклад рассматривается как начало десталинизации советского общества. Его переработанный вариант, предназначенный для руководства зарубежных компартий, был опубликован Госдепартаментом США вскоре после XX съезда.

3. Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 132.

4. Там же.

5. Там же, с. 138.

6. Там же, с. 133.

7. Там же.

8. Там же, с. 134.

9. Там же, с. 143, 145.

10. Хрущев ещё более сузил свои обвинения, практически возложив всю вину за «перегибы» только на Сталина и тем самым не допустив критики властных структур или системы.

11. «Полуофициальной» потому, что т. н. «секретный доклад» был произнесен перед более чем 1400 участниками пленума ЦК и в соответствии с постановлением Президиума ЦК было решено ознакомить с ним «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников» и разослать руководству зарубежных компартий. Ср. *Барсуков Н. А.* Оборотная сторона «оттепели». — «Кентавр», 1993, № 4, с. 129.

12. *Medvedev R. A., Medvedev Zh. A.* Khrushchev: The Years in Power. — New York, p. 40–41; *Meissner B.* Wandlungen im Herrschaftssystem und Verfassungsrecht der Sowjetunion. — *Boettcher B., Lieber H. J., Meissner B.* (Hrsg.) Bilanz der Ära Chruschtschow. — Stuttgart/Berlin/Köln/Mainz, 1966, S. 141; *Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М., 1994, с. 289–361. Юстиция не имела реальных возможностей контроля. Ср. *McNeal R. H.* Stalin. Man and Ruler. — London, 1988, p. 181–207.

13. Террор был и средством дисциплинирования кадров. Ср. *Knight A. W.* The KGB. Police and politics in the Soviet Union. — London, 1990, с. 48.

14. Там же, с. 47.

15. Сообщение Министерством внутренних дел СССР. — «Правда», 4 апреля 1953 г., с. 2.

16. Там же.

17. Советская социалистическая законность неприкосновенна. — «Правда», 6 апреля, 1953 г., с. 1.

18. *Knight A. W.* The KGB..., p. 47–49, *Lewitzkyj B.* Vom roten Terror zur sozialistischen Gesetzlichkeit. Der sowjetische Sicherheitsdienst. — München, 1961, S. 195; *Service R. J.* The Road to the Twentieth Party Congress. An Analysis of the Events Surrounding the Central Committee Plenum of July 1953. — «Soviet Studies» 3, 1981, № 2, p. 236; по поводу намерений Берия и его смещения после смерти Сталина см. *Knight A. W.* Beria. Stalin's first Lieutenant. — Princeton 1993, особенно с. 194–203.

19. *Knight A. W.* The KGB..., p. 48; *Knoll V., Kölm L.* (Hrsg.) Der Fall Berijas. Protokoll einer Abrechnung. Das Plenum des ZK der KPdSU im Juli 1953. Stenographischer Bericht, — Berlin, 1993.

20. *Leonhard W.* Kreml ohne Stalin. — Köln/Berlin, 1959, S. 112; *Goudoever,* The Limits..., p. 60.

21. Ср. об этом раздел «Заключение прокуратуры», с. 45.

22. *Knight A. W.* The KGB..., p. 48.

23. *Bermann H. J. Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law.* — Cambridge/Massachusetts, 1963, p. 37–65.

24. Создание КГБ 13 марта 1954 г. привело к еще более жесткому контролю над секретными службами со стороны юстиции. Относительно общих структурных изменений в секретных службах ср. *Knight A. W. The KGB...*, 50 ff.

25. *Ginsburg G. The Reform of Soviet Military Justice 1953–58.* — *Barry D. B., Feldbrugge G., Ginsburg G., Maggs P. B. (Hrsg.) Soviet Law after Stalin, Part III. Soviet Institutions and the Administration of Law.* — Leiden, 1979.

26. *Knight A. W. The KGB...*, p. 50. Тем самым госбезопасность была лишена и своей значительной экономической силы.

27. «Тройки» включали по одному представителю НКВД, партии и прокуратуры. Начиная с 1934 г., они имели право направлять людей в трудовые лагеря или выносить смертные приговоры. Ср. *Bermann. Justice...*, p. 70. По поводу ликвидации «троек» ср. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. — «Исторический архив», 1992, № 1, с. 127.

28. *Goudeover. The Limits...*, p. 50; *Поговая Л.* Записка П. Н. Поспелова об убийстве Кирова. — «Свободная мысль», 1992, № 8, с. 64.

29. *Bermann. Justice...*, p. 71.

30. *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. — М., 1990, с. 20.

31. Там же, с. 20–21.

32. Там же, с. 21, *Bermann. Justice...*, p. 71.

33. Ср. *Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin.* — Toronto, 1996.

34. Наряду с увеличением производства потребительских товаров и более широким участием общественности в государственных делах, ликвидация террора как политического средства была важным средством для возвращения лояльности широких слоев населения. Ср. *Knight A. W. The KGB...*, p. 49.

35. Тем не менее специальных законов о реабилитации политзаключенных или внутрипартийной оппозиции не было. Ср. *Bermann. Justice...*, p. 71.

36. Ср. «Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Заседание третье. Вечернее. 29 июня. — «Исторический архив», 1993, № 4, с. 62 (примечание 85). Ср. также Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991, с. 353.

37. Там же; ср. «Дело о «Ленинградском центре». — «Вестник Верховного Суда СССР», 1991, № 5, с. 15.

38. Другими членами комиссии были Каганович, Ворошилов, Аристов, Фурцева, Шверник, Суслов, Поспелов и Руденко. Ср. «Последняя «антипартийная» группа...», с. 62 и 80 (примечание 85).

39. Письмо было опубликовано только в 1993 г. Ср. «Прости меня, Коба...». Неизвестное письмо Н. И. Бухарина (Публикация Ю. Мурина). — «Источник», 1993, № 1, с. 58–60; о значении письма см. *W. Hedeler, R. Stoljarowa.* Их перевод письма ср. *N. Bucharin an J. Stalin. Ein unbekannter Brief.* — «Sozialismus», 1993, № 9, S. 58; см. также № 7 документального приложения.

40. Справка по результатам изучения материалов дела антисоветского «ПРАВОТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА». — Архив ФСБ. Документ был предоставлен автору для просмотра 27.10.1992 в архиве МБ РФ, бывшем архиве КГБ. Согласно устной информации, он был составлен в 1956 г. Какие бы то ни было архивные сигнатуры отсутствуют.

Так как документ не подлежал копированию, удалось сделать только выписки от руки, ограничивающиеся фрагментами, важными для Н. И. Бухарина. Ср. № 1 документального приложения.

41. Документ, хранящийся в архиве, является, вероятно, копией с копии оригинала. Он не датирован, не имеет ни заголовка, ни подписи, т. е. на основе самого документа нельзя установить ни его автора, ни заказчика. Нет данных и о том, когда он был выработан и кому адресован. На основе записи в картотеке входящих и исходящих писем в Центре хранения современной документации (бывшем архиве ЦК на Старой площади в Москве) можно заполнить этот пробел. Под регистрационным № «24693 (6-й сектор)» находится следующая запись: «Прокуратура СССР посылает в ЦК заключение по результатам анализа материалов процесса “антисоветского право-троцкистского блока”». Эта запись датирована 7 июля 1956 г. и содержит к тому же данные о количестве поступивших страниц — пятьдесят восемь. Но в самом РГАНИ соответствующий документ не был обнаружен. Это явствует из дополнения «6-й сектор» к регистрационному номеру. Документы 6-го сектора находятся в закрытом в настоящее время Президентском архиве в Кремле.

42. На стр. 1–8 заключения после поименного перечисления 21 осужденного в процессе излагается приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Это изложение, в котором в обобщенном виде представляются приговор и его обоснование, охватывает как общие обвинения против «право-троцкистского блока» в целом, так и против его отдельных членов. Ср. Справка по результатам..., с. 2–8.

43. Следственные материалы до сих пор не опубликованы. Они недоступны, находясь в Президентском архиве в Кремле.

44. Справка по результатам..., с. 8. 19–24 августа 1936 г. в Москве состоялся процесс т. н. «троцкистско-зиновьевского центра». Военная Коллегия Верховного Суда СССР предъявила обвинения Г. Зиновьеву, Л. Каменеву и 13 другим лицам, в их числе видным партийным функционерам. Обвиняемые были расстреляны 25 августа. Ср. *Schützler H.* (Hrsg.) *Schauprozesse unter Stalin 1932–1952. Zustandekommen, Hintergründe, Opfer.* — Berlin, 1990, S. 136 ff. 23–30 января 1937 г. в Москве Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело «параллельного антисоветского троцкистского центра». По этому делу были преданы суду 17 человек, в том числе Г. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек и др. Там же (*Schützler, S.* 170 ff.). 11 июня 1937 г. Специальное присутствие Верховного Суда СССР рассмотрело дело восьми высших военачальников, в том числе маршала Тухачевского. 12 июня они были расстреляны. Там же (*Schützler, S.* 253 ff.). Под процессом против грузинских буржуазных националистов может подразумеваться процесс против Б. Мдивани и др. 9 июля 1937 г., когда суду были преданы высшие партийные руководители Грузии. Им, в частности, вменялось в вину намерение оторвать Грузию от Советского Союза. Ср. *Knight A. W. Beria.*, p. 78 ff.

45. *Herbst-Oltmanns A.* *Entstalinisierung. Der Einzelne zählt wieder in der Sowjetunion.* — *Crisis R., Wilke M.* (Hrsg.). *Entstalinisierung. Der XX Parteitag der KPdSU und seine Folgen.* — Frankfurt a. M., 1977, S. 51

46. Prozeßbericht über die Strafsache des Antisowjetischen Blocks der Rechten und Trotzisten. Vollständiger stenographischer Bericht. — Moskau, 1938.

47. Показания находятся на с. 10–33, содержание указано на с. 34–36 справки. На с. 35 — сжатое изложение приговора. Ср. № 1 документального приложения.

48. Ср. Справка по результатам..., с. 35–58.

49. Там же, с. 36.

50. Там же, с. 58.

51. Справка по результатам..., с. 49. Ушаков З. М. — начальник Следственной части НКВД.

52. Кабаков И. Д. (1891–1937) — с 1934 член Свердловского обкома ВКП(б).

53. Антипов Н. К. (1894–1938) — с 1924 член ЦК ВКП(б). 1935–37 гг. — заместитель председателя СНК. Председатель ЦКК с 1931 г., член ВЦИК и ЦИК СССР.

54. Комаров Н. П. (1886–1937) — член ВЦИК и ЦИК СССР. Ср. БЭС.

55. Жуков — не установлен.

56. Уншлихт (1879–1938) — с 1925 член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Ср. БЭС, 527.

57. Лобов С. С. (1888–1937) — с 1934 член ЦК ВКП (б). Член Оргбюро ЦК в 1930–34 гг. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Ср. БЭС, 722.

58. Справка по результатам..., с. 45

59. Там же, с. 45.

60. Там же. С.56.

61. ЦК одобрял даже меры по применению физического воздействия на арестованных со стороны НКВД. Об этом свидетельствует шифрованная телеграмма Сталина от 10 января 1939 г., в которой сказано, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)». — Последняя «антипартийная группа»... — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 94.

62. Эти документы, как и сама справка, находятся в Архиве Министерства безопасности РФ.

63. Ван Гудевер обоснованно указывает, что такого рода решения о возможной формальной реабилитации не могли быть приняты без прямого указания Президиума ЦК КПСС. Ср. *Goudoever. The Limits...*, p. 68.

64. Дело на Бухарина Н. И. — Архив МБ РФ, № 13 164. Ср. также Prozeßbericht über die Strafsache des Antisowjetischen Blocks der Rechten und Trotzlisten. Vollständiger stenographischer Bericht. — Moskau, 1938. О масштабе «исправлений» стенограммы ср. *Мурин Ю. Г.* Как фальсифицировалось «дело Бухарина». Послесловие А. М. Лариной (Бухариной). — «Новая и новейшая история», 1995, № 1, с. 65–76; *Он же.* Последнее слово Николая Бухарина. Стенограмма под цензурой. — «Российская газета», 26 января 1996 г.

65. Архивная справка [№ 1] от 9 апреля 1956 //АМБ РФ. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Л.132–134; Архивная справка [№ 2] от 19 апреля 1956 //АМБ РФ. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Л.135–138. Справки были составлены и подписаны начальником Главного архивного управления Центрального государственного особого архива Министерства внутренних дел 19 апреля 1956 г.

66. Относительно фондов архива см. *Aly G., Heim S.* Das zentrale Staatsarchiv in Moskau («Sonderarchiv»). Rekonstruktion und Bestandsverzeichnis verschollen geglaubten Schriftguts aus der NS-Zeit. — Düsseldorf (Hans-Böckler-Stiftung), 1993.

67. Архивная справка [№ 1].

68. Архивная справка [№ 2].

69. Опись документов, находящихся в деле № 13614: Архив МБ РФ, «Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других», дело № 13614, т. 95, л. 1 и т. 96, л. 1; т. 95 содержит 300 листов, т. 96 156 листов.

70. Это следует из описей обоих томов, скрепленных 22 апреля 1988 г. подписью заместителя начальника Следственного отдела КГБ СССР полковника юстиции А. Ю. Валетова.

71. Так, на одной справке в адрес Г. М. Димитрова имеется печать от 10 апреля 1956 г. Ср.: Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других, дело № 13614, т. 96, л. 120.

72. В т. 96 находятся документы допросов сотрудников НКВД, состоявшихся в 1936–1940 гг.

73. Там же, с. 117 и сл., с. 119.

74. Допросы были использованы в конце 1938 г. для проведения «кадровых перестановок» в форме многочисленных тайных процессов против сотрудников секретной службы: после того, как Берия летом 1938 г. по желанию Сталина был переведен в Москву, с августа 1938 г. началось падение Ежова. В конце октября 1937 г. была назначена комиссия ЦК с задачей подготовить отчет об НКВД. В начале декабря 1938 г. «Правда» сообщала, что Ежов остается наркомом водного транспорта (на эту должность он был назначен в апреле), а Берия принял его пост наркома внутренних дел. Уже осенью был уволен заместитель и доверенное лицо Ежова Фриновский, назначенный наркомом ВМФ. Ср.: *Conquest R. Inside Stalin's Secret Police. NKVD Politics 1936–39.* — London, 1986, S. 78, 81 f.

75. «Выписка из решений Политбюро ЦК ВКП(б) за 27 октября 25 ноября 1938 г.» — «Исторический архив», 1992, № 1, с. 131; ср. также «Письмо Н. И. Ежова в ЦК ВКП(б). 23 ноября (не сентября!) — М. Ю.) 1938 г.» — «Исторический архив», 1992, № 1, с. 129–130.

76. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия от 17 ноября 1938 г.» — «Исторический архив», 1992, № 1, с. 131; ср. также «Письмо Н. И. Ежова в ЦК ВКП(б). 23 ноября (не сентября!) — М. Ю.) 1938 г.» — «Исторический архив», 1992, № 1, с. 123–128.

77. № 2 документального приложения; ср. также Трагедия в Медведковском лесу. О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы. — «Известия ЦК КПСС», 1990, № 11, с. 124–131 (о Плетневе с. 127, № 94). О Плетневе ср.: *Бородулин В. И., Тополянский В. Д. Дмитрий Дмитриевич Плетнев.* — «Вопросы истории», 1989, № 9, с. 36–54.

78. Опись документов, находящихся в деле № 13614: Архив МБ РФ, «Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других», дело № 13614, т. 95, л. 1–2.

79. Копия протокола допроса Розенблум А. А. от 27 декабря 1955 г. (начальник санчасти): Архив МБ РФ, «Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других», дело № 13614, т. 95, л. 214–217; копия протокола допроса *Розенблум А. А.* от 16 ноября 1954 г. — Там же, л. 218 и сл.

80. Копия протокола допроса *Розенблум А. А.* от 16 ноября 1954 г. — Там же, л. 221.

81. В процессе начавшегося после смерти Сталина дисциплинирования службы госбезопасности бывшие сотрудники НКВД смогли таким способом добиться пересмотра переговоров, вынесенных им в прежних кампаниях против НКВД.

82. В 1954–55 гг. показания Розенблум применялись, вероятно, сначала для того, чтобы доказать применение противоправных методов допросов секретной службой под руководством Берия. Ср. по поводу направления удара прокурорского расследования в 1955 г. *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно», с. 17 и сл., 25.

83. *Lewytkyi B. Vom Roten Terror zur sozialistischen Gesetzlichkeit. Der sowjetische Sicherheitsdienst.* — München, 1961, S. 113.

84. Протокол допроса Н. И. Ежова: Архив МБ РФ, «Материалы дополнительной проверки уголовного дела по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других», дело № 13614, т. 96, л. 1 и сл. Ежов показывает, что возглавляемый им НКВД в обход партийного руководства фальсифицировал протоколы допросов во время предварительного следствия. Ср. там же, л. 2. Российский историк Б. А. Старков в своей биографии Ежова

еще усиливает миф о Сталине как об обманутом Ежовым и ни о чем не ведавшем вожде. Ср.: *Starkov V. A. Narkom Ezhov. — Stalinist Terror. New Perspectives* (ed. by J. A. Getty and R. T. Manning). — Cambridge 1993, p. 21–39, особенно p. 37.

85. *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно», с. 26.

86. Там же; *Goudoever, The Limits...*, S. 51, 95.

87. Общее представление об участии других избранных в 1956 г. членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС в репрессиях 30-х и начала 50-х гг. дает сообщение Комиссии по реабилитации Политбюро ЦК КПСС от 25 декабря 1988 г. Ср. «Об антиконституционной практике 30-х и начала 50-х годов». — «Источник», 1995, № 1, с. 123–130.

88. Хрущев был, тем не менее, членом комиссии пленума ЦК по делу Бухарина и Рыкова. 27 февраля 1937 г. он голосовал за исключение Бухарина и Рыкова из ЦК и из партии и передачу органам юстиции, не допуская их расстрела. Ср.: Протокол заседания комиссии пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. 27 февраля 1937 г. — РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 30. Ср. также: Протокол заседания комиссии пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. 27 февраля 1937 г. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 5, с. 79–80, 82–83.

89. *Хрущев Н. С.* «Сам я не слышал, но мне говорили...». Сост. *Анфилов В. А.* — «Военно-исторический журнал», 1994, № 4, с. 89 и сл.; Расстрел по разнарядке или Как это делали большевики. — «Труд», 4.6.1992. Хрущев добивался в 1937 г. места в большой «тройке» для Московской области, но был отклонен. Ср. *Геворкян Н.* Встречные планы по уничтожению собственного народа. — «Московские новости», 21 июня 1992, с. 18.

90. Например, Каганович, Молотов, Ворошилов, Микоян и Хрущев, выступившие на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК с большими речами, способствовали политическому шельмованию виднейших обвиняемых на показательном процессе в марте 1938 г. — Бухарина и Рыкова. Относительно В. М. Молотова ср. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. 25 февраля 1937 г. Утреннее заседание. — «Вопросы истории», 1992, № 8–9, с. 19–29; относительно К. Е. Ворошилова ср. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. 24 февраля 1937 г. Вечернее заседание. — «Вопросы истории», 1992, № 6–7, с. 23–29; относительно А. И. Микояна ср. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. 23 февраля 1937 г. Вечернее заседание. — Там же, с. 16 и сл.; относительно Л. М. Кагановича ср. его выкрики во время речи Бухарина там же, с. 27–31. Другое доверенное лицо Хрущева (наряду с Микояном) в секретариате ЦК, идеолог П. Н. Поспелов, также имел бесславное прошлое в том, что касается идеологической подготовки процесса 1938 г. Началом широкомасштабной кампании по дискредитации Бухарина и Рыкова, тогда все еще очень популярных, стала статья Поспелова от 13 марта 1937 г., обвинявшего их в борьбе против Ленина и партии. — «Борьба Бухарина и Рыкова против Ленина и партии», «Правда», 13 марта 1937 г.

91. Цит. по *Зевелев А. И.* Истоки сталинизма. Лекция к курсу «Политическая история XX века». — М., 1990, с. 9; ср. также «Хрущев вспоминает...». — «Аргументы и факты», 1989, № 13, с. 2.

92. *Leonhard W. Kreml ohne Stalin.* S. 223.

93. Для ортодоксальных компартий Франции и Великобритании объяснение Хрущева, возлагавшего всю вину за террор только на характер Сталина, также оказалось недостаточным. *Ebda.*

94. *Деннис Ю.* О значении XX съезда КПСС. — «Правда», 27 июня 1956, с. 2–4.

95. Ср. *Барсуков Н. А.* Обратная сторона «оттепели». Историко-документальный очерк. — «Кентавр», 1993, № 4, с. 132–136.

96. «Перечень наиболее существенных вопросов, поступивших на партийных собраниях Академии общественных наук, Высшей партийной школы и Московского государственного университета». — Центр хранения современной документации, ф. 5, оп. 30 (1956), д. 139, л. 5–27; ср. особенно л. 23. Перечень, датированный 26 мая 1956 г., подписан 25.5.56 А. Горбуновым, личность которого установить не удалось. Предполагается, что это сотрудник Секретариата ЦК или КГБ. Вероятно, перечень был составлен на основании информации, полученной от неформальных сотрудников КГБ и служил Секретариату ЦК в качестве основы для оценки настроения в соответствующих учреждениях.

97. Там же, ср. вопросы 117, 120, 121 и 123. В Советском Союзе практиковалось обращение с записками из публики после доклада или дискуссии. На основе этой относительной анонимности и были заданы воспроизведенные здесь вопросы.

98. Кун Бела (1886–1939) — организовал КП Венгрии и провозгласил в марте 1919 г. Советскую республику в Венгрии, в которой был наркомом иностранных дел; известен своим террористическим режимом, после краха Советской республики (август 1919 г.) бежал в Советский Союз; арестован в ходе «большой чистки». Ср. БЭС, — М., 1991, с. 671.

99. «Перечень наиболее существенных вопросов...», Д.139, Л.23.

100. О реабилитациях в Польше и Венгрии см. *Goudoever. The Limits...*, S. 91.

III. РЕСТАЛИНИЗАЦИЯ ЗА СЧЕТ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ С ИЮЛЯ 1956 г.

Несмотря на секретный доклад Хрущева и недвусмысленные результаты, содержащиеся в справке прокуратуры, в 1956 г. не последовало реабилитации обвиняемых в процессе «право-троцкистского блока», не говоря уже о широкомасштабном обсуждении преступлений 20-х — 30-х гг., которого требовали участники ряда партийных собраний в Советском Союзе, включая ведущие высшие учебные заведения, а также зарубежные коммунисты.

Чтобы рассмотреть причины этого, необходимо наряду с оценкой основных документов по вопросу реабилитации обвиняемых в процессе «право-троцкистского блока», вкратце осветить общую политическую ситуацию после XX съезда (1). На этой основе делаются обратные заключения относительно документов, которые могли препятствовать формальной и гражданской реабилитации Бухарина и многих лиц, обвинявшихся вместе с ним (2).

30 июня 1956 г. из страха перед возможной потерей советского влияния на государства Варшавского договора и перед появлявшимися в стране и за границей критическими вопросами о политических параметрах репрессий (включая участие бывших сотрудников Сталина) произошел отход от линии развития, берущей начало с XX съезда (3). В этот день Президиум ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий» (4). Оно ясно показывает, что руководящая политическая элита не была готова сделать уступки в оценке советской истории, не говоря уже о том, чтобы допустить независимое изучение источников, чего требовали в учебных заведениях.

Замечания Тольятти о связи между нарушениями социалистической законности и ошибками в развитии советской общественной системы энергично отвергались. В соответствии с этим комментировалось и восстание рабочих в Познани, вспыхнувшее 28 июня 1956 г. и подавленное с помощью советских войск — как «антинародная акция, финансирувавшаяся из-за океана», хотя ПОРП в своей оценке происшедшего сначала ставила в центр внимания плохое материальное положение народа (5).

Когда вслед за тем в октябре 1956 г. разразилось восстание и в Венгрии, в ходе которого студенты ультимативно потребовали вывода советских войск, роспуска тайной полиции, проведения свободных выборов и введения свободы печати, а И. Надь провозгласил создание многопартийного кабинета и выход из Варшавского договора, советские танковые соединения вмешались и здесь и было создано «альтернативное правительство» во главе с Я. Кадаром. При поддержке Хрущева и других высших партийных функционеров любые проявления солидарности с польскими рабочими и венгерскими студентами в советских вузах резко осуждались в советской печати и запрещались (6).

Кроме того, в постановлении «О культе личности и его последствиях» от 30 июня 1956 г. руководство оспаривало всякую свою ответственность за «искривления» сталинской эры. Напротив, имелось «сложившееся ленинское ядро руководителей, которые правильно понимали назревшие потребности в области как внутренней, так и внешней политики» (7).

«Может возникнуть вопрос: почему же эти люди не выступили открыто против Сталина (...)? В сложившихся условиях этого нельзя было сделать. Безусловно, факты говорят о том, что Сталин повинен во многих беззакониях ... Однако нельзя вместе с тем забывать, что советские люди знали Сталина, как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма. Он применял порою в этой борьбе недостойные методы, нарушал ленинские принципы и нормы партийной жизни. В этом состояла трагедия Сталина. Но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершавшихся тогда беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину. Всякое выступление против него в этих

условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества» (8).

Постановление следует понимать прежде всего как реакцию на многочисленные критические вопросы из учебных заведений и с партсобраний об ответственности ближайших сотрудников Сталина за репрессии (9). Рука об руку с ним идет частичная политическая реабилитация Сталина за счет бывших внутрипартийных оппозиционных группировок. 20-е гг. демонстративно, в соответствии с обычной для Сталина оценкой, описываются как время ожесточенной борьбы партии с уклонами, сразу же подвергнутыми жесткому осуждению:

«Происки международной реакции были тем более опасны, что внутри страны долгое время шла ожесточенная классовая борьба... После смерти Ленина в партии активизировались враждебные течения — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, стоявшие на позициях отказа от ленинской теории о возможности победы социализма в одной стране, что на деле вело бы к реставрации капитализма в СССР. Партия развернула беспощадную борьбу против этих врагов ленинизма» (10).

В этом контексте Сталин снова предстает тем, кто «был предан марксизму-ленинизму, как теоретик и крупный организатор возглавлял борьбу против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков капиталистического окружения» (11).

Здесь не было высказанной в секретном докладе «похвалы» Бухарину и Рыкову, снискавшим заслуги в борьбе против Троцкого. Тем самым единственное свидетельство возможной гражданской реабилитации Бухарина и Рыкова уступило сплошному осуждению, ориентированному на повышение значения Сталина. Умереннее стала и критика репрессий 30-х гг., так как теперь, в отличие от секретного доклада Хрущева, не приводились примеры нарушений закона, а акцент делался на абстрактное осуждение нарушений социалистической законности (12) — ведь именно эти примеры вызвали большое внимание в стране и за границей, особенно в рядах коммунистических партий. К тому же, отсутствовало какое-либо указание на то, что и бывшие внутрипартийные оппозиционеры подвергались неоправданным репрессиям.

В действительности шансы на реабилитацию бывших внутрипартийных оппозиционеров были не особенно высоки в рамках осуждения репрессий, теперь явно ставшего более абстрактным, более общим. Об этом свидетельствовали результаты деятельности возглавлявшейся Молотовым комиссии по «проверке открытых судебных процессов Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других», 10 декабря 1956 г. представленные ЦК КПСС. В заключении о проверенных комиссией материалах указано, с одной стороны, что «массовые репрессии по государственной линии явились результатом злоупотребления властью со стороны И. В. Сталина, а также пробравшихся в органы НКВД карьеристов и провокаторов, фальсифицировавших дела на честных советских граждан» С другой же — комиссия пришла к выводу, что «оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева... не имеется, поскольку они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма в СССР» (13). Отсюда следует, что подготовленная уже 7 июля 1956 г. Прокуратурой СССР «Справка по результатам изучения дела антисоветского право-троцкистского блока» не смогла воспрепятствовать политически мотивированному исключению Бухарина и других видных обвиняемых в процессе марта 1938 г. из какой бы то ни было формы реабилитации.

Такое развитие событий означало явную модификацию с конца июня 1956 г., т. е. с постановления «О преодолении культа личности и его последствий», отношения к внутрипартийной оппозиции, сформулированного в секретном докладе Хрущева. Наряду с политическим повышением роли Сталина акцент делался теперь не на юридическом выяснении обстоятельств репрессий (включая репрессии против бывших идеологических противников), а на абстрактном осуждении террора без приведения примеров и формулирования отправных точек.

1. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ

Только в июне 1957 г. консенсус в Президиуме ЦК КПСС, заключающийся в том, чтобы не касаться вопросов репрессий и внутрипартийной оппозиции, был нарушен. Это произошло в ходе борьбы за власть между членами Президиума с 18 по 29 июня, известной как борьба против т. н. «антипартийной группы».

Сначала 18–21 июня состоялось заседание Президиума, на котором было выдвинуто требование сместить Хрущева с его поста первого секретаря ЦК партии. Молотову, Кагановичу и Маленкову удалось, основываясь на различиях во внутри- и внешнеполитических вопросах, привлечь на свою сторону членов Президиума Сабурова и — временно — также Булганина, Первухина и Ворошилова. Но, как известно, смещение Хрущева не состоялось, ибо он, поддержанный членами Президиума Микояном, Кириченко, Суловым и всеми кандидатами в члены Президиума, сослался на то, что соответствующая мера может быть осуществлена только Пленумом ЦК. Этому требованию придало весомость присутствие в зале заседаний многочисленных членов ЦК, мобилизованных секретариатом. 22 июня был действительно созван пленум ЦК. Наконец, 29 июля он принял решение о снятии руководителей «антипартийной группы» Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и В. М. Молотова со всех их постов (14). В то же время состоялись широкие кадровые перестановки в пользу Хрущева в высших партийных и государственных органах (15). Ворошилов, Булганин, Сабуров и Первухин, симпатизировавшие «антипартийной группе», были смещены со своих постов только в конце 1957 и начале 1958 гг.

Соответствующее заседание Президиума и пленум ЦК интересны в рамках данной постановки вопроса потому, что важную роль в происходившем на них обмене словесными ударами играли как репрессии 30-х — 50-х гг., так и использование категорий «правый уклон» и «троцкист». Здесь проявились новые перспективы отношения к бывшей внутрипартийной оппозиции.

Главное обвинение семерых членов Президиума против Хрущева заключалось в том, что он нарушил принцип коллективного руководства и создает культ собственной личности. Они доказывали свою позицию с помощью многочисленных отдельных обвинений,

касавшихся внутри- и внешнеполитической деятельности Хрущева (16). В принципе речь шла о том, что первый секретарь не спрашивал благословения президиума на каждое выступление и каждое интервью и что возросла его популярность в партии и вне её. Представители государственного аппарата боялись за свое влияние. В отличие от большинства членов Президиума, которым не нравился политический стиль Хрущева, Молотов, Каганович и Маленков ещё раз заострили свою критику, применяя против него ярлыки, обычные для время Сталина. Так, на заседаниях Президиума 18 и 19 июня Молотов осуждал лозунг Хрущева «догнать и перегнать» США по производству мяса и молока (17) как «правый уклон» (18). По данным Микояна, Каганович к тому же характеризовал первого секретаря как «троцкиста», так как он в 1923 г. во время дискуссии о внутрипартийной демократии склонялся не к Ленину, а к Троцкому (19).

Те же, кто поддерживал Хрущева, использовали другую тактику: они опирались в основном на архивные материалы 30-х — 50-х гг., компрометировавшие Молотова, Кагановича, Маленкова и отчасти Ворошилова. Первым перешел в «контрнаступление» против них маршал Жуков. Не входя в суть обвинений против первого секретаря, он обвинил их наряду с принципиальным неуважением к ЦК в активном участии в репрессиях в 1936–38 гг. и пригрозил опубликовать документы 1937 г. (20):

«...Я хочу огласить некоторые факты, которые я лично узнал только в последний период времени. Из этих фактов видно, что эти преступления делались не только под влиянием Сталина, но и по своей собственной инициативе, когда воля Сталина, когда культ Сталина не довлел над этими товарищами, а они, засучив рукава, с топором в руках рубили головы» (21).

Жуков приводил многочисленные конкретные примеры участия трех названных лиц в репрессиях; он приводил детали, точные цифры и называл имена высоких партийных и военных руководителей (22). Например, из одного документа явствует, что Сталин, Молотов и Каганович с 27 февраля 1937 г. по 12 января 1938 г. разрешили НКВД приговорить 38 679 человек к высшей мере наказания — расстрелу. Вместе со Сталиным Молотов на протяжении

лишь одного дня, 12 ноября 1938 г., скрепил своей подписью список из 3 167 человек, осуждавшихся к расстрелу (23).

Чтобы подкрепить обвинение в том, что Каганович, Молотов и Маленков не могут все сваливать на Сталина, Жуков процитировал рукописные комментарии к письму командарма первого ранга И. Э. Якира Сталину (24). Согласно заявлению Жукова, замечание Молотова на полях гласило: «Мерзавцы, сволочи и б-ди, всем одна и та же казнь». Каганович: «Смертная казнь» (25). Кроме того, Каганович как нарком путей сообщения несет ответственность за аресты руководящих кадров транспортников. И он, как Молотов, не может сваливать данное обстоятельство на Сталина или «какую-либо тройку». Наконец, Маленкову вменялось в вину намерение создать специальную тюрьму для партработников (26).

Молотов, Каганович и Маленков не смогли противопоставить ничего существенного этим обвинениям, повторенным на пленуме ЦК. На заседаниях пленума 22 и 24 июня они лишь оспаривали отдельные обвинения в участии в репрессиях, ссылались на политическую ситуацию 30-х гг. и представляли себя её жертвами — НКВД систематически вводил их-де в заблуждение (27). Поэтому Каганович и Маленков недвусмысленно приняли на себя только политическую, но не юридическую ответственность за преступления, совершенные в 30-е гг. (28) Правда, политическая ответственность не означала для Молотова и Кагановича ухода с политической сцены. Напротив, чтобы преуменьшить свою политическую ответственность, Молотов цитировал постановление Президиума ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г., в котором руководство подчеркивало, что он, с одной стороны, был очень популярен, а с другой — нарушал законность (29). Поддержанные Шепиловым, Молотов и Каганович не отказались похвалить Сталина с помощью цитаты Мао: у Сталина было 70% хороших и 30% плохих свойств (30). В целом они принципиально выступали против того, чтобы снова ворошить прошлое (31). Шепилов следующим образом сформулировал эту позицию:

«Самое важное, что партия практически уже устранила беззакония, исправила допущенные нарушения. Сейчас историю надо не писать, а делать» (32).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Жуков, в отличие от секретного доклада Хрущева, выдвигал обвинения только в репрессиях против лояльных партийных и армейских кадров. Основные обвиняемые на показательном процессе не упоминались. Он не назвал ни одного имени репрессированных, действительно принадлежавших к внутривнутрипартийной оппозиции.

Так называемая «правая оппозиция» упоминалась только в речи секретаря ЦК Аристова. Он обратился сначала к обвинениям в «троцкизме» и «правом уклоне», которые «антипартийная группа» выдвигала против Хрущева.

«Это значит вернуться к старой терминологии былых кошмарных времен, то есть правотроцкист, добавим к этому ещё слова “группа Хрущева”, и будет полная, законченная формулировка правотроцкистская группа Хрущева» (33).

Терминология заставила Аристова сделать обратные выводы, касавшиеся политических мотивов, которыми руководствовалась «антипартийная группа»: сегодня известно, как Каганович, Молотов и Маленков в прошлом обращались с людьми, характеризовавшимися таким образом. Их цель, по словам выступавшего, была очевидна — сместить Хрущева, захватить власть и расчитаться с неудобными, охарактеризовав при этом как по-прежнему имеющие законную силу многочисленные процессы против «правых» и «троцкистов», в ходе которых были уничтожены тысячи безвинных партийных работников (34).

Тем самым Аристов характеризовал и осуждал понятия «троцкист» и «правый уклон», служившие средством осуществления политики Сталина. Такая позиция отразилась на политической практике, т. к. отныне приверженцы Хрущева не пользовались больше этим ярлыком для политического осуждения «антипартийной группы» (35). Но в этой связи не прослеживается подход к реинтеграции давно идеологически разбитых и раскаявшихся представителей бывшей внутривнутрипартийной оппозиции.

Напротив, информация показывает, что Жуков, вероятно, с помощью Секретариата ЦК получил доступ к избранным архивным материалам, доказывавшим активное участие Молотова, Маленкова и Кагановича в репрессиях 30-х и начала 50-х гг. Материалы представляли собой важнейший рычаг для их окончательного смещения

и недопущения в будущем возвращения к власти (36). Следовательно, архивы использовались как политическое средство. Партийная верхушка и в дальнейшем не отошла от своей монополии на информацию о прошлом (37). Слишком велика была опасность, что не устоит предложенный Хрущевым на пленуме в 1957 г. вариант, в соответствии с которым Политбюро и НКВД вводили в заблуждение партию и его самого, почему и были одобрены многочисленные смертные приговоры (38).

Поэтому против «антипартийной группы» не было выдвинуто юридическое обвинение. Партийное руководство во главе с Хрущевым предпочло решить дело во внутрипартийном порядке, через Комитет партийного контроля (39). Тем самым оно сознательно избежало юридического расследования, которое, выходя за общие места в справке Комитета партийного контроля, имело бы своим результатом основанный на архивных материалах детальный анализ активного участия бывших высокопоставленных функционеров в 30-х — 50-х гг.

Тем самым Хрущев, хотя он и его приверженцы сумели укрепить свою власть, остались на начатом в середине 1956 г. пути сдержанной десталинизации. Проявившиеся в Советском Союзе, в государственных и партийных учебных заведениях и в сфере культуры стремления к собственному осмыслению и новой интерпретации 20–30-х гг. по-прежнему осуждались и подавлялись при подчеркивании ведущей роли партии. Партийное руководство частично восстановило репутацию Сталина и ограничилось абстрактным понятием «культ личности», которое должно было служить некой формулой объяснения террора и репрессий. «Повышение правовой безопасности», обоснованное допускаявшимися в прошлом «нарушениями социалистической законности», осталось мерой, направленной исключительно на сегодняшний день, с помощью которой, правда, предполагалось вернуть веру широких слоев народа и кадров среднего уровня в государство и партию (40). Но поскольку и средние, и высшие функционеры, включая юристов, большей частью получили свои посты именно в результате «чистки», которой подверглись их предшественники, они не были заинтересованы ни в юридическом, ни в политическом осмыслении прошлого, понимаемом как широкая реабилитация жертв.

Тем самым и после исключения из руководства партии «консервативных» сил, группировавшихся вокруг Молотова, все усилия руководства внутри страны были направлены на укрепление доминирующей роли партии, вовне — на то, чтобы не подвергнуть опасности позицию Советского Союза в государствах-сателлитах в результате дальнейшего политического и юридического осмысления прошлого. Следствием продолжения начатой в июне 1956 г. политики нерешительной реабилитации стал учет в ходе её проведения фактически одних лишь верных сталинистов, которые были арестованы под предлогом принадлежности к внутрипартийной оппозиции. Термин «правые и троцкисты» был заклеен в качестве средства сталинской политики и больше не использовался.

2. ДОЗИРОВКА РЕАБИЛИТАЦИИ

Линия на очень осторожное обращение с историей Советского Союза и вытекающая отсюда политика колеблющейся реабилитации прямо сказалась на реабилитации Бухарина и «право-троцкистского блока». Каждый шаг в этом направлении стоял под непосредственным контролем Президиума ЦК КПСС. В конечном счете именно здесь принималось решение о том, кто мог быть реабилитирован. Кажется даже, как показывает упоминающаяся ниже статья Роя Медведева, что решение относительно известных жертв процесса марта 1938 г. принималось индивидуальным голосованием членов Президиума.

По данным А. В. Антонова-Овсеенко и Ж. Медведева, ссылающегося на высказывания Хрущева в 1968 г., в 1958 г. партийное руководство снова обсуждало показательный процесс марта 1938 г (41). По словам Медведева, на заседании Президиума обсуждались двадцать дел осужденных во время процесса Бухарина и некоторых других видных деятелей. В заседании участвовали представители коммунистических партий Франции (М. Торез), Англии (Г. Поллит) и Италии.

Как рассказывается в названных статьях, Верховный Суд и Генеральная Прокуратура СССР подготовили документ, подтверждав-

ший невиновность осужденных. Медведев пишет, что Хрущев и Итальянская компартия выступали за реабилитацию Бухарина, Рыкова и других осужденных, М. Торез и Г. Поллит (вместе с другими членами Политбюро, например, М. Суловым) (42) голосовали против этого, опасаясь утраты членов партий и сочувствующих им (43). Согласно Медведеву, Хрущев во время дискуссии потерял самообладание и упрекнул Тореза: «Вы не настоящий коммунист, если боитесь правды!» (44).

Но необходимое для широкой реабилитации большинство так и не сложилось, хотя некоторые из осужденных вместе с Бухариным были реабилитированы на этом же заседании. По данным Медведева, было принято решение о медленном процессе индивидуальной реабилитации, и главным фигурам процесса 1938 г., Бухарину и Рыкову, предстояло оказаться в самом конце.

Данные Медведева о заседании Президиума в 1958 г. ещё не поддаются проверке, т. к. соответствующие протоколы заседаний недоступны, находясь в Президентском архиве. Тем не менее на основе других архивных материалов можно доказать, что с 1958 г. до конца 60-х гг. были действительно формально реабилитированы 10 обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока», а пять из них — юридически. Но, как представляется, на заседании Президиума в 1958 г. было принято решение о реабилитации только трех лиц, т. к. в 1959 г. было реабилитировано именно столько обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока». В ходе кассационного процесса, состоявшегося в Военной Коллегии Верховного Суда СССР 14 июня 1959 г., были пересмотрены дела Г. Ф. Гринько (бывший нарком финансов), В. И. Иванова (бывший нарком лесного хозяйства) и И. А. Зеленского (бывший председатель Центросоюза), и формальная реабилитация последовала 10 июля 1959 г (45). Из этих троих гражданская реабилитация выпала только на долю Иванова и Гринько, правда, лишь в 1963 и 1964 гг. (46)

Формальная реабилитация бывшего заместителя наркома иностранных дел Н. Н. Крестинского состоялась даже только 6 марта 1963 г., Ф. У. Хождаева (бывшего заместителя Председателя Совнаркома Узбекистана) 6 марта 1965 г., С. А. Бессонова (бывшего советника полпредства СССР в Германии) 7 февраля 1966 г. Только А. И. Икрамов (бывший первый секретарь ЦК КП (б) Узбекистана)

был формально реабилитирован уже 3 июня 1957 г. (47) Гражданская реабилитация Икрамова состоялась в 1959, Крестинского в 1963, а Ходжаева в 1966 гг. (48) Шарангович был формально реабилитирован в 1963 г. (49) Формальной реабилитации Д. Д. Плетнева, бывшего профессора Института функциональной диагностики, обвинявшегося в отравлении Куйбышева и Горького, удалось добиться лишь вскоре после смерти К. У. Черненко, 5 апреля 1985 г. (50). Кроме того, из протеста Генеральной прокуратуры СССР по делу Бухарина от 21 января 1988 г. явствует, что формальная реабилитация П. Т. Зубарева, заместителя наркома земледелия, состоялась до 1988 г. (51).

Но в процессе реабилитации речь шла исключительно о людях, никогда не входивших в оппозиционные группы, а лишь арестованных под предлогом принадлежности к оппозиции. Удалось доказать только применительно к Крестинскому и Зеленскому наличие в прошлом контактов с Троцким и соответственно Зиновьевым и Каменевым (52). Но оба они — второстепенные представители оппозиции, уже довольно рано лишившиеся политического влияния (53).

По понятным причинам статья Медведева едва ли может содействовать разъяснению хода внутренних дискуссий о реабилитации. Напротив, она создает впечатление того, как политический климат или возможность реабилитации бывших внутривластных оппозиционеров оценивались историком, не находящимся под непосредственным влиянием партии. Данная Медведевым характеристика заседания Президиума 1958 г. описывает нерешительность политического руководства в вопросе о дальнейшем обращении с Бухариным и другими пользовавшимися международной известностью обвиняемыми на показательном процессе в марте 1938 г. Статья наводит на мысль о том, что реабилитация Бухарина не состоялась в конце концов из-за возражений со стороны иностранных гостей из Англии и Франции, опасавшихся потерять лицо, хотя документ Верховного Суда и Генеральной Прокуратуры разрешил формальную реабилитацию (54).

В комментарии к сообщению Медведева историк Стивен Коэн считает, что, в данной связи более вероятно, что возражения западных товарищей не имели существенного влияния на решение Президиума.

диума, а лишь использовались Хрущевым для прикрытия сильной внутрипартийной оппозиции против него и его планов реабилитации (55).

Существенно, однако, возникшее у Медведева и Коэна впечатление о том, что Хрущев, поддержанный лидером ИКП, выступил за ширококомасштабную реабилитацию Бухарина и других видных жертв показательного процесса в марте 1938 г., но потерпел поражение из-за соотношения сил.

Но на основе предшествовавших исследований возможна и другая интерпретация заседания Президиума ЦК в 1958 г.: Хрущев и его приверженцы после консолидации их власти в 1957 г. не отменили консервативный курс, начатый в июне 1956 г. с постановлением «О преодолении культа личности и его последствий», а придерживались линии частичного возвышения Сталина и проводили политику нерешительной реабилитации. С учетом этого полемика Хрущева против Гореза предстает лишь риторикой, призванной успокоить ИКП, которая одна, невзирая на все возможные последствия для авторитета коммунистических партий, энергично требовала реабилитации «право-троцкистского блока». Вероятно, что намеченный в секретном докладе на XX съезде путь по меньшей мере формальной реабилитации руководителей бывшей «правой оппозиции», т. е. конкретно Бухарина, рассматривался Хрущевым теперь, в 1958 г., как угроза внутри- и внешнеполитической стабильности, и в политическом руководстве на сей счет не было разногласий.

Можно поставить и вопрос о том, не способствовали ли Медведев и Коэн своей интерпретацией формированию положительного мифа о Хрущеве, возникшего из-за его секретного доклада на XX съезде и высказываний, содержащихся в мемуарах. Они представляют его защитником «правды», не добившимся успеха из-за неблагоприятного для него соотношения сил. Но столь же обоснованным будет и обратное предположение о том, что Хрущев как действующий политик не думал серьезно о реабилитации Бухарина, Рыкова и Томского, будучи заинтересован прежде всего в сохранении своей власти. Выраженное в мемуарах раскаяние в том, что не последовала реабилитация бывшей внутрипартийной оппозиции, может быть связано с тем, что теперь, задним числом, Хрущев понял, что, не пойдя на реабилитацию этих бывших оппозиционеров, он нарушил

неустойчивое равновесие между реформистскими силами и старыми сталинистскими структурами, из которого длительное время извлекал выгоду (56).

3. ОЦЕНКА БУХАРИНА ОФИЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ МЕЖДУ XX И XXII СЪЕЗДАМИ

Воздействия политической «погоды» на условия для осмысления прошлого и тесно связанной с этим политики реабилитации особенно четко прослеживаются на примере оценки Бухарина исторической наукой.

Делегаты XX съезда в феврале 1956 г. потребовали создания научно фундированного официального труда по истории партии и в то же время резко критиковали изданный при Сталине комиссией ЦК «Краткий курс истории ВКП (б)» (57). Он, по словам делегатов, содержит фальсификацию истории и не является марксистским. В 1959 г. вышел новый вариант «Истории КПСС» (58). Кроме того, в конце 50-х — начале 60-х гг. государственные издательства приступили к публикации большого количества сборников документов (59) и «Полного собрания сочинений» Ленина (60).

В сравнении с эрой Сталина с XX съезда в целом улучшились возможности историков по изучению истории Советского Союза. Началось интенсивное изучение деятельности местных парторганизаций, и во многих работах можно было заметить использование архивных материалов. Кроме того, расширился круг исследователей (61).

Правда, важные темы истории СССР, как, например, внутрипартийная борьба 20-х гг., по прямому указанию политического руководства и далее оставались вне рассмотрения. С середины 1956 г. усилилось политическое давление на научные институты, в особенности на историков (62). Постановка тем и методы работы регламентировались. Особенно показательными оказались усилия по критическому рассмотрению проблем борьбы за власть после смерти Ленина. В этом вопросе политическое руководство установило жесткие нормативно-идеологические границы.

Так, историк и бывший сотрудник Отдела агитации и пропаганды ЦК Э. Н. Бурджалов при поддержке некоторых коллег попытался в конце 1956 г. добиться публикации в журнале «Вопросы истории» нескольких статей, которые должны были отчасти пересмотреть изложение внутрипартийной борьбы» после смерти Ленина (63). 9 марта 1957 г. ЦК КПСС рассматривал эти тенденции в журнале «Вопросы истории». Заседание завершилось принятием постановления «О журнале “Вопросы истории”», в котором шла речь о недопустимости трактовать в «объективистском духе» вопрос об «уничтожении оппортунизма» — явный намек на Бухарина и т. н. «правый уклон» — под предлогом борьбы против культа личности (64). В то же время под лозунгом «Бой ревизионизму» в газетах, научных журналах и политических справочниках развернулась полемика против «правооппортунистических тенденций» в коммунистических партиях государств Варшавского договора (65). Очевидно, трудности экономической и внешнеполитической переориентации Советского Союза не должны были более усугубляться публичной полемикой о причинах и следствиях эры Сталина.

Политика создания идейно-политических барьеров для осмысления истории 20–30-х гг. прямо отразилась в описании и оценке политического пути бывших внутрипартийных оппозиционеров, например, Бухарина, Рыкова, Зиновьева и Каменева в официальной историографии. Так, бельгийский общественед Эрнест Мандель иронически писал в рецензии на вышедшую в 1959 г. «Историю КПСС», что самое большое изменение по сравнению с «Кратким курсом» 1938 г. касается московских показательных процессов (66):

«В новом варианте старые большевики, вожди партии, члены ленинского ЦК, строители Советского государства, которым во время этого процесса предъявлялись ложные обвинения в тяжелых преступлениях, не реабилитируются. Не говорят и о том, что эти процессы были грязными инсценировками. Напротив, все эти эпизоды, характерные для того, что на официальном советском жаргоне сегодня прикрывается ярлыком “культа личности”, обходятся молчанием» (67).

Относительно оценки Бухарина при анализе основных советских трудов по истории, например, различных изданий «Истории КПСС» (68), «Полного собрания сочинений» Ленина (69), переизда-

ний протоколов съездов партии (70) и сборника документов об Октябрьской революции (71), вышедших во второй половине 50-х и 60-е гг., складывается следующая картина. Сначала можно заметить как вполне положительное явление, что сборники документов по сравнению с более ранними и вторым изданием БСЭ (1948–60) допускают создание гораздо более дифференцированного образа Бухарина (72). Так, во-первых, цитата Ленина, в которой он характеризует Бухарина как «любимца партии», но в то же время упрекает его в теоретических слабостях, и, во-вторых, различные документы, в которых упоминается Бухарин, свидетельствуют скорее о его критическом, но принципиальном согласии с линией партии. Отдельные краткие биографии в ВОСР (1957–68) и в полном собрании сочинений Ленина, а также введения и примечания к протоколам съездов согласуются, тем не менее, с обычным для 60-х гг. восприятием Бухарина, углубляя представление о его ведущей роли в борьбе против партии (73). Труды, входящие в полное собрание сочинений Ленина, а также введения и примечания к протоколам съездов особенно подчеркивают наряду с сотрудничеством Бухарина с Троцким, его теоретическую несостоятельность, т. е. якобы антиленинские, антипартийные, даже немарксистские позиции на всех важнейших фазах развития Советского Союза. Применительно к дореволюционному времени он характеризовался как немарксистский теоретик государства (74), в 1918 г. во время переговоров о Брестском мире как сторонник войны, выступавший против Ленина, затем в ходе дискуссии о профсоюзах как сообщник Троцкого и, наконец, как «правый оппортунист», чью экономическую концепцию и теорию общества осуждали как антиленинскую (75). Но и здесь не упоминался показательный процесс 1938 г., а речь шла только об исключении из партии в 1937 г.

Таким образом, после XX съезда показательный процесс марта 1938 г. перестал прямо использоваться для осуждения Бухарина как теоретика и идеолога или для дискредитации его политической карьеры. Но косвенным образом пункты обвинения продолжали играть важную роль, т. к. их содержание, коль скоро оно касалось теоретической и политической позиции Бухарина и сферы его политической деятельности, модифицировалось или замалчивалось в различных изданиях истории партии с 1959 г., энциклопедиях или

комментариях к сборникам документов. Так, в истории партии, в полном собрании сочинений Ленина и в заново изданных в конце 50-х — начале 60-х гг. протоколах I-XVI съездов партии было удалено обвинение Бухарина в том, что он стал шпионом и участвовал в террористических акциях, имевших целью убийство партийных руководителей и других лиц (76). Тем самым смягчается ранее обычное против него обвинение — намерение добиться введения капитализма. Бухарин действовал теперь только как поддерживавший капиталистические элементы, т. е. как проводник политики, которая на практике могла бы привести к капитализму (77).

Говоря о его взглядах и политической деятельности, осуждали прежде всего их направленность против партии, содержащийся в них опасный оппозиционный потенциал и антиленинский (а также антимарксистский) характер. Кроме того, Бухарина представляли как важнейшее связующее звено между различными легальными и нелегальными оппозиционными силами в СССР. С точки зрения внешнеполитической, Бухарин, требовавший совместной борьбы коммунистов и социал-демократов против фашизма, также не считался предметом дискуссии, хотя советское руководство, например, с конца 60-х гг. признавало, что политика Сталина по отношению к социал-демократии была ошибочной (78).

Таким образом, различные издания официальных советских исторических трудов и публикаций источников ясно показывают границы реабилитации Бухарина. Частичный пересмотр процесса в марте 1938 г. был возможен благодаря тому, что борьба «правых уклонистов» против партии не характеризовалась больше как направлявшаяся империалистическими государствами, а рассматривалась как внутрипартийная борьба. Тем не менее пункты обвинения, отмеченные воздействием идейно-политических позиций, по-прежнему играли центральную роль в системе доказательств историков, уличавших Бухарина в руководстве различными внутрипартийными оппозиционными группами в 20-е гг.

Эта тенденция к ограничению свободного пространства для исторической науки, которой становилось все труднее поднимать жгучие темы и интерпретировать их, отклоняясь от линии партии, дала стимул историкам, с беспокойством наблюдавшим за политической десталинизацией, сформулированной в секретном докладе Хру-

шева. Молодым историком из этого круга был и Ф. М. Ваганов, который в 1960 г. закончил свою диссертацию, посвященную политическому повороту 1928–29 гг. Она затрагивала, таким образом, именно тот период советской истории, когда Политбюро, где доминировал Сталин, вопреки курсу нэпа и против воли Бухарина, Рыкова и Томского приняло программу сверхиндустриализации, за которой последовало создание сельского хозяйства нового типа, коллективного хозяйства, опирающегося на индустриальные методы.

Темой диссертации Ваганова была «Борьба Коммунистической партии против правого уклона в период подготовки развернутого наступления социализма по всему фронту» (79). Он имел привилегию работать в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС, где, по собственным словам, мог ознакомиться со стенографическими отчетами пленумов ЦК 1928–29 гг. В этом архиве ему было также позволено использовать письма в ЦК, написанные Бухариным в этот период. В качестве дополнительной источниковедческой базы ему служили Партийный архив Института истории партии МК и МГК КПСС и архивы Свердловского и Тюменского обкомов КПСС.

Эта работа не отличается существенно от раздела о «правом уклоне» в «Истории КПСС» 1959 г., но метод раскрытия темы и оценки политики Бухарина представляет собой однозначное оживление позиций «Краткого курса истории ВКП (б)», имевшего силу при Сталине. Как и в «Кратком курсе», Ленин возводится в неоспоримый масштаб оценки «право-троцкистского блока». Ваганов бездоказательно утверждает, что в основу коллективизации и индустриализации, решения о проведении которых были приняты в 1928–29 гг., легли соответственно ленинский кооперативный план и выдвинутые Лениным тезисы о роли тяжелой промышленности (80). Чрезвычайные меры против кулаков, т. е. крестьян, добившихся определенного благосостояния в годы нэпа, автор отождествляет с ленинской классово-политикой. Выдворение Бухарина, Рыкова и Томского с руководящих постов Сталиным является, по его мнению, защитой ленинского единства и генеральной линии партии (81). Исходя из таких предпосылок, Ваганов может «объективно» оценить «правый уклон»:

«Оппортунистическая группа Бухарина, Рыкова, Томского, поврав с ленинизмом, пыталась свернуть партию с ленинского пути,

разрушить её идейное и организационное единство и тем самым сорвать дело социалистического строительства в нашей стране (82)».

Бухаринцы, по утверждению автора, имели целью превращение Советского Союза в «придаток империалистических государств», намереваясь воспрепятствовать индустриализации и выступая за превращение страны в аграрно-сырьевую. Следствием политики Бухарина была бы реставрация капитализма (83). Автор интерпретирует требование «правых уклонистов» о замедлении темпа индустриализации и отмене чрезвычайных мер против кулаков (индивидуального обложения, ликвидации единоличных хозяйств, принудительного переселения) вследствие хлебного кризиса 1929 г. как намерение Бухарина «развязать руки капиталистическим элементам» и сознательно поставить под угрозу питание рабочих (84).

Наконец, беседы Бухарина с Каменевым во время июльского (1928 г.) Пленума ЦК рассматриваются как доказательство формирования направленного против партии блока «правых уклонистов» с троцкистами. В докладе Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. «О правом уклоне в ВКП (б) с «большой ясностью» — другие данные об аргументации Сталина отсутствуют — была показана несовместимость правого уклона с генеральной линией партии (85).

Таким образом, диссертация Ваганова представляет собой вариант стереотипа интерпретации политических и экономических процессов, утвердившийся с 1928–29 гг. Автор пытается, как того требовала с 1929 г. официальная историография, доказать, что все трудности в стране объяснялись деятельностью внутренних и внешних врагов. Принцип эпохи нэпа — при анализе проблем экономики и общества делать акцент на ошибки самой государственной власти — также не имеет значения для Ваганова. Напротив, он безоговорочно соглашается с сегрегацией целых социальных групп. В соответствии с этим Ваганов описывает индустриализацию и коллективизацию как полный успех, что должны доказать приведенные в его диссертации цифры экономических достижений. Правда, цифры малоубедительны, т. к. используются только абсолютные показатели (86). Автор ни словом не упоминает о трагических для людей и роковых для экономики последствиях коллективизации и индустриализации. Разумеется, он не уделяет внимания и той высокой цене, которую

населению Советского Союза, прежде всего рабочим, пришлось уплатить за высокие показатели в промышленном секторе Советского Союза, достигнутые в 30-е гг. несмотря на крайнее ослабление сектора пищевой промышленности (87).

Возникает впечатление, что диссертация Ваганова представляет собой обобщение тех газетных и журнальных статей, которые в 1937 г. начали идеологическое осуждение Бухарина и Рыкова, прежде чем они в 1938 г. были преданы суду. Совпадения (88) метода и содержания однозначны. Обобщение информации и тенденция оценок свидетельствует о прямом заимствовании псевдонаучного стиля 30-х гг. На этот счет не могут обмануть и отрывочно цитируемые Вагановым архивные материалы, служащие только легитимации позиции автора.

Тем самым проводившаяся с июня 1956 г. Президиумом и ЦК политика, лишь абстрактно направленная против культа личности Сталина, привела к тому, что Сталин в диссертации Ваганова не оказывается в центре в той мере, как это было в 30-е гг., хотя его цитаты можно найти в важных местах. Руководителя «правого уклона» Бухарина Ваганов считает величайшей опасностью для Советского государства и партии в 1928–29 гг.

Несмотря на консервативную тенденцию в исторической науке, примером чего является проанализированная нами диссертация Ваганова, подготовка к XXII съезду должна была показать, что ещё существовали шансы и пути реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для этой цели анализировались статьи, помещенные в «Правде», и опубликованная только в 1993 г. стенограмма пленума ЦК. Она была опубликована под названием «Последняя “антипартийная” группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС». — «Исторический архив», 1993, № 3–6, 1994, № 1–2. Анализировались также кадровые решения и развитие событий на национальном и международном уровне.

2. Хотя речь идет в основном о процессах, происходивших «за кулисами», которые еще не могут быть документально доказаны, — например, решения Президиума ЦК

КПСС недоступны, находясь в Президентском архиве в Кремле, — таким образом можно создать впечатление.

3. Ср. наряду с нижеследующими высказываниями замечание А. И. Микояна на июньском (1957 г.) пленуме ЦК о значении венгерского и польского кризисов. См. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Заседание третье. Вечернее, 24 июня 1957. — «Исторический архив», 1993, № 4, 1994, с. 22.

4. Постановление Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». — «Правда», 2 июля 1956 г., с. 1–3, цит. по КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1971, т. 7, с. 199–218.

5. *Meißner B. Rußland unter Chruschtschow.* — München, 1960, S. 283. *Leonhard. Kreaml ohne Stalin...* S. 232.

6. *Meißner B. Rußland...*, S. 7–9.

7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1971, т. 7, с. 208.

8. Там же, с. 208

9. Ср. *Барсуков Н. А.* Оборотная сторона «оттепели». Историко-документальный очерк. — «Кентавр», 1993, № 4, с. 132–136.

10. КПСС в резолюциях..., т. 7, с. 205.

11. Там же, с. 206.

12. Там же, с. 206.

13. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Заседание третье. Вечернее, 24 июня 1957. — «Исторический архив», 1993, № 4, 1994, примечание 85 (с. 80).

14. Ср. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. — «Исторический архив», 1993, № 4–6, *Хрущев Н. С.* Материалы к биографии. Под ред. Ю. В. Аксютин. — М., 1989, с. 44.

15. *Leonhard. Kreaml ohne Stalin...* S. 275–276 ff., 396. Почти половина членов нового Президиума ЦК КПСС (7 из 15) были выходцами из Секретариата ЦК, контролировавшегося теперь Хрущевым.

16. Ср. в особенности первое заседание пленума ЦК, на котором повторялись отдельные обвинения против Хрущева («Последняя “антипартийная” группа...») — «Исторический архив», 1993, № 3.

17. 22 мая 1957 г. на конференции специалистов-аграрников Северо-запада в Ленинграде Хрущев выступил с речью, в которой утверждал, что Советский Союз сумеет за четыре года догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. Ср. *Meißner B. Rußland...*, S. 30 ff.

18. Ср. в этой связи заявления Суслова, Микояна, Молотова и Аристов: «Последняя “антипартийная” группа...». — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 6–12, с. 72–73, № 4, с. 40, 59.

19. Там же, 1993, № 3, с. 62, № 4, с. 41, 59. Молотов повторил эту точку зрения в 1971 г. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991, с. 392. В своих мемуарах Хрущев касается этих обвинений и пишет, что в 1923 г. он действительно голосовал за резолюцию Троцкого, в чем признался Сталину в 1937 г. Ср. *Хрущев Н. С.* Мемуары. — «Вопросы истории», 1990, № 4, с. 77, *Хрущев Н. С.* «Сам я не слышал, но мне говорили...». Сост. *Анфилов В. А.* — «Военно-исторический журнал», 1994, № 4, с. 89 и сл.

20. Так как заседания Президиума 18–21 июня 1957 г. не протоколировались, по поводу речи Жукова пришлось обратиться к стенографическому протоколу заседания пленума от 22 июня. В этот день Жуков выступил с речью такого же содержания. Ср. Последняя «антипартийная» группа... — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 15–20, № 4, с. 57.

21. Там же, 1993, № 3, с. 17.

22. Там же, с. 17 и сл.

23. Там же.

24. Якир был обвинен летом 1937 г. вместе с Тухачевским в создании «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии и казнен. Ср. *Schützler H.* (Hrsg.) *Schauprozesse unter Stalin 1932–1952. Zustandekommen, Hintergründe, Opfer.* — Berlin, S. 255–304.

25. Русская цитата Молотова такова: «Мерзавцы, сволочи и б — одна кара». На первый взгляд «б» кажется бессмысленным, но, вероятно, за буквой «б» следует точка, характеризующая сокращение. Если это предположение верно, то «б.» можно было бы перевести как «бляди». Ср. Последняя «антипартийная» группа... — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 18.

26. Там же; Н. П. Дудеров, министр внутренних дел в 1956–60 гг., добавил на заседании пленума ЦК 22 июня 1957 г. после речи Жукова детали о причастности Маленкова к «Ленинградскому делу» и к репрессиям в Белоруссии. Ср. там же, с. 26.

27. Там же, с. 43 и 86.

28. Там же, с. 43 и 85.

29. См. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1971, т. 7, с. 209.

30. Последняя «антипартийная» группа... — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 44, 1993, № 4, с. 11, 17.

31. Там же, № 3, с. 44.

32. Там же, № 4, с. 17.

33. Там же, с. 59.

34. Там же.

35. Эти выражения продолжал употреблять только Ф. Козлов. Ср. *Leonhard. Krenl ohne Stalin...* S. 232.

36. В 1959 г. Молотов пытался добиться реабилитации в Комиссии партийного контроля, но его просьбы отклонялись. Ср. *Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. П.* (сост.). *Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов.* — М., 1991, с. 87. Правда, в 1984 г. Молотов был восстановлен в партии. Ср.: *Молотов В. М.* Краткая биография. — «Известия ЦК КПСС», 1990, № 7, с. 112.

37. Характерно, что архивные материалы, на которые ссылался Жуков, до 1992 г. были недоступны. Ср. *Нажадоров А.* «Я противник политической археологии» — утверждает профессор истории, руководитель Государственной архивной службы России Рудольф Пихоя. — «Независимая газета», 1993, 31 марта, с. 5.

38. Последняя «антипартийная» группа... — «Исторический архив», 1993, № 3, с. 43.

39. Комитет партийного контроля лишь констатировал в своем ежегодном отчете, что после обстоятельного исследования имеющихся документов и бесед с коммунистами были подготовлены многочисленные факты, уличавшие Маленкова, Молотова и Кагановича в массовом уничтожении партийных, хозяйственных, армейских, советских и других кадров. Ср. «Из отчета о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с

XX по XXII съезд КПСС (1956–1961 гг.)). В: *Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. П.* (сост.) Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов, с. 80–91.

40. В 1956–1962 гг. имела место широкомасштабная правовая реформа, которую известный американский историк права Г. Берман оценивает как широкую либерализацию правовой системы. Ср. *Bermann. Justice...*, p. 72–96.

41. *Medvedev Zh. A Postscript by Zhores Medvedev. — Coates K. The Case of Nikolai Bukharin. — Nottingham, 1978, p. 102–105, Antonov-Ovseenko A. V. Time of Stalin. — New York, 1980, p. 322–339; Medvedev Zh. More starting revelations about Krushchev's attempt to rehabilitate Bukharin. — «Tribune (London)», 15.9.1978, p. 3.*

42. У Г. Поллита были все основания голосовать против реабилитации Бухарина и Рыкова, т. к. эта реабилитация могла бы воздействовать и на его собственную позицию во главе КП Великобритании. 19 марта 1938 г. он сам следующим образом комментировал процесс: «Процесс политических и моральных вырожденцев — мощная демонстрация силы Советского Союза». Во время поездки по Советскому Союзу, последовавшей за заседанием, Поллит также продемонстрировал свои безоговорочно сталинистские взгляды. Ср. *Coates K. The Case of Nikolai Bukharin, p. 58–60.*

43. *Medvedev Zh. A Postscript by Zhores Medvedev. — Coates K. The Case..., p. 102; Medvedev Zh. More starting revelations..., p. 3.*

44. *Medvedev Zh. More starting revelations..., p. 3.* («You are not a real Communist if you are afraid of the truth!»).

45. Уже 19–20 июня 1959 г. Военная Коллегия подготовила письма вдовам реабилитируемых о возвращении конфискованного имущества и прекращении дела. Ср.: *Дела Гринько Г. Ф., Иванова В. И., Зелинского И. А. В: «Судебное производство по делу: Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского». Архив МБ РФ, дело № 13614, т. 53, л. 123–128, 138.*

46. *Shapiro J. P. Rehabilitation Policy and Political Conflicts in the Soviet Union 1953–1964, — Columbia University, Ph. D., 1967, p. 352.*

47. *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора, с. 213.

48. *Shapiro J. P. Rehabilitation Policy..., p. 352–353.*

49. Там же, p. 354.

50. *Wheatcroft St. G. Glasnost' and Rehabilitations. — Ito T. (Ed.): Facing Up to the Past Soviet Historiography under Perestroika. — Sapporo (Japan), 1989, p. 208;* относительно гражданской реабилитации Плетнева см. *Топольянский В.* Он слишком много знал. — «Литературная газета», 15 июня 1988 г.

51. ПРОТЕСТ (в порядке надзора) по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова, Х. Г. Раковского. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 115.

52. О Зеленском ср.: *Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland. — Köln–Berlin, 1962, S. 297.*

53. Крестинский уже в 1921 г. после выдворения из Секретариата ЦК был послан полпредом в Берлин. Следует, однако, подчеркнуть, что в марте 1938 г. на процессе «право-троцкистского блока» он отказался в зале суда от показаний, данных на предварительном следствии. Ср. Там же, с. 352, 428.

54. В своих мемуарах эту версию представляет и Хрущев: «На открытых процессах присутствовали представители братских партий, которые потом свидетельствовали в своих странах о справедливости приговоров. Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на

неопределенный срок». — Н. С. Хрущев. Время. Люди. Власть. — М., 1999, 2-я кн., с. 192.

55. *Cohen St. F.* Rethinking the Soviet Experience. — Oxford/New York 1985, p. 81; *Kolakowski L.* Marxist Roots of Stalinism. — B. R. Tucker (Ed.): Stalinism. Essays in historical interpretation. — Princeton, 1977, p. 283–98.

56. В своих мемуарах Хрущев говорит, что «сегодня» он понял ошибочность решения не реабилитировать Бухарина, Зиновьева и Рыкова. Ср. *Хрущев Н. С.* Указ. соч., с. 192. Хрущев не упускал и других возможностей подчеркнуть это. Ср. *Medvedev Zh. A.* Postscript by Zhores Medvedev. — *Coates K.* The Case..., p. 102.

57. История ВКП (б). Краткий курс. — М., 1938.

58. История КПСС. — М., 1959. Советское издание было подготовлено коллективом авторов во главе с заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым. В последующие годы регулярно выходили новые, частично переработанные издания. Немецкое издание «Истории КПСС», вышедшее в 1960 г. в Восточном Берлине, обстоятельно рецензировалось на Западе. Ср. *Mandel E.* Zur Geschichte der KPdSU. — «Beiträge zur internationalen Arbeiterbewegung», 1977, № 5, S. 127–176; *Skala J.* Der XX. Parteitag und die Neufassung der «Geschichte der KPdSU Geschichte der KPdSU». — *Crusius R., Wilke M.* (Hrsg.). Entstalinisierung. Der XX. Parteitag und seine Folgen. — Frankfurt a. M., 1977, S. 360 f.; *Daniels R.* Das Gewissen..., S. 455.

59. Заново были изданы протоколы съездов с I по XVI. Ср. «Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза». — М., 1958. Кроме того, в 1957–1968 гг. издавались документы Октябрьской революции. Ср.: Великая Октябрьская социалистическая революция. — М., 1957–1968 (сокращенно ВОСР 1957–1968).

60. Труды Ленина выходили в Москве с 1958 г. как «Полное собрание сочинений». В данной работе используется 5-е издание 1967 г., основанное на издании 1958 г.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, Москва, 1967, 5-е издание. (сокращенно Ленин, ПСС, Москва, 1967).

61. *Кислицын С. А.* Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП (б) с так называемым «правым уклоном». Вопросы истории и историографии. — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки», 1989, № 2, с. 17.

62. *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. — Göttingen, 1993, S. 216 f. Ср. по данной теме также *Heer N.* Politics and History in the Soviet Union. — London, 1971; *Hösler J.* Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953–1991. Studien zur Methodologie und Organisationsgeschichte. — München 1995.

63. См. *Кислицын.* Указ. соч., с. 17.

64. «О журнале “Вопросы истории”». Постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. — «Справочник партийного работника», — М., 1957, с. 382.

65. Ревизионизм — главная опасность. Из опыта борьбы коммунистических и рабочих партий против современного ревизионизма. — М., 1958.

66. *Mandel E.* Zur Geschichte..., S. 127.

67. Там же, с. 128; *Skala J.* Der XX. Parteitag..., S. 386 f; *Medwedew.* Die Wahrheit..., S. 204 f.

68. Geschichte der KPdSU. В., 1960; История КПСС. — М., 1962, История КПСС. — М., 1969, История КПСС. — М., 1978.

69. Ленин. ПСС. — М., 1967.

70. XVI съезд ВКП (б). — М., 1958. Соответствующие документы, в которых упоминается Бухарин, были все без исключения опубликованы после 1955 г., но большинство

работ самого Бухарина по-прежнему оставалось под спудом. Ср. *Medwedew R. A. Nikolaj Bukharin*. — L., 1980, p. 166.

71. ВОСР. — М., 1957–1968.

72. *Ленин В. И.* Письмо к съезду. — «Коммунист», 1956, № 9, с. 18; *Ленин*. ПСС, — М., 1967, т. 45, с. 345.

73. ВОСР. — М., 1957–1968, т. 9, — М., 1963, с. 513; т. 8, — М., 1962, с. 521, 575; т. 7, — М., 1961, с. 521, 577; *Ленин*. ПСС. — М., 1967, т. 41, с. 571; XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. — М., 1958., с. 5 и сл., 13, 19.

74. *Ленин*. ПСС. — М., 1967, т. 41, с. 571

75. XVI съезд ВКП (б). — М., 1958, с. 7 и сл., 13.

76. Там же; *Geschichte der KPdSU*. В., 1960; *История КПСС*. — М., 1962, с. 241 и сл.; *История КПСС*. — М., 1969, 3-е, перераб. изд., с. 275; *История КПСС*. — М., 1978, 5-е, перераб. изд., с. 243.

77. *Geschichte der KPdSU*. В., 1960, S. 243; *История КПСС*.

78. *Timmermann H. Gorbatschow — ein Bucharinist? — «Berichte des BIOst»*, 1988, № 15, S. 22 f.

79. *Ваганова Ф. М.* «Борьба Коммунистической партии против правого уклона в период подготовки развернутого наступления социализма по всему фронту (1928–29)». — М., 1960.

80. Там же, с. 4, 8.

81. Там же, с. 9, 17.

82. Там же, с. 3.

83. Там же, с. 4.

84. Там же, с. 9, 5.

85. Там же, с. 15.

86. Там же, с. 8, 10–11.

87. Взгляд западных историков на поворот 1928–29 гг. отражен, в частности, в следующих работах: *Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbachev. Kontinuität und Brüche in der sowjetischen Geschichte*. — Hamburg, 1987, S. 99–12; *Davies R. W. The Socialist Offensive 1929–1930*. — London, 1980; *Merl St. Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im Dorf. 1928–1930*. — Wiesbaden, 1985; *Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. — New York/Oxford, 1994.

88. Ср. *Поспелов П.* Борьба Бухарина и Рыкова против Ленина и партии. — «Правда», 13.3.37, с. 3; *Сорин Г.* Борьба Бухарина и Рыкова против партии Ленина–Сталина. Историческая справка. — «Известия», 2.4.37, с. 3; *Ярославский Е.* Борьба Бухарина и Рыкова против партии. — «Партийное строительство», 20.3.37; *Пономарев Б.* Путь бухаринской группировки от оппозиции к контрреволюции. — «Большевик», № 5–6, 1937, с. 86–103; *Москалев М.* От политического течения к оголтелой банде врагов народа Историческая справка. — Правые реставраторы капитализма. Сборник статей. — М, 1937, с. 113–203.

IV. ВТОРАЯ ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ 1961 г. И ПОПЫТКА РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА

17–31 октября 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, считающийся вторым после XX съезда кульминационным моментом десталинизации.

В отличие от XX съезда теперь причастность некоторых сотрудников Сталина, разумеется, за исключением Хрущева и его доверенных лиц, к массовым репрессиям стала темой открытого обсуждения о соучастии. Первый секретарь ЦК и некоторые другие ораторы называли конкретные примеры и факты участия своих бывших соперников в правительстве и партии в репрессиях. Наряду с этим маневром, продиктованным соображениями борьбы за власть, некоторые подробности о терроре 1936–39 гг. попали в средства массовой информации. В журналах, газетах, художественной и научной литературе развернулась дискуссия о Сталине. Внешним символом этого развития событий стало вынесение тела Сталина из Мавзолея на Красной площади 1 ноября 1961 г. В экономической сфере решения XXII съезда, содержавшие требование большей роли рынка, высказывания против сверхцентрализованного планового хозяйства и связанной с этим административной системы вызвали параллели с экономическими идеями нэпа, в особенности Бухарина (1).

Кроме того, перед съездом имела место многообещающая активность по реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционных групп — составление справок, опросы родственников осужден-

ных. В этой связи на заседания Комитета партийного контроля вызывали также вдову Бухарина А. Ларину-Бухарину, его вторую жену Эсфирь Гурвич, а также дочь Светлану Гурвич-Бухарину.

1. ВОВЛЕЧЕНИЕ РОДСТВЕННИКОВ БУХАРИНА В ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ

Вопрос о реабилитации Бухарина имел с 1956 г. не только политическую и историческую основу, но и определял вполне конкретно и ощутимо судьбу его выживших родственников — ведь только формальная (юридическая) реабилитация мужа или отца могла снять с родственников осужденного официальное клеймо так называемой виновности (2). Это означало возможность вернуться из ссылки в родной город, получить квартиру, претендовать на вдовью пенсию или открыть детям путь к получению надлежащего образования (3).

Родственников Бухарина непосредственно затронуло его осуждение в марте 1938 г. Сразу же после ареста Бухарина на февральско-мартовском пленуме 1937 г. его отцу Ивану Гавриловичу было отказано в пенсии. Три месяца спустя его жену Анну Михайловну Ларину-Бухарину (4) сослали сначала в Астрахань, а затем заключили в лагерь для родственников «врагов народа» в Томске. С декабря 1938 г. она провела более двух лет в пресловутой следственной тюрьме НКВД на Лубянке в Москве, после чего была сослана в Сибирь. Только в 1956 г. вдова Бухарина снова увидела в месте своей ссылки, в Тисуле, сына Юрия (5). Юрий Ларин годами вел «нормальную» жизнь в Центральной России в семье сестры Анны Лариной, не зная о существовании матери. Приехав в Сибирь, он впервые узнал, что он — сын Бухарина.

Первая жена Бухарина Надежда Михайловна Лукина-Бухарина была арестована в конце апреля 1938 г. После бесчисленных допросов и пыток она была приговорена Военной Коллегией Верховного Суда СССР 20 февраля 1940 г. к расстрелу и 9 марта расстреляна. Она не была намерена отречься от Бухарина (6).

Напротив, вторая жена Бухарина Эсфирь Исаевна Гурвич и их общая дочь Светлана поначалу смогли беспрепятственно жить в Москве. В момент ареста отца в 1937 г. дочери было 13 лет. Мать

решила, что следует все-таки сменить фамилию дочери с Бухариной на Гурвич. Затем, в 1939 г., Э. И. Гурвич была со строгим выговором исключена из партии и лишилась половины своей квартиры. Тем не менее Светлана смогла в 1942 г. поступить в Московский архитектурный институт. Поначалу не препятствовали и её переходу на исторический факультет МГУ, но спустя полтора года стало возможным только заочное обучение. В 1949 г. обе женщины были арестованы, доставлены в тюрьму на Лубянку и отправлены в ссылку. Эсфирь Гурвич приговорили к 10 годам лагерей. Осуждение родственников основывалось на добавленной в 1937 г. к Уголовному кодексу ст. 7/35, узаконивавшей аресты и осуждение «членов семьи врагов народа». Светлана Гурвич-Бухарина была осуждена на основе ст. 7/35 Уголовного кодекса, в которой шла речь о «социально-опасных элементах». Она сообщает, что обоснованием её ареста и осуждения служило лишь письменное замечание: «Достаточно изблещена. Дочь Бухарина» (7). Э. Гурвич была в соответствии со ст. 58–10 приговорена к 10 годам лагерей строгого режима.

Сразу после смерти Сталина Светлана Гурвич была освобождена из ссылки. Она смогла продолжить учебу, прерванную в 1949 г. перед экзаменами, но с условием, что будет учиться в любом университете кроме Московского и Ленинградского. Она выбрала университет в Горьком — городе, из которого за ночь можно было доехать до Москвы. На практике Светлана Гурвич рассматривала, в соответствии с её рассказом в 1990 г., это ограничение как вторую ссылку. Летом 1954 г. Светлана Гурвич-Бухарина получила диплом и смогла работать только в техникуме в Челябинской области на Урале, очень далеко от Москвы. Реабилитирована она была лишь в 1956 г.

В своих усилиях по реабилитации матери Светлана Гурвич-Бухарина смогла получить поддержку историка Анны Михайловны Панкратовой — члена ЦК и Президиума Верховного Совета СССР. В 1955 г. Панкратова передала ходатайство Эсфири Гурвич о реабилитации лично Генеральному прокурору Руденко, но тот посоветовал ей подождать предстоящего XX съезда КПСС (8). Четыре года спустя мать с дочерью благодаря личному вмешательству Председателя Комитета партийного контроля Н. Шверника смогли в конце 1961 г. снова получить квартиру в Москве (9).

Сходную судьбу испытала и Анна Ларина-Бухарина. Она была реабилитирована в 1956 г., но вернуться в Москву смогла только в конце 50-х гг. и получила там маленькую квартиру и вдовью пенсию. Её сын начал работать как художник после XXII съезда (10).

Правда, вопрос о реабилитации не рассматривался до 1961 г. и родственниками. Напротив, они избегали его, чтобы не помешать «висевшему в воздухе» процессу собственной реабилитации. Только в марте 1961 г. Комитет партийного контроля пригласил на отдельные беседы Анну Ларину-Бухарину и Эсфирь Гурвич с дочерью Светланой. Отметив, что готовится справка по реабилитации Бухарина, их попросили высказать свое мнение (11). После этой беседы Анна Ларина вместе с сыном передала просьбу о реабилитации своего мужа, к которой она приложила «Завещание» Бухарина, письмо, написанное им незадолго до ареста. Бухарин просил жену зачитать наизусть это письмо, адресованное «Будущему поколению руководителей партии», а потом уничтожить его (12).

Мы не можем решить, соответствует ли рукописному оригиналу 1937 г. это письмо, которое Анна Ларина записала после XX съезда и которое было опубликовано только в начале 70-х гг. (13). Тем не менее обращает на себя внимание то обстоятельство, что анализ 30-х гг., содержащийся в письме, следует обычной для середины 50-х гг. схеме аргументации, т. е. секретному докладу Хрущева и позволяет предположить, что Ларина-Бухарина осуществила тактическое приспособление письма к политике 50-х гг. Причина репрессий объясняется в письме психопатологическим дефектом Сталина — его болезненной подозрительностью. «Выродившийся» НКВД назван исполнителем репрессий.

Отклоняясь по содержанию от секретного доклада Хрущева, но в значительной степени уподобляясь ему по схеме аргументации, Бухарин предстает в передаче Анны Лариной-Бухариной верным сторонником партии и Ленина:

«Ведь нужно же создать организацию, “бухаринскую организацию”, в действительности не существующую не только теперь (...), но и не существовавшую тогда, в годы “правой” оппозиции. (...) Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич» (14).

Вторая жена Бухарина, Эсфирь Гурвич, написала заявление о Бухарине, которое послала в Президиум ЦК КПСС 28 марта 1961 г., после вызова в Комитет партийного контроля (15). Заявление представляет собой описание личного отношения Бухарина к Ленину. Большое место в нем занимает рассказ о встречах в Горках (16), свидетелем которых Эсфирь Гурвич была сначала как сотрудница сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой, а потом как жена Бухарина (17).

Личные качества Бухарина в общении с Лениным предстают в самом лучшем свете. Необычайно живой характер Бухарина, его острая и богатая память, его начитанность и знания в самых разных областях науки и искусства, его предпочтение к теоретическим занятиям в сочетании с молодой жизнерадостностью доставляли Ленину большое удовольствие (18). В заключение Эсфирь Гурвич рассказывает о дружеских отношениях Бухарина с младшей сестрой Ленина Марией Ильиничной Ульяновой, которая работала с ним в «Правде» в качестве ответственного секретаря. После этого описания, выдержанного в очень личных тонах, автор посвящает свое дальнейшее повествование Бухарину как политику, революционеру и теоретику. Она представляет личность, пользовавшуюся всеобщей любовью благодаря поистине сказочно хорошим свойствам характера (19).

Чтобы показать, что Бухарин использовал эти личные качества только для дела партии, Эсфирь Гурвич приводит конкретные примеры. Она изображает Бухарина как редактора «Правды», который сумел, создав хороший климат в коллективе, вновь и вновь побуждать своих сотрудников к плодотворной работе, несмотря на крайне тяжелые условия, и как блестящего оратора, выступившего перед рабочими, которые угрожали забастовкой (20):

По описанию Эсфири Гурвич Бухарин, благодаря свойствам личности и широкой образованности, мог при установлении контактов от имени партии с видными представителями науки, например, с физиологом лауреатом Нобелевской премии И. П. Павловым, завоевывать этих людей на свою сторону, уменьшая их скепсис по отношению к партии.

Чтобы придать больше веса приводимым примерам, автор ссылается на известную характеристику Бухарина, данную Лениным в

его т. н. «политическом завещании» (21). В 1923 г., несмотря на многочисленные политические ошибки Бухарина (оппозиция Брестскому миру (22), дискуссия о профсоюзах и нэпе (23)), Ленин отмечал, что Н. И. Бухарин может «по праву считаться любимцем партии». Кроме того, он одновременно указывал на причины этих ошибок, а именно на то, что Бухарин «никогда по-настоящему не учился и никогда не понял вполне диалектики». В соответствии с этим Эсфирь Гурвич описывает политику Ленина как интегрирующую. По её словам, выдающаяся черта ленинской линии в том и состояла, чтобы вскрывать ошибки, учиться на ошибках и, наконец, не платить за них лишком дорого (24).

На этой основе Эсфирь Гурвич решительно отвергает практиковавшуюся с 1937 г. интерпретацию этих ошибок как неверную и направленную против ленинского «завещания» (25). Чтобы покончить с «чудовищным» обвинением, предъявленным на процессе «право-троцкистского блока», в соответствии с которым Бухарин хотел убить Ленина, автор ещё раз возвращается к описанию тесных личных отношений Бухарина к Ленину. Это отношение можно интерпретировать не иначе, как безграничное уважение, которое не могло быть омрачено даже острой критикой работ Бухарина со стороны Ленина. После смерти Ленина Бухарин представляется в качестве того, кто усвоил его политические принципы (26).

Идеализация Бухарина достигает кульминации в том, что Эсфирь Гурвич считает исключенной попытку Бухарина в июль 1928 г. привлечь Л. Б. Каменева к союзу против Сталина. Наконец, в завершение письма следует ещё одна ссылка на авторитет Ленина для того, чтобы подчеркнуть необходимость снова сделать труды Бухарина доступными широкой читательской аудитории (27).

Дочь Эсфири Гурвич и Н. И. Бухарина Светлана Гурвич-Бухарина была, как уже упоминалось, в 1961 г. также вызвана в Комитет партийного контроля. С ней беседовала член комитета О. Г. Шатуновская. Она побудила Светлану Гурвич-Бухарину подать ходатайство о предоставлении новой квартиры в Москве (28) и позаботиться о реабилитации брата Бухарина, Владимира Ивановича Бухарина и его семьи, все ещё находившихся в ссылке в Казахстане (29). Кроме того, позвонив в Институт истории, где работала С. Бухарина-Гурвич, Шатуновская обеспечила ей возможность закончить кандидат-

скую диссертацию и продолжить работу над докторской. До тех пор С. Бухарина-Гурвич в своей научной карьере сталкивалась с многочисленными трудностями. Хотя она уже закончила аспирантуру и начала заниматься исследованиями рабочего движения во Франции, её послали в Архив МИД, чтобы подготовить там к печати предреволюционные документы российского МИД (30). Во-первых, для этой работы она была специалистом слишком высокой квалификации и, во-вторых, эта работа не имела никакого отношения к направлению её научной деятельности.

Шатуновская также проинформировала Светлану Гурвич-Бухарину о том, что с её отца сняты все обвинения, выдвинутые во время процесса, и что работает комиссия по проверке процесса. Правда, о реабилитации, как и о восстановлении в партии, речь не шла (31).

По-видимому, в высших партийных органах существовал консенсус относительно невинности Бухарина в юридическом смысле. Это явствует из того, что его родственники получили часть обычных компенсаций — состоялась их собственная реабилитация, им было разрешено вернуться в столицу, где были предоставлены квартира, пенсия, возможности работы и учебы. Поэтому можно было бы говорить о неофициальной формальной реабилитации Бухарина, основанной на юридическом заключении 1956 г., тем более что высшие партийные органы были информированы о его основных положениях. Но точки зрения Анны Лариной-Бухариной и Эсфири Гурвич показывают, что неофициальная формальная реабилитация не могла заменить официальную, публичную и формальную. Они пытались найти путь, который позволял бы добиться полной реабилитации Бухарина в рамках политических возможностей.

Как переданное Анной Лариной-Бухариной письмо Бухарина «Будущему поколению руководителей партии», так и заявление о Бухарине Эсфири Гурвич в Президиум ЦК КПСС по содержанию отражают политическую ситуацию, сложившуюся в 1961 г. (32) Они опираются на демонстративное обращение к Ленину, начатое с XX съезда (33). Здесь усматривается единственный реалистический подход, обещавший реабилитацию соратника и друга Ленина. В соответствии с этим в обоих текстах, особенно же в заявлении Эсфири

Гурвич, Ленин возводится в масштаб оценки Бухарина. Характеристика Бухарина как «любимца партии», как духовного наследника, соратника и друга Ленина должна освободить его от позорного пятна внутривнутрипартийного оппозиционера. Признаваемые Эсфирью Гурвич политические ошибки Бухарина представляются на этом фоне простительными промахами, с одной стороны, извиняемыми его молодостью, с другой — не переоценивавшимися и самим Лениным. Отлучение, а затем физическое уничтожение Бухарина, верного Ленину, предстает в обоих текстах как типичная черта сталинской политики, резко противоречившей политике ленинской, делавшей ставку на интеграцию.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО О «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОМ БЛОКЕ»

Хотя комиссия по реабилитации во главе с Молотовым, казалось, возобладали с декабря 1956 г. со своей позицией — по политическим соображениям отклонить пересмотр процесс «право-троцкистского блока» и историческая наука по видимости поддерживала этот курс, одно уже заслушивание родственников Бухарина Комитетом партийного контроля сигнализировало в начале 1961 г. о приготовлениях, нацеленных не только на формальную, но и на политическую реабилитацию обвиняемых в ходе процесса в марте 1938 г.

6 апреля 1961 г. член комитета О. Г. Шатуновская попросила Центральный партархив ИМЛ прислать ей биографическую справку об Н. И. Бухарине (34). 6 мая другая сотрудница КПК, Андреева, ознакомилась с «Личным делом партийного работника Н. И. Бухарина, зарегистрированного под личным номером 56670» (35). В тот же день Президиум ЦК КПСС поручил комиссии из 6 человек проверить материалы состоявшегося со 2 по 13 февраля 1938 г. в Москве открытого судебного процесса по делу «право-троцкистского блока» (36). Комиссия подготовила справку на 10 страницах, примерно за месяц до открытия XXII съезда КПСС, 26 сентября 1961 г., зарегистрированную в секретной части Комитета партийного контроля (37). Так как речь идет, как будет ещё показано, о заключении

политического характера, с помощью которого впервые можно доказать, что уже в 1961 г. была подготовлена «полная реабилитация» «право-троцкистского блока», ниже оно будет обстоятельно охарактеризовано (38).

Справка имеет различные уровни. Она, как и заключение прокуратуры 1956 г., информирует о приговоре и его обосновании, а также о масштабах нарушения социалистической законности во время предварительного следствия и процесса «право-троцкистского блока» в марте 1938 г. Кроме того, она информирует о политическом измерении процесса. Во-первых, описывается история возникновения и ликвидации «правой оппозиции» и, во-вторых, ответственность за конструирование «право-троцкистского блока», а также юридические и разведывательные меры против осужденных на процессе возлагается на Сталина. Наконец, в итоге составители документа однозначно высказываются за «полную реабилитацию» Бухарина, Рыкова, Томского и остальных осужденных, кроме бывшего наркома внутренних дел Ягоды.

1) *Юридическое измерение процесса.* Вначале перечисляются имена 21 осужденного и важнейшие пункты приговора: создание «право-троцкистского блока» по поручению иностранных разведок с целью ликвидации социалистического строя и реставрации капитализма, шпионаж, акты саботажа в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, убийство Кирова и других видных политических деятелей и деятелей культуры, оппозиция Бухарина Брестскому миру в 1918 г. и планировавшееся им убийство Ленина, Сталина и Свердлова с целью создания нового правительства и, наконец, сотрудничество Зеленского, Иванова и Зубарева с царской охранкой (39). На основе анализа имевшихся материалов процесса, проведенного авторами справки, и дополнительной проверки, подвергается критике приговор и его обоснование, а также предварительное следствие: уголовное дело против «право-троцкистского блока» сфальсифицировано, обвинения в государственных преступлениях, предъявленные его членам, необоснованны, а доказательства вины, приведенные в обосновании приговора, не состоятельны и не подкреплены объективными доказательствами (40). В заключение составители приводят примеры аннулирования некоторых пунктов приговора, для чего показывают методы, с помощью которых были

сконструированы обвинения. Обвинения же были выдвинуты на основе вынужденных «признаний» или устных показаний арестованных, а то и прямо сконструированы НКВД (41). В соответствии с этим авторы представляют предварительное следствие как скопление процессуальных ошибок, фальсификаций и актов произвола со стороны НКВД. В вину НКВД ставится, например, требование признаний с помощью незаконных методов, т. е. физических пыток. В этой связи члены комиссии приводят интересные детали, выходящие за пределы юридического заключения 1956 г. Они отмечают, что материалы против Бухарина и Рыкова собирались задолго до их ареста. Общий объем собранных против Бухарина и Рыкова доказательств авторы оценивают в 155 показаний арестованных, из которых в 1961 г. было реабилитировано уже 130.

Кроме того, составители документа считают достойным упоминания, что «протоколы допросов, где арестованные не признавали себя виновными, к делу не приобщались» (42). В материалах архива НКВД были найдены протоколы допросов Бухарина и Рыкова от 5 мая 1937 г., в которых они оспаривают свою вину (43). Суду не были предъявлены также обнаруженные в ходе проверки письма Бухарина Сталину от 15 апреля (44) и 10 декабря 1937 г. (45) и жене, Анне Лариной. В этих письмах Бухарин, вопреки своим признаниям, отвергает выдвинутые против него обвинения и заявляет о верности делу партии (46).

2) *Политическое измерение процесса.* В отличие от юридического заключения 1956 г. авторы дают дополнительную информацию, указывающую на политические параметры процесса в марте 1938 г. Они буквально «выводятся на сцену». Сначала в текст проникают лишь немногочисленные намеки на наличие политических мотивов в уголовном деле против «право-троцкистского блока», инсценированном органами юстиции и секретными службами, чтобы постепенно начать доминировать в нем. Наконец, в виде кульминации приводятся доказательства единоличной ответственности Сталина за нарушения закона в связи с процессом.

Первым не особенно бросающимся в глаза указанием на политические параметры процесса является перечисление имен 21 осужденного. Они не просто названы по именам, но и краткая биография информирует о дате вступления каждого в партию и об

общественном положении до ареста. Кроме того, авторы констатируют, что пятеро осужденных (Иванов, Икрамов, Зеленский, Чернов и Ягода) были членами, а четверо (Бухарин, Рыков, Розенцвейг и Гринько) кандидатами в члены ЦК. Эта информация указывает на то обстоятельство, что процесс «право-троцкистского блока» касался прежде всего партийных работников высокого и высшего звена, большей частью вступивших в партию ещё до Октябрьской революции.

Первой частью справки является заявление, вводящие Сталина в качестве высшей инстанции, как минимум, информированной о мерах, принятых органами юстиции и секретными службами:

«Все они, за исключением Плетнева, Раковского и Бессонова, были приговорены к расстрелу. Впоследствии Плетнев, Раковский и Бессонов в числе 170 заключенных Орловской тюрьмы в сентябре 1941 г. без следствия и суда по заочному приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенному в связи с решением ГКО, принятым по представлению НКВД СССР на имя Сталина, также были расстреляны.» (47)

Чуть позже намек на непосредственную втянутость политической верхушки в юридическое дело углубляется. Во-первых, авторы замечают, что все обвиняемые, кроме Бухарина и Рыкова, были арестованы с партбилетами и затем заочно исключены из ЦК (48), что было бы невозможно без согласия партийного руководства. Во-вторых, констатируется, что различные письма Бухарина Сталину, в которых он заверял о своей невиновности и подчеркивал верность партии, не были включены в процессуальные материалы (49). Это означает, в свою очередь, что Сталин задержал письма и не настаивал на их включение в процесс.

С середины документа описание политических параметров процесса превращается в определяющий элемент текста. Сначала авторы представляют официальную версию возникновения и ликвидации «правой оппозиции», имевшую силу в соответствии с изданной в 1959 г. новой «Историей КПСС» (50):

«Известно, что Бухарин, Рыков и Томский в 1928 году возглавляли оппозиционную группу в партии, выступавшую за снижение темпов индустриализации страны, против осуществления чрезвычайных мер в деревне и наступления на кулака, Однако установлено,

что после XVI съезда партии бывшие лидеры правого уклона больше не выступали против генеральной линии партии, не защищали своих прежних право-оппортунистических взглядов и ничем не наносили ущерба партии и государству. XVI съездом они были избраны членами ЦК партии, а на XVII съезде кандидатами в члены ЦК и продолжали работать на ответственных постах» (51).

Тем самым политические и экономические концепции «правой оппозиции» оставались табу. Они по-прежнему считались «правооппортунистическими», вредными для государства и направленными против партии. Но после XVI съезда партии (52) «правая оппозиция» считалась ликвидированной, а её члены, публично отмежевавшиеся от своих прежних взглядов, реинтегрированными в партию. В соответствии с этим авторы заключения резко отделяют описание конструкции «право-троцкистского блока» и его соединение с «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром» от истории «правой оппозиции» (53). Это иллюстрируется на примере Бухарина и Рыкова. В данной связи обращает на себя внимание, что авторы по-прежнему не проясняют вопрос о том, кто был основным действующим лицом клеветнической кампании против Бухарина и Рыкова. Чтобы выдержать описание в возможно более нейтральном тоне, избегая упоминания личностей или воспроизведения точных контекстов, авторы обращаются к пассивным и безличным конструкциям (54):

После убийства Кирова *начали* обвинять бывших правых и прежних троцкистов и зиновьевцев в троцкистской деятельности. Задача состояла в том, чтобы любой ценой связать бывших руководителей «правой оппозиции» с членами т. н. «троцкистско-зиновьевского блока», учесть их в двурушничестве и обвинить в тяжелейших преступлениях против государства и партии (55).

От Каменева, арестованного по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», были получены показания относительно создания блока правых с троцкистами и зиновьевцами. Затем, невзирая на то, что Бухарин и Рыков являлись кандидатами в члены ЦК, цитата из протокола допроса Каменева без проверки и без разрешения Бухарина и Рыкова была *вставлена* в составленное Сталиным конфиденциальное письмо ЦК ВКП (б) от

29.VII.1936 «О террористической деятельности «троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока»» (56).

Правда, как отмечают авторы, приведение в исполнение приговора Бухарину и Рыкову было трудно ввиду их популярности. Поэтому перед началом судебного процесса *были приняты* меры к их политической компрометации и подготовке общественного мнения. Для этого печать выступила с нападками на арестованных с применением тенденциозно подобранных материалов об их прошлой деятельности. На двух пленумах ЦК — в декабре 1936 и февралемарте 1937 гг., на которых рассматривалось дело Бухарина и Рыкова, те же ложные показания, полученные НКВД от арестованных с применением недобросовестных методов, служили основой для обвинения в антипартийных и преступных действиях. И, наконец, для обвинения против Бухарина и Рыкова использовались показания Радека, Астрова и других, которые они дали во время очной ставки с Бухариным и Рыковым в Политбюро ЦК ВКП (б) и в НКВД.

После этого описания внешних обстоятельств компрометации, ареста и осуждения авторы целенаправленно публикуют материал для внутреннего пользования, обнаруженный при проверке. Сначала они ставят под сомнение достоверность показаний основных свидетелей обвинения против Бухарина и Рыкова, чтобы затем ввести НКВД в качестве главного действующего лица. Напротив, Сталин по-прежнему остается на заднем плане. Астров, по их утверждению, был уже в 1933 г. агентом НКВД, служившим для слежки за правыми. Кроме того, при нынешней проверке он признал, что тогдашние показания были продиктованы ему НКВД. Сокольников также отказался выступать на процессе, и оба пали жертвой провокации НКВД. Имя Сталина появляется здесь крайне редко. Его прямое участие остается по-прежнему скрытым. Он упоминается лишь как тот, кто освободил Астрова из тюрьмы в награду за «усердие».

Этот раздел завершается промежуточным итогом. Эксперты отмечают, что «право-троцкистский блок» является результатом конструкции, созданной в 1937–1938 гг. В качестве причины создания этой конструкции названы культ личности Сталина и массовые репрессии, начатые вслед за убийством Кирова (57). Сделав такую оценку, авторы не выходят за рамки официальной политической характеристики соответствующих событий, скрывающей за неопре-

деленными политическими формулировками вопрос об ответственности за репрессии и их причинах.

Но эта схема нарушается в следующей, *центральной части заключения*. Как констатируют авторы, проверка показала, что дело Бухарина и Рыкова было «состряпано», причем в тесном сотрудничестве с НКВД и прокуратурой. На основе архивов НКВД выясняется, что Сталин был с самого начала информирован о деятельности НКВД, направленной против Бухарина и Рыкова. Уже с 1935 г. (58) Ягода, а затем Ежов посылали ему протоколы допросов с показаниями о Бухарине и Рыкове, полученными незаконным путем.

Показано и непосредственное участие Сталина в конструировании процесса «право-троцкистского блока». Совместно с Генеральным прокурором СССР Вышинским Сталин «усовершенствовал» «право-троцкистского блок» и изменил его состав, добавляя имена других арестованных. В архивах Политбюро и НКВД были найдены четыре варианта.

На основе одного из первоначальных вариантов состава обвиняемых авторы смогли доказать, что Сталин несет ответственность за ложные показания, полученные в результате пыток. Приводятся дела Уншлихта и Рябинина (59). Сталин предстает автором следующих указаний: «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)» (...) «бить вовсю Рябинина, почему не выдал Варейкиса (60)» (61).

Кроме того, Сталин одобрил предложенный в феврале 1938 г. проект открытого процесса против антисоветского «право-троцкистского блока» и отредактировал обвинительное заключение, усилив роль Бухарина и Рыкова как руководителей заговора. Он сам сформулировал обвинение против Бухарина и Рыкова, полностью вошедшее в окончательное обвинительное заключение и в приговор (62).

Чтобы показать воздействие процесса «право-троцкистского блока» на страну и непосредственную ответственность Сталина за него, авторы документа указывают, что искусственное создание «блока» во главе с Бухариным и Рыковым привело к репрессиям по всей стране против многих видных работников местных парторганов, занимавших важные посты в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте под предлогом принадлежности к реально не

существовавшей «право-троцкистской организации». Берия и Вышинский дали Сталину материал против этой т. н. право-троцкистской организации.

Напротив, ответственность всего Политбюро за репрессии по всей стране отвергается с указанием на то, что соответствующие решения высшего органа партии, в принципе определявшие судьбу подозрительных лиц, принимались на основе материалов, предоставлявшихся НКВД и прокуратурой. Чтобы доказать, что после смерти Сталина политическое руководство приняло соответствующие меры для устранения культа личности и нарушений социалистической законности, авторы упоминают, что в соответствии с указаниями XX и XXII съездов КПСС органы прокуратуры, суда и госбезопасности «за последние годы» проделали значительную работу, реабилитировав «незаконно осужденных честных, ни в чем не повинных советских людей» (63). Кроме того, факт реабилитации товарищей Постышева (64), Чубаря (65), Межлаука (66), Блюхера (67), Гамарника (68), Тухачевского, Косарева (69) и других видных деятелей партии и государства, именно тех, кто поддерживал контакты с Бухариным и Рыковым, дополнительно поддерживает утверждение о том, что процесс против Бухарина и Рыкова был «состряпан». В дополнение авторы приводят показания жены Бухариной А. М. Лариной в Комитете партийного контроля (70). Она заучила наизусть письмо Бухарина «Будущему поколению руководителей партии», написанное накануне его ареста (71). Приводятся заверения Бухарина в невиновности и фрагмент письма, в котором органы НКВД обвиняются в совершении позорных действий в угоду болезненной подозрительности Сталина. Они обладают властью, позволяющей расправиться с любым членом ЦК, превратив его в предателя, террориста, шпиона и саботажника. Это утверждение соответствует интерпретации отношений между Сталиным и НКВД в секретном докладе Хрущева на XX съезде.

4) *Итог справки.* В конце документа члены комиссии сообщают свое мнение, в соответствии с которым процесс «право-троцкистского блока» должен быть аннулирован и все осужденные, кроме Г. Ягоды, реабилитированы (72).

Рекомендация об аннулировании приговора обосновывалась тем, что в результате анализа материалов процесса и дополнитель-

ной проверки констатируется, что «право-троцкистского блока» просто не было. Должно быть сохранено только обвинение во вредительстве против Ягоды, т. к. он, будучи наркомом внутренних дел, в 1934–36 гг. активно участвовал в фабрикации и фальсификации различных «антисоветских» заговоров.

Но понятие «полная реабилитация», примененная авторами, во все не означает в данном контексте, что Бухарин, Рыков и Томский должны быть реабилитированы и как руководители «правой оппозиции». Их политика в 1928–29 гг., направленная на сохранение нэпа вопреки курсу Сталина на форсированную индустриализацию и коллективизацию, по-прежнему оценивалась как направленная против партии. Политической реабилитации заслуживает только их последовавшее в начале 30-х гг. присоединение к общей линии (73).

«Никакой антипартийной, тем более антисоветской деятельности Бухарина, Рыкова и других после отхода от оппозиции в ходе проверки не установлено. (74)» «(...) однако в ходе проверки никакой антипартийной или антисоветской деятельности его (М. Томского) после отхода от правого уклона не установлено» (75).

Информативность заключения 1961 г. с точки зрения политики реабилитации по отношению к бывшим оппозиционерам, в особенности же к «правой оппозиции», не поддается точной оценке. В комиссию входили представители высших партийных и государственных органов, причем те, кто представлял интересы КПСС, преобладали. Руководителем был Н. М. Шверник, член Президиума ЦК КПСС и председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Два других члена комиссии были сотрудниками Комитета партийного контроля — З. Т. Сердюк, первый заместитель председателя, и О. Г. Шатуновская. Кроме того, в комиссию входил председатель КГБ и секретарь ЦК А. Н. Шелепин. Представлены были также Генеральный прокурор Р. А. Руденко и заведующий Отделом административных органов Н. Р. Миронов. Комиссия имела различные особые полномочия. В отличие от авторов юридического заключения 1956 г., в её распоряжении были не только материалы архива НКВД, но и архивов Политбюро и партии (76).

Как уже упоминалось, комиссия выступала за аннулирование приговора по делу «право-троцкистского блока» и «полную реабилитацию» обвиняемых. Но важность документа заключается прежде

всего не в этой рекомендации, тем более что юридическая несостоятельность приговора однозначно констатировалась в заключении прокуратуры 1956 г., а, скорее, в превращении вопроса о реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционеров, особенно Бухарина, Рыкова и Томского, в инструмент политической борьбы. Анализ показал, что заключение не было подготовлено в первую очередь для восстановления «социалистической законности», а должно было служить прежде всего средством дополнительного демонтажа Сталина. Для этого как нельзя более были пригодны материалы процесса «право-троцкистского блока», рассмотренные комиссией.

Основываясь на многочисленных материалах из партийного архива, архивов Политбюро и КГБ, эксперты смогли доказать, что Сталин, состоя в заговоре с НКВД и прокуратурой, несет ответственность за конструирование и проведение процесса. Миф о том, что Сталин оказался введен в заблуждение ловкой интригой НКВД, опровергается фактами, однозначно свидетельствующими о его ведущей роли в фальсификациях, применении пыток и обмане в ходе подготовки и проведения процесса. При этом члены комиссии уделяют большое внимание возможности проверки и доказательства взаимосвязей, изложенных в документе. Применяя цитаты из своего обширного документального материала, они точно информируют о ведущей роли Сталина при тесном сотрудничестве с НКВД и прокуратурой.

В меньшей степени поддается проверке работа членов комиссии, когда речь заходит о роли партии и ближайших сотрудников Сталина при политической подготовке ареста членов антисоветского блока и конструировании процесса «право-троцкистского блока». Если речь не идет о Сталине, НКВД или прокуратуре, то пассивные конструкции большей частью вуалируют связи, позволявшие арестовать, пытать, заточить в лагерь, а при необходимости и расстрелять мнимых или реальных «правых и троцкистов» с помощью политических органов или минуя их.

Партия, вплоть до её высших органов, Политбюро и ЦК, остается вне какой-либо критики. Она предстает жертвой хорошо скалькулированного обманного маневра Сталина и НКВД. Любая ответственность Политбюро и ЦК за арест и осуждение сотен невиновных людей устранивается с указанием на то, что голосования проводились

на основании сфальсифицированных материалов НКВД. Так Сталин «приносится в жертву» благу партии, чтобы не допустить проведения широкого политического и юридического выяснения репрессий. В соответствии с этим не является темой поистине погромное настроение партии против «правых», проявившееся особенно ясно на пленумах ЦК в декабре 1936 и феврале–марте 1937 гг. (77).

Экспертам можно поставить в вину не только абсолютно щадящее отношение к партии и её функционерам, но и тот факт, что их рекомендация по реабилитации обвиняемых по делу «право-троцкистского блока» была связана с жесткими условиями. Рекомендация полностью реабилитировать обвиняемых оказывается возможностью, связанной со строгими политическими директивами. «Полная реабилитация» обвиняемых не означает политическую реабилитацию «правой оппозиции», руководители которой Бухарин и Рыков были важнейшими обвиняемыми на процессе. Предполагалось использовать имена их раскаявшихся бывших приверженцев, с 1930 г. вернувшихся на линию партии (78). Комиссия не была заинтересована в том, чтобы начать дискуссию об альтернативах линии партии в 30-е гг. и, конечно же, не уполномочена на это. Краеугольные камни политики Сталина, — форсированная индустриализация и коллективизация, — должны были оставаться в неприкосновенности. Возвращение к принципам новой экономической политики, для которого могли бы быть использованы имена Бухарина, Рыкова и Томского, исключалось по-прежнему.

Как ни резко разделяло заключение «правую оппозицию» и её раскаявшихся приверженцев, так же неточно оно было, когда речь шла о том, чтобы представить практику реабилитации после смерти Сталина в качестве успеха. Документ приводил многочисленные имена реабилитированных лиц, арестованных и расстрелянных или приговоренных к многолетнему тюремному заключению в связи с конструкцией процесса против «право-троцкистского блока». Комиссия умалчивала, однако, что эти люди на деле не принадлежали к «правой оппозиции», а были арестованы только под предлогом сотрудничества с ней. Недостаточность действительной реабилитации бывших оппозиционеров проявляется особенно ясно при перечислении реабилитированных военных и партработников в связи с предлагавшейся реабилитацией Бухарина. Чтобы легитимировать

реабилитацию Бухарина, должно было хватить единственного аргумента — «знакомства» этих лиц с Бухариным. Их не приходится характеризовать как приверженцев какой-либо внутрипартийной оппозиционной группы, скорее как верных сторонников Сталина.

Заключение показывает, что реабилитация обвиняемых по делу «право-троцкистского блока» была мотивирована политическими соображениями и не должна была служить прежде всего юридическому выяснению обстоятельств происшедшего. Например, в деле Ягоды не рекомендовалось начать заново процесс против него. Лишь некоторые пункты обвинения объявлялись не имеющими силы, другие же рассматривались по-прежнему как обоснованные, хотя процесс в целом был сконструирован. Напротив, комиссия использовала материалы процесса, чтобы доказать, что Сталин являлся единственным закулисным руководителем в фальсификациях, применении пыток и маневрах по политическому обману партии и народа. Поэтому напрашивается предположение, что стратегия реабилитации «право-троцкистского блока», рекомендованная членами комиссии, была тесно связана с политикой партийной верхушки во время подготовки XXII съезда. Заключение должно было не допустить объединения противников линии Хрущева, с одной стороны, вокруг имени Сталина, с другой — на основе альтернативных экономических и политических предложений, выдвигавшихся в 20-е гг. и сплотить руководящие элиты на пути, которым следовал Хрущев — пути модификации сталинской системы (79). Следовательно, заключение по своему содержанию направлено как против приверженцев Сталина, так и против «сторонников бурной десталинизации».

3. XXII СЪЕЗДА И ВОПРОС О РЕАБИЛИТАЦИИ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ

После того, как накануне XXII съезда родственники Бухарина были реабилитированы без бюрократических проволочек и член комиссии О. Г. Шатуновская намекнула на создание комиссии по расследованию дела Бухарина, исходили из того, что реабилитация обвиняемых по делу «право-троцкистского блока» последует в ближайшее время

и о ней будет объявлено на XXII съезде. Но этого как раз и не произошло. Бывшая внутривнутрипартийная оппозиция не была реабилитирована. На съезде не упоминались ни Зиновьев и Каменев, ни Бухарин, Рыков и Томский. Напротив, в 1956 г., на XX съезде, Хрущев критиковал Сталина за то, что он, в отличие от Ленина, не просто идеологически боролся с внутривнутрипартийной оппозицией, а приказал физически уничтожить её или заточил в лагеря. В его секретном докладе оппозиционеры вместе с верными коммунистами фигурировали как жертвы незаконных репрессий.

Хотя теперь, в 1961 г., большинство ораторов, включая и Хрущева, ритуально вновь и вновь заявляли о преемственности с курсом XX съезда, на этот раз они закутывались в последовательное молчание, когда речь заходила о видных жертвах показательных процессов, в советское время входивших во внутривнутрипартийную оппозицию. Вместо этого Хрущев и многие другие ораторы концентрировались на критике лидеров давно отстраненной от власти «антипартийной группы» Молотова, Кагановича и Маленкова, а также Ворошилова за то, что они с помощью массовых репрессий позволяли арестовывать и под предлогом оппозиционной деятельности осуждать и расстреливать лояльных граждан, работавших во всех сферах советского общества (армия, политика и экономика) (80).

Касательно XXII съезда можно выдвинуть тезис о том, что Хрущев и его приверженцы, не упоминая внутривнутрипартийную оппозицию, окончательно освободились от сталинских воззрений на показательные процессы и массовые репрессии, больше не рассматривая процессы 30-х гг. как суд над действительными оппозиционерами, а видя в них не правовое, мотивированное властными соображениями сведение счетов (81) с лояльными партийными, армейскими и хозяйственными кадрами с использованием в качестве ярлыка имен бывших, а с 1930 г. снова совершенно лояльных известных оппозиционеров, как то Бухарина, Рыкова, Зиновьева и Каменева. Таким образом, специальное упоминание этих лиц стало излишним.

Но против этого тезиса говорит то обстоятельство, что и после XXII съезда продолжалась реабилитация только бывших верных сталинистов. Напротив, реабилитация жертв репрессий, которые когда-либо в советское время, будь то в годы революции, во время гражданской войны или в 20-е гг. отклонялись от т. н. генеральной линии,

вновь и вновь откладывалась руководящими политическими органами — Президиумом и Политбюро ЦК КПСС и их комиссиями, а также подчиненным им Комитетом партийного контроля. В соответствии с этим после съезда в печати появлялись лишь статьи о судьбе тех «репрессированных», которые не могли ассоциироваться с какой-либо прежней внутривнутрипартийной оппозиционной группой (82). Тем самым заключение комиссии Шверника об антисоветском «право-троцкистского блоке» не возымело никакого общественного воздействия. Намеченная в нем линия на «полную реабилитацию» обвиняемых на показательном процессе в марте 1938 г. не смогла возобладать, хотя в документе руководители «правой оппозиции» Бухарин и Рыков с 1930 г. снова характеризовались как верные приверженцы генеральной линии партии и тем самым вполне вписывались в схему реабилитации.

Но было бы ошибочно в этой связи сохранять приверженность старой схеме интерпретации, в соответствии с которой «Хрущев хотел, но не мог» (83), т. е., не пойдя на реабилитацию, сделал уступку сталинистам (84). Следует, скорее, исходить из того, что элита во главе с Хрущевым считала на пике своего могущества слишком «взрывчатой» публичную реабилитацию на съезде тех, кто, подобно Бухарину и Рыкову, были известны благодаря своему выдающемуся положению и ключевой роли оппозиционных теоретиков, выступавших против форсированной индустриализации и коллективизации. Напротив, не было никакого риска в публичной критике Сталина и его ближайших сотрудников Молотова, Кагановича и Маленкова, за санкционированные ими репрессии против лояльных партийных, армейских и хозяйственных кадров. Преимуществом такой позиции была ещё и возможность ограничиться обвинением Сталина и его приближенных в отдельных отклонениях от принципиально правильного политического и экономического курса. В такую позицию вписывается и сведение причин репрессий к культу личности Сталина (85). Таким образом руководство во главе с Хрущевым избежало опасности возникновения широкой дискуссии, например, о принципиальном изменении экономических структур, все ещё опиравшихся на сталинскую систему — а такую дискуссию могла бы вызвать гражданская реабилитация символических фигур нэпа. Будучи осво-

божденным от террора, советское общество должно было и впредь (публично) не мыслить альтернативами.

Можно, кроме того, предположить, что большинство Президиума не думало серьезно о публикации заключения комиссии Шверника 1961 г. Подобно секретному докладу Хрущева, а о нем из-за его содержания, направленного исключительно на дискредитацию Сталина, могла бы зайти речь на XXII съезде только в том случае, если бы сформировалось серьезное сопротивление дальнейшему демонтажу личности Сталина.

Очевидно, заключение возымело действие в высших партийных и государственных органах (Президиум и Секретариат ЦК КПСС, КГБ, прокуратура). Решение о выносе тела Сталина из Мавзолея, как кажется, не столкнулось с сильным сопротивлением, тем более что был найден компромисс и он смог быть с почетом погребен всего в нескольких метрах от Кремлевской стены. С внешнеполитической точки зрения реабилитация названных лиц таила риск того, что государства-сателлиты не будут придерживаться узких рамок, сформулированных в заключении комиссии Шверника. При этом имела опасность нежелательных дискуссий об альтернативах начатому пути модернизации сталинской системы. Тем самым вновь становится ясно, что события в Польше и Венгрии оказали дополнительное воздействие на чувствительную область политики реабилитации.

Правда, Президиум не принял в 1961 г. решения, которое на будущее окончательно исключило бы реабилитацию бывших внутрипартийных оппозиционеров. Напротив, он лишь немногим позже, 19 января 1962 г., распорядился о создании комиссии, которая должна была заняться проверкой процессов 1934–1938 гг. против «ленинградского террористического зиновьевского центра», «московского центра контрреволюционных зиновьевских организаций», «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «антисоветского фашистского заговора в армии» и «право-троцкистского блока» (86). Её председателем вновь стал Шверник, в комиссию входили А. Шелепин, З. Сердюк, Р. Руденко, Н. Миронов и В. Семичастный (87).

Вслед за тем Комитет партийного контроля начал дальнейшие разыскания. Например, он затребовал в Центральном партийном

архиве биографические справки о членах т. н. антипартийных групп, поступившие туда в начале мая 1962 г. (88)/

4. ВОЗДЕЙСТВИЕ XXII СЪЕЗДА НА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Критическая оценка перспектив реабилитации известных бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров во время XXII съезда основывается на знакомстве с внутривнутрипартийными, до 1991 г. строжайше секретными документами. Она ничего не говорит о восприятии съезда народом, нижестоящими партийными кадрами и подрастающим поколением — студенчеством.

Хотя на съезде партийная верхушка не допустила реабилитации бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров, воздействие съезда на общественность, очевидно, определялось надеждами на скорую реабилитацию, т. к. оппозиционеры не упоминались в негативном контексте. Причины такой позиции заключались в том, что ораторы на словах придерживались курса XX съезда, и публичное осуждение «антипартийной группы» должно было вызвать впечатление о ликвидации важнейших препятствий для глубокой десталинизации. Эта тенденция поддерживалась демонстративным обновлением единичного авторитета Ленина, которое символизировалось решением XXII съезда о вынесении тела Сталина из Мавзолея на Красной площади. Кроме того, политическое воздействие начавшейся после съезда волны критических газетных публикаций о репрессиях 30-х и 50-х гг. не следует недооценивать. Съезд придал мужества, позволившего снова начать слать прошения о реабилитации лиц, подвергнутых проклятию, и предпринять новые попытки переоценить советскую историю. В этом играла важную роль и личность Бухарина, его реабилитация и историческая сфера его влияния.

Именно публичное осуждение Молотова и Кагановича, а также новое разоблачение культа личности Сталина на XXII съезде побудили Анну Ларину-Бухарину направить письмо Хрущеву и членам президиума съезда ещё во время его работы (89). В этом письме она не только характеризовала Бухарина как жертву Сталина, Кагановича и Молотова, но и считала, что пришло время его реабилитиро-

вать. Анна Ларина-Бухарина предлагала даже исключить Молотова и Кагановича из партии и восстановить в ней Бухарина, рассматривая это как вклад в восстановление ленинских норм партии. Она требовала возвращения к ленинским нормам и в отношении официальной оценки Бухарина. Ларина-Бухарина пишет сначала, что Ленин упрекал Бухарина в теоретических и политических ошибках, но в целом положительно оценивал его. Напротив, Сталин «забыл» все положительное, сказанное Лениным о Бухарине, вознамерившись в конце 20-х гг. политически устранить его, а в конце концов в 30-е гг. приписав ему шпионаж и террор, когда он приказал физически уничтожить Бухарина. Вопреки ленинской оценке, с Бухариным и до сего дня обращаются как с фотографией, которую сначала разрезают на много частей, чтобы потом увеличить отдельные части, а другие уменьшить или вовсе удалить, и потом склеивают снимок снова. Конечно, такой снимок не будет верным (90). Но письмо Анны Лариной получило особое звучание потому, что в нем бесстрашно и с полным основанием агрессивно, иногда с применением жестких примеров, были показаны страдания Бухарина непосредственно перед арестом и после него.

Дочь Бухарина, историк Светлана Гурвич-Бухарина, не использовала съезд как повод для подачи прошения, а внимательно наблюдала за печатью, чтобы увидеть в ней признаки новой оценки Бухарина. Когда 21 апреля 1962 г. советский писатель Н. Погодин не упомянул в «Правде», в юбилейной статье под названием «Школа “Правды”», посвященной 50-летию газеты, её ответственного редактора, т. е. отца С. Гурвич-Бухариной Н. И. Бухарина, она на следующий же день начала резкую полемику (91), вписав отсутствие имени Бухарина в широкий политический и моральный контекст, для чего использовала фразу из статьи Погодина: «Бывали случаи, когда и я, Погодин, изменял правде, и случалось это в те трудные дни, которые памятли всем нам» (92).

Это рассматривается как обещание теперь, когда «те трудные дни» прошли, оставаться на стороне правды, особенно если Погодин вспоминает о «школе «Правды» 20-х гг. В этом контексте автор провоцирует, цитируя заглавие упоминавшейся юбилейной статьи, и указывая на то, как смешно будет воспринимать название буквально, не говоря о названии газеты. Понятие «правда» служит ей как

девиз, под которым она ставит вопрос, почему Погодин описывает только предписанную Сталиным замену ответственного секретаря «Правды», сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой, Л. З. Мехлисом, ни словом не упоминая о Бухарине как ответственном редакторе и ближайшем сотруднике Ульяновой.

Затем Гурвич-Бухарина ещё раз подчеркивает значение Бухарина, упоминая о его деятельности на посту редактора «Правды», а позже «Известий». Она заканчивает письмо политической интерпретацией отсутствия упоминания отца. Вдохновленная русской песней, которую, по её словам, любил петь Бухарин, она упрекает Погодина в том, что он все ещё «грызет уздечку» Сталина, хотя тот мертв и «трудные времена» прошли (93). Тем самым Гурвич-Бухарина истолковывает замалчивание Бухарина как явный шаг назад — назад к Сталину и его методам подавления правды, жертвами которых она считает Бухарина.

Светлана Гурвич-Бухарина не отослала свои полемические замечания писателю, а вместо этого решила послать официальное заявление Хрущеву как Первому секретарю ЦК КПСС (94). В этом письме она просит реабилитировать отца, что означает для неё восстановить «честное имя» Бухарина, посмертно принять его в партию, проверить и объявить недействительным судебный процесс, «состряпанный» против него (95). Побуждение высказать такую просьбу она получила от XXII съезда. Опираясь на важнейшее высказывание съезда о том, что причины террора в эру Сталина коренятся в «культе личности Сталина», она пишет что Бухарин был исключен из партии в 1937 г. «в условиях расцвета культа личности Сталина» и в «намеренно созданном климате недоверия, подозрительности и враждебности».

Дальнейшая аргументация С. Гурвич-Бухариной показывает, однако, что она осознавала: главное при реабилитации её отца — вопрос о том, всегда ли отклонялся Бухарин от генеральной линии партии и было ли тем самым его исключение из партии в 1937 г. оправданным или он может считаться жертвой культа личности Сталина. Хотя автор и замечает риторически по данному поводу, что «Бухарин неоднократно был в оппозиции», она приводит многочисленные примеры, показывающие Бухарина как верного сторонника партии, постоянно исправлявшего свои действительно тяжелые

ошибки ради единства партии. В данном контексте Ленин играет роль определяющей моральной инстанции. Он не карал Бухарина за его ошибки, а действовал в соответствии с принципом, согласно которому на ошибках можно учиться. Серьезные различия во мнениях во время борьбы вокруг Брестского мира или дискуссии о профсоюзах не побудили Ленина исключить Бухарина из партии. Вместо этого Ленин после столкновений не только поручал писать ему программу партии, но и положительно оценил его в своем т. н. политическом завещании.

Бухарин, по мнению С. Гурвич-Бухариной, совершал ошибки в 1928–29 гг., в связи с индустриализацией и коллективизацией, но затем снова исправлял их. Поэтому он был только выведен из ЦК, а не исключен из партии. Затем, в 1934–37 гг. Бухарин, ставший в 1934 г. главным редактором «Известий», не сделал ничего, что могло бы оправдать его исключение из партии.

Подводя итог, Светлана Гурвич-Бухарина подчеркивает ещё раз, что исключение Бухарина из партии до момента «необоснованных репрессий против партийных кадров» (96) не обсуждалось. Таким образом, до своей гибели, включая время пребывания в оппозиции (1929 г.), Бухарин оставался верным коммунистом и сторонником партии. В 1929–30 гг. партия осудила его не строже, чем в свое время Ленин. Казнен он был не ею.

Интересно, что способы аргументации Анны Лариной-Бухариной и Светланы Гурвич-Бухариной полностью соответствуют линии заключения комиссии Шверника (97). Они пытаются освободить Бухарина от позорного пятна закоренелого оппозиционера по отношению к генеральной линии партии. Правда, в отличие от заключения комиссии Шверника они описывают его уже в 20-е гг. как лояльного коммуниста и сторонника Ленина, допускавшего лишь отдельные ошибки. Но противопоставление интегрирующей политики Ленина сталинской сегрегации партийных кадров, вылившейся в конце 30-х гг. в репрессии, прозвучавшее уже в заявлении Эсфири Гурвич, можно сравнить с тональностью заключения 1961 г. Эти заявления также оставляют партию вне всякой критики.

Как прошение Светланы Гурвич-Бухариной, так и её полемика против писателя Погодина обретает смысл только с учетом времени их появления. Представляется, что Гурвич-Бухарина, направив свое

прошение Первому секретарю ЦК КПСС, хотела таким образом помочь Хрущеву аргументацией, показав ему, насколько осуществимо было бы — вопреки его противникам — требование реабилитации Бухарина. Она видела свою задачу в том, чтобы энергично атаковать фракцию тех, кто «грызут уздечку Сталина» и тем самым, по её мнению, препятствовали реабилитации. Гурвич-Бухарина, как уже упоминалось, до 90-х гг. считала, что «у Хрущева не хватило сил» или что он не сумел собрать достаточно союзников, чтобы реабилитировать Бухарина (98). Несомненно разочаровав Гурвич-Бухарину несостоявшейся реабилитацией отца, XXII съезд все же не стал поводом к полному отчаянию, а, напротив, породил эффект солидаризации с Хрущевым. Преимущество, которое Хрущев получил благодаря своему секретному докладу, ещё не было растрчено.

Не только родственники «репрессированных» бывших внутрипартийных оппозиционеров, но и люди, которыми двигал научный интерес к этой проблематике, сочли, что XXII съезд подкрепляет их намерение поставить под вопрос официальную интерпретацию истории Советского Союза. При этом темой для обсуждения становилась и официально сохранявшаяся оценка Бухарина как бывшего руководителей «правой оппозиции». Например, рижский историк М. В. Новаковский прислал 20 февраля 1962 г. письмо в редакцию журнала «Коммунист» (99), в котором он счел «полезным, в соответствии с ленинскими нормами партийной печати, критический разбор истории КПСС и биографии Ленина.». Поэтому он попросил опубликовать прилагавшуюся статью под заголовком «Некоторые вопросы истории КПСС и культ Сталина» (100).

Во введении статьи, которая так никогда и не была опубликована, Новаковский рассматривает как «большое событие в истории нашей партии» решение о выносе тела Сталина из Мавзолея, принятое XXII съездом. Тем самым был осуществлен разрыв с мифом о Сталине как о продолжателе дела Ленина. Но автор не хотел бы останавливаться на этом символическом акте, намереваясь «(...) изгнать дух и культ Сталина со страниц истории КПСС, ибо в настоящем его виде, (...) затемняет сознание нашей молодежи и дает козыри в руки Энвер Ходжи и другим поклонникам сталинского режима использовать историю КПСС для борьбы против восстановления ленинских норм партийной жизни» (101).

Новаковский не может понять, почему и после XX съезда в учебнике истории КПСС продолжают писать, что вся «(...) деятельность Сталина была связана с осуществлением великих социалистических преобразований в Советской стране» (102). Напротив, он подчеркивает, что культ личности нанес особый вред исторической науке, и поэтому надо строгим взглядом проверить «Историю КПСС» под редакцией Б. Н. Пономарева и биографию Ленина, подготовленную авторским коллективом под руководством П. Н. Поспелова (103). В обеих работах он констатирует наличие упущений и фальсификаций в пользу Сталина.

Со своей стороны, Новаковский систематически пересматривает так называемые заслуги Сталина (104). Он не приписывает, например, успех индустриализации и коллективизации «великому вождю», как это делает ещё «История КПСС», а демонстративно пишет, что эти достижения стали возможными благодаря энтузиазму партии и народа (105). Обращает на себя самое большое внимание то обстоятельство, что Новаковский одновременно с демонтажем Сталина повышает значимость Л. Д. Троцкого, вплоть до 80-х гг. представлявшего собой образ врага № 1:

«(...) отрицательно рисуется роль Троцкого, следует только удивляться Ленину, который (...) держал во главе вооруженных сил революции на посту предреввоенсовета “предателя” Троцкого (...)» (106).

Чтобы показать степень зависимости официальной исторической науки послесталинского времени от стереотипов интерпретации, характерных для сталинской эры, Новаковский уделяет особое внимание тому, как в анализируемых им работах рассматривается внутривнутрипартийная оппозиция:

«Обращают на себя внимание эпитеты, которыми награждаются носители иных точек зрения чем та, которая была у Ленина: “чудовищное предательство, дезорганизаторы, авантюристы” и т. п. “научные” термины (...)» (107).

В отличие от этого Сталин соединил все приведенные понятия в два слова, составившие формулу «враг народа» и, используя её, уничтожил ближайших соратников Ленина, всю старую большевистскую гвардию (108). По словам Новаковского, историки описывают этот процесс как закономерность в борьбе партии за ленинскую

линию. С такой позицией контрастирует его собственная оценка политики Сталина, которую он описывает как антиленинскую, изображая эту политику как установление личной власти с помощью политических интриг:

«Действительно Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, как впрочем и Сталин, неоднократно выступали против тех или иных точек зрения Ленина. Однако все они до самой кончины Ленина оставались в руководящем ядре партии. (...)

Вопрос о строительстве социализма в одной стране стал муссироваться Сталиным тогда, когда все внешние и внутренние враги Советской власти были разгромлены, когда промышленность и сельское хозяйство, благодаря ленинской линии бурно восстанавливались, когда в перспективе уже намечались индустриализация страны (...) против которых ни у Троцкого, ни у Зиновьева с Каменевым возражений не было. Однако, воспользовавшись обстановкой в партии Сталин добился отстранения от руководства Троцкого, Зиновьева и Каменева, так же как, через год он добился изоляции Бухарина, Рыкова и Томского. (...)

Когда Зиновьев и Каменев выступили против Сталина, то он моментально вытащил из Архива октябрьские их ошибки. Так же Сталин и поступил и с бухаринским “обогащайтесь” в 1925 г. Сначала Сталин прикрыл Бухарина, но когда Бухарин и Рыков в 1928 выступили против Сталина, последний не преминул козырнуть лозунгом Бухарина “обогащайтесь” против правых. В столкновении лбами членов ЦК Сталин проявил большое мастерство» (109).

Конечно, историки, по словам Новаковского, «скромно» молчат об этой стороне дела, хотя именно здесь и лежат причины, по которым Сталину удалось ликвидировать членов Политбюро, когда-то возглавлявшегося Лениным. Их молчание Новаковский объясняет тем, что «(...) те же самые историки, кода завещание Ленина стало достоянием партии, приложили максимум “ученых” усилий, чтобы исказить то, что писал Ленин, чтобы доказать, что трансформация руководства в партии после Ленина была закономерна» (110). В заключение он рекомендует историкам переработать свои труды, чтобы восстановить историческую правду. Только таким образом можно снова обрести доверие масс. Только на основе исторических фактов

можно удалить влияние культа личности и сталинский взгляд на историю со страниц «Истории КПСС».

Статья Новаковского представляет собой фронтальную атаку на историческую науку конца 50-х — начала 60-х гг. Автор подвергает критической проверке привычные стереотипы оценок и характеризует их как сформированные Сталиным, а тем самым антиленинские. Масштабом для определения степени сталинизации ему служит оценка внутривнутрипартийной оппозиции в рассмотренных трудах. Новаковский видит важную задачу в том, чтобы в ответ на подобные стереотипы реабилитировать так называемых оппозиционеров. Он описывает Троцкого, Каменева и Зиновьева, Рыкова, Бухарина и Томского в соответствии с позицией Ленина — как элиту большевистской партии, после смерти Ленина павшую жертвой политики Сталина, направленной на установление его личной власти. Не они отклонялись от генеральной линии партии, а сам Сталин.

Так Новаковский, в отличие Анны Лариной-Бухариной и Светланы Гурвич-Бухариной совершает радикальный отход от официальной партийной историографии. Категория «отклонялись от генеральной линии партии» имеет для него силу только по отношению к Сталину. Характеристику «внутрипартийная оппозиция» по отношению к Троцкому и Бухарину он описывает как продукт антиленинской политики личной власти Сталина. Напротив, Анна Ларина-Бухарина и Светлана Гурвич-Бухарина в своих прошениях ещё делают уступки официальной оценке Бухарина, признавая, что он «часто» оказывался в оппозиции к генеральной линии партии, хотя, разумеется, настаивают на том, что Бухарин сам признавал свои ошибки и вновь возвращался к ленинской линии партии.

Ларина-Бухарина, Гурвич-Бухарина и Новаковский были в начале 60-х гг. не единственными, кто намеревался подвергнуть переоценке историю Советского Союза, в особенности внутривнутрипартийную борьбу в 20-е гг. после смерти Ленина. Историки напрасно пытались после XXII съезда, как и в 1956 г., непосредственно после XX съезда, поместить в журнале «Вопросы истории» статьи об истории идейной борьбы 20-х гг., не соответствовавшие официальному стереотипу истолкования (111).

Историк Моше Левин смог доказать, что в экономических дискуссиях 60-х гг. были сильные реформистские и критические тече-

ния (112), вдохновленные дискуссиями времен нэпа, в особенности проблемами, поднятыми Бухариным (113). По мнению Левина, обращают на себя внимание появление заново идей, концепций и понятий, использовавшихся в особенности Бухариным и его приверженцами:

«Множество страниц может быть заполнено цитатами современных авторов, в основном экономистов. Некоторые из них являются архитекторами реформ или, по меньшей мере, оживления советской экономики, которые доказывают, что аргументы, предписания и, что самое важное, тезисы “Заметок экономиста” (114) (...) воспринимались или повторялись ими почти дословно» (115).

В это время не только экономисты, но и философы пытались осмысливать содержание идей так называемых врагов народа, отклоняясь при этом от официальных концепций (116). Некоторые философы, например, анализировали философское мировоззрение Бухарина, осмысливая дискуссии 20-х гг. (117).

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОМНЕНИЯ ПРОТИВ ШИРОКОМАСШТАБНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Хотя Президиум ЦК КПСС 19 января 1962 г. уполномочил комиссию под председательством Шверника проверить большие процессы 30-х гг. (118), и хотя историк Р. Медведев в октябре 1962 г. выразил в «Нью-Йорк таймс» предположение о том, что реабилитация Бухарина и других вот-вот состоится (119), политические шансы на успешное возобновление дискуссии об их реабилитации выглядели не самым лучшим образом. Ни Анна Ларина-Бухарина, ни Светлана Гурвич-Бухарина не получили ответа на свои прошения о реабилитации (120). Статья и письмо Новаковского также не обсуждались на заседаниях редакции журнала «Коммунист» (121). Можно предположить, что главный редактор сразу же отказался от публикации и переслал статью в секретариат ЦК, т. к. она была там рассмотрена и снабжена следующей сопроводительной запиской:

«В редакцию журнала “Коммунист” поступили статья члена КПСС 1917 года М. Б. Новаковского: “Некоторые вопросы истории

КПСС и культ Сталина”. Статья в некоторых отношениях заслуживает внимания, особенно потому, что в ней, наряду с правильной критикой ошибок Сталина, в открытой форме предпринимается попытка реабилитировать троцкизм и другие враждебные ленинизму течения. 5.IV.1961. Слонеев» (122).

Кроме того, именно то лицо, которое особенно резко атаковал Новаковский в своей статье, имело политические сомнения против реабилитации видных обвиняемых на процессе «право-троцкистского блока». Речь шла о кандидате в члены Политбюро и директоре Института марксизма-ленинизма П. Н. Поспелове. Будучи близким сотрудником Хрущева, он не только входил в комиссию Молотова (123), но был уже 31 октября 1955 г. назначен председателем комиссии по исследованию «всех материалов», касавшихся репрессий. Результаты работы этой комиссии были отражены в секретном докладе Хрущева (124). Этот точно информированный человек был единственным, кто высказался по делу Бухарина и Рыкова, и сделал это после своего заключительного слова на Всесоюзном совещании историков 18–21 октября 1962 г. (125) Его ответ на вопрос студентов о том, были ли Бухарин и другие шпионами иностранных государств, гласил:

«Я могу заявить, что достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были» (126).

Хотя Бухарина и Рыкова на съезде даже не упоминали, Поспелов все же признал, что центральный пункт обвинения против Бухарина и Рыкова на процессе «право-троцкистского блока», а именно контакт с иностранными государствами и подготовка и проведение политических убийств, более несостоятелен. С другой стороны, ответ секретаря ЦК представлял собой лишь частичный пересмотр, а не аннулирование приговора.

Как смог показать уже Новаковский, Поспелов продолжал считать другие пункты обвинения на процессе вполне оправданными. Он, например, выступал за осуждение Бухарина как одного из руководителей различных оппозиционных направлений (Брестский мир, дискуссия о профсоюзах, правый уклон).

Как показывает проект неопубликованной статьи Поспелова, эти пункты обвинения, на его взгляд, препятствовали полному аннулированию приговора (127).

Из этого материала становится ясно, что автор придавал подчиненное значение юридическому выяснению процесса «право-троцкистского блока». Напротив, решающую роль играет для него политическая оценка Бухарина и Рыкова как руководителей «правой оппозиции». Пospelов ничего не боялся так, как ложно понятой реабилитации неправосудно уничтоженных при Сталине представителей бывших оппозиционных групп:

Как известно, Сталин, после того как социализм уже победил и враждебные партии фракции потерпели поражение, выдвинул неверный тезис о том, что классовая борьба обостряется тем сильнее, чем больше достижения социалистического строительства. Этот тезис был использован для грубых нарушений социалистической законности. В связи с этим мне хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство: некоторые политически незрелые люди думают, что реабилитация невинно осужденных людей одновременно означает реабилитацию политических фракций и тенденций в партии. После XXII съезда на одном собрании партийных идеологов докладчику был задан вопрос: Как надлежит отзываться о враждебных партии фракциях и движениях, о правых и троцкистах? Здесь не должно быть никаких сомнений. Если мы хотим остаться на позициях исторической объективности и партийности большевиков, мы не должны уступать в принципиальной идеологической борьбе против враждебных партии фракций и движений в партии. (128).

Т. к. Пospelов заявляет вопреки фактам, что должны быть реабилитированы все «безвинно репрессированные», т. е. и бывшие оппозиционеры, эту цитату можно рассматривать не только как идеологический ориентир для партии, но и прямое предупреждение Комитету партийного контроля о возможных отрицательных политических последствиях реабилитации этих групп, тем более что в этой комиссии во главе со Шверником в качестве движущей силы реинтеграции присутствовали бывшие представители внутривнутрипартийной оппозиции. Позиция Пospelова приближалась к позиции комиссии Молотова, которая в декабре 1956 г. отвергла возобновление процессов против Бухарина, Рыкова, Каменева и Зиновьева с обоснованием, что они на протяжении многих лет вели антисоветскую борьбу (129).

Позиция Пospelова стала частью официальной политики ЦК КПСС. В январском номере журнала «Вопросы истории КПСС» за 1963 г. ЦК сформулировал новые директивы для историков, пытавшихся в некоторых пунктах пересмотреть официальную интерпретацию борьбы идей, имевшую силу с выходом «Истории партии» в 1959 г. Там сказано, в частности:

«Журнал обязан решительно и непримиримо выступать против всяких попыток под предлогом борьбы с культом личности расшатывать устои марксистско-ленинской теории, против попыток реабилитации разгромленных партией антимарксистских взглядов и течений» (130).

В этой позиции партии ничего не изменило и то обстоятельство, что месяцем позже, 19 января 1962 г., была создана комиссия под председательством Шверника для проверки процессов 1934–1938 гг., в том числе и процесса антисоветского «право-троцкистского блока», которая представила данные о необоснованных массовых репрессиях и другие факты грубых нарушений социалистической законности в период культа личности (131).

Однако, заключение заканчивается выводом, что бывшие внутривнутрипартийные оппозиционеры с 1930 г. снова присоединились к генеральной линии партии, а многие из них честно работали для партии и участвовали в социалистическом строительстве (132). В отношении Бухарина соответствующие разделы документа совпадают с той оценкой его исторической роли, которую сформулировала комиссия Шверника 26 сентября 1961 г. Бухарина, Рыков и Томского снова обвиняют в отклонении от генеральной линии партии в 1929 г. и капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами. И здесь подчеркивается, что партия в 1929 г. идеологически уничтожила и изолировала «группу правых оппортунистов». Возвращение руководителей «правых» на генеральной линии партии авторы также датируют началом 30-х гг. Под влиянием критики правые уклонисты отошли от своих позиций, признали правильность генеральной линии партии, были оставлены в партии и продолжали занимать ответственные государственные посты (133). Правда, заключительная справка от февраля 1963 г. не возымела политического действия. Она оставалась — до опубликования в январе 1995 г. — недоступной, находясь в соответствующих архивах.

Политический климат для реабилитации бывших оппозиционеров, в особенности руководителей «правого уклона», ухудшился на протяжении 60-х гг. и в восприятии родственников Бухарина. Именно потому, что дочь Бухарина не получила ответа на свое прошение о реабилитации от 1962 г., она внимательно наблюдала за печатью и научными публикациями, стремясь найти в них признаки переоценки отца. В 1964 г. она обнаружила многочисленные статьи, упоминавшие его имя. Реагируя на это, Гурвич-Бухарина написала 16 августа резкое письмо «товарищу» Хрущеву, начинавшееся словами:

«За время вашего отсутствия, в печати появились статьи, в которых с помощи самых худших сталинских методов лжи и подтасовки фактов, снова было оклеветано имя моего отца Н. И. Бухарина» (134).

Конкретно дочь Бухарина имела в виду две статьи, опубликованные в журнале «Коммунист» и в «Литературной газете». Их авторы критиковали высказывания Бухарина по литературно-политическим вопросам, во-первых, на конференции ВКП (б) по вопросам литературной политики (февраль 1925 г.), и, во-вторых, на Первом съезде писателей (1934 г.) (135). Свою контраргументацию Гурвич-Бухарина основывает на стенографических отчетах обоих форумов (136).

Она не согласна с тем, что в статье в «Коммунисте» тезисы её отца на конференции ВКП (б) по вопросам литературной политики в 1925 г. характеризуются как лозунги «троцкистско-бухаринских капитулянтов», т. к. ему приписывают выступление за «свободную конкуренцию» в литературе. Напротив, применение понятия «троцкистско-бухаринский» следует рассматривать как реликт сталинской эпохи, с помощью которого искажается истина и на Бухарина возводится клевета, т. к. Бухарин, по словам Гурвич-Бухариной, начинает свое выступление с официального заявления о категорическом отклонении идей и позиций Троцкого. Известно, кроме того, что в те годы Бухарин играл важную роль в идейной борьбе против троцкистов (137). Гурвич-Бухарина пытается опровергнуть обвинение в «капитулянстве» в связи с мнимым лозунгом Бухарина о «свободной конкуренции» в литературе. При этом она ссылается на стенограмму соответствующей конференции, с которой ознакомилась в

Библиотеке им. Ленина. Здесь вместо слова «конкуренция» стоит слово «соревнование». (138) На этой (по её мнению ложной) основе Бухарина обвинили в капитулянстве.

Критикуя затем статью в «Литературной газете», Гурвич-Бухарина указывает, что её автор, писательница А. Караваева, порицает Бухарина, своим докладом направившего советских писателей «по неверному пути». Кроме того, Караваева констатирует, что доклад был решительно отвергнут присутствовавшими. Чтобы дезавуировать это утверждение, Гурвич-Бухарина отмечает, что Бухарин выступал не как частное лицо, напротив, его доклад был утвержден ЦК. Тем самым она подчеркивает, что тезисы Бухарина соответствовали линии партии. Кроме того, по мнению Гурвич-Бухариной, из стенограммы съезда не явствует, что доклад был решительно отвергнут присутствовавшими. Её итог гласит:

«Все понимают, что в “Литературной газете” допущено применение осужденных партии методов культа личности, чтобы опорочить имя Н. И. Бухарина» (139).

В заключение она сообщает, что в том же номере «Литературной газеты» и на той же странице напечатаны воспоминания Галины Серебряковой (140), в которых отстаивается тезис о том, что коммунисты и в худшие времена (т. е. во время Сталина) в тюрьмах и ссылке знали, что ложь потеряет силу и партия вернет народу имена его борцов. Гурвич-Бухарина задается вопросом, как это редакция опровергает взгляды, представленные в статье Серебряковой, публикуя «вздор» — статью о докладе Бухарина на съезде писателей. Письмо завершается горьким итогом:

«Вся эта ложь съедает душу не только читателей, но и авторов её. Ведь у клеветы не может быть добрых намерений и лежит тяжелее всего на душе оставшихся всех живых детей Н. И. Бухарина. Они надеются, что имя их отца будет ограждено от недостойных выпадов людей, которые все ещё не могут отказаться от привычек культа [личности Сталина]» (141).

Можно заметить, что Светлана Гурвич-Бухарина постепенно теряет терпение и её возмущение растёт. Особенно угнетает её молчание партии. Косвенно она требует от партийной верхушки разъясняющих слов о Бухарине. Она недаром дважды обращает внимание Хрущева на то, что именно в его отсутствие в Москве

появились соответствующие статьи. Кроме того, она вновь и вновь демонстративно указывает на решения партии, направленные против культа личности Сталина. Ответа на свое письмо Светлана Гурвич-Бухарина не получила, тем более что Хрущев, с которым связывались её надежды на скорую реабилитацию отца, вскоре был лишен своего поста Первого секретаря ЦК КПСС и принудительно отправлен на пенсию (142).

Начало 60-х гг. характеризовалось, следовательно, «подвешенным» состоянием в вопросе реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционеров. Хотя в секретных справках прокуратуры (1956 г.) и комиссии Шверника (1961 г.) неофициально рекомендовалась «полная» юридическая и политическая реабилитация Бухарина, Рыкова и Томского, партийная верхушка продолжала на публике отмалчиваться. Она удовлетворялась неясными положительными знаками вроде реабилитации родственников и выплаты им возмещения, а также редкими заявлениями директора ИМЛ Поспелова, не предпринимая, однако, серьезных дальнейших шагов. Высшие органы партии уделяли все большее внимание формированию политико-идеологических норм для оценки советского прошлого, не делая никаких заявлений о роли бывших оппозиционеров в 30-е гг.

Вопрос о реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционных групп стал политическим средством не только с момента смещения Хрущева (см. следующую главу), а был таковым уже в начале 60-х гг. Использованию Бухарина и Рыкова как раскаявшихся оппозиционеров для поддержки публичной кампании по разоблачению преступлений Сталина, Молотова, Кагановича и Маленкова против собственных лояльных партийных кадров противодействовали названные тактико-политические соображения. Тем самым в 1961 и первой половине 1962 гг. была пройдена кульминация ведущейся при Хрущеве тайной дискуссии вокруг вопроса о реабилитации Бухарина и обвиненных вместе с ним в 1938 г. по процессу «право-троцкистского блока».

Тем не менее предположение о слабой позиции Хрущева, что он планировал реабилитацию бывших правых и левых оппозиционных групп, но не смог добиться своего, недоказуемо. Напротив, следует предположить, что Политбюро решило в 1961 г. не идти на реинтеграцию бывших руководителей оппозиции Бухарина и Рыкова,

Зиновьева и Каменева, чтобы не позволить возникнуть дискуссии об альтернативах избранному им пути модификации сталинизма — дискуссии, которая могла бы иметь непредсказуемые внутри- и внешнеполитические последствия. События, происшедшие после XX съезда КПСС, были достаточно серьезным предупреждением для руководящих советских политиков, сделавших свою карьеру ещё при Сталине. Таким образом, несостоявшаяся реабилитация Бухарина и других видных бывших оппозиционеров, была в начале 60-х гг. результатом хорошо скалькулированной политики с позиции силы, политики, не желавшей терпеть политическую символику, которая, чего доброго, могла быть истолкована и против тех интересов, которыми она была продиктована. В соответствии с этим вопрос о реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционеров больше не играл никакой роли вплоть до смещения Хрущева в 1964 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Cohen St. F.* Rethinking the Soviet Experience, p. 150; *Levin M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. From Bukharin to the Modern Reformers. — Princeton/London, 1974, p. 300–333.

2. *Cohen St. F.* Rethinking the Soviet Experience, p. 71 f.

3. Там же, с. 80.

4. Анну Михайловну Бухарину принудили принять свою девичью фамилию — Ларина.

5. В рамках данной работы мы не рассматриваем обстоятельнее судьбу Анны Михайловны Лариной. Ср. *Larina-Bucharina, Anna.* Nun bin ich schon weit über zwanzig. — Göttingen, 1989, S. 13, 60, 182, 192, 284, 347.

6. Там же, с. 154; *Борин А.* Ритуал. Листы архивного дела № 18856 по обвинению Н. М. Лукиной-Бухариной. — «Литературная газета», 27.11.88, с. 12.

7. Информация о Светлане и Эсфирь Гурвич большей частью основывается на интервью автора со Светланой Николаевной Гурвич-Бухариной. Ср. № 10 в документальном приложении, ср. также М. Туровская. Догадка или Что мы знаем о себе самих. — «Московские новости», 2.10.88, с. 13.

8. *Gurvitsch-Bucharina Svetlana.* «Freude mit Tränen in den Augen». Ein Interview. In: *Löwy A. G.* Die Weltgeschichte ist das Weltgericht. Leben und Werk Nikolai Bucharins. — Wien, 1990, S. 429.

9. Н. Шверник — Председателю Моссовета т. Н. И. Бобровникову от 28 июня 1961 г. — РГАНИ. Архив Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (другие архивные данные отсутствуют).

10. *Cohen St. F.* Why Bukharin's Ghost still Haunts Moscow. — «New York Times Magazine» (December 10, 1978), p. 146 f.; *Он же.* Rethinking the Soviet Experience... p. 71 f.; *Medvedev R. A.* Nikolai Bukharin. The Last Years. — New York–London, 1980, p. 162–167.

11. № 10 в документальном приложении. Ср. *Cohen St. F. Why Bukharin's Ghost still Haunts Moscow*. О том, что именно О. Г. Шатуновской было поручено дело Бухарина, свидетельствует запись в списке входящих и исходящих писем в РГАСПИ, доказывающая, что Центральный партийный архив 6 апреля 1961 г. направил Шатуновской биографическую справку о Бухарине. Ср.: Переписка Центрального партийного архива ИМЛ, 6 апреля 1961 г. — РГАСПИ, Сектор поступления писем.

12. Вариант письма, запрототолированный Анной Лариной в 1961 г., документирован в «Справке по результатам проверки открытого судебного процесса по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других», находящийся в архиве Комитета партийного контроля. Оно зарегистрировано под № 507, 1961, ср. № 2 в документальном приложении. Материалы Комитета партийного контроля находятся в архиве Центра хранения современной документации (РГАНИ). Нет возможности ни сделать копию, ни списать письмо от руки.

13. Вариант письма, запрототолированный в 1961 г. в Комитете партийного контроля, в значительной степени совпадает с тем, который был опубликован в 1989 г. в воспоминаниях А. Лариной-Бухариной. Ср. *Ларина-Бухарина А. Незабываемое*. — М., 1989, с. 362–374. Первая публикация письма в: *Medwedew. Die Wahrheit...*, S. 205 или английское издание — London, 1971.

14. *Ларина-Бухарина А. Незабываемое*, с. 362.

15. Эсфирь Гурвич Президиуму ЦК КПСС от 28 марта 1961. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.

16. Деревня в 35 км от Москвы, с 1918 г. место отдыха Ленина. 21.1.24 Ленин умер здесь. БЭС, — М., с. 324.

17. Эсфирь Гурвич Президиуму ЦК КПСС...

18. Там же.

19. Там же, с. 276.

20. Там же.

21. Т. н. «политическое завещание» Ленина было впервые опубликовано в Советском Союзе в 1956 г. только после XX съезда. Ср. *Ленин В. И. Письмо к съезду*. — «Коммунист», 1956, № 9, с. 15–19.

22. Бухарин, веря в поворот к мировой революции, требовал продолжения войны (Первой мировой войны) против Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Ленину, однако, удалось отстоять свою позицию, так что 3.03.1918 был подписан тяжелый для Советского правительства Брестский мир. — *Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22 bis 1991*. Н.-J. Torke (Hrsg.). — München, 1993, S. 48.

23. При переходе к НЭПу в партии разразилась дискуссия о профсоюзах. Троцкий и Бухарин требовали их полного огосударствления, «рабочая оппозиция», напротив, передачи профсоюзам всего управления экономикой. Ленин занимал компромиссную позицию. Там же, с. 97.

24. Эсфирь Гурвич Президиуму ЦК КПСС...

25. Оппозиция Бухарина политике Ленина в вопросе о Брестском мире и во время дискуссии о профсоюзах была важным пунктом обвинения во время процесса «правотроцкистского блока» в марте 1938 г.

26. Эсфирь Гурвич Президиуму ЦК КПСС...

27. Разумеется, труды Бухарина публиковались, но в библиотеках они были недоступны, находясь в так называемых спецхранах.

28. Уже в сентябре 1961 г. С. Гурвич-Бухарина с матерью вселились в двухкомнатную квартиру.

29. Вслед за арестом и осуждением Бухарина была арестована и сослана и семья его брата. По инициативе Светланы Гурвич-Бухариной 2 мая 1961 г. Владимир Иванович и его семья подали официальное ходатайство о реабилитации и были реабилитированы. Заявление см. № 1 в документальном приложении.

30. Ср. № 1 в документальном приложении.

31. Там же.

32. Мы исходим из того (см. выше), что А. Ларина-Бухарина адаптировала содержание письма к политической ситуации 60-х гг.

33. *Tumarkin N. Lenin lives! The Lenincult in Soviet Russia.* — Cambridge 1983, p. 259.

34. Переписка Центрального партийного архива ИМЛ, 6 апреля 1961 г. — РГАСПИ, Сектор поступления писем.

35. К делу приложен список ознакомившихся с ним лиц. Биографические данные сотрудницы КПК Андреевой выяснить не удалось. Она была первым из двух лиц, зарегистрированных до 1988 г. Личное дело содержит документы о вступлении Бухарина в партию, полный текст статьи Д. П. Марецкого из первого издания БСЭ, обоснование его исключения из партии на основе решения пленума ЦК в 1937 г. и заключение Комитета партийного контроля о его реабилитации от 21 июля 1988 г. Ср. «Личное дело на работника, снятого с персонального учета № 56670. Номенклатурное дело Н. И. Бухарина. Центр хранения современной документации, архив КПК.

36. Дата установлена на основе содержания справки. Ср. № 2 в документальном приложении.

37. На справке имеется штампель «Комитет партийного контроля (секретная часть)», вх. № 507 от 26. IX.1961, экземпляр № 2, ср. № 2 в документальном приложении. Документ был отнесен к строго секретным. Об этом свидетельствует не только входящий штампель секретной части, но и пометка «экземпляр № 2». Таким образом должна была быть предотвращено разглашение тайны, т. к. изготовлялось лишь несколько экземпляров и круг читателей строго регистрировался.

38. Справка до 1991 г. находилась среди других еще не обработанных в соответствии с архивными правилами материалов из кабинета Н. Ф. Каткова, сотрудника отдела Комитета партийного контроля, занимавшегося реабилитацией при Горбачеве. Автор обнаружил этот документ только благодаря дружеской помощи руководителя отдела обработки документов Комитета партийного контроля в Центре хранения современной документации. Экземпляр, с которым ознакомился автор, представлял собой документ, разосланный экспертами, т. к. штампель входящего документа был на нем в оригинале, а не в копии. Ср. № 2 в документальном приложении.

39. Там же.

40. Там же.

41. Там же. Авторы сравнили показания обвиненных на предмет шпионажа с оперативными материалами НКВД, не найдя, однако, подтверждения обвинения.

42. Там же.

43. Другой двадцатипятистраничный протокол допроса Бухарина от 5 марта 1937 г. и двенадцатистраничный протокол очной ставки Бухарина и Чернова от 7 марта 1937 г. из архива НКВД были подшиты 20.12.1961 к материалам процесса. Ср. № 9 в документальном приложении. «Протокол допроса Н. И. Бухарина 5 марта 1937 г.». Архив МБ РФ, судебное производство по делу: Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского. Дело № 13614 (особый фонд), т. 53, л. 141–160; протокол очной ставки Бухарина и Чернова от 7 марта 1937 г. — Архив МБ РФ, судебное производство по делу: Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского. Дело № 13614 (особый фонд), т. 53, л. 161–180.

44. Автор смог ознакомиться с этим письмом, которое Бухарин написал как Сталину, так и своей жене Анне Лариной. Из письма явствует, что Бухарин в это время не был намерен сделать признание и настаивал на своей невинности. Ср. № 9 в документальном приложении.

45. Ср. *Бухарин Н. И.* «Прости меня, Коба...». Неизвестное письмо Н. Бухарина (публикация Ю. Мурина). — «Источник. Документы русской истории», 1993, № 1, с. 25–25; немецкая публикация ср. N. Bucharin an J. Stalin. Ein unbekannter Brief, übersetzt und kommentiert von W. Hedeler, R. Stoljarowa. — «Sozialismus», 1993, № 9, S. 58–60.

46. Ср. № 2 в документальном приложении.

47. Ср. № 2 в документальном приложении.

48. Там же.

49. Там же.

50. Geschichte der KPdSU, S. 673 ff.

51. № 2 в документальном приложении.

52. XVI съезд состоялся 26.6–13.7.1930.

53. Процесс «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» состоялся 19–24 августа 1936 г. Ср. *Schützler H.* (Hrsg.) *Schauprozesse unter Stalin 1932–1952*, S. 136–169.

54. Ср. набранные курсивом части текста в настоящей работе.

55. № 2 в документальном приложении.

56. Это «совершенно секретное» письмо было от имени ЦК разослано всем районным, городским и областным комитетам, а также ЦК национальных компартий. В письме содержался, в частности, фрагмент из протокола допроса Каменева 23–24 июля 1936 г., в котором он признает, что «в формировании нового правительства могли бы участвовать и правые — Бухарин, Рыков и Томский». Цит. по: *Schützler H.* (Hrsg.) *Schauprozesse unter Stalin 1932–1952*, S. 136–169.

57. № 2 в документальном приложении. Члены «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и «параллельного троцкистского центра» также упоминаются в этой связи как жертвы произвольно созданной конструкции.

58. В документе нет яности о том, действительно ли НКВД уже с 1935 г. собирал показания свидетелей против Бухарина, Рыкова и Томского и посылал их Сталину. Соответствующие части текста могут интерпретироваться и так, что НКВД начал уже с 1935 г. посылать Сталину показания свидетелей, касающиеся каждого из предстоявших процессов.

59. Рябинин Е. И. (1892–1941) — член ЦК ВКП (б) (Воронеж). Арестован в 30-е гг., судьба неизвестна. Реабилитирован в 1961 г. Ср. *Shapiro J. P.* *Rehabilitation Policy and Political Conflicts in the Soviet Union 1953–1964*, p. 159.

60. Варейкис И. М. (1894–1939) — в 1937 арестован, в 1939 погиб. Первая реабилитация в 1957 г., в 1962 г. (ср. СИЭ, Москва, 1961) реабилитирован полностью. Ebd., 355; V. Levitsky (ed.): *The Stalinist Terror in the Thirties*, p. 316–323.

61. № 2 в документальном приложении.

62. Там же.

63. Там же.

64. П. П. Постышев — партийный работник высшего звена, в 1934–38 гг. кандидат в члены Политбюро. БЭС, — М., 1991, с. 188.

65. В. Я. Чубарь — партийный работник высшего звена, в 1935–38 гг. член Политбюро. БЭС, — М., 1991, с. 644.

66. В. И. Межлаук — председатель Госплана СССР, в 1937 г. арестован, в 1938 г. казнен. Биографию см. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 94.

67. В. К. Блюхер — военачальник высокого ранга, Маршал Советского Союза (1935г.) БЭС, — М., 1991, с. 145.

68. Я. Б. Гамарник — заместитель наркома обороны СССР, в 1937 г. покончил с собой. Биографию см. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 12, с. 89.

69. А. В. Косарев — партийный работник высшего звена, генеральный секретарь ЦК комсомола. Там же, с. 92.

70. По словам А. М. Лариной, в начале 1961 г. ее неоднократно опрашивали в Комитете партийного контроля по делу Бухарина. Ср. *Larina-Bucharina* A. Nun bin ich schon weit über zwanzig. Erinnerungen. — Göttingen, 1989, S. 430.

71. Письмо было опубликовано в Советском Союзе только в 1988 г. во время реабилитации Бухарина. Ср. *Бухарин Н. И.* Будущему поколению руководителей партии. — «Спутник», 1988, № 5, с. 117, немецкий перевод см. Nikolai Bucharin. An die künftige Generation führender Parteifunktionäre. — «Unpersonen». Wer waren sie wirklich? Bucharin, Rykow, Tomski, Sinowjew, Kamenew. — В., 1990, S. 10–12.

72. № 2 в документальном приложении.

73. Здесь, несомненно, идет речь о критерии политической реабилитации. По поводу политического поворота, совершенного Бухариным в начале 30-х гг., см. *Бухарин Н. И.* Великая реконструкция. О текущем периоде пролетарской революции в нашей стране. — «Правда», 19 февраля 1930.

74. № 2 в документальном приложении.

75. Там же.

76. Это подтверждает и «дополнительная справка», указывающая на источники информации. [Справка о результатах проверки материалов открытого судебного процесса по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других.] Вх. 507/1961. — РГАНИ. Комиссия Шверника. С. 1–62.

77. Ср. Стенограмма заседания пленума ЦК ВКП (б) за 4 и 7 декабря 1936 г. Стенограммы с авторскими правками. — РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 574. В сокращенной форме ср. Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 г. — «Вопросы истории», 1995, № 1, с. 3–21, Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. — «Вопросы истории», 1992, № 5–6. Здесь становится ясно, что материалы, представленные НКВД, рассматривались не со скепсисом, а применялись для подкрепления политической клеветы в отношении Бухарина.

78. Эксперты доказывают поддержку Бухариным линии партии с 1930 г. на основе его писем 30-х гг., в которых он клянется в своей верности партии. Ср. № 3 в документальном приложении.

79. Рабочая гипотеза, в соответствии с которой заключение несет отпечаток различного соотношения политических сил внутри партии перед XXII съездом и написано разными авторами, о чем свидетельствует различная интенсивность осуждения Сталина в первой и второй частях, не подтверждается, т. к. она предполагает слабую позицию Хрущева. Это предположение, однако, не соответствует действительности применительно к рассматриваемому периоду.

80. Ср. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1962 года. Стенографический отчет. Москва, 1962, т. 1, с. 105–7, 284–85, 396–97; т. 2, с. 213–16, 402–7; т. 3, с. 362.

81. Исследователи исходят из того, что Сталин с помощью каждого процесса преследовал определенные внутривнутриполитические цели. С помощью первого показательного процесса должны были быть дисциплинированы различные течения в партии, второго — хозяйственное руководство, с помощью процесса против Тухачевского армия, а посредст-

вом третьего показательного процесса — кадры в отдельных республиках. Ср. *Ziehr W.* Die Entwicklung der «Schauprozesse» in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur sowjetischen Innenpolitik 1926–1938. (Dissertation Tübingen 1970).

82. Ср. В. Levitsky (ed.): *The Stalinist Terror in the Thirties. Documentation from the Soviet Press.* — Stanford, 1974.

83. Ср. интервью дочери Бухарина Светланой Гурвич-Бухариной, № 10 в документальном приложении.

84. С. Коэн особенно настойчиво отстаивает тезис о слабом Хрущеве, на которого постоянно воздействовала реакция сталинистов. Ср. *Cohen St. F.* *Rethinking the Soviet Experience*, p. 83.

85. В избранную Хрущевым политическую схему вписывается и тесно связанные с понятием «культ личности» резкие выпады на XXII съезде в адрес албанского и китайского руководства. Ср. *Goudoever.* *The Limits of Destalinisation...*, p. 100.

86. «Массовые репрессии оправданы быть не могут...» — «Источник», 1995, № 1, с. 117.

87. С ноября 1961 г. В. Семичастный был председателем КГБ.

88. В соответствии со списком входящих и исходящих писем Центральном партийном архиве (ныне РГАСПИ) 5 мая 1962 г. Комитету партийного контроля были направлены заключения о членах антипартийных групп. Ср.: Переписка архива. Сектор поступления писем. 5 мая 1962 г.

89. Письмо А. Лариной-Бухариной Н. С. Хрущеву и членам президиума XXII съезда от 30 октября 1961 г. — Личный архив А. Лариной-Бухариной, с. 1–6.

90. Там же, с. 4

91. Ср. Н. Погодин. «Школа “Правды”». — «Правда», 21 апреля 1961. Ср. Гурвич-Бухарина С. Н. Погодину Н. от 22 апреля 1962. В 1917–1929 гг. (с кратким перерывом в 1918 г.) Бухарин был ответственным редактором «Правды».

92. Тем же. В комментарии к своей полемике С. Гурвич-Бухарина говорит в интервью от 22.2.1991, что Погодин таким образом «каялся» за то, что не всегда говорил правду. Ср. № 10 в документальном приложении.

93. Гурвич-Бухарина С. Н. Погодину Н. от 22 апреля 1962.

94. Заявление не датировано, но, по данным С. Гурвич-Бухариной, написано вскоре после появления в «Правде» статьи Н. Погодина. Ср. Гурвич-Бухарина С. Н. Заявление дочери Н. И. Бухарина, Н. С. Хрущеву. Написано после 21 апреля 1962.

95. Там же.

96. Там же.

97. Ср. № 2 в документальном приложении.

98. Ср. № 10 в документальном приложении.

99. *Новаковский М. В.* В редакцию журнала «Коммунист». — РГАНИ, ф. 5, оп. 30 (1961), д. 375 (ролик 4635), л. 47. Новаковский имеет в виду вышедшие в 1958 и 1960 гг. историю партии («История КПСС», — М., 1958) биографию Ленина, подготовленную авторским коллективом под руководством П. Н. Поспелова. Ср.: Ленин В. И. Биография. Сост. П. Н. Поспелов, — М., 1960.

100. *Новаковский М. В.* Некоторые вопросы истории КПСС и культ Сталина. — РГАНИ, ф. 5, оп. 30 (1961), д. 375 (ролик 4635), л. 47–64.

101. Там же, л. 47.

102. Там же, л. 49, Учебник истории КПСС. — М., 1962, с. 484.

103. Там же (Новаковский), л. 49.

104. Там же, л. 50, 52, 54, 59, 61–63.

105. Там же, л. 63.
106. Там же, л. 51, ср. также л. 55–56.
107. Там же, л. 54.
108. Там же.
109. Там же, л. 56–57.
110. Там же, л. 57.
111. Это явствует из постановления ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории КПСС”» (1962 г.). Ср.: В ЦК КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 1, с. 1–5.
112. *Levin M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. From Bukharin to Modern Reformers. — Princeton/London, 1974.
113. Там же, особенно с. 300–333.
114. Имеется в виду работа Бухарина «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года». — «Правда», 30 сентября 1928 г.
115. *Levin M.* Political Undercurrents..., S. 333. Мы не можем вдаваться в содержание совпадений. См. названную работу Левина, особенно с. 300–333.
116. Ср. также *Евсеев М. П.* К истории политической экономии социализма в СССР. 1926–1936 гг., — Томск, 1971.
117. *Кислицын С. А.* Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП (б) с так называемым «правым уклоном». Вопросы истории и историографии, с. 18.
118. «Массовые репрессии оправданы быть не могут...» — «Источник», 1995, № 1, с. 117.
119. *Medvedev R. A.* Politbureau-discussions of the 3rd Show Trial in the Soviet Union. — «New York Times», 19th October 1962.
120. С письмами, находящимися, по данным С. Гурвич-Бухариной в архиве Комитета партийного контроля (РГАНИ), ознакомиться не удалось. Не удалось также и узнать, было ли соответствующее письмо с комментарием комитета.
121. Ср.: Протоколы заседаний редакции журнала «Коммунист» за 1962 г. — РГАСПИ, ф. 599, оп. 1, д. 189, д. 192–193. Здесь не удалось обнаружить и письмо Новаковского. Там же, д. 199.
122. Подпись неразборчива. Ср. [Справка КГБ для] ЦК КПСС. — РГАНИ, ф. 5, оп. 30 (1961), д. 375 (ролик 4635), л. 46.
123. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. — «Исторический архив», 1993, № 4, с. 62 и примечание 85 (с. 80).
124. Другими членами комиссии были Комаров, Аристов и Шверник. 9 февраля 1956 г. комиссия представила Президиуму свой отчет. Итог заключения гласил, что «1935–1940 гг. были в нашей стране временем арестов советских граждан». Там же, примечание 93 (с. 81).
125. Всесоюзное совещание историков о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам 18–21 октября 1962 г. — М., 1964, с. 298.
126. Там же.
127. *Поспелов П. Н.* О задачах научно-исследовательской работы кафедр истории КПСС высших учебных заведений. — РГАСПИ, личный фонд П. Н. Поспелова, ф. 629, оп. 1., д. 79, л. 1–40. Проект был опубликован в журнале «Вестник высшей школы», правда, без цитат, о которых шла речь. Ср. *Поспелов П. Н.* XXII съезд КПСС и задачи кафедр в развитии научных исследований по истории КПСС. — «Вестник высшей школы», 1962, № 2, с. 35–40.
128. Там же, л. 36.

129. Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. — «Исторический архив», 1993, № 4, с. 62 и примечание 85 (с. 80).
130. В ЦК КПСС. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 1, с. 4.
131. Собранные комиссией материалы находятся в Президентском архиве и включают около 200 машинописных страниц. До сих пор были опубликованы введение, статистические данные и результаты деятельности комиссии. Ср. «Массовые репрессии оправданы быть не могут...». — «Источник», 1995, № 1, с. 117–122.
132. Там же, с. 119.
133. Там же. Ср. также документ № 2 и выше главу «Политическое заключение комиссии Политбюро о «право-троцкистском блоке»», с. 98 и сл.
134. Гурвич-Бухарина С. Н. Хрущеву Н. С. 16 августа 1964. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.
135. «Против догматизма и вульгаризации в литературе и искусстве». — «Коммунист», 1964, № 9, с. 10; Караваева Анна. Наше тридцатилетие. — «Литературная газета», 1964, № 97, с. 1, 3.
136. В 1991 г. Гурвич-Бухарина сообщала, что только с помощью дружески относившихся к ней библиотекарей в Библиотеке им. Ленина она смогла познакомиться со стенограммами, которые были недоступны для читателей, хотя и опубликованы. Ср. № 10 в документальном приложении, с. 327.
137. Гурвич-Бухарина С. Н. Хрущеву Н. С. 16 августа 1964. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.
138. Там же. Выделено С. Гурвич-Бухариной.
139. Там же.
140. Известная советская писательница. В первом браке жена Л. П. Серебрякова, затем Г. Я. Сокольников. Оба были осуждены по процессу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Сама Галина Серебрякова провела в лагере 17 лет. См. *Conquest R. Der Große Terror. Sowjetunion 1934–1938*, S. 193, 345.
141. Гурвич-Бухарина С. Н. Хрущеву Н. С. 16 августа 1964. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.
142. Хрущев был смещен 14.10.1964.

V. СМЕЩЕНИЕ ХРУЩЕВА И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ОТНОШЕНИЯ К «ПРАВОЙ ОППОЗИЦИИ»

В октябре 1964 г. был смещен Хрущев. Уже в январе 1965 г. Анна Ларина-Бухарина послала двадцатипятистраничное прошение о реабилитации в Президиум ЦК КПСС. Её сын Юрий Ларин также написал собственное письмо (1). Для Анны Лариной-Бухариной закулисным организатором политического и физического уничтожения её мужа был, несомненно, «монарх» Сталин, с помощью «дворцового переворота» вступивший на путь уничтожения ленинских кадров. Но затем Ларина-Бухарина вполне признает, что к 60-м годам отношение к Бухарину изменилось, т. к. с него были сняты тяжелейшие обвинения (терроризм, шпионаж, убийства руководителей партии). Тем не менее в своем прошении о реабилитации она делает акцент на доказательстве — вплоть до мельчайших деталей — того, что при политической оценке Бухарина настойчиво сохраняются фальсификации из сталинской эры и что Бухарин не упоминается в связи с важными событиями, хотя он и был их видным участником. Чтобы устранить это наследие прошлого, Анна Ларина-Бухарина систематически углубляется в описание его биографии в исторических трудах и изданиях документов 50–60-х гг. Как и в прошении, поданном в октябре 1961 г., она вновь приходит к заключению, что Бухарин, хотя и делал ошибки, в принципе не отклонялся от генеральной линии партии. Анна Ларина-Бухарина завершает свое письмо заявлением о том, что её собственная биография прежде всего в лагере определялась официальной оценкой Бухарина. Она

впечатляюще описывает, как охрана не упускала ни одной возможности, чтобы грубо обойтись с ней.

Юрий Ларин ставит в центр своего прошения встречу с Глебом Максимилиановичем Кржижановским (2) в 1958 г. Прежде всего этот соратник Ленина, который говорил о Бухарине только с величайшим уважением, открыл ему глаза и устранил всякие сомнения в безупречности отца. Ларин требует полной реабилитации Бухарина, включая исправления его политической оценки и восстановления в партии.

После смещения Хрущева внутри партии также началась определенная активность в вопросе о реабилитации бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров. 9 апреля 1965 г. заведующий Идеологическим отделом ЦК Б. Украинцев подписал заключение по жалобе Светланы Гурвич-Бухариной Хрущеву, сообщавшей о негативной оценке Бухарина в печати (3). Как констатирует Украинцев, Светлана Николаевна Гурвич в своем письме от 16 августа 1964 г. отмечает, что в печати взгляды её отца представляются искаженно и необоснованно идентифицируются со взглядами Троцкого, а также указывает на замалчивание положительной роли Бухарина в борьбе против троцкизма. Украинцев дает своему отделу указание «дать автору письма разъяснение в дирекции Института марксизма-ленинизма» (4). И действительно, в конце апреля 1965 г. Светлану Гурвич-Бухарину по телефону пригласили на 5 мая на беседу в ИМЛ. Там состоялся трехчасовой разговор с целой группой сотрудников института. Беседу вел Владимир Яковлевич Зевин, ответственный в ИМЛ за издание произведений Ленина (5).

В своем сообщении о беседе Светлана Гурвич-Бухарина называет четыре комплекса тем. С ней беседовали сначала о понятии реабилитации, затем по вопросу восстановления Бухарина в партии, после этого о содержании письма Гурвич-Бухариной от 16 августа 1964 г. и, наконец, об именном указателе в собрании сочинений Ленина (6). Как заключение Идеологического отдела ЦК о письме Гурвич-Бухариной, так и беседа в ИМЛ показывают, что партия пыталась с помощью историков из партийного Института марксизма-ленинизма спрятаться от ответственности за в высшей степени политический вопрос о реабилитации или несостоявшейся реабилитации бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров. Сотрудники ИМЛ

изошрялись в изворотливости. Ведущий беседы дошел даже до утверждения о том, что ЦК и ИМЛ не имеют влияния на публикации органов печати вроде «Литературной газеты», чтобы в конце концов признать, что даже ИМЛ может написать в именном указателе к собранию сочинений Ленина только то, на что получено «добро» партийного руководства. Напротив, Гурвич-Бухарина вновь и вновь указывала на ответственность партии за реабилитацию. Она наступательно защищалась от планировавшегося объединения идеологического обвинения Бухарина с вопросом о его юридической вине. Попытки партийных историков с помощью своей монополии на информацию и документы доказать отклонение Бухарина от генеральной линии партии не удержали его дочь от того, чтобы подчеркнуть, что Бухарин был осужден и исключен из партии незаконным образом. Тем самым с её точки зрения ничего нельзя было возразить против его реабилитации, включая восстановление в партии. В качестве авторитета, свидетельствующего об идеологической безупречности Бухарина, она указывает на Ленина и его т. н. завещание, а также на его понимание политики, отличающееся от сталинского.

Но один лишь факт приглашения Светланы Гурвич-Бухариной в важнейший научный и идеологический центр партии и беседа с ней об отце, прошедшая в цивилизованном климате, как представляется, открыли её и наполнил новой надеждой (7). В течение этого года она написала ещё одно письмо в Президиум ЦК КПСС, повторяя просьбу о реабилитации Бухарина и не указывая на то, что ещё не получила ответа на свое последнее письмо (8). В этом письме Светлана Гурвич-Бухарина меняет стратегию. Она пытается апеллировать к гордости Советского правительства, указывая на ожидавшиеся в некоммунистических зарубежных странах публикации по советской истории, посвященные специально 30-м гг. и Бухарину. Тем самым она завуалировано намекает на политику блокады со стороны партии по отношению к исследованию истории собственной страны. В такого рода многочисленных намеках она подчеркивает вновь и вновь, что обнадеживающие шаги по исследованию истории 30-х гг. должны быть теперь распространены на жертв процессов в отдельности. Правда, как в этом, так и первом письме о реабилитации следует критически подойти к её некритическому отношению к «борьбе» Бухарина против «троцкизма». Вместо того,

чтобы осудить категорию «троцкистский» как созданную Сталиным, С. Гурвич-Бухарина подчеркивает идеологическое уничтожение троцкизма как плюс для Бухарина. Для неё не имеет значения тот факт, что он делал это вместе со Сталиным. Вполне в духе секретного доклада Хрущева 1956 г. она рассматривает активное участие Бухарина в борьбе против троцкизма как важную причину его положительной оценки.

В начале 1965 г. Светлана Гурвич-Бухарина получила в своих усилиях по реабилитации отца поддержку со стороны влиятельных, в прошлом высокопоставленных партийных работников. Е. Д. Стасова и историк В. А. Карпинский, лично знавшие как Ленина, так и Бухарина, обратились к членам Президиума ЦК КПСС с просьбой о реабилитации и восстановления Бухарина в партии (9). Прошение двух ветеранов партии поддержали А. Руденко и Р. Катанян. Оно начинается с уступки официальной оценки Бухарина — он, говорят авторы, совершал тяжелые политические и теоретические ошибки. Но для смягчения констатации этого обстоятельства сразу же подчеркивается принципиальная близость Бухарина к Ленину:

«При всей критике в адрес Бухарина Ленин ни минуты не сомневался в его преданности партии и революции; речь шла о критике в адрес человека и о споре с таким человеком, с которым он “был полностью един по коренным проблемам большевизма”» (10).

При жизни Ленина Бухарина никогда не исключали из партии, т. к. он был известен своей способностью признавать ошибки и без ложной гордости исправлять их. В доказательство приводились важнейшие посты, которые он занимал (член Политбюро и редактор «Правды»). К тому же Ленин в своем «Завещании» охарактеризовал Бухарина как наиболее значительного и ценного теоретика партии. Ветераны партии касаются и причин исключения Бухарина из партии и из ЦК. Они констатируют, что это произошло только в 1937 г. на основе показаний во время «следствия» о его мнимой шпионской и террористической деятельности, и, намекая на нарушения законности НКВД во время предварительного следствия перед процессом 1938 г., берут слово «следствие» в кавычки. Затем ставится вопрос о том, почему и сегодня сохраняется судебный приговор в отношении Бухарина и решение о его исключении из партии, хотя член ЦК

Поспелов на Всесоюзном совещании историков в декабре 1962 г. ясно заявил перед 2 тыс. участников, что Бухарин не был ни шпионом, ни террористом. Это дискредитирует суд. В конце концов Бухарин был осужден и исключен из партии не из-за своих заблуждений в связи с Брестским миром или расхождений во мнениях по поводу коллективизации. Затем авторы приводят преимущества отмены «противозаконного» приговора и посмертного восстановления Бухарина в партии. Это позволило бы не только справедливо обойтись с одним из выдающихся лидеров партии ленинского периода, но и подробно изложить историю партии. В настоящее время это невозможно, т. к. имя Бухарина — табу, что ведет к искажению того периода истории:

«Мы полагаем, что восстановление правды и аннулирование решений, принятых на основе сфальсифицированных документов, повысят авторитет партии и увеличат престиж нашей страны» (11).

В конце письма ещё раз приводятся слова Ленина о «любимце партии», истолкованные как обязанность и побуждение просить членов Президиума ЦК КПСС снять с Бухарина выдвинутые против него в 1937 г. обвинения, отменить вынесенный ему приговор и снова принять в партию:

«Человек, которого Ленин <по праву называл любимцем партии>, не может больше находиться в списке исключенных из партии и предателей» (12).

Прошение оказывается, хотя и неумышленно, обобщением важнейших аргументов различных других документов, в которых в 60-е гг. ставился вопрос о юридической и гражданской реабилитации Бухарина — включая справки комиссий Шверника 1961 и 1963 гг. Правда, здесь гораздо отчетливее указано на политическую ответственность партийной верхушки за затяжку решения вопроса о реабилитации Бухарина. Кроме того, авторы устанавливают тесную связь между отсутствием реабилитации и искажением истории. Нельзя доказать, что прошения дочери Бухарина и ветеранов партии возымели прямое воздействие на позицию партийной верхушки в вопросе о реабилитации Бухарина. Правда, в середине 1965 г. имела место удивительная публикация, которая могла бы быть истолкована как стартовый сигнал для гражданской реабилитации Бухарина и Рыкова. Вышло несколько томов «Советской исторической энцик-

лопедии», в том числе 8-й и 11-й, в которых в статьях «Правый уклон» и «Левые коммунисты» давалась оценка бывших внутривнутрипартийных оппозиционных групп, явно выходящая за пределы, обозначенные ЦК в январе 1962 г. — в обеих статьях неожиданно воспроизводилась позиция, сформулированная в справках комиссий Шверника 1961 и 1963 гг. (13). Как обычно, руководителей «левых коммунистов» обвиняли при этом в намерениях совместно с левыми эсерами арестовать Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным (14) и создать новое правительство из левых эсеров (15). Прибавлялось, однако, как уже в «Истории КПСС» 1962 г., что руководителей «левых коммунистов» в конце концов не согласились с этим планом (16). Кроме того, выходя за границы, обозначенные в «Истории КПСС» 1962 г., СИЭ отмечает, что некоторые из группы «левых коммунистов», в том числе и Бухарин, поняли под воздействием Ленина свои ошибки (выступление за войну, нападки на государственное регулирование промышленности) и вернулись на партийную и государственную работу (17). В статье «Правый уклон» важнейшее дополнение также сказывается на всей оценке. Позиции руководителей «правого уклона» Бухарина, Рыкова и Томского в отношении коллективизации и индустриализации в 1928–29 гг. сначала описываются в соответствии с действовавшей официальной интерпретацией как направленные против партии и Ленина. При этом СИЭ уделяет особое внимание Бухарину, цитируя его высказывание, в соответствии с которым темп развития промышленности по сравнению с капиталистическими странами слишком высок, а пятилетний план нереалистичен и из «кирпичей будущего» нельзя построить настоящих фабрик (18). Следующая цитата приводится как доказательство того, что Бухарин возражал не только против форсированной индустриализации, но и против представлений Ленина о включении крестьян в социализм:

«Коллективные хозяйства это... не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянство придет к социализму» (19).

Чтобы доказать неправильность этого тезиса Бухарина, автор для контраста цитирует труды Ленина начала 20-х гг., который, разумеется, выступал за «высокий темп» индустриализации. Кроме того, Бухарин, рассматривая кулацкое хозяйство как силу, способную гарантировать рост производства, дал полную свободу капита-

листическим элементам в стране. Уже в 1925 г. он выступил с поддержанным кулаками лозунгом «Обогащайтесь!», перенятым позже всеми правыми и оппортунистическими силами. Автор осуждает далее и теорию Бухарина о вращении кулака в социализм (конец 20-х гг.) как антиленинскую (20). Без упоминания показательного процесса 1938 г. (21) в заключение подчеркивается, что «правые уклонисты» были организационно и идеологически разбиты партией уже в 1929 г. (22). Но затем, отклоняясь от официальной интерпретации, автор статьи в «Советской исторической энциклопедии» прибавляет, что руководители «правого уклона» в конечном счете сами признали ошибочность своих взглядов (23). Тем самым он перенимает оценку, содержащуюся в строго секретном заключении комиссии Шверника, в соответствии с которой руководителей «правого уклона» с 1930 г. были как раскаявшиеся интегрированы в партию. К тому же с 1965 г. снова усиленно ходили слухи о возможной реабилитации Бухарина, дополнительно подкрепленные заявлением представителя Госкомпечати о том, что издательство «Наука» планирует на 1966 г. публикацию «Азбуки коммунизма» Бухарина (24). В марте 1966 г. Анна Ларина-Бухарина ещё раз послала письмо Бухарина «Будущему поколению руководителей партии» с краткой сопроводительной запиской в президиум предстоявшего XXIII съезда КПСС с просьбой отреагировать на её многочисленные письма (25).

1. ОТМЕНА ПОЛИТИКИ РЕАБИЛИТАЦИИ БРЕЖНЕВЫМ

Когда, однако, на протяжении 1966 г. смогло консолидироваться новое руководство во главе с Брежневым, шансы на реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционеров очень быстро исчезли. Напротив, состоялась частичная реабилитация Сталина. Ни Светлана Гурвич-Бухарина, ни ветераны партии не получили ответа на свои письма (26). В мемуарах Е. Д. Стасовой, умершей в 1966 г., не упоминалась её просьба о реабилитации Бухарина (27). Не была, несмотря на извещение, опубликована и «Азбука коммунизма».

Существование прямой связи между общим направлением политико-идеологического развития и оценкой т. н. левого и правого

уклонов доказывает третье издание Большой советской энциклопедии, которое начало выходить в 1970 г. (28) Из неё видно, что позиция авторов СИЭ, практически тождественная гражданской реабилитации бывших руководителей левого правого уклона, была оставлена. Автор, который написал в СИЭ в 1965 г. статью о «правом уклоне», теперь при изображении того же явления отошел назад, не упоминая, что руководители «правого уклона» сами признали ошибочность своих взглядов и перешли на позиции поддержки партии. То же касается и содержания статьи о «Левых коммунистах» (29). Можно предположить, что среди прочих использовал свое влияние и П. Н. Поспелов, входивший в главную редакцию БСЭ. Шверник уже в 1966 г. лишился постов члена Президиума и председателя Комитета партийного контроля. Тем самым он, как ответственный за положительные политические заключения 1961 и 1963 гг., не обладал более влиянием в вопросе о реабилитации бывшей «правой оппозиции» (30).

Продолжавшиеся до конца 60-х гг. среди влиятельных, заинтересованных в реформах и критически настроенных экономистов дискуссии о нэпе не могут считаться показателем существования сильной группы, заинтересованной в реабилитации своих вдохновителей Бухарина, Рыкова и Томского. Напротив, можно заметить, что здесь, как очень тонко указывает Моше Левин, были представлены и дискутировались «еретические идеи» Бухарина и его приверженцев, но имена еретиков не назывались (31). Даже советские философы, не находившиеся в центре внимания, не могли не подвергнуть Бухарина ритуальной критике за его антимарксистские и оппортунистические взгляды, прежде чем в деталях заняться анализом его идей (32).

В конце 60-х гг. в исторической науке приобретали все большее влияние представители тех сил, которые, подобно Ф. М. Ваганову и С. П. Трапезникову (оба с середины 60-х гг. — уполномоченные ЦК по развитию историко-партийной науки) рассматривали борьбу против «правого уклона» как важную школу для обществоведов, с помощью которой можно было проверить, как следовало защищать ленинизм (33). В 1970 г. Ваганов снова издал увеличенную до 300 страниц свою диссертацию на тему «Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928–1929 гг.)», но расширил её за счет утверждения, что как события в Венгрии в 1956 г., так и в Чехословакии в 1968 г.

представляли собой проявления «правооппортунистических» и «ревизионистских» течений в соответствующих национальных компартиях (34). Тем самым он воспроизводил официальную линию партии. Партия же объявляла в советской печати «пражскую весну» 1968 г. символом «антисоциалистического» и контрреволюционного» проявления «правого оппортунизма» (35).

Угасание десталинизации после консолидации власти Брежнева с 1966 г., означавшее в то же время продолжение существования основных иерархических и авторитарных структур административно-бюрократической системы, повлекло за собой молчание по поводу террора сталинского времени. Хотя по-прежнему существовали, вплоть до аппарата ЦК, приверженцы линии изображения бывших внутривнутрипартийных оппозиционеров в исторических трудах как «нормальной» оппозиции (36), Бухарин и другие оппозиционеры официально изображались как непримиримые противники генеральной линии партии. Напротив, Сталина называли в числе тех, кто снискал большие заслуги в идейно-теоретической борьбе против Бухарина (37). Тем самым в конце концов смогла возобладать позиция политического осуждения внутривнутрипартийных оппозиционных групп, сформулированная в заключении комиссии Молотова от декабря 1956 г.

2. КРИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СТРАНЕ И ЗА ГРАНИЦЕЙ

С середины 70-х гг. вдова Бухарина Анна Ларина-Бухарина и её сын Юрий Ларин снова добивались реабилитации Бухарина. Причиной этого стало появление в США в конце 1973 г. политической биографии Бухарина, написанной молодым американским политологом Стивеном Ф. Коэном (38). Сообщение о появлении этой первой большой биографии Бухарина дошло до Анны Лариной-Бухариной и её сына Юрия Ларина. Уже полтора года спустя, в 1975 г., они установили контакт с Коэном и встретились с ним в Москве. Они решили создать русский перевод его книги (39).

Очевидно, окрыленные контактом с Коэном, быстро превратившимся в тесную связь, Анна Ларина-Бухарина и Юрий Ларин в

начале 1976 г. после почти десятилетнего перерыва снова обратились к Политбюро и лично к Брежневу. Они больше не просили о восстановлении в партии, а лишь о признании Бухарина как бывшего члена Академии Наук: незадолго до XXV съезда КПСС в 1976 г. Анна Ларина-Бухарина ещё раз послала в Политбюро копию просьбы о реабилитации, написанной одиннадцатью годами раньше (40). В то же время, 8 января 1976 г., она послала письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу (41). В этом письме на переднем плане критика современной ситуации. Анна Ларина-Бухарина констатирует в политике партии в 50-е, 60-е и 70-е гг. расхождение между словом и делом в отношении осмысления прошлого, в особенности сталинского времени. С одной стороны, Ларина-Бухарина обвиняет партийное руководство в том, что и сам Генеральный секретарь Брежнев в речи по поводу 100-летней годовщины со дня рождения Ленина заявил, что партия подвергла культ личности и его последствия строгой критике и в принципе не побоялась сказать народу правду, сколь угодно горькую. С другой стороны, позиция партии в конкретном вопросе — в деле Бухарина — определяется «ложью», будучи однозначно антиленинской. Во-первых, не было официальных заключений по поводу сфальсифицированных материалов процесса Бухарина, во-вторых, разногласия во мнениях между Бухариным и партией по-прежнему рассматриваются как враждебные, в-третьих, теоретические концепции Бухарина считаются, в противовес их положительной оценке Лениным, глупыми или антипартийными, в-четвертых, Бухарину приписываются ошибки, которых он не совершал, и, наконец, в-пятых, «блестящая» роль Бухарина в советской истории замалчивается или изображается карикатурно. Анна Ларина-Бухарина объясняет мотивацию своей новой попытки добиться реабилитации Бухарина тем, что незадолго до ареста мужа поклялась ему бороться за его посмертную реабилитацию. Но в этой связи она указывает и на то, что реабилитация освободить её семью от гнетущей её депрессии.

Письмо Юрия Ларина в Политбюро, также датированное 8 января 1976 г., подобно письму матери, отмечено критикой последовательного молчания руководителей партии о деле Бухарина. В качестве тяжелого последствия этой позиции Ларин рассматривает

негативное изображение Бухарина в исторической науке. Он указывает, что официальная историография «фальсифицирует» или полностью замалчивает теоретическую и практическую роль Бухарина в советской истории, особенно его отношение к Ленину. Даже писатель Илья Эренбург, отмечается в письме был, принужден цензурой, убрать из своей биографии все упоминания Бухарина. Наряду с этими, выходящими за границы индивидуального, последствиями несостоявшейся реабилитации Бухарина, Ларин указывает на последствия ситуации и для своей личной жизни: последовавшее в конце 30-х гг. изменение властями его фамилии с Бухарина на Ларина, включая дату рождения и отчество, а также практическую невозможность снова принять имя Бухарина, т. к. это имя все ещё заклеено как имя «врага коммунизма и партии» (42).

На этот раз Анна Ларина-Бухарина и Юрий Ларин получили ответ на свои письма, хотя и отрицательный. 8 июня 1977 г. С. Г. Климов, представитель Комитета партийного контроля, позвонил Ю. Ларину и сообщил, что ходатайство о восстановлении Бухарина в партии и в Академии Наук не удовлетворено, т. к. против него существуют обвинения в уголовных преступлениях. Ларин возразил, что Крестинский, Икрамов и Ходжаев (43) реабилитированы, на что Климов ответил, что большинство других обвиняемых также не реабилитированы. На вопрос, верит ли Климов, что Бухарин убил Горького, тот адресовал Ларина в Верховный Суд и Генеральную прокуратуру. После этого телефонного разговора Юрий Ларин и Анна Ларина сразу же, т. е. 11 июня 1977 г., подали прошение в Верховный Суд СССР (44).

Юрий Ларин действительно воспользовался в своем прошении аргументацией Климова, создавшего впечатление, что реабилитация Бухарина — дело прежде всего Верховного Суда, а не партии (45). Ларин искусно «выстилает» свое формально-юридическое ходатайство о проверке пунктов обвинения и приговора отцу несколькими официальными мнениями партийных кругов о Бухарине, которые можно было бы интерпретировать как положительные. С одной стороны, он приводит заявление директора Института марксизма-ленинизма П. Н. Поспелова на Всесоюзном совещании историков в 1962 г., «что ни Бухарин, ни Рыков не были ни шпионами, ни террористами». С другой — указывает на то, что в биографических дан-

ных к собранию сочинений Ленина осуждение Бухарина не упоминается (46).

Семья Лариной-Бухариной не ограничилась, однако, прощением в Верховный Суд. 18 августа 1977 г. Анна Ларина-Бухарина снова обратилась к Брежневу и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А. Я. Пельше (47). Центральная тема — звонок Климова из Комитета партийного контроля. Анна Ларина-Бухарина признает, что она «потрясена» высказанным в разговоре замечанием о том, что процесс против Бухарина не будет проверяться и тем самым пункты обвинения остаются в силе. Напротив, она твердо убеждена в том, что вопрос о реабилитации Бухарина должен решаться вовсе не Верховным Судом, а требует политического решения партии. Процесс марта 1938 г. Ларина-Бухарина рассматривает как не имеющий решающего значения для несостоявшейся реабилитации её мужа прежде всего потому, что многие обвиняемые и свидетели давно реабилитированы и тем самым вся конструкция процесса из взаимных обвинений (в том числе против Бухарина) и самообвинений больше не имеет силы. В соответствии с этим её основной тезис звучит следующим образом: «Я по-прежнему убеждена, что реабилитации Бухарина препятствуют не материалы пресловутого процесса, а бывшие партийные разногласия» (48). Но она обращается к партии с призывом не переоценивать разногласия с Бухариным, которые тот признал и устранил, а выдвинуть на передний план принципиальное совпадение с генеральной линией партии и Ленина.

Вопрос о реабилитации Бухарина занимал не только его семью, но и комсомольца Сергея Бабурина (49). 27 августа 1977 г. он написал подробное письмо Брежневу (50), в котором спрашивал, почему после XX съезда партии такие личности, как Бухарин, Рыков, Розенгольц, Зиновьев, Каменев, Шляпников и Сокольников по-прежнему считаются табу и рассматриваются как «враги народа», хотя Ленин относился к ним пусть и критически, но положительно. «Разве Ленин может ошибаться?» — задавал Бабуриным недоуменный вопрос. Невозможность этого тогдашний комсомолец объяснял собственной оценкой левого и правого уклонов от генеральной линии партии: взгляды их приверженцев действительно были ошибочны, но продиктованы самыми лучшими намерениями послужить делу партии.

В конце концов они всегда подчинялись мнению большинства партии и признавали свои ошибки. Бабурин не понимает, как это у тех, кто отклонялся от генеральной линии партии, были получены признания, им были предоставлены высокие посты, но в 70-е гг. партия снова драпируется в молчание и пытается забыть собственную историю. Из-за этого, по словам Бабурина, страдает вера народа в «избранных». Он делает следующий вывод:

«Отрицать прошлое — значит вызвать недоверие к настоящему» (51).

В принципе требование Бабурина о последовательном осмыслении советского прошлого можно охарактеризовать как смелое. Но о том, что это требование не выходит для него, как и для критикуемой им партии, за идеологически мотивированные границы, свидетельствует тот факт, что он недвусмысленно не включает в свое перечисление Троцкого, а в конце письма характеризует его как «врага марксизма-ленинизма», несущего «реальную» вину в отличие от названных лиц (52). В этой связи, как представляется, не срабатывает даже универсальная категория легко обнаруживаемой положительной оценки Троцкого Лениным.

Ни Бабурин, ни семья Бухарина не получили ответа на свои письма. Адресаты отмолчались даже после письма Юрия Ларина, которое он вместе с сопроводительным письмом послал полгода спустя на имя Председателя Верховного Суда СССР Л. Н. Смирнова (53). Только когда Юрий Ларин при поддержке Анны Лариной-Бухариной исчерпал все возможности жалоб и стало очевидно, что партия пытается уклониться от ответственности за реабилитацию Бухарина, он в начале 1978 г., накануне сороковой годовщины смерти Бухарина, обратился с письмом к Генеральному секретарю Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэру.

В письме он рассказал об оказавшихся безуспешными попытках своей матери и собственных добиться реабилитации отца, предпринимавшихся с 1961 г. Ларин интерпретирует единственный ответ Комитета партийного контроля в 1977 г. в виде звонка Климова и молчание Верховного Суда как подтверждение «чудовищных обвинений Сталина». В принципе, писал он, ещё и сегодня бо́льшая часть советского народа, воспитанная в духе «Краткого курса»,

исходит из того, что Бухарин был «наемником» Гитлера. Ларин заявляет с упреком, что его семья не может в своей стране добиться социальной справедливости для человека, которого Ленин называл «любимцем партии». Он считает, что партия не в состоянии бороться за свои высокие идеалы, если все ещё несет на своих плечах бремя сталинских преступлений. Свое собственное убеждение в невинности Бухарина, как юридической так и политической, Ларин обосновывает сообщениями матери и современников Ленина и Бухарина. Кроме того, он, по его словам, читал труды Бухарина, изучал зарубежную литературу и таким образом составил себе представление о Бухарине — человеке, общественном деятеле и теоретике (54). Письмо Ларина было для Компартии Италии поводом начать широкую международную кампанию за реабилитацию Бухарина. Письмо получило международную известность, будучи опубликовано в печати и передано по радио. 15–19 марта 1978 г. советский историк Рой Медведев опубликовал в итальянской газете «Ла Stampa» статью в защиту Бухарина. Во второй половине 1978 г. американский «Фонд Бертрана Рассела» начал шестимесячную кампанию за реабилитацию Бухарина. В июне 1980 г. в Риме был проведен международный симпозиум на тему «Бухарин и его роль в истории СССР и международном коммунистическом движении» (55).

Тем временем в Москву несколько раз приезжал Стивен Коэн. В соответствии с сообщениями ученого, отклик советских историков на его биографию Бухарина был исключительно положительным (56). В начале 1978 г. он посетил также историка М. Я. Гефтера (57) и просил его прочитать русский перевод в рукописи. Гефтер ответил в июне 1978 г. обстоятельным письмом, в котором подчеркивал:

«Злободневность её не только в том, что многие из вопросов, разрабатывавшихся Вашим героем и волновавших его, не утратили своей остроты по сей день, а некоторые (и очень существенные) обрели ныне вторую молодость» (58).

Свою критику в адрес Коэна Гефтер скрывает за философскими размышлениями о понятии «альтернатива». Понятие «альтернатива», по его мнению, не следует больше понимать как «выбор между двумя возможностями»; напротив, оно означает различные тенден-

ции общего человеческого развития. В судьбе и за судьбой «последнего большевика», — Гефтер цитирует Коэна, который именно так характеризовал Бухарина, — он видит трагедию альтернативы. Ещё не вызрев, эта альтернатива была уже «загублена». Вместе с ней была загублена и распята растоптанная альтернативность. Сталин исключил как альтернативу, так и альтернативность. Тем самым Гефтер указал на то, что цель Сталина с середины 20-х гг. заключалась в принципиальной смене политических координат, в ликвидации мышления в категории альтернатив. Напротив, у «сегодняшнего» человека нет никакого другого выбора, кроме «выбора», т. е. мышления в категории альтернатив. Такова единственная допустимая свобода в «мире катастрофы» (59). Таким способом Гефтер выражает свое сомнение в использовании Коэном понятия «альтернатива», прямо связанном с его попыткой представить Бухарина как единственную программную альтернативу Сталину (60). Так Гефтер внес собственный вклад в дискуссию в Америке и Европе, вызванную книгой Коэна. В центре дискуссии стоял вопрос, был ли Бухарин, а не Троцкий, альтернативой Сталину (61).

В 1980 г. русский перевод биографии Бухарина, написанной Коэном, был издан в США (62). Книга распространялась также в Москве и других городах СССР, т. к. родственники Бухарина и некоторые историки, с которыми лично говорил Коэн, передавали её дальше. Эта среда т. н. «самиздата» (63) получала и другие книги на русском языке, издававшиеся зарубежными издательствами. Важную роль (64) играли при этом в 70-е гг. русские эмигрантские издательства и журналы, создававшие форум и для не эмигрировавших авторов. Бухарин обладал здесь позитивным имиджем (65).

Уже в 1970 г. в Нью-Йорке вышли мемуары вдовы поэта Осипа Мандельштама, расстрелянного НКВД в 1938 г. Хотя Надежда Мандельштам, как правило, не высказывала симпатии большевикам, о Бухарине она высказывалась положительно. Она сообщала, например, что публикацией своих стихов в 1928 г. её муж был обязан Бухарину (66). И А. Солженицын, крайне критически противостоящий советской системе, пишет в «Архипелаге ГУЛАГ», что он часто размышлял о Бухарине и всегда хотел писать о показательных процессах (67). Можно предположить, что причина симпатии Солженицына к Бухарину в оппозиции последнего сталинской политике

коллективизации. По мнению Солженицына, коллективизация — тяжелейшее преступление Советской власти. В соответствии с этим он подчеркивал в статье, написанной после высылки и лишения гражданства:

«...в начале тридцатых годов он [Бухарин] понял, что курс Сталина ведет к разорению крестьян и краху здоровой национальной экономики. Но он был неспособен эффективно бороться против этой политики» (68).

Советский педагог и историк Р. А. Медведев рассматривал Бухарина гораздо более дифференцированно. В своей начатой после XXII съезда в 1961 и завершенной в 1968 г. книге «Наша сила в правде» (69), автор показывает, что Бухарин в 1928–29 гг. сначала тесно сотрудничал со Сталиным. Он нес ответственность за политическую и теоретическую защиту нэпа от различных внутрипартийных оппозиционных групп — троцкистов, зиновьевцев и объединенной оппозиции. Но в связи с поворотом в 1928–29 гг. Медведев упрекает Бухарина в тяжелых теоретических ошибках. Его экономическая теория 20-х гг., считает автор, характеризуется схематизмом и схоластикой. Его понимание нэпа было недостаточным. Конкретно это означает, что он не видел в кулаке с необходимой ясностью активного противника (в оригинале отсутствует необходимое слово. — *Прим. перев.*) строительства социализма и делал слишком много уступок мелкобуржуазным элементам. Тем самым Медведев обосновывает и ответственность, разделявшуюся Бухариным, за хлебный кризис и конфискации конца 20-х гг. (70). В рамках настоящей работы интересно, что Медведев, несмотря на свою критику, предпочитает Бухарина Сталину. Сталин, по его мнению, ещё более грешил схематизмом и схоластикой, чем Бухарин. Бухарин при всех своих ошибках отстаивал в 1928–29 гг. более реалистичную политику, вместе со своими союзниками отклоняя насильственную коллективизацию, гигантизм в индустрии, а также насилие и бюрократический произвол (71). Тем не менее в заключение Медведев упрекает Бухарина в том, что с 1930 он, как и многие другие бывших внутрипартийных оппозиционеры не выступил последовательно против Сталина, а, напротив, участвовал в формировании культа личности последнего, дезавуировав свои сомнения относительно форсированной индустриализации и коллективизации (72). Автор делает, тем не

мене, следующий вывод: «Простой факт заключается в том, что они (Бухарин, Рыков и Томский) несмотря на свои ошибки, оставались лояльными членами партии» (73).

Историческая роль Бухарина обсуждалась и в эмигрантских журналах. Биография Бухарина, написанная Коэном, вызвала здесь различные мнения. Так, в журнале «Континент» в 1975 г. появилась статья историка Д. С. Анина (74) под названием «Актуален ли Бухарин?» (75). Автор приходит к следующей оценке:

«Ирония судьбы: исторический, действительный, а не легендарный Бухарин вовсе не был сторонником политических свобод, как их понимают на Западе. (...) И тем не менее, Бухарин для многих олицетворяет курс на человеческий социализм. У крестьян и у интеллигенции, в особенности, он запомнился как человек, противившийся коллективизации и террору. (...) При всех его грехах и ошибках Бухарин является, однако, единственным большевиком, которого кое-кто в России поминает добрым словом» (76).

Партийное руководство в Советском Союзе не реагировало официально ни на кампанию за реабилитацию и многочисленные прошения (77), ни на дискуссии об историческом значении Бухарина, которые велись в зарубежных научных журналах и книгах. Не нашло отражения в советской печати и изображение Бухарина в эмигрантских журналах как представителя «социализма с человеческим лицом». Но о том, что руководство партии все же оказалось под давлением, свидетельствует появление многочисленных статей в советской печати и научных журналах, инициативу написания которых можно приписать советникам ЦК по вопросам истории КПСС Ваганову и Трапезникову. Написанная Коэном биография Бухарина упоминается и осуждается здесь в связи с работой о «современном правом ревизионизме» (78). 17 мая 1979 г. в «Правде» историк В. Иванов, известный как консерватор, демонстративно подчеркнул, что уничтожение Троцкого и Бухарина было важным вкладом в обеспечение единства международного коммунистического движения (79). Наконец, в 1981 г. книга Коэна характеризовалась как «клеветнический опус американского антикоммуниста» (80). Книга, как явствовало из замечания официального советского представителя в Нью-Йорке, входила в список запрещенных книг, составленных советскими спецслужбами (81). Самому Коэну в 1982—

85 гг. был запрещен въезд в Советский Союз. Немногие советские авторы, например, Р. А. Медведев и М. Я. Гефтер, снискавшие себе известность статьями и письмами в зарубежной прессе о переоценке истории Советского Союза, особенно 20-х гг., могли вести свою работу только в условиях больших трудностей.

К концу 60-х гг. стало ясно, что при Брежневе реабилитация бывших внутривластных оппозиционеров не будет возможна. Это означает, что лишь в середине 60-х гг., в вакууме власти, возникшем после смещения Хрущева, борьба вокруг оценки руководителей «правой оппозиции» ещё раз приобрела определенную динамику. Вышедшие в эти годы тома СИЭ описывали «левых коммунистов» и «правый уклон» так, что это могло быть понято как прелюдия к гражданской реабилитации Бухарина и Рыкова. Время для выхода обоих томов избрали весьма искусно, тем более что политическое руководство после смещения Хрущева было занято консолидацией собственной власти. Но затем краткое молчание сменилось бескомпромиссным политическим осуждением, которое следует понимать не только как реакцию в стране и за границей на усилия по реабилитации Бухарина, но и как идеологическое ужесточение по отношению к попыткам критического анализа собственной истории. Многим историкам, в том числе известному специалисту по истории коллективизации В. П. Данилову, в конце 60-х гг. был поставлен в вину ревизионизм или бухаринизм. Это вызвало серьезные трудности в работе. Особенно жестко изменение затронуло климата дочь Бухарина Светланы Гурвич-Бухарину. Она сталкивалась с помехами в работе и подвергалась все большим притеснениям со стороны руководства парторганизации Института истории СССР. Наряду с официальной политикой и в 70-е гг. были, однако, ниши, в которых могли по-прежнему существовать неофициальные позиции. Важную роль в распространении таких взглядов в Советском Союзе играли различные зарубежные издательства, печатавшие и окольным путем доставлявшие в страну труды как критически настроенных советских историков вроде Р. А. Медведева, так и западных советологов, например, Коэна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анна Ларина-Бухарина в Президиум ЦК КПСС, январь 1965 г.: РГАСПИ, ф. 84, оп., 1, д. 144, л. 47–70; Юрий Ларин в Политбюро ЦК КПСС, январь 1965 г.: РГАСПИ, ф. 84, оп. 1, д. 144, л. 71–73.

2. 1872–1959 гг., член КПСС с 1893 г., на партийной работе в Санкт-Петербурге. После революции в правительственном аппарате (энергетический сектор). Академик АН СССР (1925–1939), депутат Верховного Совета СССР в 1937–46 гг. БСЭ, с. 653.

3. Гурвич-Бухарина С. Н. Хрущеву Н. С. 16 августа 1964. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.

4. Там же.

5. Гурвич-Бухарина С. Н. Розговор в ИМЛ от 5 мая 1965. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.

6. Нижеследующий анализ беседы основывается на личных записях Гурвич-Бухариной, которые она сделала два дня спустя после беседы в ИМЛ, т. е. 7 мая 1965 г. Ср. там же.

7. В неопубликованном интервью, данном автору настоящей работы в 1991 г., Гурвич-Бухарина сообщает, что Зевин обещал ей всю мыслимую помощь для научной работы и сдержал это обещание, обеспечив ей доступ к важным архивным материалам.

8. № 4 в документальном приложении. Не удалось узнать точную дату написания этого письма, а также было ли оно отправлено. Основываясь на содержательном сходстве направленности письма с беседой 5 мая 1965 г. в ИМЛ, мы исходим из того, что письмо было написано после беседы.

9. Антонов-Овсеенко ошибочно датирует это прошение 1961 г. Ср.: *Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin. Portrait of a Tyranny.* — New York, 1981, p. 334. Ван Гудевер убедительно датирует его началом 1965 г. Ср.: *Goudoever. The Limits of Destalinisation...*, p. 57. Прощение воспроизведено в *Medwedew. Die Wahrheit...*, S. 205 f.

10. Там же (*Medwedew*), с. 207.

11. Там же, S. 208.

12. Там же.

13. Ср. *Морозов Б. М. «Левые коммунисты».* — СИЭ, т. 8, 1965, с. 514–17; *Шмидт И. П. «правый уклон».* — СИЭ, т. 11, 1965, с. 510–11.

14. Орган исполнительной власти в СССР до 1946 г.

15. СИЭ, т. 8, 1965, с. 515–16.

16. Там же, с. 517; История КПСС., — М., 1969–3-е, переработанное издание «История КПСС» 1962 г., с. 275.

17. СИЭ, т. 8, с. 517.

18. Там же, т. 11, с. 510.

19. Там же.

20. Там же, с. 510 и сл.

21. В СИЭ, в отличие от второго издания БСЭ, нет статьи «Право-троцкистский блок».

22. СИЭ, т. 11, с. 511. В соответствии с этим отпадают обвинения в том, что «правые уклонисты» хотели реставрировать капитализм и поддерживали связи с «троцкистами». Сохраняется лишь критика в адрес «правых уклонистов» за то, что они, выступая против коллективизации и индустриализации, ослабляли обороноспособность СССР.

23. СИЭ, т. 11, с. 511.
24. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии (большевиков), принятой на 8-м съезде. — М., 1919; *Goudoever. The Limits of Destalinisation...*, p. 57.
25. Анна Ларина-Бухарина в президиум XXIII съезда КПСС от 25 марта 1966 г. Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1–3.
26. *Goudoever. The Limits of Destalinisation...*, p. 57.
27. Стасова Е. Д. Воспоминания. — М., 1969.
28. Большая советская энциклопедия (БСЭ), — М., 1970–78 гг., 3-е, расширенное издание.
29. Там же, т. 14, 1973, с. 244; т. 20, 1975, с. 487
30. Заключение 1961 г. см № 2 в документальном приложении. О заключении 1963 г. см. «Массовые репрессии оправданы быть не могут...» — «Источник», 1995, № 1, с. 117.
31. *Levin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. From Bukharin to Modern Reformers*, p.312.
32. *Кислицын С. А.* Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП (б) с так называемым «правым уклоном». Вопросы истории и историографии, с. 18.
33. *Зевелев А. И.* Ленинская концепция историко-партийной науки. — М., 1982, с. 61.
34. *Ваганов Ф. М.* Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928–1929 гг.). — М., 1970, с. 270–72.
35. *Cohen St. F.* Why Bukharin's Ghost still Haunts Moscow. — «New York Times Magazine» (December 10, 1978), p. 155.
36. В разговорах в узком кругу Брежнев, как вспоминает известный журналист А. Е. Бовин, даже создавал впечатление, что он в принципе согласен с этим мнением, но ему «не позволяет партия». Ср. *Бовин А. Е.* Человек и его время. — *Иноземцев Н.* Цена победы. — М., 1995, с. 7 и сл.
37. Ср. статью «Правый уклон» в третьем издании БСЭ (1970 г.).
38. *Cohen St. F.* Bukharin and the Bolshevik Revolution. A Political Biography 1888–1938. — New York, 1973. Книга Коэна частично основывается на его начатой в 1962 г. диссертации, которую он завершил в 1968 г. Ср. предисловие к советскому изданию его книги: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография 1888–1938. — М., 1988, с. 6.
39. В конце 70-х гг. друг Юрия Ларина Е. А. Гнедин перевел первые главы. Остальное было переведено в США и издано там в начале 80-х гг. См. *Коэн С.* Бухарин, с. 7.
40. Анна Ларина-Бухарина в Президиум ЦК КПСС, январь 1965 г.: РГАСПИ, ф. 84, оп. 1, д. 144, л. 47–70. О том, что Ларина-Бухарина еще раз послала это письмо в 1976 г. в Политбюро свидетельствует рукописная пометка на последней странице оригинала прошения, находящегося в личном архиве Анны Лариной-Бухариной.
41. Ср. № 5 в документальном приложении.
42. Ср. № 6 в документальном приложении.
43. Сообвиняемые Бухарина по процессу в марте 1938 г.
44. Дело Бухарина. Об отказе в реабилитации Н. И. Бухарина. — «Хроника защиты прав в СССР». — Нью-Йорк, 1977, № 27, с. 16–17.
45. Юрий Ларин — Председателю Верховного Суда СССР Л. Н. Смирнову от 11 июня 1977 г. — Личный архив Юрия Ларина, с. 1.
46. Ср. относительно Поспелова с. 124 и сл., о сочинениях Ленина — с. 80 и сл.
47. Анна Ларина-Бухарина Генеральному секретарю ЦК КПСС Председателю Президиума Верховного совета СССР т. Л. И. Брежневу и председателю КПК при ЦК КПСС т. А. Я. Пельше от 18 августа 1977 г. — Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1–8.

48. Там же, с. 5.
49. Сегодня лидер Национально-демократической партии.
50. Сергей Бабурин Председателю Президиума Верховного совета СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Л. И. Брежневу от 27 августа 1977 г. — РГАНИ, Архив Комитета партийного контроля, остальные архивные данные отсутствуют, с. 1–12.
51. Там же.
52. Там же, с. 10.
53. Юрий Ларин Председателю Верховного Суда СССР Л. Н. Смирнову от 21 декабря 1977 г. — Личный архив Юрия Ларина, с. 1.
54. Юрий Ларин Генеральному секретарю ИКП Э. Берлингуэру, начало 1978 г. — Личный архив Юрия Ларина, с. 1–3.
55. Ср. *Natoli A. Le Frattocchie. Bucharin davanti agli studiosi.* — Firenze, 1980; *Bucharin nella storia del URSS e del comunismo.* — Roma, 1980.
56. *Козн С.* Бухарин. Политическая биография, с. 7.
57. М. Я. Гефтер (1918–1995) — с середины 60-х гг. член редколлегии «Всемирной истории», ответственный за методологические проблемы истории. 1976 — разрыв с официальной идеологией и принудительное удаление на пенсию. 1982 — выход из КПСС.
58. *Гефтер М. Я.* Все мы заложники мира предрассудков. Письмо американскому историку Стивену Козну. — *Гефтер М. Я.* Из тех и этих лет. — М., 1991, с. 85.
59. Гефтер намекает на общую угрозу человечества со стороны атомного оружия, подчеркивая, что в случае его применения не будет ни победителей, ни побежденных.
60. *Гефтер М. Я.* Указ. соч., с. 86.
61. См., в частности: *Hunter H.* The Overambitious First Soviet Plan. — «Slavic Review», vol. 32, 1, 1973, p. 237–257; *Pachter H.* Bukharin — History and Legend. — «Dissent», vol. 32, 1, 1974, p. 572–79; *Sedgwick P.* The Return of Bukharin. — «International Socialism», 1, 1975, p. 16–20; *Анин Д.* Актуален ли Бухарин? — «Континент», 1975, № 2, с. 313–14; *Liebman M.* Bukharinism, Revolution and Social Development. — «The Socialist Register», 1975, p. 75–94; *Deutscher T.* Bukharinism vs. Trotskysm. A Review. — *Monthly Review*, vol. 26, № 11, 1975, p. 48–56; *Haynes M.* The Resurrection of Bukharin. — «International Socialism», 1, 1978, p. 11–34; *Knei-Paz B.* The Social and Political Thought of Leon Trotsky. — Oxford, 1978, p. 269–280; *Howe I.* Leon Trotsky. — New York 1978, p. 112–115; *Штурман Д.* Николай Бухарин — любимец партии. — «Время и мы», 1979, № 39, с. 130–146; Там же, № 40, с. 120–135.
62. Большую часть этого перевода выполнил Юрий Ларин с помощью Евгения Александровича Гнедина. Так как они собирались для работы каждый четверг, перевод вышел под псевдонимами Ю. и Е. Четверговы.
63. Самиздатом называется частное распространение текстов, рукописей, а также целых книг, которые из-за своего критического содержания не имеют шансов пройти через государственную цензуру. С оригиналов часто делалось максимально возможное число копий, передававшихся друзьям и знакомым, которые, переписывая тексты, также способствовали их распространению. Ср. *Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22 bis 1991*, S. 280.
64. Не удастся доказать, какова была степень влияния определенных книг, напечатанных за границей, на неформальные круги в Советском Союзе. Как Светлана Гурвич-Бухарина, так и специалист по аграрным вопросам из Института истории СССР (с 1991 Института российской истории) В. П. Данилов сообщают, что с середины 70-х гг. у них была биография Бухарина. Сам Козн передал им многочисленные экземпляры, которые они потом передали коллегам. Кроме того, курсировали некоторые номера журнала «Континент», издававшегося русскими эмигрантами в Париже.

65. В. П. Данилов подтвердил эту оценку. Особенно популярна была в самиздате книга эмигранта А. Авторханова «Технология власти», темой которого являлась в скрытом виде точки соприкосновения между сталинистами и и приверженцами Бухарина (ср. предисловие А. Авторханова к 7-му изданию его книги.: Технология власти. — Нью-Йорк, 1980, с. 5–40). О личности автора см. *Авторханов А. Г.* «Технология власти». — «Вопросы истории», 1991, № 1, с. 126–127.

66. *Мандельштам Н.* Вторая книга. — Нью-Йорк, 1970.

67. *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. — Париж, 1974, т. 1, с. 197–411–19.

68. *Солженицын А.* Ленин в Цюрихе. — Париж, 1975, с. 227.

69. *Medwedew R. A.* Die Wahrheit ist unsere Stärke. Geschichte und Folgen des Stalinismus. — Frankfurt a. M., 1973. Эта книга была впервые опубликована в 1971 г. в США, т. к. советские издательства отклонили рукопись.

70. Там же, с. 58 f., 79 f., 81.

71. Там же, с. 82 f.

72. Там же, с. 162, 207

73. Там же, с. 83.

74. Анин родился в 1913 г. в России, эмигрировал в США, закончил Колумбийский университет в Нью-Йорке, став историком. Автор статей о русской революции.

75. *Анин Д.* Актуален ли Бухарин? — «Континент», 1975, № 2, с. 281–314.

76. Там же, с. 314–315.

77. Анна Ларина-Бухарина и Юрий Ларин не прекратили и после письма Берлингу-эру обращаться к партийному руководству. Вскоре после смерти Брежнева они послали новые письма о реабилитации новому Генеральному секретарю Ю. В. Андропову, в котором еще раз приводили свои аргументы в пользу реабилитации Бухарина. Ср. Ю. Ларин Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Л. И. Брежневу и членам Политбюро ЦК КПСС от 16 февраля 1981 г. — Личный архив Юрия Ларина, с. 1–6; Анна Ларина-Бухарина в Президиум XXVI съезда КПСС. от 16 февраля 1981 г. — Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1–3.

78. *Овчаренко Н. Е.* XXVI съезд КПСС и вопросы борьбы с современным правым ревизионизмом. — «Вопросы истории КПСС», 1977, № 1, с. 110.

79. *В. Иванов.* В борьбе за единство. — «Правда», 27 Мая 1979, с. 3.

80. *Николаев А.* Пакостник из Нью-Йорка. — «Литературная газета», 1 июля 1981, с. 14.

81. *Козн С.* Бухарин..., с. 6.

VI. ЭЙФОРИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ И НОВОЕ ОТКРЫТИЕ БУХАРИНА В 1987 г.

Только после смерти Брежнева, Андропова и Черненко, трех функционеров, сделавших карьеру ещё в сталинские времена, в середине 80-х гг. освободился путь для смены поколений в руководстве партии и государства. С избранием Михаила Горбачева в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС в Советском Союзе началась смена формы правления, призванная восстановить демократию в государстве, партии и Советах. Это политическое изменение охватило все сферы общества. После ухода большей части элиты руководителей и специалистов сначала началась дискуссия о явном экономическом кризисе в стране. При этом «главным двигателем» была программа перестройки с лозунгами «ускорения» и «гласности», разработанная Горбачевым и его приверженцами для преодоления серьезных экономических трудностей, переживавшихся страной (1). Важнейшую составную часть новой программы образовали дискуссии об экономических реформах, которые развернулись на начальной фазе перестройки (1985–86 гг.) и принятие соответствующих документов (2), что вызвало сопротивление бюрократических и иерархических экономических структур, сложившихся ещё в сталинские времена. Исходной точкой была при этом критика в адрес эпохи Брежнева, оцененного как период застоя. На XXVII съезде в феврале-марте 1986 г. в рамках экономической перестройки дошло даже до первых намеков на нэп 20-х гг., которые могли интерпретироваться как намерение партийного руководства снова ввести рыночные принципы в сельском хозяйстве (3). Затем в ноябре 1986 г. публицист и политолог Е. Амбарцумов открыто восхвалял НЭП

в приверженной курсу реформ газете «Московские новости» как экономическую систему, способствующую экономическим интересам производителя, запускающую местную инициативу и, в конце концов, заменяющую административные методы руководства экономическими (4). Несмотря на эти ссылки, партийное руководство на ранней фазе перестройки ещё не видело необходимости в критическом анализе советской истории. Напротив, летом 1986 г. Горбачев подчеркивал в речи перед советскими писателями:

«Если бы мы начали заниматься прошлым, мы растеряли бы всю свою энергию. Мы оскорбили бы народ. Но нам надо идти вперед. Мы ещё займемся историей, но теперь мы направили всю свою энергию вперед» (5).

Очевидно, здесь ещё не было места для изменившейся политики реабилитации. Так ещё в 1986 г. нидерландскому историку А. П. ван Гудеверу пришлось завершить свой глубокий труд о политике реабилитации в СССР после смерти Сталина следующим пессимистическим высказыванием:

«Так как реабилитация принадлежит прошлому, для историков пришло время действовать. Их задача — изучать явление в целом и включать его в контекст основных современных сюжетов истории советского общества, таких как сталинизм, национальный вопрос и полемика между Советским Союзом и Китаем» (6)

Когда в результате ослабления цензуры гласность невольно распространилась и на историю, когда прежде всего публицисты, литераторы, деятели кино и театра использовали завоеванное свободное пространство для обращения и к историческим темам, совершилось в начале 1987 г. и изменение политического курса (7). В своей вызвавшей большое внимание речи на пленуме ЦК КПСС 28 января 1987 г., Горбачев официально санкционировал дискуссию об истории Советского Союза. Ссылаясь на Ленина, он подчеркнул:

«Нам как никогда нужно сейчас побольше света, чтобы партия и народ знали все, чтобы у нас не было темных углов, где бы опять завелась плесень» (8).

Примененные Горбачевым на январском пленуме понятия «белые пятна истории» и «забытые имена», которых не должно больше быть в истории Советского Союза, определили следующие шаги в

избранном направлении (9). Например, в начале 1987 г. в Москве был показан фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе «Покаяние», в котором шла речь о деспотическом господстве в 30-е гг. Главный герой фильма имел черты не только Сталина, но также Гитлера и Муссолини (10). В середине 1987 г. вышел роман А. Рыбакова «Дети Арбата», в котором в центр повествования был выдвинут Сталин (11). Хотя историки, напротив, вели себя сдержанно (12), на 1987 г. приходится начало дискуссии о смысле и цели смены нэпа в конце 20-х гг., а также о последствиях индустриализации и коллективизации. (13).

Дискуссия о нэпе не в последнюю очередь усиленно использовалась для того, чтобы открыть альтернативные пути решения экономических проблем перестройки (14). Только в этих рамках произошёл решающий перелом и в политике реабилитации. Теперь, в 1987 г., высказанный годом раньше тезис ван Гудевера о том, что политика реабилитации тех, кто был репрессирован в эру Сталина, принадлежит прошлому, оказался против ожидания слишком пессимистичным. Напротив, впервые началась реабилитация важных фигур, политических символов 20-х гг., до тех пор меченных клеймом «внутрипартийная оппозиция». На первом месте в этом ряду стояло имя Бухарина.

1. ОСТОРОЖНОЕ СНЯТИЕ ТАБУ

В соответствующих словарях и текстах советских законов реабилитация характеризуется как процесс, восстанавливающие «доброе имя» оклеветанного или неправосудно осужденного человека (15). Это означает, что понятие реабилитации касалось не только юридических компонентов, но и восстановления уважения, которому был нанесен ущерб ввиду неоправданных обвинений и клеветы. Поэтому в соответствии с советскими традициями, было обычным делом реабилитировать соответствующих лиц не только формально (юридически), но и в глазах общественности, т. е. упоминать несправедно осужденных и воздавать им должное в печати, словарях, научной

литературе, речах на съездах партии и т. д. (16) Конкретно это означает, например, опубликование биографических статей в энциклопедиях, упоминание в истории партии, публикацию трудов соответствующего лица и статей о нем в печати, в том числе научной.

Если говорить о Бухарине, то процесс его реабилитации оказался весьма тонким делом, связанным с многочисленными политико-тактическими уловками стратегов перестройки, тем более что Бухарин в 1987 г. был ещё в высшей степени спорной фигурой. Гражданской реабилитации предшествовал длившийся почти два года закулисный процесс. Затем началась гражданская реабилитация Бухарина, но, будучи зависимой от процесса реабилитации в целом, она началась ещё до его формальной реабилитации. Гражданскую реабилитацию Бухарина можно разделить на две фазы. Первая — с ноября 1987 до зимы 1987–88 гг., была отмечена постепенным снятием табу с имени Бухарина. Не только Горбачев упомянул Бухарина в положительном контексте в своей речи, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции, но, кроме этого, в декабре 1987 г. в печати появились три большие публицистические статьи памяти «любимца партии». Началом второй и последней фазы гражданской реабилитации Бухарина стало празднование столетия со дня его рождения 9 октября 1988 г. Она закончилась в августе 1991 г., с концом Советского Союза определялась воздействием общественных наук, прежде всего истории. В печати, в том числе научной, высказывались разные мнения об исторической роли Бухарина, его политических и исторических взглядах, а также о его значении для перестройки (17). Первая и вторая фазы гражданской реабилитации Бухарина были разделены его юридической и политической реабилитацией в феврале и июне 1988 г.

Важнейшим признаком того, что реабилитация Бухарина в конце 1986 г. подготавливалась, по меньшей мере, в близких Горбачеву кругах Агентства печати «Новости», явилось приглашение Стивена Коэна в редакцию газеты «Московские новости» (18). Редактор В. Шевелев проинтервьюировал его, но интервью не было опубликовано. Затем, в начале 1987 г., Коэн получил письмо из московского издательства «Прогресс» с просьбой о сотрудничестве. Летом 1987 г. он выступил с публичной лекцией о Бухарине в актовом зале

Московского историко-архивного института, ректор которого Ю. Афанасьев занял эту должность при прямой поддержке А. Н. Яковлева. Хотя о мероприятии не сообщали, боясь запрета, зал был переполнен и впервые в Советском Союзе после осуждения Бухарина в 1938 г. состоялись лекция и публичная дискуссия о нем. Наконец, в октябре 1987 г. неустанные усилия Козна по восстановлению значения личности Бухарина достигли промежуточной кульминации. Он не только был приглашен на дискуссию Горбачева с американской интеллигенцией в советском посольстве в Вашингтоне (19), но, едва войдя в здание, был сразу же приглашен к Горбачеву, который признался ему перед работающими камерами советских и иностранных корреспондентов, что уже в начале 80-х гг. прочитал «самиздатовское» издание его книги о Бухарине. Горбачев, сказал, что он соглашался не со всем, но то, что говорилось о нэпе и Бухарине, произвело на него большое впечатление. В заключение Горбачев подчеркнул, что книга Козна будет востребована в Советском Союзе. Недаром историк получил уже в начале 1988 г. второе письмо из издательства «Прогресс», где речь шла о желательности советского издания биографии Бухарина.

Однако общественное мнение очень осторожно подготавливалось к восстановлению значимости личности и деятельности Бухарина. С января 1987 г. советское телевидение начало демонстрировать четырехсерийный фильм под названием «Ленин. Штрихи к портрету» (20). Он был создан двадцатью годами раньше, но публика его не видела. В дополнение Московское радио проинформировало своих слушателей 13 января 1988 г., за час до показа сериала, о действующих лицах. Одно из них — Бухарин, которого играл популярный актер Олег Табаков (21). Несколькими днями позже исполнитель роли Ленина в упомянутом сериале, М. Ульянов, сообщил, выступая по Московскому радио, что грузинский режиссер Роберт Стуруа начинает в Театре им. Вахтангова репетиции спектакля под названием «Мир или война». Ульянов подчеркнул, что в этом спектакле будут показаны и портреты Бухарина и Троцкого (22). Автором как сценария фильма, так и пьесы был М. Шатров (племянник Рыкова), который обратил на себя внимание и до этого как автор пьес, осмысливающих историю Советского Союза (23).

Теперь имя Бухарина упоминалось все чаще, особенно в связи с начавшейся в 1987 г. дискуссией о нэпе 20-х гг. В апреле 1987 г. на конференции Академии Наук о путях перестройки и её дальнейшем развитии специалист по истории коллективизации В. П. Данилов упомянул Бухарина в своем докладе о нэпе. Он потребовал пересмотреть исключительно негативную оценку Бухарина (24). Ориентированный на реформы экономист, заместитель главного редактора «Коммуниста», О. Р. Лацис пошел дальше всех, оценив в сентябре 1987 г. Бухарина выше Сталина. Он утверждал, что предложения Бухарина по продолжению нэпа были в 1928–29 гг. реалистическим путем по разрешению экономических проблем, т. е. хлебного кризиса (25). Напротив, Сталин свернул нэп только руководствуясь политическими амбициями и исходя из ошибочных экономических оценок. Подчеркнутая советником Горбачева по аграрным вопросам академиком А. А. Никоновым актуальность А. В. Чайнова и Н. Д. Кондратьева, но которые как и Бухарин, являлись противниками форсированной коллективизации, также указывала на возможное изменение оценки роли Бухарина (26). Но стартовый сигнал для гражданской реабилитации Бухарина Генеральный секретарь ЦК КПСС дал только в своей речи, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции. Эту затяжку официальной гражданской реабилитации Бухарина почти на год Горбачев объяснял в своих мемуарах большим сопротивлением в Политбюро. Например, ещё летом 1987 г. Б. Ельцин считал реабилитацию преждевременной (27).

2. 70-я ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК СТАРТОВЫЙ СИГНАЛ ДЛЯ ГРАЖДАНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА

Речь М. С. Горбачева, посвященная 70-й годовщине Октябрьской революции 2 ноября 1987 г., была собранием противоречий, и в отношении переоценки истории сначала даже «разочаровывала» (28). Генеральный секретарь ЦК КПСС обошелся с историей Советского Союза в соответствии с «испытанным методом взвешенного дозиро-

вания ошибок и успехов» (29). В одном можно было, однако, распознать четкую политическую линию. В своей речи, переданной советским телевидением «вживую», на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР (30) по случаю 70-й годовщины Октябрьской революции, Горбачев однозначно порвал с негативной оценкой Бухарина. В центральной части своей речи о 20–30-х гг., т. е. о времени после смерти Ленина, Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил:

«Важную роль в идейном разгроме троцкизма сыграли Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутак и другие» (31).

Затем следует сравнительно сдержанное описание внутривнутрипартийной борьбы 20–30-х гг., в котором Горбачев обходится без понятий «правый уклон», «правый оппортунизм», «антипартийный» и «антиленинский». В 20-е гг. развернулась острая борьба «по вопросу о путях перевода крестьянства на рельсы социализма» (32), вокруг дальнейшего сохранения принципов нэпа между большинством Политбюро и сторонниками Бухарина. Теоретические положения и Бухарина и его сторонников не учитывали значения фактора времени в строительстве социализма в 30-е гг. (33) Горбачев исходит из того, что в конце 20-х гг. как по конкретным внутривнутриполитическим причинам, так и с учетом международного положения было необходимо наращивать темп социалистического строительства. Но позиция Бухарина «во многом определялась догматическим мышлением, недialeктичностью оценки конкретной обстановки» (34). Правда, Бухарин и его сторонники быстро признали свои ошибки. Чтобы подтвердить эту оценку Бухарина, Генеральный секретарь цитирует опубликованную уже в 1956 г. оценку Ленина, в соответствии с которой Бухарин, с одной стороны, характеризуется как «ценнейший теоретик партии» и её «любимец», с другой — его воззрения рассматриваются как не вполне марксистские, ибо в них есть нечто схоластическое, так как Бухарин никогда не понимал вполне диалектики» (35).

Этот раздел доклада Горбачева может расцениваться как явное изменение оценки личности Бухарина. Традиционный упрек в отношении Бухарина, находившегося со своими взглядами по ту сторону линии партии, отпадает в пользу критики, которая, с одной стороны,

подчеркивает его центральную роль как видного теоретика партии, с другой — ставит в вину бухаринской оценке «реальных» потребностей и условий конца 20-х гг. недиалектическую и догматическую позицию. Тем самым Горбачев защищает решение партии о форсированной индустриализации и коллективизации, но косвенно констатирует, что теории Бухарина сами по себе были вполне приемлемы, разве только не соответствовали общественным и экономическим условиям своего времени. Но, констатируя такую двойную ценность личности Бухарина, Горбачев искусно оставляет открытой возможность использовать теории Бухарина для своей программы перестройки. Существование такого намерения подтверждается явным повышением значимости теоретической и политической деятельности Бухарина, а именно в период нэпа (36). Горбачев выступал за использование из опыта нэпа «всего ценного, необходимого нам сегодня» (37). Вообще рассмотрение периода нэпа и личности Бухарина в этой речи Горбачева сравнимы в своей амбивалентности. Горбачев снова высоко оценивает центральные элементы нэпа (38). Кооперативный социализм нэпа, покоящийся на основном тезисе об избежании государственного (бюрократического) наблюдения (39), был средством влияния на социалистическую действительность, т. е. укрепления союза между рабочими и крестьянами (40). Тем не менее он продолжает защищать принятое в 1929 г. решение против нэпа и в пользу форсированной индустриализации и коллективизации. Он резко критикует лишь темп и методы проведения Сталиным этих преобразований.

Наконец, 30-е годы Горбачев описывает как время неоправданных массовых репрессий и произвола под руководством Сталина и его приближенных. Среди прочего XX и XXII съезды КПСС показали, что многие политические обвинения основывались в 30-е гг. на умышленных фальсификациях. Многие обвиняемые были реабилитированы, в особенности на XX съезде, но в середине 60-х гг. процесс восстановления справедливости остановился, критически замечает Генеральный секретарь. Наконец, Горбачев сообщил в этой связи, что по решению октябрьского (1987 г.) пленума ЦК различные комиссии снова будут заниматься всесторонней проверкой вновь открытых и ставших ранее известными документов и фактов (41).

Остается констатировать, что Горбачев повысил значимость Бухарина в рамках ленинского понимания внутрипартийной борьбы идей, описывая её как закономерное явление, отражавшее объективную и субъективную диалектику в процессе построения нового общества. Генеральный секретарь опирался тем самым на политику реабилитации 60-х гг., но в то же время выходил за её пределы. Он систематически воспринимал все положительные оценки Бухарина, чтобы, основываясь на этом базисе, прибавить к прежним позициям свое собственное политическое намерение. Из секретного доклада Хрущева Горбачев заимствует положение об успешной борьбе Бухарина против троцкизма. Но, в отличие от XX съезда, это происходит не перед избранной партийной «публикой», а передается впрямую по телевидению. В отличие от секретного доклада Горбачев дает дополнительную высокую оценку Бухарину в рамках восстановления центральных пунктов нэпа. Тем не менее в этой связи по-прежнему играют определенную роль стереотипы оценки, заимствованные из времени Хрущева и Брежнева, ограничиваясь, однако, оценкой Бухарина как политика. И Горбачев упрекал его в недialeктических и догматических действиях, причем в конкретной ситуации 1929 г., когда предстояла форсированная индустриализация и коллективизация, которую считал необходимой и Горбачев. Подобно автору статьи в СИЭ в 1964 г., он добавил, что Бухарин и его сторонники быстро признали свои ошибки. В отличие от соответствующих оценок 50–70-х гг., Горбачев делает обратное заключение о том, что теории не соответствовали общественным и экономическим условиям своего времени и следовательно, параллельно с принципами нэпа, в условиях консолидированного советского общества 80-х гг. вполне могут быть использованы как фонд идей для программы перестройки. Вероятно, этот явный компромисс стал результатом предшествовавшей острой внутренней борьбы между реформаторами и традиционалистами. Объявленное создание комиссий для расследования репрессий указывало на то, что оценку Бухарина в речи можно было рассматривать не как статичную, а поддающуюся корректировке.

Следовательно, запланированная реабилитация Бухарина и Рыкова должна рассматриваться в рамках снятия табу с экономических стратегий нэпа и их частичного применения в рамках перестройки

80-х гг., т. к. Бухарин и Рыков принимали решающее участие в развитии и защите нэпа. О реабилитации Бухарина в это время можно говорить лишь условно. Напротив, праздничную речь можно рассматривать как важный стартовый сигнал для предстоявшей гражданской и формальной реабилитации Бухарина. В то же время она стала и прелюдией к использованию имени и идейного наследия Бухарина в целях перестройки.

3. СТАТЬЯ О БУХАРИНЕ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Энциклопедия Октябрьской революции, вышедшая в конце 1987 г., стала первым большим трудом, касающимся истории Советского Союза, разработанным и опубликованным при Горбачеве (42). На основе того факта, что энциклопедия была продуктом издательства «Советская энциклопедия», работа которого вплоть до деталей контролировалась партийным руководством, она может рассматриваться как важный барометр официальной интерпретации истории Советского Союза. Теперь в этом труде появилась статья «Николай Иванович Бухарин» — наряду с другими, прежде не упоминавшимися именами и впервые в советской энциклопедии после 50-летнего перерыва (43).

В качестве исторического фона приводится информация о его многочисленных партийных постах и сферах деятельности: членство в партии в 1906–1937 гг., участие в революции 1905–07 гг., его работа в исполкоме Московского Совета после Февральской революции 1917 г., работа редактором журнала «Спартак» и газеты «Социал-демократ» и борьба против меньшевиков и эсеров. На VI съезде партии он выступал с докладом о войне и международных отношениях. После активного участия в Октябрьской революции Бухарин стал редактором «Правды» и «Известий». Будучи в 1918 г. противником Брестского мира, Бухарин встал во главе «левых коммунистов», во время дискуссии о профсоюзах (1920–21) руководил «буферной группой», а затем встал на сторону Троцкого. Статья заканчивается перечислением членства Бухарина в высших руководящих органах партии и государства послереволюционной фазы:

член ЦК в 1917–34 (кандидат в 1934–37), член Политбюро в 1924–29 (кандидат в 1919–24), член ВЦИК и ЦИК СССР и член Исполкома Коминтерна. Отсутствует только упоминание о том, что Бухарин в 1928–30 гг. был одним из руководителей «правого крыла» в ВКП (б).

Критические оценки Бухарина в этой статье касаются в основном его позиции по вопросам теории государства, экономическим и политическим проблемам. Бухарину ставились, в частности, в упрек ошибки, совершенные во время «империалистической войны» (1914–1918), касавшиеся марксистской теории государства и права наций на самоопределение (44). В соответствии с этим авторы оценивают двойственно уже упоминавшийся доклад о войне и международных отношениях на VI съезде партии. С одной стороны, Бухарин правильно оценивал тему, с другой — считал, «(...) что Россия как очаг революции временно перестала существовать, что в случае победы революции в России раньше, чем в Западной Европе, на очередь встанет объявление революционной войны, т. е. вооруженная помощь ещё не победившему пролетариату» (45).

Следующий оценочный раздел описывает Бухарина как сторонника войны и противника мирного соглашения в Бресте (46). Правда, авторы преуменьшают значение этих событий, отмечая, что Бухарин позже открыто признал случившееся как свою величайшую политическую ошибку. Но для того, чтобы подтвердить определенную политическую неустойчивость Бухарина, снова используются цитаты Ленина:

«Бухарин, по словам Ленина, «занимающийся экономист, и в этом мы его всегда поддерживали. Но он... в политике дьявольски доверчив к сплетням» (47).

В конце статьи противоречие между «дьявольской» неустойчивостью Бухарина и его вполне приемлемыми экономическими теориями дополнительно углубляется с помощью цитаты Ленина. Цитата, как известно, характеризует Бухарина как отличного марксистского теоретика, в котором, правда, есть нечто схоластическое и которому не хватает понимания диалектики (48).

При поверхностном взгляде энциклопедия дает в статье «Бухарин» (49) с перечислением его постов образ видного политического деятеля до- и послереволюционной фазы истории СССР. Но, когда речь заходит об оценке Бухарина как политика и теоретика, в энцик-

лопедии применяется гораздо более дифференцированный подход (50). В качестве экономического теоретика Бухарин считается приемлемым, как теоретик марксизма — лишь с оговорками. Ему приписывают недостаточное понимание диалектики. Самая острая критика касается Бухарина — политического деятеля. Здесь ему приписывается значительная неустойчивость. В этом пункте позиция, представленная энциклопедией, идентична той, которую сформулировал Горбачев в праздничной речи, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции. Правда, в этом справочнике были поставлены границы восстановления значимости Бухарина. Авторы высказывают серьезные сомнения против Бухарина как теоретика государства до- и послереволюционной эры. Интернационалистские тезисы Бухарина по-прежнему считались не подлежащими обсуждению. Очевидно, в Советском Союзе 80-х гг. считалось невозможным позволить себе осмысление принятого в СССР понятия «нация». Но статья в энциклопедии показала, что политическое руководство вступило на путь гражданской реабилитации Бухарина. Речь шла теперь «только» о её конкретном содержательном оформлении.

4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМЕНИ БУХАРИНА В ПЕЧАТИ

После того, как с официальной стороны Горбачев, в своей речи 2 ноября 1987 г. и энциклопедия «Октябрьская революция» в конце 1987 г. открыли путь к гражданской реабилитации Бухарина, в декабре того же года в важнейших советских газетах и журналах появились большие статьи о нем. Журнал «Огонек», выходящий тиражом 1,5 млн. экз. и ставший, по словам редакции, «флагманом гласности» в советской печати (51), первым опубликовал шестистраничное интервью с вдовой Бухарина, А. Лариной-Бухариной (52). Очень популярная еженедельная газета «Московские новости», издававшаяся в подчеркнуто близких тогда Горбачеву кругах Агентства печати «Новости», 6 декабря 1987 г. также посвятила статью «любимцу партии» (53). В конце декабря 1987 г. газета «Неделя» опубликовала почти двухполосную статью о Бухарине

историка А. Латышева, сотрудника Московской высшей партийной школы (54).

Статья в «Огоньке» прямо опирается на речь Горбачева, посвященную 70-й годовщине Октябрьской революции, используя в качестве названия цитату из этой речи, говорящую о том, что Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский, С. М. Киров и другие сыграли важную роль в идейном разгроме троцкизма (55). Под этим девизом следует сильно обработанное интервью с вдовой Бухарина, Анной Лариной-Бухариной. Она рассказывает сначала, что усилила борьбу за реабилитацию мужа, уже направив Горбачеву письмо Бухарина «Будущему поколению руководителей партии» (56). Опубликовав интервью с Анной Лариной-Бухариной, «Огонек» дал обстоятельный личностный портрет Бухарина. Ларина-Бухарина описывает Бухарина как в высшей степени популярную в 20-е гг. личность, стоявшую уже довольно рано «в свете рампы» общественной жизни, любимую народом и пользовавшуюся уважением вследствие умения популярно излагать марксистские идеи. Она подчеркивает, что Бухарин был по-европейски образованным человеком, интересовавшимся искусством, культурой и политикой — настоящим интеллигентом. Правда, её высказывания свидетельствуют и о том, что положение Бухарина в административной системе и его властные возможности не были очень уж прочными и значительными. Напротив, она характеризует его как соратника Сталина, обманутого последним, удивляясь тому, что Сталин уничтожил Бухарина, несмотря на значительную поддержку с его стороны в борьбе против троцкизма. Тем самым невольно затрагивается важный пункт, подтверждающий заметную в западной научной литературе критическую оценку Бухарина, в соответствии с которой он предстает воспитанником Сталина, не обладавшим действительной административной властью (57). Правда, при этом в интервью конструируется четкое противопоставление Бухарина Сталину как положительного отрицательному. Бухарин обладал трудным характером, но был честен. Свои эксцентрические идеи и политические взгляды, которые следовало понимать как продукт революционной фазы развития Советского Союза, он всегда представлял с самыми лучшими, гуманистическими намерениями. Напротив, Сталин с присущим ему двурушничеством предстает темным интриганом.

В конце интервью Бухарин приобретает облик выдающегося и авторитетного политического деятеля 20-х гг., ставшего в 30-е гг. жертвой клеветнической кампании, инициированной Сталиным. Статье в «Неделе» свойственно намерение защитить Бухарина от тех националистических сил из Союза писателей (58), которые с 70-х гг. вновь и вновь атаковали его за критику в адрес Есенина (59). В свою очередь, автор представляет Бухарина как одного из важнейших политических деятелей 20-х и 30-х гг. как идеолога партии и представителя позитивной диалектики (60), а также приверженца популярного марксизма, человека, в значительной степени обходившегося без раздутого бюрократического аппарата, не в последнюю очередь как значительного теоретика капитализма и фашизма. В этом смысле автор пытается лишить остроты и откорректировать цитату Ленина о Бухарине, имевшую столь большое принципиальное значение в Советском Союзе. Он включает её в контекст 20-х гг., которые описывает как время самой плодотворной дискуссии под влиянием Ленина, характеризовавшимся столкновением мнений. Напротив, Сталин предстает тем, кто, клеветая на Бухарина, систематически разрушал плодотворный климат дискуссии 20-х гг. и в конечном счете решающим образом способствовал ослаблению Советского Союза.

Важнейшая заслуга автора в том, что, публично защищая Бухарина, он представил различные внешнеполитические концепции 20-х гг. Бухарин, по словам автора, не разделял тезис Сталина о «социал-фашизме», а выступил против искусственного сущностного и функционального отождествления социал-демократии и фашизма, в соответствии с этим требуя частичного сотрудничества коммунистов и социал-демократов в борьбе против фашистских тенденций в соответствующих странах. Бухарин получает профиль представителя тогдашнего партийного руководства, представлявшего внешнеполитическую концепцию, альтернативную сталинской.

Автор «Московских новостей» также вносит свой вклад в гражданскую реабилитацию Бухарина. Он пишет портрет Бухарина, столь же впечатляюще положительный, как и предшествующие. Здесь основным пунктом снова является цитата Ленина о Бухарине, которая характеризует его как любимца партии и признанного теоретика, которому, однако, было свойственно нечто схоластиче-

ское и который не понял диалектики. Сначала автор обращается к положительной стороне цитаты — важному политическому и общественному значению и популярности Бухарина в 20-е гг., которые подчеркнул уже Горбачев в своей речи, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции, чтобы затем обратиться к отрицательному высказыванию Ленина о Бухарине. Хотя Ленин и критиковал Бухарина, но всегда был уверен, что тот быстро осознает и исправит свои ошибки. В соответствии с интерпретацией автора «схоластическое» в Бухарине и его «недостаточное понимание диалектики» было лишь следствием насыщенной событиями жизни его героя и критиковалось Лениным как преходящий и поддающийся исправлению недостаток (61). В соответствии с такой позицией Бухарин описывается как воинствующий, критически и гуманистически мыслящий революционер, который ещё под влиянием Ленина сформировал свою политическую идентичность в атмосфере острой, но плодотворной дискуссии. В конце статьи автор ещё раз приводит пункты обвинения против «право-троцкистского блока», чтобы указать на необходимость их обсуждения. Тем самым он ясно показывает, что удаление этих пунктов обвинения из энциклопедий и историко-партийной литературы 60–70-х гг. не является осмыслением истории.

При подведении итогов создается впечатление, что печать создала в лице Бухарина идентификационную фигуру, обнаруживавшую сходство с имиджем образованного и культурного нового поколения руководителей во главе с Горбачевым, что должно было сделать его более приемлемым для населения. Тем не менее следует скептически отнестись к заложенной в рассмотренных публикациях тенденции создать новый, на этот раз интеллектуальный, тип социалистического героя или открыть его, поставив на место другого типа героя — «плебейского» происхождения, зарекомендовавшего себя во времена Сталина, Хрущева и Брежнева. В целом можно сказать, что печать, с одной стороны, идеализирует Бухарина и при этом «перебарщивает», т. е. некритически поддерживает использование опыта 20-х гг. в интересах перестройки. С другой стороны, она демонстрирует растущее самосознание и самостоятельность. Это выражается не только в содержательных акцентах, не соответствующих официальным предписаниям, но и в том факте, что журна-

листы (и один историк) начали публично заново оценивать значение Бухарина, не дожидаясь его реабилитации в результате специально официального заявления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Понятие «перестройка» начинает все чаще употребляться после XXVII съезда (25.2–6.3.1986). По поводу подчеркнуто экономической направленности этого понятия ср. *Götz-Coenenberg R.* Manager gegen Bürokraten. Probleme der Umgestaltung des sowjetischen Wirtschaftsystems. — *Mommsen M., Schröder H.-H.* Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. — Frankfurt a. M./B., S. 157–174.

2. На начальной фазе перестройки гласность также была понятием, использовавшимся для критики экономической структуры. Ср. *Mommsen M.* Von «Kritik und Selbstkritik» zu «Glasnost». Tendenzen zur Pluralisierung der öffentlichen Meinung in der Sowjetunion. — *Mommsen M.* Gorbatschows Revolution von oben..., S. 17 f.

3. *Davies R. W.* Perstroika und Geschichte. Die Wende in der sowjetischen Historiographie. — München, 1991, S. 43 f.

4. Там же, с. 44; *Амбарцумов Е.* Уроки нэпа. — «Московские новости», 9 ноября 1986 г., с. 3.

5. Горбачев выступил с этой речью накануне VIII съезда писателей.

6. *Goudeover.* The Limits of Destalinisation..., p. 5.

7. О роли литературы и искусства как первопроходцев, на ранней фазе перестройки поднявших неудобные темы, см.: *Hielscher K.* Der neue Frühling in der Literatur und Kunst. — *Mommsen M.* Gorbatschows Revolution von oben..., S. 31–51.

8. «Коммунист», 1987, № 3, с. 50.

9. *Schmidt-Häuer C., Huber M.* Rußlands zweite Revolution. Chancen und Risiken der Reformpolitik Gorbatschows. — München, 1987, S. 99; *Горбачев М. С.* Молодежь — творческая сила революционного обновления. — «Правда», 17 апреля 1987 г.

10. *Hielscher K.* Der neue Frühling..., S. 32.

11. «Дружба народов», 1987, № 4–6. Хотя основной темой был сталинизм, имело место и обращение к XIX в., вылившееся в идеализацию дореволюционного времени. Ср. *Davies R. W.* Perstroika ..., S. 22–42.

12. Одним из немногих историков, которые «публично раньше других заговорили обо всем круге как принципиальных, так и конкретных проблем советской истории», был Ю. Н. Афанасьев, назначенный в 1986 г. ректором Московского историко-архивного института. Он, в частности, больше не использовал для описания эпохи Сталина понятие «культ личности», а ввел термин «сталинизм» в дискуссию о 20-х и 30-х гг., шедшую в Советском Союзе. Ср. *Bonwetsch B.* Die Bewältigung der Vergangenheit. Geschichts- und Gesellschaftswissenschaften in der «Perestrojka». — *Mommsen / Schröder* Gorbatschows Revolution von oben..., S. 86; *Афанасьев Ю. Н.* С позиций правды и реализма. — «Советская культура», 21 марта 1987, с. 3.

13. *Davies R. W.* Perstroika ..., S. 67–79.

14. *Лацис О. П.* Проблема темпов в социалистическом строительстве. Размышления экономиста. — «Коммунист», 1987, № 18, с. 79–90; *Шмелев Н. П.* Авансы и долги. — «Новый мир», 1987, № 6, с. 142–158; *Нуйкин А.* Идеалы или интересы? — «Новый мир», 1988, № 1, с. 190–211, № 2, с. 205–228.

15. *Goudoever*. The Limits of Destalinisation..., p. 7.
16. О различных аспектах процесса реабилитации ср. *Goudoever*. The Limits of Destalinisation..., p. 7–9, а также введение данной работы.
17. Ср. главу «Гражданская реабилитация Бухарина исторической наукой».
18. Это и следующие сообщения основаны на интервью со Стивеном Козном 28 июня 1997 г.
19. Встреча состоялась 20 января 1987 г.
20. *Wishnewsky J.* The unofficial Rehabilitation of Nikolai Bukharin. — «Radio Liberty research», RL 43/87, January 29, 1987, p. 2.
21. Там же, ср. также Радио Москва-2, 13 января 1987 г.
22. Там же, ср. также Радио Москва-2, 18 января 1987 г.
23. О роли Шатрова на раннем этапе перестройки ср.: *Wheatcroft St. G.* Unleashing the energy of history... — Moscow, 1987. — «Australian Slavic and East European Studies», 1, 1987. М. Шатров опубликовал в 1987 и 1988 гг. две пьесы, в которых упоминался Бухарин. Ср. *Шатров М.* Брестский мир. Драма в двух частях. — «Новый мир», 1987, № 4, с. 3–51; *Он же.* «Дальше... дальше... дальше!». — «Знамя», 1988, № 1, с. 3–53. Шатров безуспешно добивался в 60-е гг. реабилитации своего дяди Рыкова, ср. *Wheatcroft St. G.* Glasnost' and Rehabilitation. — Ito T. (Ed.): Facing up to the Past. — Sapporo, 1989, p. 206–7.
24. *Виноградов Л. Л.* Историко-партийная наука. Пути перестройки и дальнейшего развития. — «Вопросы истории КПСС», 1987, № 7, с. 145.
25. *Лацис.* Проблема темпов..., с. 81 и сл.
26. *Wheatcroft St. G.* Glasnost' and Rehabilitation... p. 209–10; 16 июля 1987 г. Верховный Суд СССР отменил приговоры против 15 экономистов, осужденных в начале 30-х гг. В их числе были А. Чайнов и Н. Кондратьев. Ср.: *Davies R. W.* Perestroika ..., S. 165.
27. *Фурман Д.* Феномен Горбачева. — «Свободная мысль», 1995, № 11, с. 62–63; *Gorbačev M.* Erinnerungen. — В., 1995.
28. Подробный содержательный анализ см.: *Kappeler A.* Geschichte und Politik. Die Auseinandersetzung mit der Vergangenheit. — Ders. (Hrsg.) Umbau des Sowjetsystems. — Stuttgart/Bonn, 1989, S. 165–194; *Bornicke A.* Perestrojka und die Gegenoffensive der Konservativen. Zu den Hintergründen von Gorbatschows Rede zum 70. Jahrestag der Oktoberrevolution. — «Aktuelle Analyse des BIOSst», 1989, № 3.
29. Бонвеч усматривал в таком подходе главную опасность для осмысления прошлого в Советском Союзе. Ср. *Bonwetsch B.* «Nur vorwärts und vorwärts?». Die «Umgestaltung» in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. — «Osteuropa», 6, 1988, S. 465.
30. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. — М., 1987, с. 16.
31. Там же.
32. Там же, с. 17.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Правда, в этой связи Бухарин не назван по имени.
37. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка, с. 11.
38. Там же; ср. также Gorbatschow — ein Bucharinist? — «BIOst», № 15, 1988, S. 6, 16 f.
39. В СИЭ (1961–76), т. 11, с. 511 Бухарин за этот тезис еще подвергался острой критике.
40. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка, с. 12.
41. См. *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка, с. 22.

42. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Энциклопедия. 3-е изд., — М., 1987 (сокращенно ВОСР (1987)).
43. Там же, с. 74.
44. Ср. также статью «Левые коммунисты» в ВОСР, с. 270.
45. Там же, с. 74.
46. Там же; сходная оценка имеется и во введении к энциклопедии (ср. там же, с. 27) и в статье о «левых коммунистах» (с. 270).
47. Там же.
48. Там же.
49. Статьи «Брестский мир» и «Левые коммунисты» не дают картины, отличной по существу, и поэтому не рассматриваются отдельно. Ср. ВОСР, с. 67 и 270.
50. У авторов энциклопедии имелось преимущество — не было необходимости глуже заниматься поздними 20-ми и 30-ми гг., т. к. уже из названия труда явствует, что основная тема энциклопедии — Октябрьская революция.
51. Portrait der Zeitschrift «Ogonek». — «Sowjetunion heute», Jg. 32, Dezember 1987, 25 f. und Rückumschlag.
52. *Медведев Ф.* «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил». — «Огонек», № 48, 1987, с. 26–31.
53. *Воскресенский Л.* «Знайте, товарищи...». — «Московские новости», № 49, 6 декабря 1987 г., с. 12.
54. *Латышев А.* Бухарин, известный и неизвестный. — «Неделя», № 51, 1987 г., с. 6–7.
55. *Медведев Ф.* «Он хотел переделать жизнь...», с. 27.
56. Там же.
57. *Reiman M.* Lenin, Stalin, Gorbatschow. — Hamburg, 1987, S. 131.
58. *Wishnewsky J.* Reactionaries Tighten Their Hold on the Writers Union. — «Radio Liberty research Bulletin», 1988, № 14, RL 148/88, p. 1–6. В данном случае в противовес послевоенному времени (1945–1955) Есенин считается воплощением русского поэта, но прежде всего основоположником деревенской прозы.
59. Есенин С. А. (1895–1925) (самоубийство) — один из самых любимых поэтов России и Советского Союза.
60. Правда, здесь, чтобы поднять значение Бухарина, автор обращается к стереотипу анализа, характерному для эры Хрущева. Например, авторам художественных журналов рекомендуется снова возложить ответственность за убийство Бухарина на «культ личности» Сталина. Кроме того, Бухарин берется под защиту несвоевременно и без необходимости как представитель социалистической нравственности. Очевидно, автор еще не принял к сведению выявленное в западной научной литературе напрашивающееся злоупотребление Сталиным социалистической нравственностью и этикой и их институционализацию. Ср.: *Negt O.* Marxismus als Legitimationwissenschaft. Zur Genese der stalinistischen Philkosophie. — *Blumenberg H., Habermas J. u. a.* (Hrsg.) Abram Deborin, Nikolai Bucharin. Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus. — Frankfurt a. M., 1969, S. 7–13, 21 f.; *Marcuse H.* Die Gesellschaftslehre der sowjetischen Marxismus. — Neuwied, 1963, S. 32.
61. *Воскресенский Л.* «Знайте, товарищи...».

VII. РЕАБИЛИТАЦИЯ БУХАРИНА И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ КУРСА ПЕРЕСТРОЙКИ В НАЧАЛЕ 1988 г.

На рубеже 1987–88 гг. перестройка вступила в новую фазу. СССР смог добиться больших внешнеполитических успехов. Международная атмосфера ощутимо улучшалась (1). В начале 1987 г. был заключен договор с США об ограничении ракет средней дальности. Кроме того, появились первые признаки планировавшегося вывода советских войск из Афганистана (2). Внутриполитическая ситуация была сложнее. Разгорелась острая дискуссия о политических перспективах перестройки, шедшая на уровне оценки советской истории. На первом месте стояла полемика вокруг сталинизма. Ю. Н. Афанасьев снова проявил себя нарушителем табу. Он не просто находил недостатки в характере советской исторической науки, легитимирующей общественные отношения, но и расставлял новые акценты в дискуссии о сталинизме. В январе 1988 г. в докладе в своем институте он критиковал риторику на исторические темы, к которой прибегали историки и политики, пытавшиеся нейтрализовать «ошибки» с помощью «достижений» (3):

«С одной стороны, массовые репрессии и преступления, с другой — ежедневные радости и рекорды» (4).

Это взвешивание негативных аспектов эпохи Сталина относительно позитивных является, по мнению Афанасьева, попыткой спасти сталинизм, «пожертвовав» Сталиным, в особенности сведя «трагические» элементы советской истории к его личности (5). Против этого и подобных критических подходов к интерпретации истории СССР мобилизовались влиятельные силы вокруг члена Политбюро Е. Лигачева, по мнению которых перестройка в принци-

пе зашла слишком далеко (6). Кульминационным пунктом этих сомнений стало т. н. читательское письмо Нины Андреевой, преподавателя химии из Ленинграда, опубликованное в марте 1988 г. при поддержке Лигачева в газете «Советская Россия», органе ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР (7).

Андреева выразила в своем открытом письме неосталинистские и национал-коммунистические сомнения по отношению к дестабилизирующему, по её мнению, эффекту гласности, перестройки и, в особенности, дискуссии о сталинизме (8). Андреева защищала достижения 30-х гг. (индустриализацию и коллективизацию, культурную революцию) как «беспримерные подвиги целого поколения», служившими, несмотря на преследования, средствами, которые «вывели нашу страну в разряд великих мировых держав» (9). В пьесах Шатрова, романе Рыбакова «Дети Арбата» и фильме Абуладзе «Покаяние» она критиковала «недифференцированный» подход к идеологическим вопросам, «нигилистические позиции» и «смещение политических идеалов» (10).

Значимость этой статьи, занявшей в газете целую полосу, заключалась прежде всего в том, что она была понята как официальная прелюдия к отходу от гласности и перестройки. Поэтому вначале не последовало публичной критики открытого письма (11). Только через три недели после публикации в «Правде» появился ответ, который член Политбюро А. Н. Яковлев позже охарактеризовал как платформу Политбюро (12). Статья была однозначно направлена против сталинизма и русского национализма.

Свойственное Андреевой понимание истории характеризовалось как ненаучное, превращаясь в «оправдание всего, что происходило в истории» (13). Но важнейший момент этого официального заявления заключался в том, что партийная верхушка подтвердила свой начатый в 1987 г. курс — не ограничивать идеологическими директивами дискуссию о прошлом и не направлять её в приемлемое для него русло.

Правда, с помощью все ещё функционировавших возможностей влияния на общественные науки предпринимались попытки создания или открытия заново интеграционных фигур в советской истории. Наряду с Лениным (14) Бухарин, как будет показано ниже, играл в этом выдающуюся роль. Он был не только формально реабилитирован Верховным Судом СССР, но его политическое значе-

ние было поднято решением Комитета партийного контроля. Политическая реабилитация сопровождалась вторым «импульсом» его гражданской реабилитации, движителями которой выступали партийные научные учреждения и институты Академии Наук. Непосредственным поводом к этому было столетие со дня его рождения — 9 октября 1988 г. При этом реформаторы не испугались испытанных средств для того, чтобы подкрепить курс перестройки. Оказалось, что монополия партии на информацию или её исключительный доступ к историческим знаниям в виде архивов оставался важным властным фактором, от использования которого партия и подчиненные ей институты отказывались медленно. Сценарий широкой гражданской реабилитации Бухарина выглядел следующим образом.

1. ФОРМАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

Уже 28 сентября Политбюро ЦК КПСС приняло решение о создании комиссии «для дополнительного изучения материалов, связанных с репрессиями 30–40-х и начала 50-х годов». Председателем комиссии стал М. С. Соломенцев, председатель Комитета партийного контроля (15). Комиссия была уполномочена ознакомиться со всеми материалами комиссии по изучению репрессий, назначенной уже после 1953 г., и использовать также соответствующие документы, находившиеся в архивах ЦК, Комитета партийного контроля, в Центральном партийном архиве, в архивах КГБ, Генеральной Прокуратуры и Верховного Суда. Одобрялась возможность использования материалов местных партийных и государственных органов. Октябрьский (1987 г.) пленум ЦК уполномочил Комитет партийного контроля заняться, в частности, «партийной реабилитацией» Бухарина, Рыкова и других обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока» (16).

Но в рамках подготовки к 70-летнему юбилею Октябрьской революции набрали влияние ещё раз, казалось, те силы, которые хотели рассматривать историю Советского Союза только как цепь великих достижений. Это имело следствием, что Горбачев в своем докладе 7 ноября 1987 г. смог только намекнуть на возможную

реабилитацию Бухарина и Рыкова. Путь к практическому осуществлению реабилитации Бухарина, Рыкова и других осужденных по процессу «право-троцкистского блока» был окончательно расчищен руководством только в конце 1987 г., о чем явствует время проведения первого заседания комиссии Соломенцева по изучению репрессий при Сталине. Оно состоялось более чем через три месяца после создания комиссии, т. е. 5 января 1988 г. (17) На заседание были приглашены, кроме членов комиссии, также Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков и Председатель Верховного Суда СССР В. И. Теребилов, а также представитель рабочей группы аппарата ЦК, занимавшейся реабилитацией (18). На заседании КГБ и прокуратура представили подготовительную информацию, а ИМЛ заключение «О так называемом «антисоветском право-троцкистском блоке» (19). Комиссия решила:

«1. Передать материалы дела о так называемом “антисоветском право-троцкистском блоке” Прокуратуре СССР на предмет рассмотрения вопроса о законности и обоснованности привлечения к уголовной лиц, проходящих по этому делу. 2. Поручить Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доработать справку “О так называемом «антисоветском право-троцкистском блоке»”. 3. Материалы о Г. Г. Ягоде выделить и поручить Прокуратуре СССР и КГБ СССР дополнительно рассмотреть его с учетом материалов, проходящих по другим делам» (20).

Прокуратуре был дан двадцатидневный, ИМЛ — пятнадцатидневный срок. В дополнительном протоколе вопрос о восстановлении соответствующих лиц в партии был связан с решением судебных органов. Так как за проверку возможности восстановления в партии отвечал Комитет партийного контроля, можно предположить, что в этой связи ему было поручено подготовить и соответствующее заключение (21).

Заключение прокуратуры

Прокуратура СССР начала работу сразу же после заседания комиссии Соломенцева. Главный прокурор Отдела по реабилитации Е. И. Серов и оба его сотрудника прокуроры Л. А. Коробов и

В. И. Ежов получили от А. М. Рекункова поручение ознакомиться с материалами процесса «право-троцкистского блока» (22). Ежов сообщил, что необходимо проверить в Архиве КГБ около 60 томов уголовного дела и дополнительные документы. На этой основе юристы составили 60-страничное заключение (23). Из него возник, без включения уже реабилитированных, протест по уголовному делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского, подписанный 21 января 1988 г. Генеральным прокурором СССР государственным советником юстиции А. М. Рекунковым. На основе сформулированного протеста он просил отменить приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 г. и прекратить дело за отсутствием состава преступления (24). Наконец, 4 февраля 1988 г. состоялся пленум Верховного Суда СССР (25). На нем рассматривался протест Рекункова от 21 января, по всем пунктам которого было дано десятистраничное положительное заключение (26).

По содержанию протест и решение не отличаются друг от друга. Они воспроизводят краткие биографии ещё не реабилитированных обвиняемых, приводят пункты обвинения от 13 марта 1938 г. и в конце концов констатируют, что обвинение не опиралось на надежные доказательства, что, напротив, работа велась с помощью фальсифицированных признаний, физического и психического давления и в конце концов были допущены многочисленные процессуальные нарушения. Хотя юридическое заключение 1956 г. и не упомянуто, возникает впечатление, что оно представляет собой основу обоих текстов (27). Новые факты не приводились. Различие со справкой 1956 г. заключалось лишь в том, что в документах 1988 г. отсутствовали прямые цитаты о физических и психических пытках, которым подвергались обвиняемые. Тем самым текст 1988 г. стал более объективным. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что юридическое заключение 1956 г. имело иную функцию, чем подготовленное в 1988 г. В 1956 г. оно являлось средством политической борьбы между сторонниками и противниками широкой формальной реабилитации, тем более что ответственного за составление документа, Руденко, можно было причислить к сторонникам таковой. Следует

исходить из того, что прямые цитаты высказываний жертв должны были, оказывая эмоциональное воздействие, облегчить принятие соответствующего решения. В 1988 г. юридическое заключение было лишь формальным дополнением к политической реабилитации, решение о которой политическое руководство приняло в начале 1988 г. Заслуживает внимания лишь то обстоятельство, что пленум Верховного Суда СССР 4 февраля 1988 г. в своем решении в кратком абзаце коснулся юридического значения политических позиций Бухарина и Рыкова на различных этапах советской истории:

«На разных этапах революционного обновления страны Н. И. Бухарин и А. И. Рыков занимали иногда особые позиции в оценке политического момента, расстановки классовых сил, путей строительства социализма в СССР. Некоторые из их взглядов, а в ряде случаев и практическая деятельность, были расценены руководящими органами ВКП (б) как ошибочные и неправильные. Однако эти ошибки, признанные в свое время Н. И. Бухариным и его сторонниками, сами по себе не образуют состава преступления» (28).

Такая точка зрения может быть истолкована как указание на намерение юристов отвергнуть любое политически мотивированное отклонение формальной реабилитации, тем более что в декабре 1956 г. комиссия Молотова воспрепятствовала возобновлению процесса против Бухарина и Рыкова с помощью аргумента о том, что они много лет руководили антисоветской борьбой (29). Только после этой констатации последовало решение Верховного Суда о формальной реабилитации ещё не реабилитированных обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока».

5 февраля 1988 г. состоялось второе заседание комиссии по реабилитации. Оно приняло к сведению решение пленума Верховного Суда СССР от 4 февраля 1988 г. и одобрило публикацию официального заявления в печати (30). Тем самым Бухарин, Рыков и другие обвиняемые по процессу «блока» были формально реабилитированы. Исключением остался Ягода, дело которого по решению заседания комиссии от 5 января рассматривалось отдельно.

9 февраля руководитель секретариата Военной Коллегии Верховного Суда СССР А. Никонов проинформировал вдову Бухарина, Анну Ларину-Бухарину, о формальностях, связанных с реабилитацией. Её уведомили, в частности, о возможностях ходатайствовать в

КГБ о возвращении ценностей, конфискованных у Бухарина, и о компенсации (31). К этому письму прилагалось заключение, в котором Анну Ларину-Бухарину кратко и формально извещали об отмене приговора Военной Коллегии от 13 марта 1938 г. за отсутствием состава преступления и о реабилитации Бухарина (32).

Вскоре после пленума Верховного Суда были опубликованы подробные статьи по поводу реабилитации обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока», в которых наряду с изложением решения Верховного Суда предпринималась определенная историко-политическая классификация (33). Статья в «Советской России» уделяет особое внимание вопросам о том, почему обвиняемые делали признания и как произошло, что народ считал процессы подлинными (34). При ответе на первый вопрос в центр внимания ставятся сфальсифицированные показания и «недозволенные методы», с помощью которых они были получены. К ответу на второй вопрос автор приближается, говоря, что народ был захвачен энтузиазмом социалистического строительства и организаторы процесса недаром связывали возникавшие при этом недостатки, несчастные случаи и т. д. с борьбой оппозиции против Ленина, с убийством Кирова и смертью Горького. Вместе с признаниями обвиняемых это придало достоверность процессу. Статья завершается констатацией того, что выяснившаяся теперь горькая правда для народа «светла», что она очищает, делает мудрым и бдительным. Другая статья, опубликованная в профсоюзной газете «Труд», использует возможность, рассказывая о решении суда, ещё раз подчеркнуть достижения перестройки (35). Приводилась и цитата из речи Горбачева по случаю 70-летней годовщины Октябрьской революции о том, что правдивый анализ истории должен помочь успешному решению актуальных проблем (демократизация, законность, гласность, преодоление бюрократизма). В конце статьи перестройка даже непосредственно характеризуется как средство обретения истины.

Обе статьи оценивают последовавшую только через 50 лет реабилитацию видных обвиняемых на процессе «право-троцкистского блока» как политический успех перестройки. Авторы стремятся обеспечить партии новую легитимацию в «народе» и обществе. Одна деталь свидетельствует, что при этом объем репрессий ещё оставалось табу. В обеих статьях речь о физических и психических

пытках, которым подвергались обвиняемые, шла под преуменьшающим названием «давление» или «недозволенные методы». Это же касается протеста Генеральной Прокуратуры и решения Верховного Суда. При этом особенно обращает на себя внимание смешение политических и моральных категорий апелляцией к «правде» и её якобы очищающей функции в связи с реабилитациями. Так политическая направленность и значимость реабилитаций была сознательно скрыта подчеркиванием морально-этических категорий.

О том, что с помощью формальной реабилитации видных деятелей «правого уклона» все же делалась прежде всего текущая политика, свидетельствует не в последнюю очередь и то обстоятельство, что ни в протесте Генеральной Прокуратуры, ни в решении Верховного Суда ни словом не упоминалось юридическое заключение 1956 г. Исключительность реабилитации Бухарина в результате политики перестройки не должна была быть преуменьшена чем бы то ни было. Только в конце 1993 г., через два года после краха Советского Союза, оказалось, что такое юридическое заключение прокуратуры вообще существует и что с апреля 1956 г. комиссия занималась реабилитацией обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока» (36).

Политическое заключение Института марксизма-ленинизма

Как уже упоминалось, комиссия Соломенцева 5 января 1988 г. дала ИМЛ пятнадцатидневный срок на доработку представленного ей в тот день временного заключения по политической оценке т. н. «антисоветского “право-троцкистского блока”» (37).

Заключение создано на основе материалов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС в Москве (38). Оно посвящено исключительно времени с 1925 г. до процесса «право-троцкистского блока» в марте 1938 г. (39) При этом Бухарин стоит на переднем плане как наиболее значительная фигура. В политической оценке авторы заключения концентрируются на 1928–29 гг. В противовес стереотипам интерпретации, привычным для советской исторической науки 60–70-х гг., они упрекают не отдельные личности, а пар-

тию в целом за то, что она с 1925 г. не отреагировала должным образом на проблемы начатой индустриализации и преодоления мелкотоварных форм в сельском хозяйстве, т. е. делают ответственными за хлебный кризис 1928–29 гг. в равной мере как Бухарина, Рыкова и Томского, так и Сталина.

Авторы заключения разъясняют, что как Сталин, так и Бухарин видели решение проблем в коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализации. Разрыв между бывшими партнерами произошел только из-за вопроса о средствах, с помощью которых должна была проводиться коллективизация. Бухарин требовал применения экономических мер в рамках нэпа, Сталин, напротив, чрезвычайных и административных мер, включавших принудительные хлебопоставки и жесткую политику переселения. Бухарин, анализируя кризис, обратил основное внимание на партию, Сталин, напротив, возлагал ответственность за экономические бедствия прежде всего на «кулаков» (40). При этом симпатии авторов однозначно на стороне Бухарина. Он характеризуется как компетентный экономист, в должной форме анализировавший кризис. В отличие от этого Сталин оценивается отрицательно:

«Подчинив политику, её конечные цели борьбе за личную власть, И. В. Сталин встал на путь политического интриганства, сыграв негативную роль в тех политических и экономических просчетах, которые выявились в 1925–1927 гг.» (41).

В условиях политической интриги было создано понятие «правый уклон», с помощью которого Бухарина, Рыкова и Томского и их предполагаемых сторонников на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК лишили постов (42). При этом симпатия авторов к Бухарину местами доходит до личной идентификации с ним, если они не анализируют «самокритику» Бухарина в 1932 и 1934 гг., а просто «чувствуют», что Бухарин остался верен своим взглядам, хотя в это время он сам осуждал взгляды, которых придерживался в конце 20-х гг. (43). Московские процессы 30-х гг. оцениваются как сконструированные Сталиным и Ежовым. Акцент в анализе делается при этом на поисках мотивов, которыми руководствовался Сталин, уничтожая осужденных. После «шока», который Сталин пережил на XVII съезде, когда многие делегаты якобы проголосовали против него (44), его беспокоила популярность Бухарина и Рыкова. Они

были опасными политическими конкурентами прежде всего для него лично. В качестве доказательства авторы приводят некоторые пункты обвинения на процессе «право-троцкистского блока», в которых идет речь о якобы планировавшемся Бухариным, Рыковым и Томским смещении Сталина (45). Заключение не умалчивает, что юридическому осуждению предшествовало политическое. В центре внимания особенно февральско-мартовского (1937 г.) пленум ЦК ВКП (б). Авторы заключают выводом о необоснованности процесса Бухарина. Они следующим образом оценивают самого выдающегося обвиняемого:

«Конечно, не все бесспорно в теоретических взглядах и практических действиях Н. И. Бухарина. Но жизнь, практика социалистического строительства свидетельствуют, что многие выдвинутые и развитые им положения сохранили актуальность и сегодня, берутся на вооружение» (46).

Предложения Бухарина, сохранившие, по мнению авторов заключения, свою «актуальность», касаются а) сочетания индивидуальной и кооперативной деятельности в сельском хозяйстве и части промышленности, б) необходимости широкого использования товарно-денежных отношений в советской экономике и в) совершенствования экономики с использованием торговли как одного из важнейших рычагов социалистического строительства (47).

В отношении исторической и политической оценки Бухарина заключение ИМЛ предлагает тезисы, которые стоит обсудить. Это касается в особенности отношения Бухарина к сталинской политике форсированной индустриализации и коллективизации. Здесь различимы подходы к основанному на документах научному исследованию, которое, если не считать ряда исключений, уже не руководствовалось больше, как в 60–70-е гг., только политическими указаниями партийного руководства — ему непосредственно подчинялся этот институт (48). Тем не менее в документе по-прежнему играют важную роль стереотипы оценки, однозначно характеризующие ИМЛ как инструмент КПСС. Анализ ограничивается историческими личностями. Социальные и политические процессы не имеют никакого значения. На первом месте стоит намерение с помощью прошлого сохранить власть партии и в 80-х гг. Для этого надлежало отделить виновных в политическом остракизме и осуж-

дени Бухарина от невиновных. Настоятельно подчеркивается, например, что Сталин использовал хлебный кризис 1928–29 гг., чтобы «сверху», с помощью спецслужб, инсценировать кампанию против Бухарина, Рыкова и Томского, благодаря которой партия позволила себя обмануть. В этом смысле понятие «политическая интрига» применяется по отношению к Сталину. Вне рассмотрения остается обратная оценка Сталина как мастера использования полезных для себя настроений в партии и народе, охотно воспринявших его тезис о вине кулаков за экономический крах, как человека, не готового, как требовал Бухарин, искать ошибки в себе, т. е. в партии. Напротив, партия в их изображении предстает жертвой, защищенной от всякой критики. В соответствии с этим заключение умалчивает и о настроении на пленумах ЦК в 1936 и 1937 гг., характеризовавшемся личным и политическим доносом в отношении т. н. правых (49). Напротив, авторы заключения ставили своей задачей констатировать принципиальную симпатию «коммунистов и советских людей» к Бухарину как члену партии, пользовавшемуся известностью и любовью, теоретик и практику социалистического строительства и соратнику Ленина. Правда, у них возникают трудности с доказательствами. Ненамеренно двусмысленно они пишут, что кампания против Бухарина и Рыкова в 30-е гг. «имела огромный общественный резонанс» (50).

Рассмотренное заключение служило в основном потребностям партийной верхушки в начале 1988 г. Оно прямо опиралось на интерпретацию 20-х гг., данную в речи Горбачева, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции. Итог заключения снова доказывает это. В итоговых положениях ещё раз недвусмысленно подчеркивается актуальность избранных идей Бухарина. Они, по мнению авторов, обнаруживают большое содержательное сходство с центральными пунктами программы перестройки конца 80-х гг. Таким образом новый экономический курс должен был быть исторически легитимирован (51).

Политическая направленность реабилитации Бухарина и Рыкова становится ясной, к тому же, в свете общей политики реабилитации. Другие бывших внутрипартийных оппозиционеры, например, Зиновьева и Каменев, были реабилитированы гораздо позднее Бухарина — в 1989–90 гг., когда реабилитации уже не имели столь боль-

шого политического значения (52). Характерно, что в обоснованиях этих реабилитаций отсутствует политическая актуализация теорий и упоминание политических позиций реабилитированных. Последовательным шагом был и отказ в их восстановлении в партии (53). Правда, от общественности партийно-политические мотивы реабилитации Бухарина и Рыкова были завуалированы. Комиссия по реабилитации, непосредственно контролировавшаяся Политбюро, явно ставила на передний план формальную реабилитацию. Это показывает именно практика публикации проанализированного заключения ИМЛ. Хотя это заключение должно было быть по решению комиссии Соломенцева закончено ещё до юридического заключения и можно исходить из того, что в действительности оно было подготовлено раньше, заметок в печати об этом не было. Такая заметка появилась в журнале «Известия ЦК КПСС» лишь годом позже, не датированная и после юридического заключения. Напротив, извещение о формальной реабилитации и комментарии по поводу её, как упоминалось выше, сразу же было помещено и прокомментировано в печати при несомненном одобрении комиссии Соломенцева.

«Пафос истины», проявившийся в контролировавшихся партией газетах и журналах в связи с формальной реабилитацией «правотроцкистского блока», также ставил в центр внимания якобы планировавшееся моральное обновление системы и тем самым осознанно или неосознанно дополнительно помогал скрыть политический характер реабилитаций (54).

В целом можно исходить из того, что заключение ИМЛ конца января 1988 г. сначала имело целью оправдать в партии реабилитацию Бухарина, Рыкова и Томского. Общественность могла быть информирована только начиная с 1988 г. о позиции Института марксизма-ленинизма благодаря многочисленным журнальным и газетным статьям его сотрудников, т. е. это произошло только после восстановления Бухарина в партии Комитет партийного контроля.

Восстановление в партии Комитетом партийного контроля

Официальная политическая реабилитация Бухарина, Рыкова и Томского и других обвиняемых по процессу «право-троцкистского блока» последовала через четыре месяца после официальной партийной реабилитации в рамках их восстановления в партии 21 июня 1988 г. (55). В этот день Комитет партийного контроля принял соответствующую резолюцию (56). Она поименно перечисляла бывших обвиняемых и объявляла об их посмертном восстановлении в партии. В отношении Бухарина документ информировал о его исключении из партии 3 марта 1937 Пленумом ЦК на основе следственных материалов НКВД, о вынесенном ему приговоре к смертной казни (расстрелу) на основе сфальсифицированных материалов и о его формальное реабилитации 4 февраля 1988 г. В дополнение подчеркивалось значение Бухарина для партии во время Октябрьской революции и построения социализма. Важнейшие фрагмент резолюции звучит следующим образом: «Как установлено проверкой, отдельные ошибки, особые позиции Н. И. Бухарина в конце 20-х годов в определении путей и методов строительства социализма не носили антипартийного характера. За допущенные ошибки он не привлекался к партийной ответственности» (57).

В качестве причин восстановления Бухарина в партии называлась несостоятельность политических обвинений, его формальная реабилитация и заслуги перед партией и государством. Это достаточное обоснование для того, чтобы закрыть лауну между 1937 и 1988 г. и, начиная с 1906 г., посмертно восстановить его в партии. Резолюция отличается краткостью, она мало что говорит о политических категориях, которыми руководствовался Комитет партийного контроля (КПК) для оценки Бухарина. Но, чтобы добраться до информации, можно обратиться к семистраничному заключению КПК Н. Ф. Каткова, с которым он выступил в виде вступительного доклада на заседании 21 июня 1988 г. Как уже упоминалось, Катков был одним из чиновников, отвечавших за реабилитацию Бухарина.

Вступительный доклад Каткова, с помощью которого надлежало проверить верность Бухарина партии, представляет собой обстоятельную политическую биографию (58). Правда, категории его

оценки обосновываются не анализом теоретической и политической деятельности Бухарина, а ориентируются на авторитеты, т. е. на Ленина и самого Бухарина: если и не перечисляются многочисленные посты, которые занимал Бухарин, и его теоретические работы, то заключение распределяет плюсы и минусы в биографии Бухарина. Так, применительно к периоду революции подчеркивается, с одной стороны, что он уже с 1912 г. был лично знаком с Лениным, но что уже в это время между обоими проявлялись расхождения во мнениях по национальному вопросу и о будущей роли государства (59). В 1918 Бухарин как лидер «левых коммунистов» занял в вопросе о мирном соглашении в Бресте позицию, противоположную ленинской, правда, позже охарактеризовал этот этап своей политической деятельности как крупнейшую ошибку (60). И как теоретик, Бухарин также поверяется Лениным. Сам он описывал растущее личное и теоретическое влияние Ленина на себя. Уже в 1918 г. Ленин, по словам Каткова, характеризовал Бухарина как выдающегося марксистского теоретика, а позже в «Письме к съезду» (61) как ценнейшего и крупнейшего теоретика и «любимца партии». Правда, Ленин добавлял, что его воззрения не могут быть охарактеризованы как вполне марксистские, т. к. в них есть нечто схоластическое. Но сказанное относится только к рассматриваемому периоду (62). Продолжая действовать в соответствии с этой схемой, автор заключения указывает теперь, что Бухарин во время гражданской войны превратился в крупного теоретика и идеолога партии. По поводу дискуссии о профсоюзах, во время которой Бухарин занял т. н. «буферную позицию» между Лениным и Троцким, Катков снова цитирует Ленина, но на этот раз для того, чтобы показать психологическую конституцию Бухарина и его значение для партии: Что у Бухарина был мягкий характер, который мог быть использованным беспризорным человеком и демагогом (63).

Затем, в трудной ситуации 1923–24 гг., Бухарин занял ленинскую позицию и защищал генеральную линию партии от троцкизма и других левых групп в партии (64).

Катков рассматривает также период 1928–29 гг., становясь, правда, более сдержанным в своих оценках. В отличие от заключения ИМЛ, в котором Бухарин представляется жертвой политической интриги Сталина, он утверждает, что то время было этапом идейной

борьбы вокруг пути, формы и темпов социалистического преобразования сельского хозяйства. Бухарин, Рыков и Томский представляли эволюционную концепцию, не понимая сплошного поворота к массовой коллективизации и не поддерживая её (65). По мнению Каткова, Бухарин совершил во время этой борьбы за будущий экономический курс единственную грубую ошибку с точки зрения партийных норм, встретившись летом 1928 г. осужденными партией троцкистами Каменевым и Сокольниковым (66). Но сам Бухарин признался в этом на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и в конце концов подтвердил изменение своей позиции, осудив всякую фракционную деятельность и всякую попытку прикрытого выступления против линии партии. Катков заканчивает этот раздел, подчеркивая, что бывшие руководители «правого уклона» после 1929 г. больше не выступали против генеральной линии партии. Тем самым сотрудник КПК, описывая 30-е гг. с различными процессами, придерживается фактов, приведенных уже в юридическом заключении, чтобы в конце концов подчеркнуть, что, как показала проверка, обвинения Бухарина в антипартийной и антиленинской деятельности необоснованны.

Катков стремится показать, что политическая деятельность Бухарина не была свободна от ошибок, что он представлял взгляды на путь и методы строительства социализма, отчасти отличавшиеся от ленинских. Тем не менее он ясно показывает, что эти ошибки и позиции не были антипартийными и антисоветскими и тем самым ничто не препятствует восстановлению Бухарина в партии. При этом контролер КПК применяет следующий способ: Ленин фигурирует как критерий оценки во всех отношениях. В период после смерти Ленина это касается и самого Бухарина, действительно признавшегося в своих мнимых ошибках. С помощью этого приема Катков обходит всякую оценку Бухарина, основанную на анализе его деятельности и теоретических высказываний. Оценка исчерпывается в психологизирующем описании политической и теоретической деятельности Бухарина, основанной на авторитете Ленина.

Таким образом, заключение оказывается продуктом работы «аппаратчика» из аппарата ЦК, человека, управляющего историей в соответствии с каждодневными политическими требованиями. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда воспроизводится

утвердившееся с 60-х гг. описание политической карьеры Бухарина. Теперь оно, однако, оценивается не как обычно, в качестве отклонялся от генеральной линии партии, а рассматривается в рамках возможного. Тем самым Катков только смягчил критерии оценки, но не расстался с историческими клише. Когда речь заходит о повороте 1928–29 гг., то Сталин со своей политикой форсированной индустриализации и коллективизации остается, по его мнению тем, кто представлял генеральную линию партии (67). В этом пункте заключение Каткова фундаментально отличается от заключения ИМЛ, в котором кризис 1928–29 гг. сначала серьезно обсуждается, чтобы похвалить Бухарина как понявшего его причины. Напротив, Сталина ученые ИМЛ осуждают за отход от ленинских партийных норм. Он предстает политиком-интриганом, сумевшим с помощью кризиса укрепить свою политическую власть. В соответствии с этим заключение Каткова скрыто консервативно, документ же ИМЛ, напротив, оказывается «острием копья» для поддержки перестройки с помощью обращения к идеям и концепциям 20-х гг.

Общественность не могла, однако, в 1988 г. заметить установленные различия между позициями двух учреждений, тем более что в январе 1989 г. было опубликовано только заключение ИМЛ, а документ, составленный контролером Комитета партийного контроля, исчез в архиве КПК. После 21 июня 1988 г. в печати появилась лишь краткая информация о восстановлении в партии лиц, осужденных по процессу «право-троцкистского блока» (кроме Ягоды).

2. ГРАЖДАНСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ БУХАРИНА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

Первая фаза гражданской реабилитации Бухарина зимой 1987 г. определялась речью Горбачева, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции, и публицистическими статьями памяти Бухарина во влиятельных журналах. На второй и последней фазе с середины 1988 до начала 1989 гг. ведущую роль приняла на себя советская историческая наука. Правда, теперь брали слово также экономисты, философы, литераторы и журналисты. Кроме того, смогли появиться

воспоминания вдовы Бухарина, Анны Лариной-Бухариной, а министерство культуры одобрило создание двух фильмов о Бухарине, которые затем были поставлены (68).

В 1988–89 гг. имел место настоящий бухаринский бум. Хотя в следующие годы общественный и научный интерес заметно спал, с тех пор с нерегулярной периодичностью вновь и вновь появлялись и появляются статьи и книги о Бухарине.

Новая оценка роли Бухарина советской исторической наукой началась после его формальной (юридической) реабилитации в феврале 1988 г., но в общественность она была внесена только после полной реабилитации, завершившейся в июне 1988 г. с восстановлением в партии. Прелюдией к осмыслению обществоведами исторической роли Бухарина и его политических и теоретических воззрений стало опубликование в феврале 1988 г. в «Правде» и в журнале «Коммунист» статей Бухарина о Ленине (69). 10 мая Бухарин был посмертно восстановлен в Академии Наук СССР (70). В том же месяце Институт экономики АН СССР провел конференцию молодых ученых, посвященную Бухарину (71). На протяжении 1988 г. вышли многочисленные статьи о нем в газетах и журналах (72). В особенности столетие со дня рождения Бухарина 9 октября 1988 г. стало поводом для публикации памятных статей, организации конференций и «круглых столов» (73). Музей революции в Москве организовал выставку, посвященную Бухарину (74). В том же году и в последующие годы были переизданы многочисленные работы Бухарина. К тому же в архивах были обнаружены неопубликованные тексты и письма 30-х гг., написанные большей частью в тюрьме с февраля 1937 г. (75) В конце 1988 г. вышла первая советская монография о Бухарине (76). В то же время в русском переводе вышла биография Бухарина, написанная С. Козном (77).

Ниже исследуется вклад советских общественных наук, в особенности истории, в гражданскую реабилитацию Бухарина. Как было показано на примере 60–70-х гг., историческая наука всегда играла ключевую роль в рамках придания реабилитациям определенной политической функции. В соответствии с этим предполагается исследовать, придерживалась ли историческая наука в деле Бухарина отведенной ей роли и развила ли она в соответствии с заданиями партии перспективы, необходимые для того, чтобы с

помощью истории воздействовать на общественное сознание или она смогла постепенно освободиться как от политической конъюнктуры, так и от самой партии (78). При этом концентрация на фигуре Бухарина имеет то преимущество, что перед большинством историков стояла задача повышения роли личности, а не развенчания, как в случае Сталина.

При этом, однако, в качестве первого шага следует показать позицию Коэна. Он оказал решающее влияние на начавшуюся в 1988 г. в Советском Союзе научную дискуссию о Бухарине, и здесь, в отличие от Запада, где его книга вызвала дискуссию и сформировала одну позицию среди прочих, она стала исходным пунктом для изображения и оценки Бухарина (79). Только в качестве второго шага рассматриваются позиции специалистов по истории партии и историков из различных институтов Академии Наук, в значительной степени определявших вторую фазу гражданской реабилитации Бухарина.

В рамках настоящей работы не может идти речь о собственной, научно обоснованной позиции по отношению к поставленным историческим темам и проблемам. Напротив, при оценке политической цели реабилитаций все дело прежде всего в анализе и значении схем аргументации, критериев оценки и позиций авторов в контексте перестройки. По этой же причине имеет место концентрация на темах восприятия Бухарина, которые определяли дискуссию того времени. Исследуются не только оценки отношения Бухарина к Ленину и Троцкому, но и позиции по отношению к его роли во время нэпа и сменившей его форсированной индустриализации и коллективизации. При этом рассматривается прежде всего многократно дискутировавшийся вопрос о том, был ли Бухарин альтернативой Сталину. К этому добавляется вопрос о политическом и теоретическом значении Бухарина в 30-е гг. Не в последнюю очередь следует указать причины очевидной актуализации Бухарина для целей перестройки. Только в следующей главе излагается и комментируется многообразная реакция советских историков и экономистов, а также философов, литераторов и кинорежиссеров, как и общественности, на эту вторую и последнюю фазу реабилитации Бухарина.

«Эффект Коэна»

Знаком важных политических изменений в Советском Союзе стал выход осенью 1988 г. массовым тиражом биографии Бухарина, написанной американским историком Коэном. Уже несколькими месяцами раньше многочисленные фрагменты печатались в популярных газетах и журналах (80). О значении, придававшемся данной работе, свидетельствует то обстоятельство (81), что это был первый труд западного советолога, который смог появиться в СССР. Можно только предполагать, что побудило на такой шаг партийное руководство, без согласия которого книга не была бы опубликована. Несомненно, положительное воздействие на соответствующее решение оказала принципиальная позиция Коэна по поводу реформируемости советской системы посредством обращения к идеям Бухарина (82). Его готовность к политической поддержке перестройки, проявившаяся во введении к русскому изданию, подчеркнула эту позицию самым наглядным образом. Во введении он приводил прямые параллели с 1928–29 гг., когда было принято решение об отказе от НЭПа в пользу административно предписанной индустриализации и коллективизации. При этом Коэн констатировал сходство альтернатив, существовавших в Советском Союзе в 1928–29 и с 1984 по 1988 гг. (83).

Несомненная цель Коэна заключалась в том, чтобы представить политику и идеи Бухарина 20-х гг. как мирное и непрерывное движение в направлении модернизации советского общества и к социализму. С этим тесно связано его намерение показать, что Бухарин в 1928–29 гг. мог предложить реальную программную альтернативу сталинизму, опирающуюся на широкий социальный и политический базис (84). Речь шла, по его словам, о программе, предусматривавшей получение избытка сельскохозяйственной продукции для осуществления дальнейшей индустриализации с помощью экономических рычагов (в том числе рыночных механизмов, налоговой системы) и без административного давления на крестьян, за которое выступал Сталин. Коэн сводит основную идею Бухарина к НЭПу, начатки которого были разработаны Лениным, в особенности к кооперации, при этом настойчиво подчеркивая самостоятельность теории Бухарина. Это становится особенно ясно, когда Коэн харак-

теризует систему идей Бухарина как «бухаринизм», отграничивая её от ленинизма. Поражение Бухарина Коэн связывает, с одной стороны, с недостатками «любимца партии» как политического руководителя. Он констатирует, что качества Бухарина как руководителя не всегда соответствовали «требованиям момента» (85). Но Коэн показывает, с другой стороны, что альтернативу Бухарина подавили прежде всего Сталин и его приверженцы, уничтожив её вместе с нэпом. С 30-ми гг. Коэн связывает гибель «старой» партийной гвардии большевиков и её символа Бухарина в результате победы сталинизма на всех уровнях (86).

Тезисы Коэна были глубоко восприняты в Советском Союзе. Они составили основу, на которой обсуждалось значение Бухарина в политике и теории. В особенности историки из партийных институтов и учебных заведений сочли необходимым отмежеваться от Коэна и предложить собственный путь восстановления роли Бухарина. Они изложили свои позиции начиная с середины 1988 г. во время второй фазы гражданской реабилитации Бухарина.

Роль и стратегия аргументации партийных институтов

На второй фазе гражданской реабилитации Бухарина механизмы политического влияния партии на общественное мнение снова действовали бесперебойно. На этот раз поле не было оставлено, как на первой фазе, за главными редакторами и журналистами (87).

Теперь высшие органы партии с помощью аппарата ЦК непосредственно включились в процесс гражданской реабилитации. Она происходила с помощью Института марксизма-ленинизма (ИМЛ), подчиненного ЦК, и журнала «Коммунист», теоретического и политического органа ЦК. Статьи Бухарина и о нем печатали «Правда» как партийная газета и издававшийся ИМЛ журнал «Вопросы истории КПСС», к которым высшие органы партии имели непосредственный доступ. Влияние в духе перестройки обеспечивалось назначением на пост директора ИМЛ Г. Л. Смирнова, благодаря чему Горбачев сумел уже в 1987 г. поставить во главе этого важнейшего, традиционно отвечавшего за проведение линии партии в историче-

ских науках института, приверженца своей линии, направленной на реформирование политической системы. Курс на восстановление значения Бухарина был поддержан и Академией общественных наук, непосредственно подчиненной ЦК КПСС. Здесь вышла первая, уже упоминавшаяся выше, советская монография о Бухарине, написанная И. Е. Гореловым (88). В то же время Горелов курировал публикацию советского издания книги Коэна о Бухарине (89). Кроме того, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам АН СССР Л. К. Шкаренков опубликовал первую большую научную статью о Бухарине (90).

Оправдание реабилитации с помощью Ленина

Сценарий пропаганды Бухарина в обществе в соответствии с научным фланговым прикрытием политики перестройки выглядел следующим образом. Ещё в январе 1988 г., как уже говорилось, журнал «Коммунист», а в феврале газета «Правда» опубликовали по одной статье Бухарина о Ленине, написанные соответственно к 1-й и 5-й годовщинам со дня его смерти в 1925 и 1929 гг. (91). Во вступлении к статье Бухарина в «Правде» подчеркивалось, что автор был не только жертвой репрессий 30-х гг., но и активным политиком, теоретиком и журналистом. Статья публикуется, чтобы читатель мог сам составить представление о Бухарине как человеке и политике и о его отношении к Ленину.

В июне Шкаренков со своей статьей о Бухарине присоединился к планировавшемуся установлению идейной связи Бухарина с Лениным (92). Автор предлагает обстоятельную политическую биографию Бухарина, который на различных этапах своей жизни высоко оценивается как революционер, ведущий политик большевиков, признанный теоретик социализма, как выдающийся экономист и социолог (93). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что Бухарин полностью определяется с помощью Ленина и поверяется им. Шкаренков начинает свое изложение с упоминания об их раннем знакомстве и тесных личных отношениях, продолжает рассмотрением разногласий в вопросах о роли нации и государства, чтобы затем вновь и вновь воспроизвести все известные положительные и отрицательные цитаты Ленина о Бухарине — о том, например, что Бухарин не понял вполне диалектики, что в его тео-

рии есть нечто схоластическое и что он — любимец партии (94). Ленин остается точкой отсчета и при рассмотрении враждебности Бухарина как вождя «левых коммунистов» Брестскому миру. Выступление Бухарина против Ленина стереотипно извиняется тем, что он позже признал эту ошибку (95).

Интерес Шкаренкова концентрируется однозначно на Бухарине как теоретике-экономисте и практике экономической политики. В этом прежде всего проявляется доступ автора к трудам Бухарина (96). В качестве теоретика НЭПа «любимец партии», несмотря на значительные разногласия с Лениным, предстает в качестве популяризатора ленинских идей по наращиванию усилий с целью индустриализации Советского Союза (97). В этой связи Шкаренков преследует две цели, а именно: 1. Отделение Ленина и Бухарина от Троцкого. 2. Отожествление Сталина с Троцким. Бухарин сначала характеризуется как политик и теоретик, вслед за Лениным рассматривавший нэп в качестве долговременного процесса, в котором большую роль играют рыночные отношения, деньги, банки и т. д. Как считает Шкаренков, при этом Бухарин делал ставку не столько на административное управление, сколько на экономическую борьбу. Он, по мнению автора, исходил из того, что только такой образ действий ведет к росту экономики. Поэтому Бухарин высказывался за применение налоговой системы и против развертывания классовой борьбы в деревне (98). Как и Ленин, Бухарин выступал за союз между рабочими и крестьянами. Он выступал в особенности за интересы крестьянства и ставил развитие индустриализации в том числе в зависимость от повышения спроса крестьян на промышленные товары. Он ориентировался на пропорциональный рост экономики (99). Напротив, Троцкий, а вместе с ним и Преображенский, рассматривали крестьянство в принципе как реакционный класс и требовали индустриализации за его счет (100). Поворот к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства с помощью «чрезвычайных мер», который Сталин предпринял в 1928–29 гг. в связи с хлебным кризисом, Шкаренков описывает в духе Бухарина как отход от нэпа и нарушение экономического равновесия, которое должно было привести к сверхцентрализации и одновременно обострению классовой борьбы в деревне. Бухарин выступал против принудительного изъятия хлеба и насильственной коллективизации

сельского хозяйства. Он искал причины хлебозаготовительного кризиса не в кулаках, как Сталин, а в ошибках экономической политики государства (101). В конце концов разрыв Сталина с Бухариным изображается как поворот Сталина к Троцкому (102). Бухарин описывается в качестве защитника ленинского наследия и после его отстранения от власти, в усложнившихся условиях по-прежнему настойчиво пытавшегося отстоять как интегрирующий политический стиль Ленина, так и его взгляды на построение социалистического общества и экономики (103).

В целом биография превращается в оправдание Бухарина. Возникает впечатление, что автор поставил себе задачу опровергнуть все продолжавшие действовать с процесса в марте 1938 г. «негативные» оценки Бухарина, заменив их положительными. Тем самым Бухарин стилизуется под либерального продолжателя Ленина. Для этого Шкаренков пользуется просветляющими тонами биографии в энциклопедиях, появившихся на пике политического влияния Бухарина. Но, чтобы рассмотреть причины борьбы, развернувшейся после смерти Ленина между Троцким, Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Сталиным и Бухариным, с другой, автор обращается к трудам самого Бухарина и полностью воспринимает его угол зрения. Тот же подход он использует при оценке разрыва между Сталиным и Бухариным в 1928–29 гг. (104).

Можно зачесть в пользу автора, что он не сумел ознакомиться с архивными материалами о т. н. внутрипартийной борьбе 20-х гг. и был вынужден полагаться на оценки самого Бухарина. отождествление Сталина с Троцким — удобное обобщение — указывает тем не менее на то, что и проведенный им анализ трудов Бухарина остался поверхностным. Едва ли возможно доказать на основе работ Бухарина, что он якобы был альтернативой Сталину. В этих вопросах Шкаренков, очевидно, не обращался к биографии Бухарина, написанной Коэном, хотя и цитирует её в начале статьи (105). В целом Шкаренков предстает историком «со мнением, но без знания» (Р. Биннер), т. е. не знающим ни источников, ни историографии. Он охотно приспособливается к новой политической конъюнктуре, которая представляет теперь уместной идеализацию Бухарина.

Сходной тенденцией характеризуется вышедшая в конце 1988 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС первая советская

монография о Бухарине. Её автор историк И. Е. Горелов, как упоминалось, уже обрел известность, написав статью о Бухарине и курируя публикацию советского издания книги Коэна о Бухарине (106). Его монография распадается на две части: во-первых, она содержит подробную политическую биографию Бухарина, во-вторых, многочисленные статьи Бухарина на политические темы, прежде всего о Ленине и о нэпе (107). Правда, биография Горелова не выдерживает критического рассмотрения. Она представляет собой, если формулировать несколько заостренно, обобщение биографии Бухарина, написанной Коэном, но сокращенное за счет теоретической главы. Можно установить многочисленные сходства с текстом Коэна, а отчасти прямые переводы на русский, правда, не обозначенные как цитаты (108).

Тем не менее в рамках настоящей работы монография информативна, т. к. Горелов в некоторых важных пунктах не придерживается Коэна. Представление об этом дает послесловие Горелова к советскому изданию книги Коэна. Здесь он формулирует свою позицию, противоположную точке зрения американского автора и отражающуюся в его монографии (109). В принципе Горелов не может согласиться с образом Ленина, созданным Коэном и в зависимости от этого с его трактовкой значения Бухарина. И в оценке поворота 1928–29 гг. Горелов также занимает собственную позицию. По поводу созданного Коэном образа Ленина он констатирует, что Коэн, с одной стороны, подчеркивает «уникальный» авторитет Ленина в партии и его способность объединять партию путем убеждения, с другой, основываясь на разрозненных высказываниях отдельных личностей, рисует необъективный образ Ленина:

«Он пишет, что Ленин был обидчив и подозрителен по отношению к своим молодым соратникам, что его окружали подбострастные люди» (110).

Ленин же, напротив, добивался интеграции самых передовых представителей общества в революционное движение в революционное движение и партию большевиков и окружал себя исключительно интеллектуалами-революционерами. Изображая Ленина безупречным и уникальным авторитетом, Горелов не согласен и с характеристикой Коэном взглядов Бухарина как «бухаринизма». Напротив, по его

мнению Бухарин пропагандировал, развивал и конкретизировал ленинские идеи (111).

Горелов критикует и данную Коэном оценку поворота 1928–29 гг. Горелов утверждает, что Коэн использует идею [Троцкого] о сталинском «термидоре», хотя прямо не говорит об этом, намекая, что Сталин уничтожил не только ленинскую гвардию, но и всю элиту партии большевиков. Напротив, по мнению Горелова, верно, что Сталин и его сторонники нанесли тяжелый удар социалистическим идеям. Их политика характеризовалась принципиальным и стратегическим отходом от ленинской концепции, который нельзя охарактеризовать как отдельные заблуждения и тактические ошибки. Тем не менее Горелов утверждает:

«Но все же “термидора” в нашей стране не произошло. Хотя и в деформированном виде, социализм в нашей стране строился. Марксистско-ленинская теория оставалась господствующей в стране. В партии сохранились и здоровые силы» (112).

В соответствии с позицией Горелова Ленин является в его монографии неограниченным авторитетом, Бухарин — духовным наследником Ленина и защитником ленинизма от Сталина.

Отставание теории Бухарина от жизни

ИМЛ, который по поручению Политбюро и ЦК партии должен был обеспечить научное фланговое прикрытие их политики, принял роль первопроходца на второй фазе гражданской реабилитации Бухарина. Это объясняется привилегированным положением данного института. Не случайно как директор ИМЛ Г. Л. Смирнов (с сентября 1987 г.), так и заведующий отделом ИМЛ В. П. Наумов (с января 1988 г.) входили в комиссию по изучению репрессий 30–40-х и начала 50-х годов. Именно ИМЛ подготовил в начале 1988 г. важное для линии партии политическое заключение о процессе «право-троцкистского блока» (113). К тому же, под наблюдением ИМЛ находился Центральный партийный архив. Тем самым институт располагал доступом к обширным архивным материалам, классифицировавшимся как «строго секретные». Политическая лояльность института силам, приверженным реформам, группировавшимся вокруг Горбачева, была обеспечена его директором Смирновым, которого можно охарактеризовать как верного привержен-

ца Генерального секретаря. С помощью кадровых перестановок и новых назначений Смирнов сумел в 1987–88 гг. создать в институте противовес тем силам, которые не проявляли готовности участвовать в изменениях в общественных науках, — в изменениях, осуществление которых было среди целей перестройки. Заместитель Смирнова В. В. Журавлев и В. П. Наумов, игравший роль соединительного звена между ИМЛ и аппаратом ЦК, поддерживали переоценку советской истории как вклад в обеспечение политики перестройки.

Директор ИМЛ Г. Л. Смирнов непосредственно взял на себя координацию обновления процесса по рекомендованному партийным руководством открытию заново Бухарина. Вместе со своими многолетними сотрудниками Журавлевым, Наумовым и Л. Ф. Морозовым он создал ядро рабочей группы по изданию избранных трудов Бухарина. А уже в марте 1988 г. два более молодых сотрудника института, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, смогли написать политическую биографию Бухарина (114). Таким образом Бордюгов и Козлов, приглашенные в ИМЛ из Института истории СССР АН СССР, именно для «омоложения» кадров, получили возможность уже в марте 1988 г. ознакомиться в партархиве ИМЛ со «строго секретными» документами, до тех пор доступными только историкам партии с большим стажем вроде Ваганова или Наумова. Например, в конце марта они познакомились с опубликованной ещё не полностью стенограммой ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП (б) (115). Кроме того, они смогли изучить опубликованную только в 1989 г. речь Бухарина на Объединенном (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК 18 апреля 1929 г. (116) Тем не менее данное этим историкам поручение не означало, что они получают неограниченный доступ ко всем документам, касающимся Бухарина. И они сталкивались с бюрократическими препятствиями, замедлявшими работу: например, только в середине января им было позволено использовать для исследований неполную стенограмму июньского (1936 г.) и полную стенограмму февральско-мартовского (1937 г.) пленумов ЦК (117). Напротив, Наумов уже в 1988 г. смог ознакомиться с соответствующими стенограммами и дополнительными материалами, т. к. он был членом рабочей группы комиссии Политбюро по проверке материалов, связанных с репрессиями 30-х и начала 50-х гг. (118) Наумов, Моро-

зов и Журавлев написали также многочисленные статьи (119). 30 сентября 1988 г. по инициативе Смирнова была организована уже упоминавшаяся конференция «Духовное наследие Бухарина», в которой участвовали не только сотрудники ИМЛ, но и историки из академических институтов. Здесь выступали и другие сотрудники ИМЛ, помимо упомянутых, излагая свою позицию в отношении Бухарина (120). Непосредственным поводом для усиления активности ИМЛ стало столетие со дня рождения Бухарина 9 октября 1988 г.

Основной акцент в работе ИМЛ с наследием Бухарина делался на 20–30-х гг., а время до и непосредственно после революции отходит скорее на задний план. Более глубокое осмысление касалось в основном Бухарина как политика и экономиста, а его литературно-политические работы имели скорее второстепенное значение (121). Общее для публикаций ИМЛ, и это связывает их с монографией Горелова и статьей Шкаренкова, в том, что Ленин образует исходную точку восстановления имени и личности Бухарина, к чему авторы, несомненно, стремятся. Его взгляды считаются абсолютными, универсальными и составляют бесспорный критерий для оценки Бухарина. Постоянно прослеживается стремление согласовать воззрения Бухарина со взглядами Ленина. Смирнов, Журавлев и Наумов ограничиваются преуменьшением и извинением т. н. ошибок Бухарина и изображением его в качестве духовного наследника и пропагандиста ленинизма (122). Напротив, Сталина сближают с его злейшим врагом Троцким и обвиняют в отступлении от ленинской генеральной линии (123). Наконец, соответствующие авторы характеризуют единодушно идеи Бухарина как в высшей степени актуальные для перестройки.

В противовес этой концепции, явно направленной на подкрепление политики перестройки, Бордюгов и Козлов поступают более дифференцированно. Сначала они заставляют предстать Ленина «сверхдиалектиком», который благодаря непогрешимому диалектическому анализу закономерностей социалистического строительства мог указывать партии правильный путь во всех ситуациях (Брестского мира, дискуссии о профсоюзах, нэп). При этом все авторы подчеркивают либеральность Ленина, отвечавшего на внутривнутрипартийную оппозицию его политике не отмежеванием, а проведением искусной политики реинтеграции (124).

В соответствии с этим образом Ленина и его цитата о Бухарине, согласно которой тот не понял вполне диалектики, красной нитью пронизывает рассмотренные статьи. С этой точки зрения развитие Бухарина в качестве теоретика и политика описывается как его поворот к диалектике ленинской школы. Но этот процесс считается завершенным только применительно к 30-м годам. Оппозиция Бухарина против Брестского мира, за который выступал Ленин, прямо объясняется столкновением старых, представлявшихся и Бухариным, партийных директив, с практикой (125). Его поддержку нэпа в начале 20-х гг. авторы объясняют лишь прямым влиянием «отеческой фигуры» Ленина (В. П. Наумов) (126). Его модель социалистического строительства, в которой он максимально использовал ленинские идеи о переходных мерах для включения крестьян в социализм, характеризуется также как убедительная только в теоретическом отношении. Тем самым авторы ставят Бухарину в упрек оторванность от практики уже с середины 20-х гг. В этом они видят решающую слабость Бухарина по сравнению с его «приемным отцом» Лениным. Наконец, Бордюгов, Козлов и Морозов констатируют вслед за Лениным отставание теории Бухарина от требований практики (127). Политико-практическая целесообразность его теорий ставится под сомнению особенно применительно к концу 20-х гг. (128).

Авторы возводят это даже в принципиальную структурную проблему того времени, из которой выросло стесненное положение, сделавшее необходимым решение партии о смене нэпа защищавшейся Сталиным форсированным развитием тяжелой индустрии и коллективизацией сельского хозяйства. Они доводят свою аргументацию до утверждения, что ввиду отставания теории от практики и возникшей из-за этого трудной ситуации в 1929 г. автоматически не было политической альтернативы Сталину (129). Превращение Бухарина в диалектика в ленинском смысле относится только к 30-м гг. Авторы констатируют теоретическую и практическую привязку Бухарина к новой, изменившейся реальности. Создается впечатление, что его влияние на реальные процессы было относительно высоким в соответствии с существовавшими условиями. Бухарин удостоивается похвалы за его «выход на проблемы теоретического

предвидения, теоретического анализа кризисных ситуаций в развитии общества, культуры, их решения» (130). Напротив, Сталину ставится в вину упрямая приверженность с 1933 г. политике «исключительных мер», хотя реальные условия могли бы позволить нормализацию. Намереваясь ещё раз подчеркнуть степень поворота Бухарина к Ленину, три названных автора ИМЛ используют проверенный образ врага в виде Троцкого. Его незаметно представляют в виде прототипа антиленинца, который не поддавался влиянию связанного с Лениным диалектического метода. В соответствии с этим авторы считают его псевдорадикальным и необучаемым (131).

С помощью своей концепции, констатирующей после смерти Ленина наличие отставание теории от практики и ставящей в упрек правящей элите, включая Бухарина, слабость в диалектическом анализе закономерностей социалистического строительства, Бордюгов и Козлов создают инструментарий для якобы объективной оценки исторических процессов. В конце концов, это выливается в актуализацию Бухарина в соответствии с программой перестройки поздних 80-х гг. (132): в своей оценке исторических процессов авторы, используя свою концепции исключают возможную альтернативу историческому развитию. Именно на примере Бухарина следовало доказать, что альтернативы генеральной линии партии, т. е. форсированной индустриализации и коллективизации, не было а существовала лишь альтернатива методам, которые Сталин использовал для достижения этой цели. В этом смысле жертвы коллективизации изображаются не как неизбежные, как полагает С. Мерль, но, напротив, ставятся в вину только Сталину и его ближайшим сотрудникам (133). С помощью такой конструкции партия и её ЦК освобождаются от всякой ответственности. В пользу подобной оценки говорит и то обстоятельство, что авторы понимают «неоспоримые» ошибки при проведении коллективизации не как структурную проблему, а недвусмысленно решаются изобразить их как «перегибы». Как причину перегибов, они рассматривают чрезвычайные меры, непосредственную ответственность за которые несет Сталин. Только в этих рамках авторы и превращают Бухарина вместе с Рыковым и Томским в альтернативу Сталину. Альтернативу же они видят в отклонении этими политиками именно чрезвычайных мер. В конечном счете, лидеры «правых» даже предстают в качестве тех, кто

были готовы способствовать экономическому повороту 1929 г., но потерпели поражение из-за политической нетерпимости Сталина. В доказательство своего тезиса Бордюгов и Козлов утверждают в отдельной статье, что Бухарин, Рыков и Томский поняли необходимость форсированной индустриализации и коллективизации (134).

Цель аргументации авторов явно обнаруживает обращение к подходам истолкования, характерным для 60-х гг., в особенности для секретного доклада Хрущева на XX съезде в 1956 г. Оценивая Сталина, и Хрущев проводил жесткое различие между целью и методом, т. е. постоянно подчеркивал, что Сталин имел цель построения социализма, но в методах её достижения отступал от цели (135). В этом смысле позиция Хрущева совпадала с точкой зрения проанализированных авторов ИМЛ, не ставя под вопрос краеугольные камни политики Сталина — административное форсирование создания тяжелой индустрии и коллективизации сельского хозяйства. Бордюгов и Козлов также объявляли это исторически необходимым по названным причинам для данного этапа на пути к цели — построению социалистического общества. Отличие от Хрущева заключается лишь в том, что в 1988 г. критику методов Сталина распространили и на коллективизацию, не ограничивая её, как в секретном докладе, репрессиями 30-х и 50-х гг. Хрущев ещё умалчивал о жертвах коллективизации, число которых значительно превосходило количество жертв репрессий и осуждал Сталина «только» за его неоправданные меры против лояльных партийных кадров и в 1928–29 гг. против идейно давно уже разгромленных внутривнутрипартийных оппозиционеров. Правда, оценки 1956 и 1988 гг. снова совпадают в следующем центральном пункте: партия оказывается вне принципиальной критики (136).

С помощью такой линии аргументации Бордюгов и Козлов точно так же, как до них Хрущев, уклоняются от вопроса о структурном сталинизме в партии и обществе. Хотя авторы в некоторых пунктах, в отличие от времен Хрущева, открыли и структуры на которых опирался Сталин (137), они именно в текстах, где речь идет о Бухарине, ограничивают историческую дискуссию более и менее критикой Сталина и его ближайших сотрудников (138). Сталинизм сводится к Сталину и его ближайшему окружению, к системе насилия,

репрессий и арестов. Тем самым нет необходимости в глубокой критике советской системы и советского общества. Повторное включение Бухарина в историю Советского Союза могло произойти в 1988 г. только в этих установленных рамках, но оно оказалось обращением к 60-м гг. По своей аргументации оно представляет собой копию заключения комиссии Шверника 1961 г. и статей в Советской исторической энциклопедии (СИЭ) (139). Точно так же, как это делают Бордюгов и Козлов, Бухарину вменяли в вину «отклонение» от генеральной линии партии в 1928–29 гг., чтобы затем представить его применительно к началу 30-х гг. как раскаявшегося бывшего внутрипартийного оппозиционера, реинтеграция которого в партию не состоялась только из-за возражения Сталина. Правда, в 60-е гг. нельзя было говорить об альтернативе Бухарина Сталину. Тогда речь шла скорее о том, чтобы доказать, что партия, включая Бухарина, Рыкова и Томского, стала жертвой заговора, спланированного и осуществленного Сталиным совместно с НКВД (140).

В конечном счете, возникает впечатление, что Бордюгов, Козлов и Морозов пытаются прежде всего в одном пункте отмежеваться от попыток интерпретации в национальном и международном масштабе исторической роли Бухарина и, в конце концов, от своих коллег из партийных институтов общественных наук. Их важнейшая цель — доказать, что исторически не было принципиальной альтернативы генеральной линии партии, т. е. что партия сама даже под руководством Сталина приняла объективно необходимые меры по построению социалистического общества. В этом смысле они отмежевываются от данной Коэном интерпретации исторической роли Бухарина, в 1928–29 гг. подвергавшего острой критике генеральную линию партии (141). На это указывает не только название первой части статьи Бордюгова и Козлова в «Коммунисте», которое можно понять как намек на работу Коэна (142), но прежде всего их основной тезис, согласно которому Бухарин из-за отставания его теории от практики ЦК не мог предложить альтернативы концепции Сталина. Тем самым они занимают позицию явного противостояния Коэну. Он предпринял попытку доказать, что приверженность Бухарина нэпу в 1929 г. была экономически вполне осуществимой альтернативой сталинской концепции форсированной индустриализации и коллективизации, но потерпела политическое поражение. При этом,

однако, Коэн не объясняет политическое поражение одной лишь позицией Сталина, но констатирует и в партии латентное неприятие нэпа и симпатию к предложениям, сулившим быстрые административно-авторитарные решения (143).

Кроме того, серия статей трех авторов отличается от попыток интерпретации, предпринятых их советскими коллегами. С одной стороны, они выступают тем самым против О. Лациса (заместителя главного редактора «Коммуниста») и В. Данилова (Институт истории СССР), исходивших из того (144), что нэп можно было продолжать без больших трудностей с помощью мер, предлагавшихся Бухариным, прекращен же он был только из-за политических амбиций и неправильных оценок Сталина. С другой стороны, Бордюгов и Козлов не согласились с попытками интерпретации, идущих существенно дальше Коэна, предпринятых, например, Н. Климовым (Институт экономики АН СССР) и Г. Шмелевым (ВАСХНИЛ), которые представляют генеральную линию партии в сталинском варианте после 1928–29 гг. как антиленинскую и доктринерскую и, соответственно, псевдосоциалистическую и не ограничиваются, подобно И. Горелову (Академия общественных наук при ЦК КПСС), характеристикой её только как деформированной (145). Бордюгов и Козлов выступают тем самым против такой интерпретации истории СССР, при которой с 1928–29 гг. с началом форсированной политики индустриализацию и коллективизации констатируется прерывание ленинской концепции построения социализма, продолжавшееся до перестройки 80-х гг. и обращение к Бухарину оказывается равнозначным новой опоре на ленинизм.

Для общей оценки статей Бордюгова и Козлова о Бухарине следует сначала соотнести их с намерениями самих авторов. При этом можно обратиться к программной статье Козлова о роли историка в условиях перестройки (146). Он формулирует методическую рабочую концепцию для историка, которую характеризует как диалектическую:

«(...) события прошлого оцениваются не с точки зрения его реальных противоречий, проблем и возможностей» (147).

Если сравнить эту методическую концепцию с результатами проведенного анализа статей Бордюгова, Козлова и Морозова, то следует констатировать, что диалектический анализ не может озна-

чать превращения Ленина в «икону» с помощью Бухарина или стабилизировать прочную идентификационную фигуру для партии и государства. Неубедительно выглядит и практикуемое авторами щадящее отношение к партии и её изображение как единственного законного носителя власти в истории и в наши дни. Столь же «недиалектично» изображать т. н. закономерности социалистического строительства неизбежно прогрессивным, независимым от истории развитием. Данное обстоятельство указывает на то, что «диалектическое» ядро аргументации авторов точнее было бы назвать политическим приемом, основанным на их представлении о реформируемости системы, в том числе с помощью обращения к Бухарину. С этой точки зрения концепция, возводящая мнимый ленинский диалектический метод в объективный критерий оценки истории (и современности), оказывается политическим средством. Таким образом, для партийного руководства должна была быть создана сфера действия для решения экономических, социальных и политических проблем 80-х гг., не отягощенная догматическим (буквальным) перениманием концепций Ленина.

Тем самым задачей не только Горелова и Шкаренкова, равно как и Смирнова, Журавлева и Наумова, но и Бордюгов, Козлова и Морозова является прежде всего использование истории в интересах реформирования, на путь которого несомненно вступили Горбачев и его сторонники, а не радикальное обновление или даже устранение самой системы. Это подтверждается ещё раз актуализацией Бухарина для целей перестройки. Правда, Бордюгов и Козлов, с одной стороны, сомневаются в практически-политической целесообразности теорий Бухарина для 20-х гг., с другой стороны, характеризуют его теорию мирного и постепенного преобразования социалистического общества на основе законов рынка как серьезный источник для теоретической поддержки программы перестройки эпохи Горбачева. Морозов проводит даже прямую параллель между представлениями Ленина и Бухарина о кооперации и принятым в июне 1988 г. законом о кооперации (148).

В конце концов круг замыкается на докладе Горбачева по случаю 70-летней годовщины Октябрьской революции, который также был направлен на то, чтобы определить теорию Бухарина как не соответствовавшую общественным и экономическим условиям 20-х гг.,

но, тем не менее, параллельно с принципами нэпа, поднять её значимость в рамках в значительной степени консолидированного Советского Союза как идейного фонда для программы перестройки (149). Преимущество такого подхода заключается в отсутствии необходимости отказываться от каких бы то ни было основных позиций в исторической оценке 20-х и 30-х гг., что поставило бы под вопрос легитимность партии как центрального органа власти. Критического осмысления собственной позиции как «политика и историка», следовательно, не происходит. Партийность в буквальном смысле (150) остается высшим принципом. При этом интересно, что Бордюгов и Козлов думали, что именно в 1988 г. работали свободно от идеологической заданности (151).

Восстановление значения Бухарина академическими институтами

С мая 1988 г. началось изучение Бухарина не только в партийных институтах и учебных заведениях, но и в академических институтах общественных наук, в том числе экономических, например, в Институте экономики (Москва), Институте истории СССР (Москва), Институте истории, филологии и философии (Новосибирск), Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (Москва), в Ленинградском отделении АН СССР и в Высшей партийной школе в Ростове-на-Дону.

После упоминания Бухарина в речи Горбачева, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции 2 ноября 1987 г., сначала была занята выжидательная позиция. Но после его формальной реабилитации в феврале 1988 г. политический сигнал — заняться наследием Бухарина — был воспринят. Руководители институтов начали поддерживать эту новую тенденцию в политике перестройки. Теперь не только оказывалось содействие научной дискуссии о вновь открытом «любимце партии», но и предпринимались усилия, имевшие целью поставить дискуссии о теориях Бухарина на солидную текстовую основу путем публикации его произведений.

Экономические работы Бухарина издавались академическими институтами, например, Институтом экономики и Институтом эконо-

мики и прогнозирования научно-технического прогресса, а также новосибирским экономическим журналом «ЭКО» (152). Под руководством Института истории естествознания и техники Ленинградского отделения АН СССР и Института истории СССР вышли его избранные произведения (153), посвященные истории и организации науки и техники. Институт истории СССР и Институт истории, филологии и философии (Новосибирск) издали труды Бухарина о пути к социализму (154).

Реальная альтернатива сталинизму

В мае 1988 г. в Институте экономики АН СССР состоялась конференция молодых ученых, посвященная столетию со дня рождения Бухарина (155). Она стала первой научной конференцией, посвященной исключительно его личности. Правда, она не была публичной, и её итоги были опубликованы только в августе 1988 г. в журнале «Вопросы экономики» (156). Со вступительной речью выступил заместитель директора института Н. Климов. Не все выступавшие были сотрудниками института, слово брали и приглашенные — С. Цакунов из ИМЛ и Г. Шмелев (ВАСХНИЛ). Интерес докладчиков концентрировался на экономических теориях Бухарина 20-х гг. (157) При этом разные авторы делали различные акценты. Климов рассматривал развитие Бухарина от защитника прямого государственного вмешательства в экономику до сторонника «экономических рычагов». Шмелев рассматривал вопрос о том, был ли Бухарин руководителем «правой оппозиции» в партии, Цакунов — его научной реабилитацией в ходе дискуссии о теории экономики социализма в истории и в наши дни. И. Семенов, Г. Гловели и В. Усоцкий из Института экономики рассматривали значение экономических работ Бухарина. М. Кадыков из того же института анализировал взгляды Бухарина на социальный состав крестьянства и крестьянских кооперативов.

Затем осенью 1988 г. историк-аграрник и специалист по коллективизации В. П. Данилов из Института истории СССР АН СССР в докладе «Альтернативная стратегия для деревни» на международном симпозиуме в Вуппертале в середине октября 1988 г., посвященном Н. И. Бухарину, ещё раз воспроизвел позиции «молодых

ученых» на майской конференции в Институте экономики АН СССР (158).

Как в докладах на конференции в мае 1988 г., так и в докладе Данилова на симпозиуме в Вуппертале, посвященном Бухарину, Бухарин характеризовался как видный теоретик социалистической экономики. Общим для выступающих было стремление создать «ленинско-бухаринскую линию традиции» (М. Венер) и признать за ней творческую роль в строительстве нового общества в Советском Союзе 20-х гг. Их цель заключалась в конечном счете в том, чтобы доказать, что эта линия в экономическом и теоретическом отношении в конце 20-х гг. была реальной альтернативой сталинскому варианту административного форсирования создания тяжелой индустрии и коллективизации сельского хозяйства. Крах этой альтернативы они объясняют соотношением политических сил, т. е. политическими интригами Сталина. Данилов подвергает особенно сильной критике административно-командную систему как часть сталинской политики, чтобы охарактеризовать Бухарина в качестве одного из самых активных и решительных противников этой системы и сталинского самовластья (159).

Особого внимания заслуживает тезис Климова, в соответствии с которым у политического руководства в 1928–29 гг. имелся выбор между продолжением «ленинско-бухаринской линии традиции» и разрывом с ней, чтобы в конце концов принять решение в пользу разрыва. Эта аргументация, если обострить её, сводится к утверждению о том, что путь, на который вступил Сталин в конце 20-х гг., был псевдосоциалистическим. Поэтому в 80-е гг. необходимо снова опереться на опыт 20-х, т. е. с помощью восстановления значимости Бухарина в рамках перестройки подхватить нить там, где она была оборвана Сталиным. Таким образом, Бухарин превращается в символ антисталинизма. Тем самым Климов, при поддержке Данилова и Шмелева, существенно отходит от устоявшихся стереотипов интерпретации, распространившихся в советской исторической науке в 60–80-е гг. В соответствии с ними необходимость административно-форсирования создания тяжелой индустрии и коллективизации сельского хозяйства не ставилась под вопрос. Она считалась (ленинской) генеральной линией партии. На Сталина возлагалась ответственность «только» за «перегибы» в форме репрессий 30–50-х гг.

Даже Горбачев представлял 2 ноября 1987 г. эту версию, в чем получил активную поддержку в конце 1988 г. со стороны сотрудников ИМЛ Бордюгова, Козлова и Морозова (160).

В других докладах на конференции в мае 1988 г. представлялась позиция, которая с июля 1988 г. была неограниченно воспринята и партийными институтами и с того времени считалась неоспоримой. В соответствии с ней центр тяжести анализа экономических теорий Бухарина переносился на начало 20-х гг. В них подчеркивалось развитие Бухарина от теоретика «военного коммунизма» к теоретику нэпа, чтобы затем подробно оценить его теоретический вклад в разработку самых разных практических и теоретических проблем нэпа. При этом снова занимает большое место нейтрализация обвинений, выдвинутых Сталиным против Бухарина в 1929 г. В результате его имя оказывается несомненным символом экономики, сочетающей план и рынок, высшим принципом которой в ленинском смысле является сохранение союза между рабочими и крестьянами (161). Участники конференции со всей очевидностью стремились снова сделать объектом дискуссии вопросы экономической теории 20-х гг. Единодушное осуждение теории «военного коммунизма», а также и экономической политики 30-х гг. ради подчеркивания значения центральных элементов нэпа — рынка и кооперации прямо ведут к рекомендации Цакунова применить экономическую теорию Бухарина как идейную сокровищницу для развития экономической теории 80-х гг. (162)

Позиции относительно Бухарина, сформулированные в московских академических институтах, нашли единодушное согласие в провинции (163). Тем не менее именно здесь можно было услышать и критические мнения, прежде всего со стороны профессоров университета в Ростове-на-Дону. Например, профессор В. П. Макаренко считал недопустимым абсолютизировать значение трудов Бухарина или модернизировать его взгляды (164).

3. БУХАРИН КАК СИМВОЛ РЕФОРМИРУЕМОСТИ СИСТЕМЫ

Итак, вторая фаза реабилитации организовывалась партийными институтами (ИМЛ и Академией общественных наук при ЦК КПСС) и упоминавшимися институтами АН СССР. Бухарину воздавалось должное как видному теоретику социалистической экономики и политику большевиков. Его теоретическое развитие описывалось как постепенный поворот к Ленину. В особенности применительно к 20-м гг. он считался пропагандистом ленинских идей нэпа. Не подвергалась сомнению и возможность актуализации теорий экономики и общества Бухарина 20-х гг. для целей перестройки.

Правда, при восстановлении имени и значения Бухарина имелись различия между партийными и академическими институтами, причем различались даже позиции отдельных сотрудников и групп сотрудников соответствующих научных учреждений в оценке его роли и значения в конце 20-х гг. Для ученых академических институтов Бухарин является символом антисталинизма. По их мнению, он в конце 20-х гг. защищал ленинизм от сталинизма. Бухарин предстает носителем гуманной, демократической и творческой концепции социализма, диаметрально противоположной бюрократической сталинской модели. Экономические предложения Бухарина, направленные на разрешение кризиса 1928–29 гг., также описывались как реалистическая, восходящая к Ленину модель экономики и общества, альтернативная Сталину. Его поражение объяснялось только неблагоприятным соотношением сил, характеризовавшимся усилением позиций Сталина.

Напротив, по мнению сотрудников Бордюгова и Козлова причина поражения Бухарина как теоретика и практика нэпа заключалась в социально-экономических структурных проблемах, за возникновение которых был ответствен и он, и которые заставили партию согласиться со сталинским выбором в пользу административного форсирования создания тяжелой индустрии и коллективизации сельского хозяйства. В этой интерпретации последствия широкого применения принудительной коллективизации и насильственных переселений и репрессий 30-х гг. списываются лишь как «перегибы», ответственность за которые несет один Сталин. При такой

интерпретации он, в конце концов, предстает продолжателем ленинской линии партии. Правда, с помощью такой оценки Сталин не берется под защиту, как может показаться на первый взгляд. Скорее, речь шла об объяснении причин решения партии в пользу форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Статьи названных авторов можно оценить как попытку, даже вопреки их истинным желанием с помощью строгого экономического подхода избежать нового идеологического взгляда на историю, с учетом проблем легитимации, с которыми сталкивалась партия в 80-е гг., освободить её от позорного пятна сталинизма. Начавшаяся с 1988 г. дискуссия о массовых жертвах коллективизации и репрессий 30–50-х гг. должна была быть направлена против личности Сталина и его приверженцев, но не против самой партии. При этом авторы ИМЛ получили поддержку от сотрудника Академии общественных наук при ЦК КПСС Горелова, утверждавшего в стиле 60-х гг., что, вопреки всем деформациям, и в сталинские времена в партии сохранилось ленинское ядро.

Несмотря на разногласия в научных учреждениях относительно роли и значения Бухарина, в одном пункте существовало, правда, явное совпадение взглядов. Бухарина превратили в символ возможности реформирования социализма, имманентно присущей системе, причем речь шла прежде всего о реструктурировании социалистической экономической системы. С помощью Бухарина был представлен ряд концепций и идей, призванных послужить осуществлению важнейших целей перестройки, т. е. переходу к рыночным отношениям и созданию социализма с «человеческим лицом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Cp. *Segbers K.* Der sowjetische Systemwandel. — Frankfurt a. M., 1989.
2. *Проханов А.* Афганские вопросы. Мнение писателя. — «Литературная газета», 17.2.88, с. 1.
3. Критика Афанасьева касается и речи Горбачева, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции
4. Цит. по: *Roujani N.* Die aktuelle Geschichtsdiskussion in der sowjetischen Publizistik (неопубликованная дипломная работа у проф. А. Kappeler, Köln 1989), S. 49. Речь Афанасьева не опубликована, магнитофонная запись — в Кёльне в Федеральном институте по изучению Востока и внешней политики.

5. В качестве примера Афанасьев приводит представленную Волкогоновым биографию Сталина. Ср. *Волкогонов Д. А.* Феномен Сталина. — «Литературная газета», 9 декабря 1987 г., с. 13; *Volkogonow D.* Das Phänomen Stalin. — *Meyer G.* (Hrsg.) Wir brauchen die Wahrheit..., S. 219–226. Ср. также *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms 1985–1990. — New York/London, 1990, p. 100. Афанасьев показывает тем самым, что личность Сталина с 60-х гг. в противоположность Ленину стала излишней для легитимации Советской власти. Ср. *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms, p. 101.

6. На политическом уровне этим силам удалось сместить в ноябре тогдашнего первого секретаря МГК КПСС Б. Ельцина, приверженного идеям реформ, и ограничить активность поддерживавших его «неформальных» групп. Ср. *Kagarlitzki B.* Perestroika. Dialektik des Wandels. — «Die Internationale» (Inprekor Beilage) 3, 1988, S. 24f. О значении и деятельности неформальных групп во время перестройки ср. *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы. Кто есть кто? — М., 1990.

7. *Андреева Н.* Не могу поступиться принципами. — «Советская Россия», 13 марта 1988 г., с. 3. Значение письма было резко увеличено серьезными слухами о том, что публикацию поддержал член Политбюро Е. Лигачев. Ср. *Davies.* Perestroika ..., S. 255.

8. Каппелер и Дэвис обоснованно указывают на антисемитские положения письма, особенно направленные против «космополита» Троцкого. Ср. *Kappeler A.* Geschichte und Politik. Die Auseinandersetzung mit der Vergangenheit, S. 174; *Davies.* Perestroika ..., S. 255.

9. «Советская Россия», 13 марта 1988 г., с. 3.

10. Там же.

11. См. подробнее *Davies.* Perestroika ..., S. 177.

12. Принципы перестройки: революционность мышления и действия. — «Правда», 5 апреля 1988 г., с. 2. О значении заявления ср. *Davies.* Perestroika ..., S. 177.

13. Принципы перестройки: революционность мышления и действия.

14. О значении Ленина в политике перестройки см.: *Enker B.* Ende des Mythos? Lenin in der Kontroverse. — *Geyer D.* (Hrsg.) Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991, S. 54–74.

15. Другими членами комиссии были В. М. Чебриков (председатель КГБ), А. Н. Яковлев (член Политбюро и секретарь ЦК), П. Н. Демичев (кандидат в члены Политбюро и заместитель председателя Верховного Совета), секретари ЦК А. И. Лукьянов и Г. П. Разумовский, В. И. Болдин (заведующий Общим отделом ЦК) и Г. Л. Смирнов (директор ИМЛ). Ср.: «Об образовании комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 28 сентября 1987 г.». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 109–10.

16. Ср. Протокол № 2 Заседания Комитета партийного контроля при ЦК КПСС 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) пленума ЦК КПСС (факсимильная копия).— РГАНИ, ф. 88, оп. 2, д. 2, л. 1–7.

17. «Во имя законности и правды». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 107.

18. Присутствовали М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, П. Н. Демичев, А. И. Лукьянов, Г. П. Разумовский и Г. Л. Смирнов. Ср.: «Протокол № 1 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 110. Состав рабочей группы был утвержден по согласованию с Политбюро на заседании комиссии 5 января. См. «Во имя законности...», с. 107. В этом заседании участвовали секретарь рабочей группы и многолетний руководящий сотрудник Отдела

административных органов ЦК Н. И. Савинкин, заместитель заведующего Общим отделом ЦК А. А. Соловьев, помощник Председателя КПК С. Д. Могилат, заместитель Председателя КГБ В. П. Пирожков, заведующий отделом ИМЛ В. П. Наумов и А. И. Фокин. Ср.: «Протокол № 1 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС...», с. 110.

19. В. П. Пирожков представил информацию КГБ, А. М. Рекунков — Генеральной Прокуратуры, а Г. Л. Смирнов — заключение ИМЛ. Комиссия занималась не только «право-троцкистского блоком», но и т. н. «ленинградским делом». Ср.: «Протокол № 1 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС...», с. 111.

20. Там же.

21. «Порядок организации работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному... Приложение к протоколу № 1». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 112.

22. Это и следующие сообщения основаны на интервью автора с В. И. Ежевым, одним из трех упомянутых прокуроров, 7.6.1991.

23. Там же.

24. Протест (в порядке надзора) по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского от 21 января 1988 г. — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 120.

25. Председательствовал В. И. Теребилов. Присутствовал также А. М. Рекунков. Ср. «Из постановления пленум Верховного Суда СССР. 4 февраля 1988 г.». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 120.

26. Полностью опубликован только протест. Из постановления Верховного Суда были опубликованы только части первой и последней страницы в Известия ЦК КПСС. Ср. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1. Так как автору был предоставлен В. И. Ежевым полный текст решения, он может ссылаться на этот документ, который называется «Постановление пленума Верховного Суда СССР от 4 февраля 1988 г.». Личный архив автора.

27. Уже в главе настоящей работы «Заключение прокуратуры» удалось доказать, что материал, на который опирались в 1988 г. как протест, так и решение, основывается на копиях материалов юридического заключения 1956 г. и политического заключения комиссии Шверника 1961 г. Ср. также № 2 в документальном приложении.

28. «Постановление пленума Верховного Суда СССР от 4 февраля 1988 г.», с. 10. Личный архив автора.

29. Ср. главу «Архивные материалы как инструмент власти»; «Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Заседание третье, вечернее, 24 июня. — «Исторический архив», 1993, № 4, примечание 85 (с. 80).

30. «Протокол № 2 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 5 февраля 1988 г.». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 113.

31. Ср. № 8 в документальном приложении.

32. Ср. № 9 в документальном приложении.

33. *Чикин В.* Восстановление справедливости. Заметки с пленума Верховного Суда СССР. — «Советская Россия», 7 февраля 1988 г., с. 2; *Потанов А.* Возвращение. Заметки после пленума Верховного Суда СССР. — «Труд», 9 февраля 1988 г., с. 2; *Черняк А.* Восстанавливая истину. Заметки с пленума Верховного Суда СССР. — «Правда», 7 февраля 1988 г., с. 2

34. *Чикин В.* Восстановление справедливости, с. 2

35. *Потанов А.* Возвращение, с. 2.

36. Ср. главу «Заключение прокуратуры о процессе “право-троцкистского блока”».

37. «Об образовании комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 28 сентября 1987 г.» — *Известия ЦК КПСС*, 1989, № 1, с. 111. Заключение называется «О так называемом “антисоветском «право-троцкистском блоке”»». — Там же, с. 122. Оно не датировано, но, исходя из данного комиссией пятнадцатидневный срока, может датироваться 20 января.

38. В их числе материалы Объединенного апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК, июньского (1928 г.) пленума ЦК, Объединенного апрельского (1929 г.) пленума ЦК и ЦКК, ноябрьского (1929 г.), декабрьского (1936 г.) и февральско-мартовского (1937 г.) пленумов ЦК. (Центральный партийный архив был в 1991 г. переименован в РЦХИДНИ) (В 1999 г. — в РГАСПИ, Российский государственный архив социально-политической истории. — Прим. перев.).

39. Там же, с. 122–131.

40. Там же, с. 122–124.

41. Там же, с. 123.

42. Там же, с. 124, 126.

43. Там же, с. 129.

44. Вызывает сомнение, действительно ли многие делегаты голосовали против нового избрания Сталина Генеральным секретарем и он смог занять этот пост только с помощью манипуляций результатами выборов. Ср.: Сколько делегатов XVII съезда голосовали против Сталина? К истории выборов центральных органов партии на XVII съезде ВКП (б). — *Известия ЦК КПСС*, 1989, № 7, с. 114–121. Обзор результатов см. *Михайлов.* «Тайное» голосование. Сколько делегатов XVII съезда партии голосовали против Сталина? — «Диалог», 1991, № 1, с. 79–87.

45. О так называемом «антисоветском “право-троцкистском блоке”». — *Известия ЦК КПСС*, 1989, № 1, с. 130.

46. Там же.

47. Там же.

48. Правда, оценивать заключение как научно обоснованное трудно прежде всего из-за отсутствия архивных данных.

49. Стенограмма заседания пленума ЦК ВКП (б) за 4 и 7 декабря 1936 г. Стенограммы с авторскими правками. — РГАСПИ. ф. 17. оп. 2. д. 574; «Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года.» — «Вопросы истории», 1992, № 6–9; «Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 года. — «Вопросы истории», 1995, № 1.

50. О так называемом «антисоветском “право-троцкистском блоке”». — *Известия ЦК КПСС*, 1989, № 1, с. 129.

51. В соответствии с этим авторы не упоминают политические и теоретические позиции Бухарина до 1925 г., в частности, как противника мирного соглашения в Бресте и приверженца «буферной группы» во время дискуссии о профсоюзах, которые составили важную часть пунктов обвинения в марте 1938 г.

52. Реабилитации по процессу «антисоветской троцкистской военной организации» и «Ленинградскому делу» в данном случае несравнимы, т. к. речь шла при этом исключительно о лицах, осужденных только под предлогом оппозиционной деятельности. Но на деле они никогда не выступали всерьез против Сталина.

53. Каменев и Зиновьев были формально реабилитированы (см. «О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре»»). — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 8, с. 94), отмечены в прессе и тем самым получили публичную реабилитацию. Тем не менее они как единственные обвиняемые по процессу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» не были посмертно восстановлены в партии. Кроме того, реабилитация Троцкого была связана с особыми трудностями. Верховный Суд не усмотрел оснований для юридической реабилитации, т. к. Троцкий в Советском Союзе не предавался суду. Но официально выдвинутые против него чудовищные обвинения не были отменены посредством политической реабилитации, т. е. восстановления в партии. Вышло только несколько статей в газетах и научных журналах. Рассматривать эти публикации как гражданскую реабилитацию было бы, однако, преувеличением, т. к. статьи были опубликованы по собственной инициативе авторов, хотя и при терпимом отношении со стороны партии. Ср. подробнее: *Wehner M. Rückkehr mit Hindernissen. Die «gebremste Diskussion» um L. D. Trotzki in der Sowjetunion.* — «Osteuropa», 3, 1991, S. 24–258, особенно 257 f.

54. О так называемом «антисоветском «право-троцкистском блоке»». — «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 122–131.

55. 9 июля 1988 г. агентство ТАСС сообщило, что Особая комиссия Политбюро уже 21 июня 1988 г. приняла решение о восстановлении Бухарина и Рыкова в партии Ср. «taz» (Berlin), 11. Juli 1988, S. 1.

56. В нем участвовал и председатель комиссии по реабилитации М. С. Соломенцев в качестве председателя Комитета партийного контроля. Ср. Протокол № 2 Заседания Комитета партийного контроля при ЦК КПСС 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) пленума ЦК КПСС (факсимильная копия).— РГАНИ, ф. 88, оп. 2, д. 2, л. 1–7.

57. Там же.

58. Справка работника КПК Н. Ф. Каткова. — ЦХСД, Архив Комитета партийного контроля, протокол № 2 заседания Комитета партийного контроля при ЦК КПСС 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 года) пленума ЦК КПСС (факсимильная копия), ф. 88, оп. 2, л. 2–16.

59. Там же, с. 9

60. Там же.

61. Т. н. «завещание Ленина».

62. Справка работника КПК Н. Ф. Катков, л. 10.

63. Там же, л. 11. Под «демагогом» подразумевается, вероятно, Троцкий.

64. Там же. В этой связи в заключение говорится о выдающемся значении Бухарина в идейном разгроме троцкизма в 1926–27 гг.

65. Там же, л. 13.

66. Бухарин пытался привлечь на свою сторону в качестве союзника в борьбе против Сталина троцкистскую оппозицию, которую сам отстранил от власти. Ср. *Фельтинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. Комментарии к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной). «Незабываемое» с приложениями. — М., 1993.

67. О том, что КПК в целом склоняется к доказательству заговора Сталина с НКВД только в 30-е гг. для приписывания антипартийными и антисоветской деятельности осужденным по процессу «право-троцкистского блока» свидетельствует недатированное общее заключение комитета. Подготовленное в 1988 г., это заключение как по содержанию, так и в тенденции оценки является расширенным переизданием заключения комиссии Шверника 1961 г. Ср.: О партийности лиц, проходивших по делу так называемого

антисоветского «право-троцкистского блоке». — *Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. П.* (сост.) Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991, с. 241–260.

68. *Ларина-Бухарина А.* Незабываемое. — М., 1988. Фильмы называются «Враг народа. Подсудимый Бухарин» (режиссер-постановщик Л. Марягин («Мосфильм», 1989) и «Николай Бухарин» (режиссер-постановщик Е. Андриканис («Мосфильм», 1989).

69. *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича. — «Правда», 12 февраля 1988 г., с. 3; *Бухарин Н. И.* Политическое завещание Ленина. — «Коммунист», 1988 г., № 2, с. 93–102. Кроме того, в журнале «Вопросы философии» (1988 г., № 5, с. 75–84) появилась статья Бухарина об историке и экономисте И. И. Скворцове-Степанове (Выступление, посвященное памяти Скворцова-Степанова. Вступительная статья и комментарий В. Б. Лешевы).

70. *Смирнов К.* Час истины неизбежен. Решением Президиума АН СССР Н. И. Бухарину возвращено звание академика. — «Известия», 11 мая 1988 г., с. 3.

71. Конференция молодых ученых в Институте экономики АН СССР. — «Вопросы экономики», 1988, № 9, с. 98–104.

72. Ср. нижеследующий анализ.

73. По поводу конференции в ИМЛ ср. «Восстановление правды» — «Вопросы истории КПСС», 1989, № 1, с. 145–152; *Солопов А. Н.* (сост.) Бухарин. Человек, политик, ученый. — М., 1990. О «круглом столе» и общественной дискуссии экономистов в Ростове-на-Дону ср. *Кислицына И. Г., Кислицын С. А.* Круглый стол. Концепция социализма в работах Н. И. Бухарина о политическом завещании В. И. Ленина (Ростов-на-Дону. Октябрь 1988 г.). — «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки», 1989, № 2, с. 37, 39; *Диденко А. М., Цыганаш Н. Г.* Идеиная борьба в РКП (б) — ВКП (б) в 20-е гг. Опыт, уроки. (Дискуссия в Ростовской высшей партийной школе. Ноябрь 1988 г.). — «Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки», 1989, № 2, с. 34–39.

74. *Маринич Н.* Отвергающий зло. К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина. — «Вечерняя Москва», 8 октября 1988 г., с. 2.

75. Теперь многие письма и тексты опубликованы. Ср. список литературы.

76. *Горелов И. Е.* Николай Бухарин. — М., 1988.

77. *Козн С.* Бухарин. Политическая биография 1888–1938. — М., 1988.

78. Постановка вопроса тесно связана с данной Б. Бонвечем оценкой исторической науки Советского Союза в 1986–87 гг. Ср. *Bonwetsch B.* «Nur vorwärts und vorwärts?». Die «Umgestaltung» in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. — «Osteuropa», 6, 1988, S. 457 f. Таким образом, на примере переоценки Бухарина можно проследить, насколько историческая наука может быть охарактеризована как субъект или как служанка перестройки, дававшая новые желаемые исторические истины, которые следовало поставить на место старых.

79. *Wehner M.* Die Diskussion um die «Liebling der Partei». Zur politischen Bedeutung der Rehabilitierung N. I. Bucharins. — «Osteuropa», 1990, № 4, S. 302 f. Советские исследователи, с середины 1988 г. писавшие статьи о Бухарине, большей частью располагали рукописью русского издания книги Козна, но не имели возможности, по собственным словам, наблюдать за соответствующими дискуссиями в США и Западной Европе в 70-е гг. С американскими журналами, в которых появлялись рецензии на книгу Козна, познакомиться было нельзя или это удавалось только с большими трудностями. Кроме того, лишь немногие советские историки должным образом владели английским языком. Поэтому мы представляем только основные тезисы Козна, не затрагивая дискуссию на Западе вокруг его книги.

80. *Козн*. Бухарин... — М., 1988; ср. его же: На крутом повороте. Бухарин и Сталин в канун «великого перелома». — «Знание — сила», 1988, № 9, с. 64–74; предисловие к советскому изданию; Дуумвират. Бухарин и Сталин. — «Огонек», 1988, № 45, с. 28–31.

81. Козна нельзя охарактеризовать как просоветского, а также и как антисоветского. Его можно причислить к т. н. ревизионистской школе в США, которая «...выступает против традиционного взгляда на систему господства в Советском Союзе, предполагающего дихотомию государства и общества, в которой государство односторонне доминирует над обществом». Ср. *Schröder H.-H. Stalinismus «von unten»? — Geyer. Die Umbewertung...*, S. 135.

82. *Козн*. Бухарин..., с. 23 и сл., 455.

83. Там же, с. 4, 8.

84. Там же, с. 26, 28, 403–50. Это не означает, однако, что Козн умалчивает о тесном сотрудничестве между Сталиным и Бухариным. Ср. там же, с. 254–302.

85. Там же, с. 18.

86. Там же, с. 414.

87. Ср. главу «Восстановление имени Бухарина в печати».

88. *Горелов И. Е.* Николай Бухарин. — М., 1988.

89. Горелов написал послесловие для советского издания биографии Бухарина. Ср.: *Горелов И.* О книге С. Козна «Бухарин. Политическая биография. 1988–1986». — *Козн*, Бухарин..., с. 545–555.

90. *Шкаренков Л. К.* Николай Иванович Бухарин. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 7, с. 59–78.

91. *Бухарин Н. И.* Памяти Ильича; он же. Политическое завещание Ленина.

92. *Шкаренков Л. К.* Николай Иванович Бухарин..., с. 59–78. Как сообщил Шкаренков в интервью от 21.5.1991 автору настоящей работы, прежде чем написать статью, он получил разрешение директора своего института, который затем передал статью с соответствующей рекомендацией в журнал «Вопросы истории КПСС».

93. Эта оценка основывается в основном на данных следующих биографий: Биография тт.: Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Сталина, Томского. — М., 1928; *Мещеряков Н.* Николай Иванович Бухарин. — Малая советская энциклопедия, т. 1, — М., 1929.

94. *Шкаренков Л. К.* Николай Иванович Бухарин..., с. 60.

95. Там же, с. 61.

96. Шкаренков, по его словам, изучал «Азбуку коммунизма», «Теорию исторического материализма», «Экономику переходного периода» и «Заметки экономиста».

97. *Шкаренков Л. К.* Николай Иванович Бухарин..., с. 63, 65.

98. Там же, с. 65. В этой связи Бухарин изображается не как сторонник кулаков, а приверженец усиленной борьбы против них. Ср. там же, с. 66, 67.

99. Там же, с. 66, 67.

100. Там же, с. 65, 66.

101. Там же, с. 69.

102. Шкаренков внушает эту идею, используя цитаты русских эмигрантов в США. Ср. там же, с. 72.

103. Там же, с. 73–78.

104. Правда, Шкаренков указывает и на то, что как тесное сотрудничество между Сталиным и Бухариным, так и нарастание их разногласий требует обстоятельного исследования. Там же, с. 69.

105. Он не цитирует английское название книги Коэна, а просто переводит его на русский язык. По-видимому, у него не было и русского издания, напечатанного в Нью-Йорке в 1982 г.

106. *Горелов И. Е.* Николай Бухарин. — М., 1988; *Горелов И., Осипов А.* Николай Иванович Бухарин. — «Агитатор», 1988, № 5, с. 21–25; *Горелов И.* О книге С. Коэна ..., с. 545–555.

107. *Горелов И. Е.* Николай Бухарин..., с. 7–184 и 185–274. Статьи Бухарина представляют собой перепечатки, а не первые публикации.

108. Ср. рецензию *Емельянов Ю.* Эффект Коэна–Горелова. Телепатия или шарлатанство. — «Молодая гвардия», 1989, № 12, с. 268–75; он же. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. — М., 1989, с. 101–103.

109. Ср. особенно главы «Пропагандист и защитник нэпа», а также «Восхождение и падение» и «Трагический конец»: *Горелов И. Е.* Николай Бухарин..., с. 100–121, 121–145, 133–137 и 145–177.

110. *Горелов И.* О книге С. Коэна ..., с. 550.

111. Там же, с. 553. Горелов нашел поддержку в статье *Леонов С. Л.* Вопросы экономической теории в работах Н. И. Бухарина. — «Экономические науки», 1988, № 10, с. 94.

112. *Горелов И.* О книге С. Коэна ..., с. 553–4.

113. Ср. выше главу «Политическое заключение Института марксизма-ленинизма».

114. Еще в январе 1988 г. Козлов по поручению Смирнова написал заключение о Бухарине для ЦК КПСС.

115. Пленум ЦК ВКП (б), 1929 г., 10–17 ноября. Стенографический отчет. — РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 441. Частично опубликовано в: *Данилов В. П., Ивницкий Н. А.* (сост.). Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. — М., 1989, с. 261–288.

116. Выступление Бухарина на Объединенного пленуме ЦК и ЦКК 18 апреля 1929 г. — *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. Сост. *Смирнов Г. Л., Журавлев В. В., Морозов Л. Ф., Наумов В. П.* — М., 1989, с. 253–308.

117. В настоящее время февральско-мартовский (1937 г.) пленум ЦК опубликован почти полностью. Ср. список литературы: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г. Напротив, июньский (1936 г.) пленум ЦК вышел только в виде краткого обобщения. Ср.: Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 г. — «Вопросы истории», 1995, № 1, с. 3–19

118. Наумов подготовил в рабочей группе комиссии два заключения. Первое, объемом три страницы, касается работы комиссии февральско-мартовский (1937 г.) пленума ЦК по делу Бухарина и Рыкова. Тема второго заключения объемом десять страниц — рассмотрение вопроса о группе Бухарина на пленумах ЦК ВКП (б) в середине 30-х гг. Оба заключения датированы 4.2.1988 г. Ср. по первому заключению: О работе комиссии февральско-мартовский (1937 г.) пленума ЦК по делу Бухарина и Рыкова. Справка В. П. Наумова от 4 февраля 1988 г. (на 3 страницах). — ЦХСД, Архив Комитета партийного контроля (остальные архивные данные отсутствуют). Ср. по первому заключению: Обсуждение на пленумах ЦК ВКП (б) в середине 30-х гг. вопроса о группе Бухарина. Справка В. П. Наумова от 4 февраля 1988 г. (на 10 страницах). — ЦХСД, Архив Комитета партийного контроля (остальные архивные данные отсутствуют).

119. Их статьи выходили отчасти под псевдонимами. Например, за именами Н. В. Павлов и М. Л. Федоров скрываются В. П. Наумов и Л. Ф. Морозов. Ср. *Павлов Н. В.*,

Федоров М. Л. Николай Иванович Бухарин. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 10, с. 73–87.

120. Например, С. В. Цакунов, специалист по экономике 20-х гг. и Ф. И. Фирсов, специалист по истории Коминтерна. Ср. «Восстановление правды» — «Вопросы истории КПСС», 1989, № 1, с. 145–152

121. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Николай Бухарин. Эпизоды политической биографии. — «Коммунист», 1988, № 13, с. 91–109. Эта статья продолжала серию их научных статей, специально посвященных Бухарину. Другие статьи: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 8, с. 15–33; См. Также: *Журавлев В., Наумов В.* Возвращение к правде. К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина. — «Правда», 9 октября 1988 г. с. 3; *Павлов Н. В., Федоров М. Л.* Николай Иванович Бухарин. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 10, с. 73–87; *Линев Р.* Возвращение правды. Л. Морозов беседует с корреспондентом Р. Линевым. — «Неделя», 1988, № 39, с. 8–9; *Морозов Л.* Возвращение Николая Бухарина. — «Социалистическое соревнование», 1988, № 5, с. 44–48; ср. также вышедшую только в 1990 г. книгу о конференции, проведенной ИМЛ в сентябре 1990 г.: Бухарин. Человек, политик, ученый. Сост. *Солопов А. Н.*, — М., 1990.

122. Здесь нет необходимости повторять многократно упоминавшуюся цитату Ленина о Бухарине. Ее систематически упоминает прежде всего Морозов, которому собеседник прямо-таки вкладывает ее в рот. *Линев Р.* Возвращение правды..., с. 8–9. Об отношениях между Лениным и Бухариным ср. также «Восстановление правды» — «Вопросы истории КПСС», 1989, № 1, с. 145 ср. также *Наумов*. Там же, с. 146; *Журавлев, Наумов*. Возвращение к правде... с. 50–55; *Павлов, Федоров*. Николай Иванович Бухарин..., с. 74–76.

123. В соответствии с этим Бухарина демонстративно ограничивают от Троцкого: *Павлов, Федоров*. Николай Иванович Бухарин..., с. 74,77; Восстановление правды..., с. 145 (*Смирнов*); 147 и сл. (*Наумов*). Только Бордюгов и Козлов пытаются коснуться заслуг Бухарина в борьбе против троцкизма, о которой говорил Горбачев по случаю 70-летней годовщины Октябрьской революции. Ср. *Бордюгов, Козлов*. Николай Бухарин. Эпизоды..., с. 20.

124. Правда, авторы избегают по отношению к Ленину слова «либеральный», хотя по сути применяют именно это понятие.

125. *Бордюгов, Козлов*. Николай Бухарин. Эпизоды..., с. 17; *Линев Р.* Возвращение правды..., с. 8.

126. *Бордюгов, Козлов*. Николай Бухарин. Эпизоды..., с. 22; *Линев Р.* Возвращение правды..., с. 8. О прямой связи с Лениным ср. также «Восстановление правды», с. 148 (*Наумов*); *Павлов, Федоров*. Николай Иванович Бухарин... с. 78 и сл.

127. *Бордюгов, Козлов*. Николай Бухарин. Эпизоды..., с. 22–23; *Бордюгов, Козлов*. Поворот 1929 г. ..., с. 31. Морозов также подчеркивает, что время требовало новых, «революционных» решений для преобразования сельского хозяйства, Бухарин же по-прежнему пытался решать их «эволюционным» путем. Это одна из главных причин, по которым он оказался в оппозиции политике ЦК партии. Ср. *Морозов*. Ленинская концепция..., с. 107, 112.

128. Авторы получили поддержку в этом вопросе от Водолазова из Академии общественных наук при ЦК КПСС. Ср. *Водолазов Г.* Выбор истории и история альтернатив. Н. И. Бухарин против Л. Троцкого. — «Проблемы мира и социализма», 1988, № 10, с. 61, 66.

129. *Бордюгов, Козлов*. Поворот 1929 г. ..., с. 31.

130. *Бордюгов, Козлов.* Николай Бухарин. Эпизоды..., с. 108; *Бордюгов, Козлов.* Поздний Бухарин..., с. 151–161.

131. В этой связи интересно, что Бордюгов и Козлов характеризуют острую полемику Бухарина против Троцкого, Зиновьева и Каменева не как признак сталинского политического стиля, а видят ее причину в принципиальной защите ленинской идеи НЭПа от псевдорадикальных интерпретаций социализма. Тот факт, что Бухарин должен предстать в качестве безусловного защитника ленинской генеральной линии партии, скрывается за формулировкой, в соответствии с которой Сталин поддерживал Бухарина в его борьбе против «новой оппозиции» (Троцкого, Зиновьева и Каменева), а не наоборот. Там же, с. 20.

132. М. Венер говорит применительно к Бордюгову и Козлову об «объективирующем тезисе» *Wehner M. Die Diskussion um die «Liebling der Partei». Zur politischen Bedeutung der Rehabilitierung N. I. Bucharins.* — «Osteuropa», 1990, № 4, S. 302 f

133. Эта оценка Мерля справедлива по отношению к «секретному докладу» Хрущева, но не к работам авторов ИМЛ конца 1988 г. Ср. *Merl St. Kollektivierung und Bauernvernichtung.* — *Geyer D. (Hrsg.) Die Umwertung der sowjetischen Geschichte.* — Göttingen, S. 113–114.

134. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Время трудных вопросов. — «Правда», 3 октября 1988 г., с. 3. Мерль обоснованно отмечает, что здесь авторы «полностью абстрагируются от осуществленного на правое крыло партии давление и от большевистской дисциплины, требовавшей подчинения позиции большинства». Ср. *Merl St. Kollektivierung und Bauernvernichtung*, S. 114.

135. Ср. главу «Демонтаж Сталина в 1956 г. и дискуссия о внутривнутрипартийной оппозиции».

136. Этого не может скрыть и оценка Бордюгова и Козлова, в соответствии с которой партия с 1933 г. не пошла по пути «нормализации», хотя это соответствовало бы экономическим и политическим потребностям. Партия здесь снова, в рамках диалектической концепции анализа авторов ИМЛ, предстает менее виновной, т. к. утверждается, что ее руководители с помощью политических интриг и репрессий задушили в зародыше все попытки движения в этом направлении, в частности, у Бухарина. Ср. также главу «Демонтаж Сталина в 1956 г. и дискуссия о внутривнутрипартийной оппозиции».

137. Ср. *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов. — «Правда», 1988, 3 октября, с. 3.

138. Вплоть до 90-х гг. Бордюгов и Козлов, анализируя свои статьи 80-х гг. о Бухарине, придерживались мнения о существовании различия между вопросом об альтернативе сталинизму и вопросом об альтернативе административно-командной системе. Ср. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992., с. 125 и сл.

139. СИЭ, т. 11, — М., 1965, с. 511; № 2 в документальном приложении.

140. Ср. главу «Политическое заключение комиссии Политбюро о «право-троцкистском блоке».

141. Как явствует из интервью с Морозовым от 29.5.1991, с 1988 г. как он, так и Бордюгов и Козлов располагали русским изданием книги Козна, вышедшим в 1978 г. в Нью-Йорке.

142. Русское название книги Козна — «Бухарин. Политическая биография 1888–1938», статьи Бордюгов и Козлова — «Николай Бухарин. Эпизоды политической биографии».

143. Ср. *Козн.* Бухарин..., с. 331–402.

144. *Лацис О. Р.* Проблема темпов в социалистическом строительстве. Размышления экономиста. — «Коммунист», 1987, № 18, с. 79–90; ср. также: *Он же.* Перелом. — *Сенокосов Ю. П.* (Изд.) Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. — М., 1989, с. 67–174. Научный сотрудник Института истории СССР Данилов объяснял в 1989 г. поражение Бухарина только политическими интригами Сталина. Ср. *Alternative Strategie für das Land.* — *Bergmann Th., Schäfer G.* (Hrsg.) *Liebling der Partei. Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker...*, — Hamburg, 1989, S. 234.

145. Там же.

146. *Козлов В. А.* Историк и перестройка. — *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 12–30.

147. История и конъюнктура, с. 17.

148. *Морозов.* Ленинская концепция кооперации..., с. 115.

149. Ср. выше главу «70-я годовщина Октябрьской революции как стартовый сигнал для гражданской реабилитации Бухарина».

150. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Николай Бухарин. Эпизоды..., В другом месте Козлов говорит даже не о «партийности», а о «гражданской партийной позиции историка». — *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 23.

151. *Бордюгов, Козлов.* История и конъюнктура... с. 4.

152. *Бухарин Н. И.* Заметки экономиста. — «ЭКО», 1988, № 8, с. 55–81; *Он же.* Избранные произведения. — М., 1990 в серии «Экономическое наследие» издательства «Экономика».

153. *Бухарин Н. И.* Избранные труды. История и организация науки и техники. — Л., 1988; он же. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. — М., 1989.

154. *Бухарин Н. И.* Путь к социализму. Избранные произведения. — Новосибирск, 1990.

155. Под «молодыми учеными» в данном контексте фактически подразумеваются научные работники среднего, а не подрастающего поколения.

156. Конференция молодых ученых в Институте экономики АН СССР. — «Вопросы экономики», 1988, № 9, с. 98–104.

157. До- и послеволюционный период, а также 30-е гг. рассматривались лишь как второстепенные темы.

158. *Danilov V. P.* *Alternative Strategie für das Land.* — *Bergmann Th., Schäfer G.* (Hrsg.) *Liebling der Partei. Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker...*, — Hamburg, 1990, S. 227–240. Развернутый вариант этого доклада см. *Данилов В. П.* Бухаринская альтернатива. — *Солопов А. Н.* (сост.) Бухарин. Человек, политик, ученый, с. 82–130. Вместе с С. А. Красильниковым из Института истории, философии и филологии СО АН СССР Данилов опубликовал в августовском 1988 г. номере ЭКО статью «Оппонент “великого перелома”». — «ЭКО», с. 45–54.

159. *Danilov V. P.* *Alternative Strategie...*, S. 234.

160. Ср. главу «70-я годовщина Октябрьской революции как стартовый сигнал». По поводу позиций сотрудников ИМЛ см. Роль и стратегия аргументации институтов, близких к партии.

161. Упомянутые критические пункты касаются детальных вопросов.

162. Конференция молодых ученых..., с. 99.

163. Ср. «круглый стол» и публичную дискуссию между учеными в Ростове-на-Дону: *Кислицына И. Г., Кислицын С. А.* Круглый стол. Концепция социализма в работах Н. И. Бухарина о политическом завещании В. И. Ленина (Ростов-на-Дону. Октябрь 1988 г.). —

«Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки», 1989, № 2, с. 37, 39; *Диденко А. М., Цыганаш Н. Г.* Идеиная борьба в РКП (б) — ВКП (б) в 20-е гг. Опыт, уроки. (Дискуссия в Ростовской высшей партийной школе. Ноябрь 1988 г.). — «Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Общественные науки», 1989, № 2, с. 34–39.

164. *Кислицына И. Г., Кислицын С. А.* Круглый стол..., с. 38.

VIII. УСИЛИЯ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА, НЕЗАВИСИМЫЕ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПАРТИИ

После второй и последней фазы гражданской реабилитации Бухарина летом и осенью 1988 г., осуществленной силами близких к партии и правительству средств массовой информации и научных институтов, реабилитация Бухарина в соответствии с советскими традициями может считаться завершенной. Наряду с этой реабилитацией, инициированной политическим руководством и находившейся под его влиянием, отмечались усилия по восстановлению «доброего имени» Бухарина, в значительной степени независимые от правительства и партии. С одной стороны, с марта 1985 г. снова взяли слово родственники Бухарина, с другой — неофициальные, основанные на добровольности и частных инициативах «формирования» требовали реабилитации лиц, на которых накладывалось табу. К этим т. н. «неформалам» (1) относился и основанный в 1983 в городе Брежнев (2) на Каме клуб комсомольских активистов. Уже в начале 1987 г. его члены послали в ЦК КПСС петицию о реабилитации Бухарина и организовали в сентябре 1988 г. конференцию. Стремления к реабилитации Бухарина вне зависимости от партии характеризуются другими акцентами.

1. КОМСОМОЛЬСКИЕ АКТИВИСТЫ ТРЕБУЮТ РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА

В провинциальном городе Брежнев (Набережные Челны), жители которого в основном заняты на здешнем современном автозаводе КамАЗ, «политорганизатор» Валерий Писигин и движущие силы клуба комсомольских активистов историки А. Калачев и В. Мокеев (3) уже в апреле 1987 г. составили и послали в ЦК КПСС петицию с просьбой о восстановлении «доброе имя» Н. И. Бухарина (4). Чтобы придать просьбе вес, она была в мае 1987 г. направлена второй раз непосредственно Горбачеву с сопроводительным письмом известного советского поэта Евгения Евтушенко, секретаря Правления Союза писателей. Евтушенко указывал на то, что прилагаемое прошение имеет подписи представителей прогрессивной части рабочего класса КамАЗа и тем самым заслуживает поддержки лучших представителей интеллигенции. К тому же он подчеркивал, что пришло время для реабилитации Бухарина, которого Ленин называл «любимцем партии» (5).

Особенно интересно раннее время появления петиции. Комсомольские активисты почувствовали «благоприятность момента». Уже через несколько месяцев после высказывания Горбачева на XX съезде комсомола в январе 1987 г. о необходимости устранения «белых пятен» в истории они прямо ссылаются на 30-е и 40-е гг., чтобы подвергнуть наступательной критике замалчивание в печати репрессий. В петиции они сами представляют себя компетентными дать оценку тому факту, что многие коммунисты, военные и даже сотрудники Ленина, в их числе и Бухарин, пали жертвой «произвола» и что их реабилитация стала насущно необходимой. В этой связи они демонстрируют, как затронуты словами сочувствия, выражая свою «боль» и «печаль». В соответствии с этим в конце петиции они впадают в пафос правды и справедливости. Но подчеркнуто лояльные, а временами и патриотические тона авторов свидетельствуют, что они не были полностью уверены в своей правоте. Они демонстративно позиционируют себя в качестве приверженцев системы. Они занимаются историей «своей Родины». Они обращаются к вождям «своей» партии с просьбой о реабилитации, ссылаясь на свой «гражданский» и «партийный» долг. Дополнительно они под-

черкивали, что их идейный враг — на Западе. Правда, авторы письма связывали свое выступление за интересы своей страны и своей партии с условием реабилитации определенных лиц. Обращает на себя внимание, что, выбирая имена реабилитируемых, они приводили не только имена т. н. «правых», Бухарина и Рыкова, но и двух бывших приверженцев Троцкого — Радека и Пятакова.

В особенности же, комсомольские активисты выступали за реабилитацию и «восстановление доброго имени» Бухарина. Его личность и политическая и теоретическая работа изображается (преувеличенно) положительно и, если говорить о периоде до 1928 г., обнаруживает большое сходство с подробной статьей в Большой советской энциклопедии, написанной ещё на пике политического влияния Бухарина (6). Бухарин изображается близким соратником Ленина, павшим в 30-е гг. жертвой необоснованных репрессий, инсценированных Сталиным. В этих рамках Ленин снова должен служить авторитетом, свидетельствующим о верности Бухарина партии и государству. Правда, авторы не «заикливаются» на истории. Напротив, они рекомендуют экономические теории Бухарина как средство для влияния на развитие политических идей второй половины 80-х гг. (7).

Но как возникло это смешение из аргументов 60-х и 80-х гг.? Тот факт, что здесь, с одной стороны, как обычно, используется Ленин как авторитет в комбинации с пафосом правды и справедливости, а с другой — актуализируются экономические труды Бухарина, объясняется историей возникновения клуба и его связями с родственниками Бухарина. Уже в феврале–марте 1987 г. политический организатор клуба Писигин установил контакт с Анной Лариной-Бухариной и её сыном Юрием Лариным и попросил обоих сообщить об их деятельности с 1961 г., направленной на реабилитацию Бухарина (8). Но происходившая в то же время актуализация Бухарина уходит корнями в сам клуб. Три члена клуба — Мокеев, Калачев и Писигин — натолкнулись на Бухарина, занимаясь историей СССР в Казанском университете, где они учились в начале 80-х гг. (9) Из газетных вырезок они составили тогда свою собственную, в высшей степени личную историю Советского Союза. При этом они, о чем явствует и просьба о реабилитации, интересовались прежде всего историей сталинской эры, в особенности пытаясь

понять причины больших показательных процессов. Только затем возник вопрос о возможной альтернативе Сталину. При этом именно Писигин поставил вопрос о Бухарине. В сочетании с другим направлением работы клуба, совместным чтением газет и журналов, считавшихся прогрессивными, произошла, наконец, актуализация Бухарина, о которой уже шла речь. Наряду с «Советской Россией» и «Комсомольской правдой», читали прежде всего журнал «ЭКО» (10). В «ЭКО», по словам Мокеева, уже в начале 80-х гг. писали в «западном стиле» такие ученые, как Г. Попов и Т. Заславская, игравшие ведущую теоретическую роль и в ходе перестройки. Именно благодаря этому журналу члены клуба познакомились с методом осуществления косвенной критики современной ситуации под предлогом анализа теоретических и практических проблем 20-х гг., например, бюрократизма (11). Подобным же способом и они сами начали через посредство изучения Бухарина обращаться к экономическим и общественным проблемам своего региона (12). Их идентификация с Бухариным достигла кульминации в переименовании в конце 1987 г. клуба в «Политклуб имени Бухарина», учреждении «Фонда Бухарина» (13) и проведении 24 сентября 1988 г. в Набережных Челнах первой в Советском Союзе конференции, посвященной Бухарину. Конференция проходила под патронатом ВЛКСМ. Все выступавшие были комсомольскими активистами. Обращает на себя внимание название конференции:

«Николай Иванович Бухарин. Его теоретическое завещание и современный мир» (14).

Со вступительным докладом выступал В. Писигин (15), представивший следующую концепцию: сталинизм и его последствия, сохранившиеся до 80-х гг. в виде централизованного планирования, характеризуются как деформация подлинного социализма и отвергаются. В соответствии с этим стратегам перестройки дается рекомендация подхватить нить там, где её разорвал Сталин — у Ленина и его духовного наследника Бухарина. Писигин оказывается жертвой необходимости в конечном счете объяснить все новшества в экономике Лениным, отмежеваться от капитализма и охарактеризовать их как изначально социалистические. Но собственные попытки Писигина «опереться» на Бухарина превращаются в новое перенесение теоретика 20-х гг. на почву современности. Это в особой степе-

ни проявилось применительно к выдвинутой Лениным в 1921 г. и развивавшейся Бухариным теорией кооперации.

В целом Бухарин превращается в «икону», а его учение — в догму. Не было настоящего анализа его теорий и дискуссий вокруг них с разных позиций. Имела место лишь селекция, определявшаяся целью приспособления цитат Бухарина к потребностям современности. При этом для Писигина не играет роли и исторический контекст возникновения упоминавшихся идей Бухарина. Об этом свидетельствуют, например, серьезные попытки Писигина с помощью избранного Бухариным содержательного наполнения понятия «классовая борьба» обобщить проблемы, ожидавшиеся при экономических преобразованиях в ходе перестройки (16).

Правда, эта безусловная актуализация Бухарина имеет свои причины. Она тесно связана с инициативой члена клуба Калачева, форсировавшего объединение с Клубом им. Бухарина основанного после принятия в мае 1988 Закона о кооперации кооперативного движения в провинции. Переживаемые здесь на практике ежедневные конфликты с бюрократией кажутся политико-пропагандистским обоснованием выдвижения Бухарина на передний план как способа легитимации кооперативов.

Но в других докладах, прозвучавших на конференции, политическое значение личности Бухарина снова отошло на задний план. Доклады посвящались прежде всего 20-м годам. Секретарь райкома комсомола Р. Салихов сделал обзор советских публикаций о внутрипартийной борьбе конца 20-х гг. А. Калачев говорил о взглядах Бухарина на роль Сталина. Секретарь горкома комсомола Ф. Базаров выступил с докладом о социалистических преобразованиях в деревне. И. Тукаев говорил о задачах НЭПа вчера и сегодня, В. Писигин — о Бухарине и экономической и политической борьбе в условиях гражданского мира. В. Мокеев рассматривал тему «Бухарин и вопросы культурного строительства». А доклад преподавателя КамПИ (17) В. Буева назывался «Триумф и трагедия Бухарина. Судьба идеи» (18).

Просмотр письменных вариантов докладов, состоявшихся в библиотеке клуба, показывает, что выступавшие занимались с 1986 г. запретными до тех пор фрагментами советской истории, в частности, 20–30-ми гг. Они проводили настоящую реконструкцию ранней

истории Советского Союза. При этом с 1987 г. они обращались ко все более многочисленным газетным и журнальным статьям. Кроме того, в тесной связи с этой реконструкцией истории проявился большой интерес к теориям государства и экономики 20-х гг., при этом в особенности к работам Ленина и Бухарина, а также и других теоретиков нэпа, например, А. В. Чайнова. Выступавшие прежде всего открывали для себя центральные элементы нэпа, а именно кооперативные формы хозяйства и собственности. При этом речь шла не в последнюю очередь об отношениях государства к экономике, о его роли и задачах, но поднимались также вопросы культуры, права и демократии. При рассмотрении этих аспектов в центре внимания стоит, несомненно, потребность с помощью реконструкции истории и дискуссий об экономической теории и практике в годы нэпа развить в себе осознание проблем, задач и шансов, связанных с перестройкой. Предпринимались попытки теоретической поддержки курса перестройки, которая была начата с претензией на непосредственное продолжение нэпа (19). При этом намерение всех выступавших заключалось в том, чтобы поставить под вопрос утвердившиеся с 1928–29 гг. и вплоть до 80-х гг. определявшие характер экономики бюрократические и иерархические экономические структуры. Это было продиктовано трезвыми политическими соображениями. Докладчики отдавали себе отчет в том, что величайшее сопротивление перестройке будет связано с формами собственности, ибо до сих пор отмена частной собственности на средства производства понималась как главный элемент социалистической экономики. В качестве выхода они обращались к идеям кооперативной собственности, представлявшимися Бухариным и другими (20).

Интересно, что выступающие и многие участники конференции были кооператорами — будущими или новоиспеченными. Первая конференция кооператоров состоялась в Набережных Челнах ещё до первой конференции, посвященной Бухарину, в августе 1988 г. Под сильным влиянием Писигина, Калачева и Мокеева здесь приняли резолюцию, провозглашавшую, что наряду с профессионализацией кооперативных структур большое значение имеет «политическое руководство кооперативами», т. е. пропаганда социалистической рыночной экономики и в особенности кооперации. Затем с участием Клуба им. Бухарина было в январе 1989 г. основана «Межрегио-

нальная кооперативная федерация СССР» (МФК СССР), организационно и содержательно связанная с Клубом (21). Клуб все более превращался в её форум, а Писигин был даже избран президентом федерации. Впоследствии в Набережных Челнах состоялось несколько конференций по проблемам кооперативного движения в условиях перестройки. К тому же, руководящие члены клуба В. Писигин, А. Калачев и В. Мокеев основали кооперативный банк, в котором Фонд Бухарина обладал большинством акций (22).

Значение Клуба им. Бухарина заключалось в его наступательной и самостоятельной позиции защиты открытых перестройкой новых возможностей по развитию малых и средних предприятий. Развивавшаяся здесь пробивная сила тесно связана с ранней профессионализацией. Видя в образе Бухарина свое оружие, идеал политика, постоянно сталкивавшегося с проблемой осуществимости изменений в экономике, движущие силы клуба сумели как рано заявить о себе в вопросах кооперации, так и политически подстраховать свою деятельность от местных консервативных бюрократов с помощью искусного обращения к истории 20-х гг. в духе того пути, на который вступили Горбачев и его сторонники. Члены клуба поддерживали хорошие контакты с высокопоставленными партийными функционерами в Москве и известными учеными, например, О. Лацисом (заместителнм главного редактора «Коммуниста»), М. Я. Гефтером, Ю. Н. Афанасьевым, ректором Московского историко-архивного института, и многими другими. Но в Набережные Челны по приглашению клуба приезжали и зарубежные ученые, например С. Коэн. Фонд Бухарина регулярно присуждал премии видным отечественным и иностранным ученым и политикам, стяжавшим заслуги в изучении истории СССР 20–30 гг. — Коэну, Т. Бергману (организатору международного симпозиума в Вуппертале в середине октября 1988 г., посвященного Н. И. Бухарину), их советским коллегам О. Р. Лацису, В. А. Тихонову и В. И. Биллику (эксперты по сельскому хозяйству) (23). Даже знаменитый экономический эксперт Е. Гайдар стал лауреатом премии в 1991 г. К тому же фонд издал несколько книг (24). Не в последнюю очередь следует отметить выступления В. Писигина и А. Калачева на международном симпозиуме в Вуппертале в середине октября 1988 г., посвященном Н. И. Бухарину (25). Клуб стал в своей динамике столь редким явлением, что

центральные газеты, поддерживавшие перестройку, обратили на него благодарное внимание и представляли как пример автономной политической деятельности (26).

2. ПОДДЕРЖКА РЕАБИЛИТАЦИИ РОДСТВЕННИКАМИ БУХАРИНА

Реабилитацию Бухарина активно поддерживал не только Клуб им. Бухарина, но и его родственники. Реабилитация была давно ожидавшимся и настойчиво требовавшимся от партии шагом по моральному возмещению. Реабилитации Бухарина содействовала прежде всего его дочь Светлана Гурвич-Бухарина. Наложённый ещё в 70-е гг. запрет на защиту ею докторской диссертации был отменен. В годовщину восстановления Бухарина в партии, 21 мая 1989 г., она смогла наконец защитить докторскую диссертацию. В Институте истории АН СССР по этому поводу был организован большой праздник, на котором Светланы Гурвич-Бухарина выступала перед научной комиссией, после чего ей вручили множество цветов (27).

Но родственники Бухарина не просто приняли его реабилитацию к сведению, их усилия ускорили его гражданскую реабилитацию. Так, Анна Ларина-Бухарина и её сын Юрий уже в середине 1985 г. послали Горбачеву письмо Бухарина «Будущему поколению руководителей партии», просьбу ветеранов партии и собственную просьбу о реабилитации Бухарина (28). Затем в 1986 г., накануне XXVII съезда, Анна Ларина-Бухарина написала на основе своих многочисленных прошений обстоятельное обоснование требования о реабилитации мужа (29). Наконец, в начале 1987 г. она обратилась в Верховный Суд, используя в данном случае все чаще применявшееся Горбачевым и партией понятия — гласность, демократия и устранение «белых пятен», чтобы показать их абсурдность, т. к. Бухарин все ещё не был реабилитирован (30). Вскоре после речи Горбачева, посвященной 70-й годовщине Октябрьской революции, в которой Бухарин был упомянут положительно и тем самым табу оказалось в конце концов сломанным, Анна Ларина-Бухарина публично поддержала изменения в мышлении партийной верхушки.

В ноябре 1987 г. она выразила готовность дать большое интервью журналу «Огонек», в котором нарисовала очень личный портрет Бухарина (31). Наконец, в 1989 г. Анна Ларина-Бухарина опубликовала мемуары, в которых уделила большое внимание его образу (32). Особенно важно было для неё доказать с помощью воспоминаний верность Бухарина партии. Поэтому данная автором интерпретация разговора летом 1928 г. с Каменевым, как и встречи с Б. Николаевским в феврале–апреле 1936 г. в Париже во время командировки, которую Бухарин предпринял для покупки архива Карла Маркса, принадлежавшего германской социал-демократии, служит оправданию Бухарина в вопросе о каких бы то ни было связях с оппозиционными группами, в особенностях с эмигрантами-меньшевиками (33). Чтобы представить свою книгу, А. Ларина-Бухарина предприняла немало поездок по стране, во время которых не оставляла никакого сомнения в лояльности партии как Бухарина, так и своей собственной. Кроме того, осенью 1988 г. она стала вторым председателем Фонда Бухарина.

Усилия по сохранению духовного наследия Бухарина предпринимала не только Анна Ларина-Бухарина, но и его дочь Светлана Гурвич-Бухарина. Например, она содействовала публикации в 1988 г. первой советской монографии о Бухарине (34). Для этого издания она предоставила многочисленные фотоматериалы из своего личного архива. Она выступала с докладом на международном симпозиуме в Вуппертале в середине октября 1988 г., посвященном Н. И. Бухарину, рассказывая о выступлении Бухарина в Париже 3 апреля 1936 г. (35) Она дополнила картину гражданской реабилитации Бухарина, представив его приверженцем «социалистического гуманизма», выступавшим за усиление демократии в партии и обществе (36). С. Гурвич-Бухарина участвовала также в шедшей с 1987 г. политически заряженной дискуссии о функции и значении Бухарина. В январе 1991 г. она поместила в «Коммунисте» ответ на опубликованное в «Нашем современнике» письмо, якобы написанное Бухариным в 1924 г. И. Британу (37). Она смогла убедительно доказать, что письмо не было написано Бухариным, а является, вероятно, плодом деятельности Британа. В данном случае С. Гурвич-Бухарина энергично выступала против политически мотивированной дискредитации Бухарина приверженцами русского национализма в КПСС (38).

В целом Гурвич-Бухарина, великодушно предоставлявшая материал другим ученым и дававшая интервью, боролась за свободный доступ к трудам отца. Она подала ходатайство об ознакомлении с работами и письмами Бухарина, написанными в заключении с 1937 г. В конце концов С. Гурвич-Бухарина получила разрешение на работу в Президентском архиве, где познакомилась с «Философскими арабскими» и автобиографическим романом «Времена», как и другими созданными в тюрьме статьями и книгами.

С помощи всех родственников подготовилось полное комментированное издание «тюремных рукописей» Бухарина и романа «Времена» (39).

Но реабилитация Бухарина имела для его родных и тяжелые стороны. Так, публикация писем и работ Бухарина, неизвестных до тех пор, прежде всего 30-х гг., не всегда вызывала безраздельное согласие (40). В конце концов эти письма способствовали тому, что сформированный при участии родственников Бухарина идеализированный образ однозначного оппозиционера Сталину больше нельзя было сохранить.

3. БУХАРИН В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Широкая гражданская реабилитация Бухарина, поддержанная как его родственниками, так и неформальными группами, не осталась без воздействия на общественное мнение. В соответствии с опросом общественного мнения о популярности советских политиков прошлого (на выбор предлагались Хрущев, Брежнев, Сталин, Бухарин и Троцкий), проведенным среди москвичей, выяснилось, что Бухарин стоял с большим отрывом на самом вершине шкалы популярности, Сталин же и Брежнев — на последних (41).

Другие выводы о восприятии Бухарина общественным мнением можно сделать только на основе книги отзывов на выставке о Бухарине, открытой накануне его 100-летия в Музее революции (42). На её основе можно представить себе дифференцированную картину мнений по меньшей мере посетителей, оставивших свои записи. Комментарии к выставке о Бухарине большей частью очень положи-

тельны и подробны. Обнаруживаются лишь немногие критические высказывания. Как представляется, выставка оставила самое большое впечатление, показав Бухарина жертвой сталинской политики и юстиции с конца 20-х гг. Однако большая часть посетителей не говорит прямо о выставке, а воспринимает её как повод, чтобы сообщить о собственных переживаниях в тюрьмах и ссылках в 30–50-е гг.

Отдельные комментарии к Бухарину можно разделить на различные категории. В первом случае, и такие комментарии преобладают, Бухарина и восстановление его имени и значимости приветствуют. Например, двадцатилетний посетитель благодарит за то, что сказана «новая правда о Бухарине (и об истории Советского Союза)». Другого воодушевляет значение Бухарина, чего он не мог и предположить. Ещё один посетитель, ознакомившись с выставкой, приходит к выводу, что Бухарин и его деятельность представляют собой «одну из самых светлых страниц истории русской революции», а реабилитация означает восстановление идеалов Октябрьской революции. Не в последнюю очередь требовали создания музея Бухарина. Вторую категорию посетителей занимает вопрос о том, можно ли рассматривать Бухарина как альтернативу Сталину. Один из них требует даже увековечения памяти Бухарина и в то же время «проклинает» сталинскую эру. Два других посетителя прямо жалуются, что на выставке были фотографии Сталина. Им трудно смотреть на его портрет. Ещё один надеется, что сталинизм не вернется. Но среди посетителей попадаются и отдельные критические голоса — как по поводу самой выставки, так и относительно представленной на ней роли Бухарина. Не раз встречаются указания, что это может быть только началом. Один посетитель сетует, что внимательному читателю газет выставка неинтересна. Ещё один комментатор желал бы больше материала, чтобы продолжить изучать Бухарина, а есть и такой, кто считает всю выставку запоздавшей. Два посетителя указывают, что ошибался и Бухарин — в борьбе против т. н. левой оппозиции. Они требуют провести выставку о Троцком, Зиновьева и Каменеве, чтобы можно было составить обстоятельную картину 20-х гг. Но немногие посетители по-прежнему защищают Сталина. Один из них требует, например, «не сваливать все на Сталина».

Исходя из этой, пусть даже ограниченной информации об общественном мнении о Бухарине, становится ясно, что с реабилитацией Бухарина смогла быть создана интеграционная фигура на основе истории Советского Союза, принятая не только специалистами, но признанная и широкими кругами населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По поводу определения понятия «неформалы» ср. *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы. Кто есть кто? — М., 1990, с. 5–10. Применительно к охарактеризованному ниже «клубу комсомольских активистов» смешиваются границы понятий «близкий к партии» и «неофициальный, т. к. клуб, с одной стороны, был основан на частных инициативе, с другой, используя слово «комсомольский» в названии, придавал себе «окраску» официальности и близости к партии, без чего невозможно было бы его возникновение и деятельность.

2. В 1988 г. переименован в Набережные Челны (первоначальное название).

3. Мокеев был в это время заместителем секретаря комитета комсомола Камской ГЭС в Брежневе (Набережных Челнах). Как ГЭС, так и автозавод названы по названию реки Камы, на которой находится город.

4. Ср. № 9 в документальном приложении.

5. *Евтушенко Е. А.* Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Горбачеву М. С. — *Он же.* Политика — привилегия всех. — М., 1990, с. 33.

6. Ср. БСЭ, т. 8, — М., 1927, с. 271–84.

7. Ср. № 9 в документальном приложении.

8. Эта информация основывается на неопубликованном интервью, которое автор вместе с Беттиной Бранд (Боннский университет) взял у Писигина в Набережных Челнах 1.03.1991.

9. Нижеследующая информация основывается на неопубликованном интервью, которое автор вместе с Беттиной Бранд взял у В. Мокеева в Набережных Челнах 5.3.1991.

10. «Экономика и организация промышленного производства». Этот общественно-политический и научно-теоретический журнал издавался Сибирским отделением АН СССР в Новосибирске.

11. Так в 1983 г. Попов написал статью о критике Лениным бюрократизма, при этом подразумеваемая критику советского бюрократизма более позднего времени, вплоть до 80-х гг. Ср. *Попов Г. Х.*: Ленин о борьбе с бюрократизмом. — «ЭЖО», 1983, № 2, с. 16–36.

12. Ср. также *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы..., с. 83.

13. Фонд Бухарина был основан осенью 1988 г. Председателями стали вдова Бухарина — А. М. Ларина-Бухарина и В. Писигин.

14. Программа конференции была предоставлена автору В. Писигиным.

15. *Писигин В.* Вступительный доклад на конференции о Н. И. Бухарине в Набережных Челнах 24 сентября 1988 г. (Неопубликован). Архив клуба им. Н. И. Бухарина. Тридцатистраничная рукопись была предоставлена автору.

16. Там же.

17. Педагогический институт в Набережных Челнах, названный по реке Каме.

18. С некоторыми из этих докладов удалось ознакомиться в архиве Клуба им. Бухарина. Автор располагает в виде полных рукописей только докладами А. Калачева «Бухарин и вопрос о государстве» и И. Тукаева «Кооперация 20-х гг.», сделанными на конференции в Набережных Челнах в сентябре 1988 г.

19. Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки. Выступление на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1986 г. — М., 1988; Цинко А. С. Размышления о причинах исторической устойчивости кооперации. — «ЭКО», 1987, № 9, с. 3–33; Фигуровская Н. К. К столетию со дня рождения А. В. Чайнова. — «Вопросы экономики», 1988, № 1, с. 52–62; Кабанов В. В. Александр Васильевич Чайнов. — «Вопросы истории», 1988, № 6, с. 146–167.

20. Ср. Писигин В. «Мы видим перед собою путь...». — «Мастерская», 1989, № 8, с. 6.

21. Лошак В. Действующие лица лидеров кооперативного движения, представляющих 5461 кооператив из республик, собрала III межрегиональная кооперативная конференция в Набережных Челнах. — «Московские новости», 1989, 25 января, с. 13.

22. Черниченко А. Новые люди из бывшего Брежнева. — «Литературная газета», 23 мая 1990 г., с. 2.

23. Филопова М. Завещание для настоящего. — «Литературная газета», 29 марта 1989 г., с. 1; Иллеи Э. Премии фонда Бухарина. — «Советская культура», 18 марта 1989 г., с. 2; Цветкова Р. Первые лауреаты. — «Сельская жизнь», 24 августа 1989 г., с. 2; Вручение премий фонда Бухарина... — «Московские новости», 25 марта 1990 г., с. 2

24. В том числе сборник статей и речей Бухарина, в которых он в 1918–1928 гг. обращался к молодежи страны. Ср.: Бухарин Н. И. К молодому поколению. — М., 1990. Кроме того, фонд издал сборник текстов историка Гефтера, неудобного для официальной историографии в 60–70-е гг. Ср.: Гефтер Я. М. Из тех и этих лет. — М., 1991.

25. Ср. Pisigin V. Warum brauchen wir die politische Rehabilitation Bucharins? — *Bergmann Th., Schäfer G.* (Hrsg.) «Liebling der Partei». Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker..., — Hamburg, 1989, S. 19–24. Доклад представляет собой сильно сокращенное и немного измененное по содержанию вступительное слово Писигина на конференции, посвященной Бухарину, в Набережных Челнах в сентябре 1988 г. (Доклад Калачева не публиковался).

26. Иллеи Э. В Бывшем Брежневе. — «Советская культура», 7 июля 1989 г., с. 3; Он же. Президент читает Бухарина. — «Советская культура», 5 ноября 1988 г., с. 5; Афанасьев Н., Карпинский Л., Огородникова М. Мышление без «погон». — «Московские новости», 25 сентября 1988 г., с. 2; Карпинский Л., Мокеев В., Писигин В. Не играйте в бирюльки. — «Московские новости», 9 октября 1988 г., с. 8–9; Корольков И. Самовар «ЭКО» и тысяча вопросов. — «Известия», 26 октября 1988 г.; Панкратов А. Вначале было слово. — «Комсомольская правда», 7 октября 1988 г.

27. № 10 в документальном приложении.

28. Анна Ларина-Бухарина и Юрий Ларин Генеральному секретарю ЦК КПСС т. М. С. Горбачеву от 27 марта 1977 г. — Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1.

29. Анна Ларина-Бухарина Генеральному секретарю ЦК КПСС т. М. С. Горбачеву и в Президиум XXVI съезда КПСС от 17 февраля 1986 г. — Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1–22.

30. Анна Ларина-Бухарина Председателю Верховного Суда СССР т. В. И. Тербилову от 6 апреля 1987 г. — Личный архив Анны Лариной-Бухариной, с. 1.

31. О значении и содержании интервью ср. главу «Восстановление имени Бухарина в печати». См. также: *Медведев Ф.* «Он хотел переделать жизнь, потому что ее любил». — «Огонек», № 48, 1987, с. 26–31.

32. Мемуары вышли не только в Советском Союзе, но и на Западе. Ср. *Ларина-Бухарина А.* Незабываемое. — М., 1988; *Она же.* Nun bin ich schon weit über zwanzig. Erinnerungen. — Göttingen, 1989. Нарисованный здесь образ Бухарина в большой степени совпадает с тем, который представлен в интервью «Огоньку» в 1987 г. Ср. предыдущее примечание.

33. *Larina-Bucharina.* Op. cit., S. 118–130, 298–344; *Bonwetsch B.* Bucharin und der Stalin-Terror. — «Das Parlament», № 41/42, 1989, S. 14. Тем временем историк Фельштинский сумел с помощью опубликованных им документов опровергнуть многие аргументы А. Лариной-Бухариной. Ср. *Фельштинский Ю. Г.* Разговоры с Бухариным. Комментарии к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной). «Незабываемое» с приложениями.

34. *Горелов И. Е.* Николай Бухарин. — М., 1988.

35. *Gurvic-Bucharina S. N.* Das politische Vermächtnis Bucharins. — *Bergmann Th., Schäfer G.* (Hrsg.) «Liebling der Partei». Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker des Sozialismus. — Hamburg, 1989. Парижский доклад Бухарина назывался «фундаментальные проблемы современной “культуры”».

36. *Gurvich-Bucharina.* S. 29.

37. *Виноградов А., Кузьмин.* Письмо без автографа. — «Наш современник», 1990, № 8, с. 148–159. Подробный анализ см. в главе «Сомнения русских националистов».

38. *Гурвич-Бухарина С.* «Опровержение, которое было бы излишне...» — «Коммунист», 1991, № 1, с. 80–84.

39. По поводу «Философских арабесок» ср. *Hedeler W.* Stalin, Trotzki, Bucharin. Studien zum Stalinismus und Alternativen im historischen Prozeß. — Mainz, 1994, S. 166 (прим. 1). Фрагменты «Арабесок» А. Ларина-Бухарина опубликовала уже в 1993 г. Ср. *Бухарин Н. И.* Философских арабески. Диалектические очерки. — «Вопросы философии», 1993, № 6, с. 19–73; ср. также публикацию русского и немецкого изданий «тюремных рукописей»: *Бухарин Н.* Тюремные рукописи. В 2-книгах. Под редакцией Г. А. Бордюгова, предисловие С. Коэна. Кн. 1: Н. И. Бухарин. Социализм и его культура. Публикация С. Н. Гурвич-Бухариной, А. М. Лариной-Бухариной, Ю. Н. Ларина, предисловие Б. Я. Фрезинского. Комментарии О. Л. Сорокиной и М. Ф. Федотовой. — М., 1996. Кн. 2: Н. И. Бухарин. Философские арабески. Публикация С. Н. Гурвич-Бухариной, А. М. Лариной-Бухариной, Ю. Н. Ларина, предисловие А. П. Огурцова, комментарии О. Л. Сорокиной и М. Ф. Федотовой. — М., 1996; *Bucharin N.* Gefängnisschriften. — В., 1996. Автобиографический роман Бухарина был опубликован в 1994 г. Ср. *Бухарин Н.* Времена. Роман. — М., 1994.

40. Публикации писем Бухарина можно найти в: *Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. — М., 1992, с. 465–466 (В данном случае речь идет о прошениях о помиловании, которые Бухарин направлял в 1938 г. в Президиум Верховного Суда СССР); другие письма ср. Прости меня, Коба... Неизвестное письмо Н. Бухарина (публикация *Мурина Ю.*) — «Источник», 1993, № 0, с. 23–25; *Он же.* «Всюду и везде я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности...». Письма Бухарина последних лет. Август–декабрь 1936 г. (публикация *Мурина Ю.*) — «Источник», 1993, № 2, с. 4–18; *Он же.* Последнее письмо И. В. Сталину. — «Родина», 1993, № 2, с. 52–54; *Он же.* Последнее письмо жене. — «Известия», 13 октября 1992; *Он же.* Письма. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 11, с. 42–50.

41. CDU/CSU-Wähler: Gorbatschow besser als Kohl. Spiegel-Umfrage in Moskau und in der Bundesrepublik über Perestroika, über Russen und Deutsche. — «Der Spiegel», 1989, Н. 23, S. 163.

42. Ср. Выставка «Н. И. Бухарин. 1888–1938». Книга отзывов. — М., 1988 г. Архив Музея революции. Книга отзывов не опубликована.

IX. БУХАРИН КАК ОБЪЕКТ СПОРА ПОЛИТИКОВ И УЧЕНЫХ С СЕРЕДИНЫ 1988 ДО 1991 гг.

На исходе 1989 г. в Советском Союзе произошла смена настроений. Перестройка исчерпала свой бонус и её противоречия становились все отчетливее. Это было особенно связано с крахом политики реформ в экономике. Хотя много говорили о социалистической рыночной экономике и конкуренции, желаемая структурная реформа в сфере производства и перераспределение инвестиций в ущерб крупным военно-промышленным комплексам при одновременном содействии малым и средним предприятиям не происходили. Объем промышленного и сельскохозяйственного производства ощутимо снижался. Потребитель видел результаты провала экономических реформ прежде всего на пустых полках магазинов и в постоянном росте цен. Кроме того, западная помощь поступала слишком медленно. Но наряду с экономической политикой обсуждались и другие основные параметры перестройки. При этом произошел раскол сил, поддерживавших реформы, на приверженцев реформы внутри социалистической системы и сторонников перехода к либерализму, плюрализму и рыночному хозяйству (1). Критика существующей системы становилась все громче. В середине 1989 г. бастовавшие шахтеры требовали не только улучшения условий жизни, но и — вполне открыто — отмены однопартийной системы (2). С этим развитием событий было связано заметное «расколдовывание» (Д. Гейер) Ленина и ленинизма как интегральной составной части системы (3). С другой стороны, консервативно и националистически

настроенные группировки, усматривавшие, в частности, в великорусском национализме (и антисемитизме) стабилизирующую функцию, мобилизовались против перестройки (4). Не в последнюю очередь руководству партии приходилось бороться с политическими последствиями усиления стремлений к независимости в отдельных республиках. Эти стремления привели в 1990 г. к первым декларациям о независимости стран Балтии. Прежде всего, значительная часть военного руководства и КГБ видела в необходимом, по их мнению, воспрепятствовании стремлений к автономии в республиках новую сферу задач для военных в качестве компенсации за прогрессирующее разоружение и фактический роспуск Варшавского договора (5).

Наступило существенное отрезвление и в дискуссии вокруг Бухарина. Среди историков, философов, литераторов и журналистов, а также среди политиков разгорелась резкая дискуссия вокруг только что открытого заново «любимца партии». В неё снова включились сотрудники ИМЛ и различных академических институтов, действуя на этот раз, однако, не по поручению руководства соответствующих институтов, тесно сотрудничавших с партаппаратом, а «по собственному почину». Эта дискуссия, которая при поверхностном взгляде касалась «только» значения Бухарина как практика и теоретика в конце 20-х гг., вылилась в конечном счете в спор политических направлений (6). Ниже будут представлены и сопоставлены друг с другом наиболее характерные позиции этих дискуссий. Тем самым в завершение работы предполагается дать обзор реакции различных групп интересов и политических течений, включая советскую историческую науку, на реабилитацию Бухарина, который рассматривался как одна из ключевых фигур, возведенных партией в политический символ и пункт интеграции её политики перестройки.

1. ЗАЯВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ

По данным Бордюгова и Козлова, уже в 1988 г. противники реформы в рамках социалистической системы, прежде всего члены «Демократического союза», не были согласны с разделением больше-

визма на светлую и темную стороны, воплощенные Бухариным и Сталиным (7). Вместо этого они делали все, что было в их силах, чтобы поставить Бухарина на одну доску со Сталиным. Так, во время встречи в Политехническом музее в сентябре 1988 г. по случаю столетия со дня рождения Бухарина, один из сторонников «Демократического союза» назвал Бухарина таким же палачом, как и Сталин (8). Бордюгов и Козлов, считавшие вполне реформируемым социализм, уподобляют это высказывание сходной реакции определенных русских эмигрантских кругов в США на выход книги Коэна в 70-е гг. Как и Коэн, указанные авторы усматривают в этих высказываниях прежде всего опасения названных кругов, что вместе с реабилитацией Бухарина начнется и повышение значимости идей коммунизма (9). Интервью автора данной работы с Ю. Афанасьевым, одним из видных представителей демократически ориентированных сил, подтверждают эту оценку Бордюгова и Козлова. В 1991 г. Афанасьев постоянно подчеркивал общность между Бухариным и Сталиным. Кроме того, он указывал, что Бухарин как защитник однопартийной системы был противником демократизации социалистической системы и не предполагал автономии общественных сил (10).

2. СОМНЕНИЯ СО СТОРОНЫ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Реабилитация Бухарина натолкнулась на неприятие и со стороны националистически, отчасти прямо антисемитски настроенных сил в Советском Союзе, группировавшихся вокруг журналов «Молодая гвардия», «Москва» и «Наш современник» и группирующиеся вокруг них и после основания Российской Федерации. Один из представителей этого направления, историк Ю. Емельянов, подробно комментировал гражданскую реабилитацию Бухарина в своей книге «Заметки о Бухарине», вышедшей весной 1988 г. в издательстве «Молодая гвардия» (11). С одной стороны, он исследует различные этапы восприятия Бухарина с 20-х гг. до перестройки. Исследование западного восприятия Емельянов ограничивает анализом книги Коэна о Бухарине. С другой стороны, автор дает собственную

оценку значения Бухарина в истории Советского Союза. Во введении он замечает, что именно на примере Бухарина особенно четко прослеживается зависимость оценки личности от определенной политической ситуации. Напротив, сам Емельянов, если судить по его высказываниям, претендует на преодоление вневременных, морализаторских суждений о Бухарине ради учета специфики государственного механизма и революционных процессов в России, внимания к конкретно-историческим и социальным условиям (12).

По поводу оценки Бухарина в 20-е гг. Емельянов, основываясь на его биографии в первом издании Большой советской энциклопедии (1926–1947 гг.), приходит к выводу, что значение Бухарина в развитии социалистической теории и его значение в истории партии излагалась преувеличенно положительно (13). 30-е гг., по словам Емельянова, характеризуются искажением образа Бухарина до неузнаваемости (14). В 60–70-е гг. были лишь удалены — бесследно и без объяснения причин — страшные обвинения, выдвигавшиеся против Бухарина во время процесса в марте 1938 г. Политик и теоретик Бухарин оценивался теперь как «авантюрист» и «капитулянт» (15). По мнению автора, восприятие Бухарина, определяемое политическими причинами, продолжается в Советском Союзе после начала перестройки, правда, в обратном смысле:

«Так на новом этапе возрождаются методы психологического давления на общественное сознание, и теперь неважно чувствуют себя те, кто не успел примкнуть к хору ... восхвалений Н. И. Бухарина» (16).

Затем Емельянов упрекает отдельные публикации о Бухарине в 80-е гг. в идеализации и мистификации этой личности (17). Это, по его словам, продиктовано не желанием нарисовать исторически верный образ Бухарина, напротив, предпринимается попытка изобразить его верным ленинцем и в конечном счете приспособить к образу борца за перестройку (18). К тому же, Емельянов констатирует большое влияние книги Коэна на советскую научную литературу. Единственные статьи, которые он не отвергает, вышли из-под пера Бордюгова и Козлова. Он упоминает их безоговорочно положительно (19). Емельянов соглашается прежде всего с их тезисом о том, что в 1928–29 гг. не было альтернативы генеральной линии партии, т. е. форсированной индустриализации и коллективизации. Они, по

словам автора, объясняют конец нэпа не традиционно победой «волюнтаристского курса» Сталина над «трезвой линией» Бухарина, а социально-экономическим кризисом нэпа, причины которого лежали в неверных решениях 1925–1927 гг., принятых политическим руководством во главе со Сталиным и Бухариным, положившимся на автоматизм рыночного функционирования нэпа (20).

Критика Емельяновым восприятия Бухарина в советской науке в большой степени касается самой сути дела. Но, анализируя восприятие Бухарина зарубежными специалистами, Емельянов дисквалифицирует себя, используя сомнительные аргументы. Так, он сомневается в принципиальной возможности иностранца дать верную оценку жизни другой страны, читай России, включая её историю (21).

«Неспособность иностранца видеть чужую землю глазами её обитателей очевидна. Даже восприятие самой природы, окружающей нас, сопряжено не только с десятками личных воспоминаний и ассоциаций, но, прежде всего, зависит от языка, культуры, исторического опыта народа. Умение сосредоточить внимание на одних предметах, видеть детали окружающего мира под определенным ракурсом, сформированное характерными национальными условиями, может разделять местных людей и чужестранца в восприятии физического мира» (22).

Именно отсюда, по мнению Емельянова, и вырастает игнорирование зарубежными историками историко-социального и культурного контекста в жизнеописании политического деятеля (23). В соответствии с этим анализ книги Коэна, данный Емельяновым, оказывается грубым упрощением. Если формулировать заостренно, то его стремление направлено на то, чтобы доказать, что Коэн, зависимый от либеральной и антикоммунистической американской среды, только для того и представляет идею об альтернативе Бухарина Сталину, чтобы внести беспокойство в советское общество и расколоть партию на консерваторов и приверженцев реформ (24). В соответствии с этим он, применяя многочисленные намеки, необоснованно ставит в вину Коэну, что тот изображает Бухарина как тайного ревизиониста, отличавшимся симпатией к гуманистическим, либеральным и демократическим идеям (25). В процессе своего анализа Емельянов разоблачает себя как националистически настро-

енный член КПСС, симпатизирующий и антисемитски настроенному писателю В. Распутину (26).

Отказав международной советологии в праве на существовании (27), Емельянов дает собственную оценку рассматриваемых сюжетов с позиций русского националиста. В этих рамках решающую роль играет нарисованный им образ Ленина, характеризующегося, в отличие от статей сотрудников ИМЛ и академических институтов, не столько его диалектическими способностями, сколько прежде всего подлинно русским способом мышления:

«Особенности ленинского мышления отражали его органичную связь с русской культурной традицией. Именно это позволяло ему видеть общественную жизнь России точно и ясно, сочетать абстрактную теорию с реальностями этой жизни, особенностями русского народа» (28).

В отличие от этого общественное сознание Бухарина формировалось в период явных и глубоких социальных катастроф. В это время разрушалась не только вера в царя, но подвергались сомнению и многие морально-этические принципы и национальная культурная традиция. Все это не могло не усиливать радикально-нигилистических тенденций в молодом поколении революционеров. Это характерно не только для Бухарина, но также для Сталина, Рыкова и Томского (29).

Исходя из различного характера социализации Ленина и Бухарина, Емельянов строит на этом всю свою дальнейшую аргументацию. Радикально-нигилистическое сознание Бухарина проявилось и в его оппозиции Брестскому миру. Внутрипартийная борьба по этому вопросу ясно показала связь между свойственной Бухарину переоценкой роли мировой революции в процессе общественного развития и невнимания к судьбе страны, народа и крестьян. Не случайно Бухарин, столь нигилистически оценивавший в своей полемике с Лениным значение национальной специфики и роль мелкой буржуазии, стал вождем тех, кто был готов пожертвовать Россией и её крестьянами ради мировой революции (30). Подводя итог, Емельянов указывает, что в западных исследованиях распространенная конструкция «бухаринской доктрины» не только означает восстановление значимости того Бухарина, взгляды которого эволюционировали в сторону Ленина, но и повторное применение

философии, характеризовавшейся нигилистическими отношением к русскому народу и его культуре, распространением методов подавления и расстрелов, а также представлением о примате разрушительной стороны в деятельности «железной» партии (31).

Становится ясно, что Емельянов, в отличие от статей сотрудников ИМЛ и академических институтов, стремился всеми средствами сгладить различия между Бухариным и Сталиным. Оба характеризуются как нигилисты, для которых применение силы было легитимным средством власти. Кроме того, Емельянов пытается доказать, что Бухарин пытался теми же средствами, что и Сталин, нейтрализовать своих противников. В доказательство приводится его тайная встреча летом 1928 г. с Каменевым и Сокольниковым (32). Правда, именно в этой связи нельзя избавиться от впечатления, что Емельянов намерен прежде всего изобразить политические средства, к которым прибегал Сталин, как распространенное явление, тем самым преуменьшив их значение.

В конце концов у Емельянова остается одна лишь личность, достойная памяти — Ленин или, лучше сказать, очень специфический образ Ленина. В качестве элемента, определяющего ленинское мышление и действие, называется при этом русская культурная традиция. Правда, обращает на себя внимание то обстоятельство, что Сталин в рамках этого решающего для Емельянова критерия оценки исторической личности получает куда лучшие «отметки», чем Бухарин. Как несомненно положительный подчеркивается тот факт, что Сталин с 1930 г. отошел от «разнузданной» дискредитации русского национального характера и «оскорбления» русской культуры (33). Напротив, Бухарина упрекают в приверженности антирусским, интернационалистским взглядам, направленным против нации и народа.

К этой оценке Бухарина Емельяновым присоединились в августе 1990 г. авторы А. Виноградов и К. Кузьмин в обстоятельном комментарии к предполагаемому письму Бухарина И. Британу (34), опубликованному в 1924 г. в Берлине (35). Они считают соответствующее письмо продолжением многолетнего спора между одним из вождей мировой революции (Бухариным) и русским патриотом, т. е. между представителем космополитов, которым русская революция виделась средством достижения «каких-то» всемирных целей,

и патриотов, для которых с революцией связывалась надежда на подъем России, реализацию её огромных потенциальных возможностей (36). Письмо используется как доказательство того, что Бухарин был противником Ленина и партии, презирал народ, особенно рабочих и крестьян и проводил политику, не соответствовавшую «отечественным» интересам (37). Авторы пробуждают впечатление, будто причины экономических и социальных трудностей, пережитых Советским Союзом в 20-е гг., объясняются систематическим игнорированием и подавлением патриотического сознания интернационалистами настроенными политическими руководителями вроде Бухарина. Как важнейшее различие между Лениным и его «соратником» они приводят свойственную Ленину «любовь к отечеству». В конечном счете авторы усматривают в пренебрежении этими коренными позициями Ленина причину серьезнейших проблем 80-х гг., т. е. констатируемого ими пренебрежения государственным законом и возникающих отсюда экономических трудностей (38).

Хотя, как убедительно доказывает С. Гурвич-Бухарина, письмо Бухарина И. Британу вероятнее всего фальшивка (39), и у статьи отсутствует тем самым какая бы то ни было основа, комментарий Виноградова и Кузьмина в данном случае все же информативен. Они используют письмо и вместе с ним Бухарина, чтобы изложить свои централизованные относительно русской нации, строго авторитарные политические представления. Любая политика и теория, ориентированная на интернационалистские принципы, сразу же попадает под подозрение в направленности против русской нации и народа.

О том, что от таких взглядов — всего лишь маленький шаг до антисемитских выпадов, свидетельствует статья под эффектным и поневоле комичным заголовком «Был ли Бухарин зомби?», появившаяся в журнале «Молодая гвардия в 1993 г., т. е. два года спустя после краха Советского Союза (40). Автор статьи доводит до крайности аргументацию Емельянова, Виноградова и Кузьмина. При этом исходный пункт заключается в том, что Бухарин в начале перестройки был объявлен представителем гуманистической альтернативы «сталинизму». Чтобы опровергнуть это, автор ссылается, во-первых, на Емельянова, который подробно комментировал гражданскую реабилитацию Бухарина в своей книге «Заметки о Бухарине», и во-вторых на «Философскими арабесками», написанные

Бухариным в тюрьме в 1937–38 гг. (41). Василенко с осуждением замечает, что в этом тексте Бухарин вместо того, чтобы, — и это было бы нормально для крупного философа на его, автора, взгляд, — задуматься на пороге смерти о смысле жизни, судьбе человечества, о душе и возникновении мировых религий, стремится лишь доказать свою идеологическую лояльность и в фельетонной манере «вульгарно» критикует Гегеля, Канта и т. д. В качестве предосудительных автор воспринимает характеристики, избранные Бухариным для этих философов, и их оценки: «Ходячие мертвецы, живые трупы, интеллектуальная людская пыль, падение мысли».

Причины философских заблуждений Бухарина автор, впадая в психологизм, видит в его «нервно-психическом складе», т. е. в том, — и здесь автор намеренно цитирует Троцкого и А. Ларину-Бухарину, что он был «мягкий, как воск» и склонен к «истеричности» (42). Отпадение от Бога автоматически означает для Василенко «влечение к темным, низменным сторонам земного существования», т. к. «В течение тысячи лет в центре мировоззрения русского человека находилась православная вера. Она собирала воедино все положительные ориентиры человеческого поведения — совесть, милосердие, уважение к другим людям, почтительное отношение к родителям и старшим, любовь к своему народу и Отечеству» (43).

В дальнейшем автор пытается доказать, что Бухарин, отвергая эти христианские ценности, находил подтверждение прежде всего у Генриха Гейне. Для того же, чтобы дискредитировать Гейне, а вместе с ним и Бухарина, Василенко выстраивает оппозицию между названными христианскими и, соответственно, русскими православными ценностями и «еврейским национальным характером после средневековья» (44). С этой целью сначала обращается особое внимание на еврейское происхождение Гейне, родившегося в еврейской семье в Дюссельдорфе в 1797 г. Он не был, как полагал Бухарин, просто «певцом антихриста». Нет, у поэта, помимо иронии и цинизма по отношению к христианским ценностям был и конструктивный для его личности идеал, а именно служение еврейскому народу. Василенко, и это характерно, подчеркивает, что поэт, «склонный к бурным проявлениям гнева и агрессивности, не просто опровергал оппонента, а безжалостно издевался над ним, стремился

«раздавить», «убить» его с помощью намека, игры слов, афоризма (45). Различие между Гейне и Бухариным автор усматривает в том, что Гейне, критикуя еврейскую интеллигенцию, все же выказывал симпатию к бедным польским евреям, Бухарин же, напротив, в своей полемике против С. Есенина не пощадил и простого русского крестьянина (46). Бухарину даже вменяется в вину участие в ликвидации «лучших сынов русского народа». Он выступал за лишение гражданства «цвета русской интеллигенции» (М. Булгакова (47) и экономиста А. Чайнова) и пытался уничтожить русскую поэзию (С. Есенин), Именно приписываемое Бухарину выступление против русской интеллигенции и особенно его мнимое неприятие русского народа, его нравов и морали, и становится для Василенко решающим критерием, чтобы назвать Бухарина «зомби» (48). Наконец, Бухарину отказывают в праве называться интернационалистом. Автор описывает его позицию как колебание между двумя полюсами: для русского народа и его интеллигенции он знал только уничтожающую критику («руссофобия»), напротив, для еврейского — только похвалу («юдофильство»). Но его симпатия к еврейскому народу характеризуется как вредная для последнего, ибо Бухарин, вопреки «здравому мышлению», считал «национальное самосознание» в принципе излишним (49).

Приведенные работы Емельянова, Виноградова и Кузьмина и Василенко из лагеря русских националистов с прикрытой или откровенной антисемитской ориентацией, направленные против восстановления имени и значимости Бухарина, были вовсе не единичным явлением. Их авторы могли обращаться к критике Бухарина, имевшей приверженцев прежде всего в Союзе писателей. Там любые нападки оправдывались критикой Бухарина в адрес Есенина (50). В вышеприведенных работах особенно часто подхватывались тезисы литературного критика и представителя крайне правых, русского националиста В. Кожина, распространявшего их с 1986 г. прежде всего в журнале «Наш современник» (51). И Ленин предстал в них в качестве того, кто выступал в защиту русского культурного богатства и пытался защищать его от других революционеров. Главный редактор журнала «Вопросы литературы» дошел даже до серьезного обсуждения вопроса о том, был ли Бухарин «партийным террористом» (52). Он нашел поддержку у историка М. Антонова, считавше-

го истинными показания Бухарина на процессе «право-троцкистского блока» о намерении реставрировать капитализм. Сомнений в показаниях Бухарина он не допускает, т. к., по его мнению, не доказано, что они были получены под пыткой (53). Но Антонов в одном отличался от приверженцев национализма: он видел в коллективизации не самое большое преступление советского правительства, а оправдывал сталинскую политику как важную предпосылку, позволившую Советскому Союзу в 40-е гг. защититься от «империалистических хищников» (54).

Крайним вариантом этой неосталинистской, националистически ориентированной, антисемитской критики Бухарина была распространённая в «самиздате» т. н. программа национал-коммунистического крыла движения «Память», резко атаковавшая Бухарина (55). Бухарин представляется здесь «жестоким исполнителем приговора России, её культуры, её традиции и истории» (56). В доказательство приводится «уничтожение гениального Есенина», команду на которое дал Бухарин вместе с Троцким (57). Говоря о значении Бухарина для 80-х гг., авторы обращаются к стихотворению Евтушенко «Вдова Бухарина» (58) и характеризуют его как попытку протиснуться в лагерь приверженцев Бухарина. Наконец, они подчеркивают:

«Евтушенко провозглашает: “Мы из Бухарина родом”. Но мы, русские, родом из Есенина! Поэтому мы и находимся по другую сторону баррикады. Почему? Да потому, что реанимация Бухарина означает новое пробуждение и ужесточение русофобии» (59).

Но широкий интерес, который националисты поначалу продемонстрировали к Бухарину, вскоре иссяк, причем происходило это по мере того, как Бухарин утрачивал популярность в качестве интеграционной фигуры перестройки. После краха Советского Союза нападки переместились на демократически ориентированные лица и силы.

3. РАЗНОГЛАСИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ ВОКРУГ ВНОВЬ ОТКРЫТОГО «ЛЮБИМЦА ПАРТИИ»

В противоположность демократически и националистически ориентированным силам, в общественных науках восстановление значимости Бухарина не обсуждалось исключительно с политической точки зрения. Здесь прилагались все большие усилия по созданию научно обеспеченных позиций и воспроизводимой аргументации. На переднем плане стояли три группы проблем.

Во-первых, речь шла о том, чтобы проанализировать поставленную ИМЛ и академическими институтами проблему возможности поддержки реформы социалистической системы в рамках перестройки посредством перенесения бухаринских теорий экономики и общества 20-х гг.

Во-вторых, на уровне исторической дискуссии разгорелся спор о том, действительно ли в конце 20-х гг. Бухарин мог предложить альтернативу Сталину. В-третьих, статьи Бордюгова и Козлова применялись для того, чтобы проверить роль и позицию историка в условиях перестройки на конкретном предмете исследования и его результате (60).

Именно в вопросе о применимости теорий Бухарина для формирования социалистической системы, на который ещё в 1988 г. ИМЛ и академических институты отвечали единодушным «да», в появившихся с 1989 г. научных статьях наряду с отзвуками всеобщей эйфории по поводу нэпа (61) можно было уже очень скоро ощутить отрезвление — кстати, настоятельно необходимое. Это объяснялось и тем, что дискуссия вокруг теорий Бухарина, как упоминалось, была поставлена на более солидную основу благодаря многочисленным новым публикациям и переизданиям его текстов (62). Теперь был взят под сомнение представленный в 1988 г. ИМЛ и академических институтами тезис о том, что экономические теории Бухарина 20-х гг. применимы для решения экономических проблем перестройки. Теории Бухарина теперь не считались пригодными к перенесению в изменившиеся условия без всяких «но» и «если». Правда, его работы по-прежнему признавались в качестве идейной сокровищницы и основы дискуссии (63). Цакунов и Горинцов сформулировали даже новую социалистическую перспективу

реформ, лежавшую, правда, по ту сторону модели Бухарина. Констатируя коренное противоречие между рыночным нэпом и его целью — плановым, бестоварным социализмом, они считали «теоретически мыслимым», что Ленин однажды разрешил бы это противоречие не с помощью модернизации марксистской доктрины, а посредством её «радикального обновления», т. е. рыночного социализма (64). Тем самым Цакунов и Горинев придерживались, с одной стороны, представления о реформируемости социализма, но, с другой стороны, последовательно подчеркивали исторический элемент нэпа. Только Ленин сохранял видимость универсальности.

Чем больше пробивало себе дорогу понимание того обстоятельства, что актуализация Бухарина не может решить экономические и политические проблемы современности, тем интенсивнее становилась дискуссия о месте Бухарина в советской истории. При этом ученые особенно основательно рассматривали вопрос о том, был ли Бухарин альтернативой Сталину в конце 20-х гг. Дискуссия разворачивалась между позициями, сформулированными академическими институтами и сотрудниками ИМЛ Бордюговым, Козловым и Морозовым в 1988 г. (65). С одной стороны, академические институты представляют точку зрения, согласно которой Бухарин в конце 20-х гг. мог предложить модель экономического и общественного развития, альтернативную сталинской, и его поражение объяснялось только усилением позиций Сталина. С другой стороны, авторы ИМЛ объясняли поражение Бухарина «объективными» социально-экономическими структурными проблемами нэпа, значительную ответственность за возникновение которых несет и он сам.

Большая группа историков и философов заняла позицию однозначной поддержки точки зрения академических институтов, — в том числе и те, которые связывали эту позицию с критикой, подчас резкой, позиции авторов ИМЛ (66). Правда, оценка Бухарина изменилась в той мере, в какой он, как ещё во время гражданской реабилитации, уже не представлялся в трактовке академических институтов полностью безупречным. Прежде всего все более критическому рассмотрению подвергалась его политическая роль.

Философы Л. Гончарук, А. Бутенко и М. Капустин и историки А. Белادي и Т. Краус, снова обстоятельно сравнили концепции Сталина и Бухарина конца 20-х гг. Бухарин рассматривается как

решительный противник сталинского государственного «казарменного социализма», т. е. социализма, в экономическом руководстве которым господствуют командные методы и уравниловка, а в сельском хозяйстве, прежде всего во время коллективизации, господствовал «левый экстремизм» и на уровне политики определяющими характеристиками были строгий централизм и духовный догматизм. Эта модель, считает Гончарук, принципиальным образом отличается от ленинского понимания социализма (67). Правда, Бухарин как политик способствовал формированию культа личности Сталина (68). Бутенко констатирует, что отход Сталина от нэпа был отходом от ленинизма. Напротив, концепцию Бухарина он характеризует как «реальную альтернативу» курсу Сталина (69). С точки зрения Белادي и Крауса бухаринская программа также является последовательным контрпроектом по отношению к Сталину (70). Равным образом и Капустин различает в Бухарине теоретика и политика. Общественно-экономическая концепция Бухарина представлена как «целостная стратегия», требовавшая «строгого, вдумчивого и компетентного научного подхода» (71). Его имя символизирует защиту ленинской концепции социализма от Сталина. К тому же, его политика, представляющая собой «точку зрения гения», в высшей степени актуальна для «эпохи перестройки» (72). Напротив, политическое сотрудничество между Сталиным и Бухариным Капустин в сопроводительном тексте к документальному фильму рассматривает вместе с кинорежиссером К. Андриканисом не столь эйфорически. На основе многочисленных современных киноматериалов, полученных режиссером в киноархиве под Москвой, Бухарин предстает в качестве ключевой фигуры в деле идеологического обеспечения власти Сталина от атак со стороны «левой оппозиции» (73). Историк из Ростова-на-Дону С. А. Кислицын также требует точнее рассмотреть роль Бухарина в формировании «тоталитарного» режима в партии, жертвой которого он сам пал в 1929 г. (74).

Напротив, историк Фельдман из Свердловска рассматривает Бухарина с экономической точки зрения. Он не согласен с тем, что Бордюгов и Козлов считают «форсирование» индустриализации в 1929 г. было делом неизбежным. По его мнению, достаточно было в рамках «объективных возможностей» «ускорения» индустриализации, как предлагал и Бухарин на XV съезде в 1927 г. (75). Другой

историк, Ю. Голанд, расширяет концепцию Фельдмана, анализируя взаимоотношения политических механизмов в советском руководстве при принятии решений с экономическими противоречиями с середины 20-х гг. Сначала он пытается в принципе развенчать тезис о том, что в конце 20-х гг. не было альтернативы пути Сталина. Он указывает, что, как показывает «совокупность исторических фактов», на поворотных пунктах всегда существуют различные альтернативы (76).

В своем последующем анализе исторической ситуации Голанд придает особое значение частному сектору во время нэпа, в котором и видит сердцевину этой экономической политики. Ту решающую точку, после которой развитие страны, по мнению автора, шло в ошибочном направлении, он ставит ещё раньше, чем Фельдман. Он считает, что основные причины экономического кризиса, особенно хлебного кризиса с лета 1927 г., лежали в начавшемся уже в 1926 г. ограничении и финансовом притеснении частного сектора в промышленности и сельском хозяйстве в пользу регулируемой государством программы индустриализации (77). В этом смысле Голанд не согласен с интерпретацией Бордюгова и Козлова, объясняющих хлебный кризис пренебрежением колхозами, т. е. индустриализацией в деревне, и надеждой на частный сектор сельского хозяйства. «Великий перелом» оказывается тем самым не закономерным, обоснованным нэпом, ходом развития, а, напротив, следствием отхода от нэпа со второй половины 20-х гг. под политическим «давлением левых сил» в партии (78). Касаясь вопроса о политической осуществимости сохранения нэпа, автор исходит из того, что существовала сильная группировка приверженцев его продолжения, но она, считает Голанд, упустила возможность открыто выступить против Сталина и на июльском (1928 г.) пленуме ЦК поставить вопрос о его смещении. Когда этот шанс был упущен, время начало работать на Сталина, тем более что введенные чрезвычайные меры против крестьян (конфискация зерна) разрушили психологический климат и сделали недейственным механизм нэпа.

В заключение Голанд обсуждает тезис Бордюгова и Козлова о том, что «великий перелом» 1929 г. был неизбежен и прогрессивен и в соответствии с этим достойны осуждения только методы Сталина, которыми осуществлялся этот перелом (принудительная коллекти-

визации, реквизиция хлеба, переселения, аресты и т. д.). По его мнению, без применения этих методов сталинская политика форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства вовсе не могла быть осуществлена. Противники Сталина, включая и Бухарина, вполне осознавали это, но выступили против чрезвычайных мер только по тактическим соображениям, беря на прицел, однако, всю сталинскую политику (79). Голанд подводит итог:

«Согласиться с утверждением об отсутствии альтернативы сталинской политике — это значит признать неизбежными массовые жертвы этой политики, признав, что без них нельзя было построить социализм» (80).

Наконец, коллектив авторов двухтомного исторического труда «Наше Отечество» подчеркивает исключительно политический аспект поражения группы Бухарина. Авторы указывают, что 1928–29 гг. следует рассматривать прежде всего не с точки зрения того, кто мог предложить лучшую концепцию для решения экономических проблем, — по их мнению, это был, несомненно, Бухарин, — а как время борьбы Сталина за единовластие (81). В этом контексте Бухарин предстает как не имеющий шансов в борьбе против Сталина, т. к. его политико-административная власть была незначительной (82). Дополнительно авторы указывают, что он в конкретной политической борьбе совершил грубые ошибки. Политический конец и Бухарина, и всех т. н. правых объясняется встречей Бухарина в июле 1928 г. с Каменевым, о которой позже узнал Сталин и которую смог использовать в своих целях (83). Отвергается и стратегия, которой придерживался Бухарин в 1928 г., выражая свою критику экономических воззрений Сталина не прямо, а прикрито, например, в опубликованных в том же году в «Правде» «Заметках экономиста». Единственным результатом этой акции стало раннее предупреждение Сталина (84).

Позиция Бордюгова и Козлова не только подвергается серьезной критике, но и получает поддержку. Так, молодой историк из Института истории СССР АН СССР ставит вопрос о реалистичности бухаринской модели 1928–29 гг. При этом Бухарин предстает прежде всего сторонником нормализации рынка, коллективизация же для него, по мнению автора, на втором месте (85). Хотя он и выступал за индустриализацию, но при условии сохранения индивидуального

крестьянского хозяйства. Напротив, Сталин обращал внимание именно на коллективизацию. Исходя из «внутренних противоречий нэпа» и специфических экономических условий страны (недостаток иностранного капитала, слабая внешняя торговля, низкий уровень сельскохозяйственного производства, дефицит промышленных товаров), Горинов характеризует программу Бухарина конца 20-х гг. как нереалистическую и подчеркивает экономическое принуждение к предпринятому Сталиным форсированию индустриализации и коллективизации (86). Соглашаясь с Бордюговым и Козловым, он видит альтернативу Бухарина только в том, что последний настаивал на отказе от применения чрезвычайных мер против крестьян (87). Тем не менее, в отличие от Бордюгова и Козлова, Горинов ставит вопрос о том, почему большинство партии поддержало «антигуманные методы» и «преступления сталинского руководства». Но скорее сомнительно, касается ли сути проблемы его проникнутое морализаторством объяснение с использованием «нравственного релятивизма» значительной части большевиков, их неприятия «общечеловеческих моральных норм» и «абсолютного характера». Более перспективным исследовательским подходом представляется предложенный в 1994 г. Цакуновым анализ доктрины большевиков в 20-е гг. в зависимости от социально-политических и экономико-политических решений, которые предстояло принять (88).

Третий и последний аспект дискуссии о Бухарине среди историков показал, что продолжались размышления об отношении историка к государству и партии. При этом не только высказывалась критика в отношении предшествующего поколения историков, но и имело место осмысление собственных текстов, методов и стереотипов мышления. Речь шла, в частности, о том, в какой степени историки, в 1988 г. по инициативе партийного руководства осуществлявшие гражданскую реабилитацию Бухарина, были зависимы от политической конъюнктуры. Эту сферу проблем затронул в особенности историк Г. П. Гребенник, предприняв попытку с этой перспективы осветить аргументацию, изложенную в статьях Бордюгова и Козлова (89). В своем анализе Гребенник исходит из слов французского историка Марка Блока, рекомендовавшего историку не уподобляться судье, а стремиться только к пониманию. По словам Гребенника, Бордюгов и Козлов вполне следуют этому принципу,

избегая в своих статьях оценочных суждений и осуждения. Их стиль представляет собой призыв к тому, чтобы противопоставить «строгость научной мысли» «исторической публицистике» и «конъюнктурному критицизму», а также «революционной атаке». С другой стороны, по мнению автора, Бордюгов и Козлов, движимые страхом перед «субъективным произволом», в конце концов склонились перед «объективизмом», который сам по себе не защищает от произвола. Их «объективизм», считает Гребенник, ведет в конечном счете к попытке заявить об исключительности реализации сталинской программы и невозможности осуществления альтернативы Бухарина (90).

Интересно, что сами авторы, ставшие объектами критики, в 1991 г. обратились к теме «Историческая наука и политическая конъюнктура», подвергнув критическому рассмотрению и собственные статьи о Бухарине (91). При этом они прямо воспринимали обвинения со стороны Гребенника. Так, Бордюгов и Козлов признают в своей книге, что «их душа не была достаточно тверда», когда они писали о повороте 1929 г. и альтернативе Бухарина. Они совершенно не являются невинными, если говорить о зависимости от политической конъюнктуры и осторожной оценке ситуации. Тогда они оказались жертвой привычки вписывать свои новые представления в распространенные старые схемы. Это прослеживается на примере попыток авторов приспособить результаты своего исторического анализа к старой концепции поступательного развития советского общества, невзирая на преступления сталинской эпохи (92). Причины, по которым их душа «не была достаточно тверда» и старые догмы опасно «водили рукой», заключаются, по их мнению, в механизмах политико-конъюнктурного давления на советских историков (93). В соответствии с этим основная направленность книги заключается в том, чтобы представить себя жертвами этих механизмов, не подчеркивая, однако, что они сами по мере сил пытались освободиться от зависимости.

Аргументация, в соответствии с которой авторы оказываются жертвами политико-конъюнктурного давления, вполне верна, тем более что они как сотрудники ИМЛ были прочно включены в традиционные структуры монополизации истории в интересах партии. Правда, в то же время остается без внимания другой важный аспект

их деятельности — активная поддержка власти, т. е. проводившейся партией политики перестройки. Именно свойственная Бордюгову и Козлову тенденция доказать с помощью истории, что партия и в чрезвычайных исторических условиях всегда принимала необходимые решения, служила прежде всего легитимации притязания партии на то, чтобы оставаться и в 80-е гг. безраздельным центром власти. Такая позиция свидетельствует скорее о том, что Бордюгов и Козлов рассматривали себя как представители новой духовной элиты, боровшейся против «консервативных» течений в партии за её реформирование. Они отнюдь не только вели тактическую игру. Как уже было показано, их точка зрения в 1988–89 гг., в противоположность точке зрения академических институтов, ничем не отличалась от позиции, которую Горбачев сформулировал в своей речи, посвященной 70-летней годовщине Октябрьской революции, хотя она была сформулирована тоньше и могла создать впечатление «объективности» (94). Бордюгов и Козлов даже показали своими статьями о Бухарине, написанными в 1988–89 гг., что они были первыми и единственными, кто понял: реабилитация Бухарина означает не только повторение попытки построения смешанной планово-рыночной экономики (нэпа) в более благоприятных общественных, политических и экономических условиях 80-х гг., но и является указующим жестом партийного руководства — не трогать 6-ю статью конституции, закреплявшую однопартийную систему (95). И действительно, Бухарин на протяжении всей своей политической карьеры не сомневался в правильности этой системы.

Но Бордюгов и Козлов косвенно критикуют свою деятельность в 1988–89 гг. как активное «служение» (Б. Бонвеч) партии, недвусмысленно подчеркивая уже в 1991 г. в рукописи книги «История и конъюнктура», что задача историка — обрести «профессиональную автономию» (96). Исходя из этих предпосылок и, конечно, под впечатлением разнообразной критики их статей, историки осмысливают центральные догмы, лежавшие в основе оценки советской истории и сохранявшие значимость и на пике перестройки. Им бросается в глаза тот факт, что и для них взгляды Ленина были абсолютными и универсальными и представляли собой неоспоримый критерий оценки верности действий того или иного политика (97). Они охарактеризовали также как устаревшую концепцию

поступательного развития советского общества к социализму (98). Они больше не руководствовались принципом, в соответствии с которым при всех обстоятельствах надлежало изображать КПСС в качестве единственного законного носителя власти. Кроме того, диалог с зарубежными историками рассматривается как плодотворный и необходимый (99). Не в последнюю очередь заметно возросло знание авторами источников, как явствует из цитированных материалов.

В целом все сказанное приводит к изменению оценки авторами значения и роли Бухарина. Его поражение в 1928–29 гг. не объясняется больше недостатком диалектики в его теории или сложным положением, ответственность за возникновение которого несет и Бухарин, а рассматривается в рамках экономических и политических взаимоотношений. Форсированный Сталиным и поддержанный партией путь также не рассматривался больше как необходимый для построения социализма, считаясь особенно «варварским» вариантом модернизации общества (100). Правда, в этой связи Бордюгов и Козлов снова пытаются доказать, что в конце 20-х гг. альтернативы административно-командной системе не было и группа Бухарина после 1927 г. не могла выйти из механизмов создания этой системы. Существовало лишь две возможности развития административно-командной системы, а именно «репрессивный», «чрезвычайный» государственный социализм в духе Сталина и «нормальный» государственный социализм, представителями которого были Бухарин, Рыков и Томский. Правда, последним не удалось собрать вокруг себя достаточно сил, чтобы придать относительно цивилизованный внешний облик административно-командной системе. Это сделал только Хрущев (101).

Другим следствием изменения угла зрения у Бордюгова и Козлова стала оценка развернувшейся с 1987 г. дискуссии об альтернативах историческим событиям в Советском Союзе (в особенности с середины до конца 20-х гг.) как показателя политизации науки или открытой пропаганды в пользу перестройки (102). В этой связи предпринимались многочисленные попытки учиться у «школы прошлого», которой на деле вовсе не существовало. Так, по мнению Бордюгова и Козлова, с самого начала в ней исходили из существования альтернативы Бухарина, хотя де-факто она была результатом

веры, а не знания (103). В соответствии со старой логикой «сталинской школы фальсификаций» просто «заменяли старых, плохих учеников новыми». За дискредитацией Сталина последовала идеализация ряда исторических фигур, например, Бухарина (104). Для сторонников перестройки в рядах историков, большинство которых продумывало реальную возможность обновления социализма в рамках социалистического выбора типичным было намерение идеализировать Бухарина. Бордюгов и Козлов описывают эту тенденцию, подводя итог, явно касающийся бухаринской эйфории: чтобы можно было в будущем верить в альтернативы, на этой фазе были психологически важны альтернативы в прошлом (105). Тем самым они характеризуют избранное академическими институтами в 1988–89 гг. изображение Бухарина в качестве символа антисталинизма как следствие давления политической конъюнктуры.

С резким прекращением существования Советского Союза в августе 1991 г. дискуссии среди историков, представленные здесь на определенном примере, разумеется, не были закончены. Изменились лишь внешние условия. Историкам не приходилось теперь доказывать способность двигаться независимо от рамок, поставленных советской системой, хотя уже с 1987 г. наблюдались многообещающие подходы к смене привычных стереотипов мышления. Скорее историкам приходилось считаться с быстрым снижением их значимости в новой системе власти. Это выразилось прежде всего в недостаточном государственном финансировании научной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Hildermeier M.* Revolution und Revolutionsgeschichte. — *Geyer.* Umbewertung..., S. 32.

2. *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms, p. 211 ff.

3. *Ennker D.* Ende des Mythos? Lenin in der Kontroverse. — *Geyer.* Umbewertung..., S. 54–73.

4. Ср. подборку документов: *Trepper H.* Der Sozialismus und das Vaterland sind in Gefahr! — «Osteuropa», 1990, № 7, A 390.

5. *Schröder H.-H.* Vormalige Säulen der Macht. Streitkräfte und KGB. — «Blätter für deutsche und internationale Politik», 1991, № 10, S. 1181.

6. Такому развитию событий способствовало еще и то обстоятельство, что важные архивные материалы, которые обещали облегчить серьезную историческую оценку

Бухарина и тем самым затруднить его использование в политических целях, раскрывались крайне медленно.

7. Демократический союз был первой оппозиционной партией, возникшей в 1989 г. путем самопровозглашения. Он организовывал первые большие демонстрации в Москве. Со стороны официальных СМИ против него велась жесткая полемика. Ср.: *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы. Кто есть кто? с. 226–251; *Tolz V., Starr F.* The USSR's Emerging Multiparty System. — L., 1990, p. 56–60.

8. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 54.

9. Там же, с. 55; *Козн.* Бухарин. Политическая биография. С.22.

10. *Афанасьев Ю. Н.* Интервью с автором 20.2.1991, неопубликованное. Афанасьев курировал с советской стороны настоящую работу во время моих командировок в Москву в сентябре 1990 — июле 1991 гг., сентябре — декабре 1991 г. и сентябре — ноябре 1992 г.

11. *Емельянов Ю. В.* Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. — М., 1989.

12. Там же, с. 10.

13. Там же, с. 12, 38. Ср. БСЭ, т. 8, с. 271–84.

14. *Емельянов Ю. В.* Заметки..., с. 38.

15. Там же, с. 35.

16. Там же, с. 95. Емельянов приводит высказывание Е. Евтушенко, в соответствии с которым те, кто критикуют Бухарина, являются врагами перестройки.

17. Там же, с. 305.

18. Там же, с. 95.

19. Там же, с. 96, 99. Ср. также с. 268, 274. Емельянов цитирует следующие статьи Бордюгова и Козлова: Николай Бухарин. «Эпизоды политической биографии»; «Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина»; «Время трудных вопросов. История 20–30-х гг. и современная общественная мысль». Ср. по этому поводу главу «Роль и стратегия аргументации партийных институтов».

20. Емельянов. Заметки..., с. 41.

21. Там же, с. 99.

22. Там же, с. 41.

23. Там же, с. 43.

24. Там же, с. 71 и сл., 83 и сл., 305.

25. Ср. с. 132, 226 и 305.

26. Там же, с. 71.

27. Кроме того, Емельянов характеризует американскую советологию как придаток секретных служб США. Ср. там же, с. 84, 86.

28. Там же, с. 140 и сл. С понятием культурной традиции Емельянов связывает т. н. критических реалистов, в том числе Гоголя и Достоевского, а также режиссера и основателя психологического реализма в театре К. С. Станиславского, драматурга А. П. Чехова, живописца И. Е. Репина, композитора П. И. Чайковского и др. Ср. там же, с. 141 и сл.

29. Там же, с. 142 и сл.

30. Там же, с. 193, 201 и сл. По поводу отдельных пунктов изображения Бухарина Емельяновым см. рецензию *Морозова Л. Ф.* Когда старое мешает новому. — «Вопросы истории КПСС», 1990, № 8, с. 121.

31. Емельянов. Заметки..., с. 305 и сл.

32. Там же, с. 265.

33. Там же, с. 275.

34. И. Британ (1895–1945) — писатель и поэт. В 1920–21 депутат Моссовета, лидер группы беспартийных. В 1922 г. был с большой группой интеллигенции выслан из

страны. Ср. *Гурвич-Бухарина С.* «Опровержение, которое было бы излишне...» — «Коммунист», 1991, № 1, с. 82–83.

35. *Виноградов А., Кузьмин.* Письмо без автографа. — «Наш современник», 1990, № 8, с. 148–151. Само письмо опубликовано на с. 152–159.

36. Там же, с. 148.

37. Там же, с. 148, 150 (против Ленина), 149 (против народа), 150 (против отечества).

38. Там же, с. 151.

39. *Гурвич-Бухарина С.* «Опровержение...», с. 80–84.

40. *Василенко А.* Был ли Николай Бухарин зомби? — «Молодая гвардия», 1993, № 11–12, с. 154–162.

41. Ср. *Бухарин Н. И.* Философских арабески. Диалектические очерки. — «Вопросы философии», 1993, № 6, с. 19–73

42. *Василенко А.* Был ли..., с. 155 и сл.

43. Там же, с. 156.

44. В этой связи он, в отличие от других упомянутых авторов из лагеря русских националистов, даже отвергает марксизм. Достаточным обоснованием этому служит еврейское происхождение Маркса. Там же, с. 157.

45. Там же, с. 158.

46. Там же, с. 158 и сл.

47. Булгаков М. А. (1891–1940) — русский советский писатель.

48. *Василенко А.* Был ли..., с. 161. Разумеется, слово зомби, напоминающее о фильмах ужасов, здесь совсем не к месту.

49. Там же, с. 161 и сл.

50. В этой связи следует особо подчеркнуть статью *Максимов Ю.* Ретушь трагедии? — «Литературная газета», 6 апреля 1988, с. 11.

51. *Кожин В.* Уроки истории. О ленинской концепции национальной культуры. — «Москва», 1986, № 11, с. 183–198; *Он же.* «Мы меняемся»? Poleмические заметки о культуре, жизни и «литдеятелях». — «Наш современник», 1987, № 10, с. 169–174; *Он же.* Самая большая опасность. — «Наш современник», 1989, № 1, с. 151–57. По поводу отдельных тезисов Кожина в контексте исторической дискуссии ср. *Laqueur W.* Abrechnung im Zeichen von Glasnost. — München, 1990, S. 170–71 320–334; *Davies.* Perestroika..., S. 38 f.

52. Ср.: Мнения и сомнения. — «Литературная газета», 1988, № 4, с. 3.

53. *Антонов М.* Несуществующие люди. — «Наш современник», 1989, № 2, с. 39.

54. Там же, с. 32 и сл.

55. Ср. документацию: *Hielscher K.* Die «Pamjat»-Bewegung in der Sowjetunion. — «Osteuropa»; 1990, № 3, A 137–149; *Hielscher K.* Auf der Suche nach Sündenböcken. Rechts-extremismus und Antisemitismus in der russischen Publizistik. — «Neue Gesellschaft (Frankfurter Hefte)», 1989, H. 11, S. 1011–1017.

56. *Hielscher K.* Die «Pamjat»-Bewegung..., A 145. *Гурвич-Бухарина С.* «Опровержение...», с. 80–84. Ср. также главу «Поддержка политики реабилитации родственниками Бухарина»; *Василенко А.* Был ли Николай Бухарин зомби?, с. 154–162.

57. Там же.

58. *Евтушенко Е.* «Вдова Бухарина». — «Известия», 25 марта 1988 г.

59. *Hielscher K.* Die «Pamjat»-Bewegung..., S. 145 f.

60. Прежде всего в 1986–87 гг. имела место дискуссия о новой роли историка в условиях перестройки (ср. в этой связи сборник *Meyer H.* (Hrsg.) Wir brauchen die Wahrheit. Geschichtsdiskussion in der Sowjetunion. — Köln, 1989), цели которой часто не реализовы-

вались в работе из-за политической вовлеченности историков. Ср. в этой связи *Bonwetsch B.* «Nur vorwärts und vorwärts?». Die «Umgestaltung» in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. — «Osteuropa», 1988, № 6, S. 457–68.

61. *Müller E.* Blick zurück im Zorn?! Bürgerkrieg, Kriegskommunismus und Neue Ökonomische Politik. — *Geyer.* Umbewertung..., S. 95–102.

62. В библиографии в приложении приводится часть публикаций.

63. *Капустин М.* Конец утопии? С.205.

64. Изложено по: *Müller E.* Blick zurück im Zorn?! Bürgerkrieg, Kriegskommunismus und Neue Ökonomische Politik. — *Geyer.* Umbewertung..., S. 98; ср. также *Горинов М. М. Цакунов С. В.* Ленинская концепция нэпа. Становление и развитие. — «Вопросы истории», 1990, № 4, с. 26.

65. См. также *Клямкин И. М.* Была ли альтернатива административной системе? — «Политическое образование», 1988, № 10, с. 56.

66. Критике подвергалась прежде всего статья: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина. — «Вопросы истории КПСС», 1988, № 8, с. 15–33

67. *Гончарук Л. А.* Концепция социализма Н. И. Бухарина. — «Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм». 1989, № 10, с. 79, 84.

68. Там же, с. 86.

69. *Бутенко А. П.* Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. — Л., 1990, с. 143 и сл.

70. *Белادي А., Краус Т.* Сталин. — М., 1990, 158 и сл.

71. *Капустин М.* Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. — М., 1990, с. 196 и сл.

72. Там же, с. 205.

73. Н. Бухарин. Документальный фильм. Режиссер-постановщик Е. Андриканис. Мосфильм, 1988.

74. *Кислицын С. А.* Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП (б) с так называемым «правым уклоном». Вопросы истории и историографии, с. 20.

75. *Фельдман М. А.* Заметки по поводу статьи «Поворот 1929 г. и альтернатива Бухарина». — «Вопросы истории КПСС», 1989, № 7, с. 26 и сл.

76. *Голанд Ю.* Что предшествовало «великому перелому» 1929 года. — «Политическое образование», 1989, № 8, с. 74.

77. Там же, с. 74, 77. Тем самым, по мнению Голанда, произошел отход от принятой в 1925 г. концепции, в соответствии с которой индустриализация возможна только на основе роста сельского хозяйства. Скорее усилилась тенденция к осуществлению индустриализации на основе замедления сельскохозяйственного производства.

78. Там же, с. 75. Голанд выступает здесь прежде всего против статьи И. Клямкина «Была ли альтернатива административной системе?», с. 56. Позицию, сравнимую с той, что представляет Голанд, защищает и историк Гребенник. Ср.: *Гребенник Г. П.* А все-таки альтернатива была. К вопросу о повороте 1929 г.». Статья не была опубликована, а в конце 1988 г. послана в журнал «Вопросы истории». Соответствующие фрагменты опубликованы в: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 133 и сл.

79. *Голанд*, с. 77. Тем самым Голанд недвусмысленно выступает против аргументации Бордюгова и Козлова, в соответствии с которой альтернативу группы Бухарина следует видеть лишь в неприятии ею чрезвычайных мер.

80. Там же, с. 78.

81. *Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И.* и др. Наше отечество. Часть II. — М., 1991, с. 255.

82. Там же, с. 240–243.
83. Там же, с. 243.
84. Там же, с. 247. Ср.: *Бухарин Н.* Заметки экономиста. — «ЭКО», 1988, № 8, с. 55–81.
85. *Горинов М. М.* Альтернативы и кризисы в период нэпа. К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е гг. — «Вопросы истории КПСС», 1990, № 1, с. 14 и сл.
86. Там же, с. 17. В более поздней статье Горинов еще раз обстоятельно исследует кризисы нэпа 1923, 1925, 1927 и 1928–29 гг., не уделяя, однако, особого внимания Бухарину и вновь подчеркивает экономическое принуждение к форсированной индустриализации и коллективизации. Ср.: *Горинов М. М.* Советская страна в конце 20-х — начале 30-х годов. — «Вопросы истории», 1990, № 11, с. 31–47.
87. Ср. в этой связи прежние высказывания Горинова на конференциях, когда он однозначно подчеркивал, что сталинскую революцию сверху следует характеризовать не как субъективный произвол, а как «закономерное следствие» обострения противоречий нэпа». Ср.: *Сидоров А. В.* Внутрипартийные разногласия конца 20-х годов. Современный взгляд». — «Вопросы истории КПСС», 1989, № 10, с. 154; Экономика и политика в уроках «великого перелома». — «Коммунист», 1989, № 5, с. 98 и сл.
88. *Цакунов С. В.* В лабиринте..., — М., 1994. В связи с этой работой стало ясно, что спор о значении Бухарина как практика и теоретика нэпа ни в коем случае не может считаться окончанным. Остаются открытыми еще многие вопросы, которые могут быть выяснены только в результате интенсивной работы в архивах.
89. Ср.: *Гребенник Г. П.* А все-таки альтернатива была. Использованные цитаты опубликованы в: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 124 и сл.
90. Там же, с. 124; *Блок М.* Апология истории. — М., 1986, с. 82.
91. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. Рукопись этой книги была подготовлена уже в июне 1991 г., т. е. до краха Советского Союза, почему книга может еще рассматриваться в контексте системы.
92. Там же, с. 124.
93. Там же, с. 4.
94. Ср. также главу «Роль партийных институтов», в которой удалось показать, что Бордюгову и Козлову в 1988–89 гг. не удалось избежать упреков в консерватизме.
95. Ср. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура, с. 51.
96. Там же, с. 4.
97. Там же, с. 51.
98. Там же, с. 124.
99. Там же, с. 53.
100. Там же, с. 133 и сл.
101. Там же, с. 128.
102. Этот упрек адресуется прежде всего историкам из академических институтов. Ср. главу «Восстановление значения Бухарина академическими институтами».
103. Бордюгов и Козлов обоснованно указывают, что эти дискуссии шли не на основе фактов (документов), в чем видят дополнительное доказательство политизации исторической дискуссии. Там же, с. 55.
104. Там же, с. 53 и сл.
105. Там же, с. 56.

Х. ФУНКЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ БУХАРИНА

Настоящая работа подтверждает результат исследований утрехтского историка ван Гудевера, состоящий в том, что реабилитации в Советском Союзе представляют собой в принципе политическое, а не юридическое или, тем более, морально-этическое явление.

Но применительно к 50–60-м гг. ван Гудевер смог из-за недостатка источников показать лишь воздействие этой политической функции реабилитаций, заключавшееся в том, что в 1953–1986 гг. в Советском Союзе реабилитировались, за редкими исключениями, только верные сталинцы, арестованные под предлогом оппозиционной деятельности, тогда как действительные бывшие внутрипартийные оппозиционеры исключались из этого процесса.

В результате представившейся в период перестройки возможности установить контакт с историками, неформальными группами и родственниками репрессированных, а также благодаря открытию архивов после краха Советского Союза в предлагаемой работе оказалось возможным частично модифицировать и конкретизировать подход ван Гудевера. Материалы, впервые ставшие доступными в процессе её подготовки, позволили по-новому подойти к теме реабилитации. Вместо того, чтобы руководствоваться методом аналогий (СССР / Чехословакия), к которому ван Гудевер прибегал из-за недостатка источников, стал возможен прямой доступ к ним. При этом на примере личности Бухарина феномен реабилитации рассматривался на трех уровнях:

1. Возможность составить представление об официальной и скрытой от общественности политике реабилитации.
2. Изображение общественно-политического воздействия.
3. Оценка исторической науки как посредника между официальным и общественным уровнями.

В процессе расширения подхода ван Гудевера и отмежевания от него в том, что касается рассмотрения бывших внутрипартийных оппозиционеров, возникла следующая картина.

Усилия по реабилитации Николая Бухарина имеют в Советском Союзе почти сорокалетнюю историю, начавшуюся со смертью Сталина в марте 1953 г. и закончившуюся с крахом Советского Союза в августе 1991 г. На протяжении этого периода различаются в основном два периода обращения властей к личности политика и теоретика Бухарина и вопросу о его реабилитации. Первый период — от XX съезда КПСС (1956 г.) до смещения Н. С. Хрущева (1964 г.). Он характеризовался кампанией по десталинизации, проводившейся руководством партии. Второй период начинается в 1987 г. и заканчивается в августе 1991 г. путчем части партийного и государственного аппарата, поддержанной военными и спецслужбами. Его определяющим элементом была политика перестройки, проводившаяся М. С. Горбачевым. Оба периода отделены друг от друга временем Брежнева, когда политика реабилитации была заморожена и больше не играла роли в общественной жизни. Правда, и в это время родственники Бухарина, затронутые наложенным на него табу, пытались добиться восстановления его «честного имени», хотя и безуспешно.

Благодаря открытию материалов, предназначавшихся для служебного пользования, удалось впервые доказать, что уже в эру Хрущева велись серьезные дискуссии о реабилитации бывших внутрипартийных оппозиционеров, причем в контексте XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов. Два импульса побудили тогда партийное руководство задуматься о реабилитации Бухарина и других внутрипартийных оппозиционеров. Первый (1956 г.) имел структурную, второй (1961 г.) — политическую природу. Важнейшим сторонником формальной реабилитации был в 1956 г. Генеральный прокурор Руденко. Он выступал за включение бывших внутрипартийных оппозиционеров в процесс реабилитации жертв репрессий 30-х гг. Позиция Руденко подкреплялась тем, что партийное и государственное руководство после смерти Сталина реагировало на совершенные в прошлом нарушения законности важным структурным изменением, т. е. демонстративным повышением значимости государственно-правовых принципов. Применительно к «право-троцкистскому блоку» Руденко подчеркнул свою позицию обоснованным юридическим заключением, которое по его распоряжению было подготовлено в апреле 1956 г. для комиссии по реабилитации во главе с Молотовым. В этих рамках Прокуратура СССР установила, что все

политические процессы, в том числе против «право-троцкистского блока», были сфальсифицированы НКВД (1). Секретный доклад Хрущева на XX съезде представлял собой политический ответ на эти результаты. Он представлял собой попытку канализировать ожидавшуюся общественную реакцию на ставшую очевидно необходимой массовую реабилитацию лиц, осужденных по внутривнутриполитическим мотивам, и в то же время дать партии стереотип объяснения репрессий. Бухарин не считался теперь, как после 1938 г., преступником и террористом, а вместе с теми, кто был осужден в годы правления Сталина только под предлогом оппозиционной деятельности, и действительными бывшими внутривнутрипартийными оппозиционерами 20-х гг., рассматривался как жертва проведенных в 30-е гг. мероприятий Сталина и послушных ему спецслужб, оценивавшихся теперь как неоправданные. В этих рамках Бухарин и другие оппозиционеры, например, Рыков, Томский, Зиновьев и Каменев (за исключением Троцкого), были формально реабилитированы как жертвы репрессий. В восстановлении же значимости их идей и теорий Хрущев недвусмысленно отказал.

Факт состоявшейся все-таки формальной реабилитации объясняется внутри- и внешнеполитическими волнениями, вызванными XX съездом. В Венгрии и Польше произошли восстания, в СССР и за границей задавались критические вопросы об ответственности сталинского Политбюро за террор. Следствием было вытеснение государственно-правовой аргументации реабилитации бывшей внутривнутрипартийной оппозиции политико-прагматическими соображениями. В конце 1956 г. комиссия Молотова констатировала, что нет оснований для возобновления процессов внутривнутрипартийной оппозиции, т. к. она вела в прошлом антисоветскую борьбу.

Несмотря на негативное заключение комиссии Молотова, в 1961 г. все же имела место тщательно сохранявшаяся в тайне и очень обстоятельно подготовленная вторая попытка реабилитации оппозиции. На этот раз реабилитация форсировалась Председателем Комитета партийного контроля Шверником, который в то же время был председателем вновь созданной комиссии по реабилитации. В неё вновь входил Генеральный прокурор Руденко. В заключениях 1961 и 1963 гг. о «право-троцкистском блоке» эта комиссия предлагала не только формальную, но и политическую реабилитацию. Правда, при этом комиссия Шверника использовала искусственный прием, утверждая, что, хотя оппозиция и вела на протяжении многих лет антисоветскую борьбу, но примерно с 1930 г. публично признали «ошибки», снова присоединившись к гене-

ральной линии партии. Тем самым её члены должны были быть, в качестве раскаявшихся оппозиционеров, снова интегрированы в партию. Но реабилитация была отсрочена и на этот раз. Видным её противником был директор ИМЛ и доверенное лицо Хрущева — партийный идеолог Поспелов. Он боялся, что берущие начало в 20-х гг. идеи и теории внутрипартийной оппозиции могут быть заново высоко оценены в стране и в международном масштабе.

Тем не менее заключения комиссии Шверника достигли своей цели. Они были первоначально направлены на то, чтобы дать партийной и правительственной элите, включая КГБ, несомненное доказательство роли Сталина как закулисного организатора нарушений законности, в том числе попыток (2). Таким образом, они внесли существенный вклад в демонтаж Сталина, не отягощая этим партию. Этот факт позволяет утверждать, что заключения прежде всего послужили Хрущеву инструментом для повторного обеспечения согласия партийной и правительственной элиты со своей линией, заключавшейся в сохранении сталинской системы и придании ей цивилизованного внешнего облика и недопущении дискуссии о возможных альтернативах. В соответствии с этим гражданская реабилитация внутрипартийных оппозиционеров не планировалась, что было продиктовано стремлением избежать любой символической поддержки «сторонников бурной десталинизации» (В. Леонхард).

Но от общественности не осталась полностью скрытой позиция комиссии Шверника, заключавшаяся в том, чтобы, продолжая осуждать оппозиционеров за идеи, которые они представляли в 20-е гг., как уклонистов от генеральной линии партии, рекомендовать их реинтеграцию в партию ввиду их раскаяния в начале 30-х гг. Эта позиция отныне составляла ориентир для официальных исторических трудов. Так, в 1964 г. в «Советской исторической энциклопедии» Бухарин был назван одним из тех, кто на протяжении многих лет вел антисоветскую борьбу, но в то же время подчеркивалось, что он сам позже признал эту позицию как ошибочную, с 1930 г. снова присоединившись к генеральной линии партии. Эта осторожная оценка внутрипартийной оппозиции руководством партии вызывала лишь отдельное сопротивление. Во влиятельных институтах общественных наук существовало немало ученых, не желавших принять политически мотивированное осуждение внутрипартийной оппозиции 20-х гг. и наложенные на неё табу. Предпринимались попытки получить доступ в архивы и публиковать статьи в научных журналах. На партийных собраниях и конференциях историков звучали

отдельные критические вопросы. Правда, эти тенденции максимально быстро «корректировались» и подавлялись партийным руководством или характеризовались как не соответствовавшие политическим условиям.

Напротив, родственники Бухарина проявляли значительную готовность к компромиссу, когда речь шла о месте Бухарина в советской истории. Тем не менее, они решительно боролись против какого бы то ни было следования в сталинской терминологии и настаивали на том, что Бухарин при всех «ошибках» был близким доверенным лицом Ленина, под влиянием которого вновь и вновь подчинялся линии партии. Кроме того, они боролись и за его гражданскую реабилитацию — не в последнюю очередь для того, чтобы улучшить собственные условия жизни и труда, на которых по-прежнему весьма отрицательно сказывалось юридическое и политическое осуждение Бухарина. Правда, партийное руководство не удовлетворило официально ни одно из этих требований, но стремилось к неформальной компенсации, предоставляя, например, квартиры, привилегированную медицинскую помощь и устраняя сложности в сфере труда.

С началом перестройки в 80-е гг. произошел, наконец, поворот в политике реабилитации. Горбачев подхватил нить там, где она была оборвана в 60-е гг., заговорив о бывших внутрипартийных оппозиционерах. Теперь, в отличие от эпохи Хрущева, Бухарин играл выдающуюся роль. Вместе с Лениным он был превращен в ведущую фигуру перестройки. Ленин считался «дедом», Бухарин — «отцом» реформ Горбачева (3). В условиях широкого консенсуса партийного руководства, ИМЛ, академических институтов и даже родственников Бухарина и иностранных ученых он стал символом возможности реформирования социализма, присущей самой системе, в особенности же возможности реформирования социалистической экономической системы. С помощью Бухарина заново обсуждались концепции и идеи 20-х гг., которые должны были послужить реализации основных идей перестройки, т. е. реализации перехода к рыночным отношениям и создания социализма с «человеческим лицом». Реабилитация Бухарина, ориентированная на экономические цели (4), обнаруживала тем самым большое сходство с последовавшим уже в 1980 г. в Китае открытием Бухарина заново (5).

В прочтении партийного руководства и непосредственно подчиненных ему институтов и учебных заведений, занимавшихся общественными науками, актуализация экономических теорий Бухарина

означала, правда, их отрыв от исторического контекста. Оценка его роли в советской истории не была значительно изменена. Напротив, она содержала немалую дозу консерватизма, обнаруживая большое сходство со стереотипами мышления 50–60-х гг. Так, приверженность Бухарина в конце 20-х гг. к использовавшимся именно в целях перестройки теориям и концепциям, считалась в историческом контексте недialeктической и догматической, т. е. не соответствовавшей «реальным» условиям времени. Преимущество этой интерпретации заключалось в том, что решение партии в пользу сталинского пути административно форсированной индустриализации и коллективизации в 1928–29 гг. не приходилось подвергать критическому пересмотру, и только репрессии и следствия коллективизации могли истолковываться как отклонение от принципиально правильного пути построения социализма. Следовательно, сталинизация партии не должна была быть темой исследования в связи с Бухариным. Наблюдалось стремление сконцентрироваться на «современном» решении проблем, не разрушая историческую легитимацию партии.

Следующая характерная для времени перестройки тенденция заключается в превращении Бухарина в либеральную альтернативу внутренней и внешней политике и экономическому курсу Сталина. Она развивалась, однако, в значительной степени независимо от официальной научной и политической линии и была следствием стихийно возникшего интереса к советскому прошлому, активно поддерживавшегося с конца 1986 г. литераторами, деятелями кино и журналистами. Бухарина представляли, — особенно М. Шатров и А. Ларина-Бухарина с конца 1987 г., — как защитника и продолжателя ленинского наследия, выступавшего с этой позиции как против Троцкого, так и против Сталина.

Инициированная партийным руководством кампания по реабилитации и идеализации Бухарина в целом возымела действие. Личность Бухарина была принята широкими кругами населения как интегрирующая фигура перестройки. Только когда в 1988 г. «дискуссия о прошлом превратилась в дискуссию о будущем» (Р. Дэвис), сначала в среде специалистов стали множиться голоса тех, кто при всех симпатиях к перестройке не был намерен щадить партию: В. Данилов и С. Красильников, сотрудники академических институтов, не только обвиняли партию в тяжелой ошибке — подчинении в прошлом политике Сталина и отходе от представлявшейся Бухариным концепции нэпа, но и доходили в своей аргументации до утверждения о существовании бухаринской (или троцкистской) альтернативы, которая, будь она воспринята

партией, имела бы следствием иную, нежели модифицированная сталинская, систему (6).

Бухаринский бум спал столь же быстро, сколь и был создан политическим руководством. Уже с середины 1989 г. в обстановке экономических трудностей в Советском Союзе стало ясно, что с помощью обращения к Бухарину и нэпу нельзя ни преодолеть сопротивления аппарата реформам, ни справиться со сложным экономическим положением страны и противоречивой динамикой общественного развития. В этой ситуации националистические, отчасти прямо антисемитски настроенные силы внутри и вне КПСС мобилизовались против Бухарина. На их взгляд, восстановление его значимости за счет Сталина зашло слишком далеко. Далеко идущая либерализация в экономике и политике, в качестве символа которых партийное руководство использовало Бухарина, не соответствовали их жестко авторитарным представлениям о разрешении кризиса. Правда, эти весьма опасные течения не следует переоценивать в данном контексте, так как использование Бухарина в политических целях отошло на задний план.

Произошло возвращение к анализу. Бухарин вновь и вновь становился темой, с помощью которой историческая наука начала осмысливать свою политизацию или роль служителя партии, и делать первые шаги к освобождению от этого. От оценки Бухарина как исключительно положительного героя отказались, его качества политического лидера были отчасти поставлены под сомнение, а его близость к Сталину стала предметом обсуждения. В качестве масштаба оценки служил теперь не монолитный и неисторический образ Ленина, а включение Бухарина в исторический контекст. К тому же, дискуссию можно было теперь вести, опираясь на более серьезную источниковедческую базу, т. к. доступ в архивы шаг за шагом облегчался. Правда, и здесь после краха Советского Союза используются не все возможности, т. к. продолжают появляться новые материалы о 20–30-х гг. или они становятся доступными с передачей из Президентского архива в обычные.

Соглашаясь с ван Гудевеком, можно в заключение констатировать, что реабилитация в Советском Союзе осталась актом политико-административного произвола, определявшимся прежде всего политической целесообразностью, а не уголовно-правовой корректностью. Хотя Горбачев 13 августа 1990 г. издал соответствующий указ (7), он был сформулирован в весьма общей форме и нуждался в уточнениях. Вследствие этого, до конца Советского Союза не было закона о реабилитации или общедоступных формально-юридических критериев реабилитации.

Сравнение политики реабилитации в эру Хрущева и во время перестройки показывает к тому же, что, как ни парадоксально, в констатированных общностях двух периодов коренится и причина их различий. Именно из-за своей политической функции практика реабилитации находилась в крайней зависимости от политической конъюнктуры.

Вопреки утверждению ван Гудевера, полагавшего, что Хрущев испугался реабилитации внутрипартийной оппозиции из страха перед прошлым, анализ доступных теперь материалов позволяет утверждать, что, напротив, с помощью строго регламентированного доступа к архивам прошлое использовалось как средство для удержания власти, и делалось это следующим образом: вопрос о реабилитации внутрипартийной оппозиции был важным средством стабилизации власти Хрущева внутри партии, заменяя террор в качестве дисциплинарного средства по отношению к руководящим кадрам.

На основе исследования политики реабилитации в период перестройки была показана невозможность спасения советской системы с помощью механического перенесения идей 20-х гг. на современность. Напротив, превращение Бухарина в вызывающего симпатию представителя реформистского социализма исказило взгляд на глубокие проблемы 80-х гг. и породило иллюзию, что они как минимум могут быть быстро и безболезненно устранены.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. После смещения (июнь) и расстрела (декабрь) Л. П. Берии в 1953 г. имели место, как представляется, только несистематические расследования и опросы о нарушениях законности спецслужбами в 30–50-е гг. Только 31 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС назначил первую комиссию, наделенную значительными полномочиями, которой надлежало расследовать массовые репрессии против избранных на XVII съезде членов и кандидатов в члены ЦК и других советских граждан в 1935–1940 гг. Ее председателем стал секретарь ЦК Поспелов (ср. *Роговая Л.* Записка П. Н. Поспелова об убийстве Кирова, с. 64).

2. Ответственность Молотова, Кагановича и Маленкова за репрессии комиссия Шверника доказала на основе материалов других, большей частью позднейших, процессов, в которых их участие было однозначным. Это явствует из обобщающего заключения комиссии Шверника от 18.2.1963. Ср.: «Массовые репрессии оправданы быть не могут...». — «Источник», 1995, № 1, с. 117–122, особенно 122.

3. *Цакунов С.* В лабиринтах доктрины, с. 4.

4. Политическое манипулирование реабилитацией еще раз ясно проявилось в том, что руководители других оппозиционных групп, прежде всего «левого уклона», как,

например, Зиновьева и Каменев, а также Троцкий, не были восстановлены в партии. Об актуализации их политики и теории не было и речи ввиду их мнимого сходства и идеями и политикой Сталина.

5. Ср. об этом: *White J. D.* Chinese Studies on Bukharin. — «Soviet Studies», 1991, № 4, p. 733–744.

6. *McClarnand E.* The Debate continues. Views on Stalinism from the former Soviet Union. — «The Soviet and Post-Soviet Review», 1993, № 1, p. 27.

7. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х гг.». Указ Президента СССР. — Курилов / Наумов. «Реабилитация...», с. 332–33.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Заявление В. И. Бухарина и членов его семьи (1)

2 мая 1961
Целинный край
г. Кустанай (обл.)
Совхоз к/з 48

*В КОМИТЕТ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
ПРИ ЦК КПСС
Председателю т. ШВЕРНИКУ
Николаю Михайловичу*

Я, инженер Владимир Иванович Бухарин, рождения 1890 года, с 19. IV-1918 года по 3. XI-1938 года непрерывно работал в шерстяной промышленности, отдавая ей все силы, знания и опыт. (8 лет — Ульяновские сук. ф-ки; 12 лет — Москва).

3. XI-1938 года был арестован, а 23. XI-39г. по решению ОСО по ст.58, п.10, часть 1-я — получил 8 лет ИТЛ. По спецнаряду ГУЛАГа эффективно работал в системе МВД Узбекской ССР (получил более 20 благодарностей за доблестный труд в В[еликую] Отечественную войну и 15 премий за личные внедрения рацпредложения; спроектировал, пустил новое производство; активизировал рацработу; механизировал ряд произ[водственных] процессов; воспитывал и отбирал из массы рабочих лагеря кадры квалифицированных мастеров, работников О[тделов] Т[ехнического] К[онтроля] и проч.). 3. XI-1946 г., по истечении срока, командование ИТК № 3, где я работал зам. главного инженера лагеря, объявило мне решение ОСО: «за отличную работу восстановить в промышленности и направить в Москву». Однако решение это не было реализовано, освобождение просрочено до 23.1-1947г. и объявлено новое решение ОСО: «... сослать на 5 лет в Южный Казахстан», где я вынужден был работать не по специальности.

16. IV-1948 г. в ссылке я вновь был арестован Чимкентским обл[астным] МВД, направлен через Чимкент в Алма-Ату, где и оформлен. Постановлением ОСО от 7. УШ-1948 года по ст.58. п.10. ч.1-я направлен на 10 лет в Спасский спец[иальный] лагерь Степ[ного] лаг[еря] (бл. Караганда), где работал как инженер в стройчасти и П. П. Ч., имел благодарности, премии и зачеты.

14 марта 1955 года постановлением Карагандинского облсуда был досрочно освобожден и 28.1У-1955г. направлен в ссылку в Кустанайскую область,

Затоболовский район, совхоз конезавод 48, куда в 1950 году были высланы также подвергшиеся репрессиям ОСО по ст.7-35. члены моей семьи:

1. Жена — Камилла Клавдиевна Бухарина, рождения 1893 года, работавшая в Москве и Загорске в санинспекции, имевшая две правительственные награды — на срок 10 лет;

2. дочь — Майя Владимировна Бухарина, рождения 1929 года, студентка 3-го курса физико-математического отделения Московского пединститута имени В. И. Ленина — на срок 5 лет;

3. сын — Николай Владимирович Бухарин, рождения 1924 года, слесарь-электрик, работавший ок. 10 лет на заводе «Динамо» в Москве — на 10 лет.

Несмотря на то, что никто из нас не виновен ни перед народом, ни перед партией и правительством, до сих пор мы все же не смогли добиться отмены решений ОСО, принятых в отношении нас.

До настоящего времени все мы, как советские люди, трудились и трудимся каждый на своем участке, и верим, что дойдет и до нас черед, правда восторжествует.

Я и члены моей семьи просим Вас снять с нас морально тяжелые и несправедливые решения ОСО и всех нас реабилитировать.

В. Бухарин
К. Бухарина
М. Бухарина
Н. Бухарин

(Бухарин В. И.)
(Бухарина К. К.)
(Бухарина М. В.)
(Бухарин И. В.)

№ 2

Экз. № 2

Комитет партийного Контроля
при ЦК КПСС.
Секретная часть.

Вх. № 507
от 26. IX. 1961.

ЦК КПСС

[Справка комиссии Президиума ЦК КПСС по результатам проверки дела о «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОМ БЛОКЕ»] (2)

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 6 мая 1961 года (II 326/ХХУ) нами проверены материалы проведенного 2-13 марта 1938 года в городе Москве открытого судебного процесса по делу так называемого антисоветского «право-троцкистского блока».

По этому делу приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 13 марта 1938 года были осуждены:

1. Бухарин Н. И., член партии с 1906 года, редактор газеты «Известия»;

2. Рыков А. И., член партии с 1898 г., народный комиссар связи СССР;
3. Ягода Г. Г., член партии с 1907 г., нарком внутренних дел ССР.
4. Крестинский Н. Н., член партии с 1903 г., Первый заместитель наркома иностранных дел СССР;
5. Розенгольц А. П., член партии с 1905, народный комиссар внешней торговли СССР.
6. Иванов В. И., член партии с 1915 г., народный комиссар лесной промышленности СССР;
7. Чернов М. А., член партии с 1920 г., народный комиссар земледелия СССР
8. Гринько Г. Ф., член партии с 1920 г., народный комиссар финансов СССР;
9. Зеленский И. А., член партии с 1906 г., председатель центрсоюза;
10. Икрамов А., член партии с 1918 г., первый секретарь ЦК КП Узбекистана;
11. Ходжаев Ф., член партии с 1920 г., председатель Совнаркома Узбекской ССР;
12. Шарангович В. Ф., член партии с 1917, первый секретарь ЦК КП Белоруссии.
13. Зубарев П. Т., член партии с 1904, заместитель наркома земледелия РСФСР;
14. Буланов П. П., член партии с 1918, секретарь НКВД СССР.
15. Левин Л. Г., беспартийный, доктор медицинских наук (бывший лечащий врач М. А. Горького);
16. Казаков И. Н., беспартийный, бывший лечащий врач В. Р. Менжинского;
17. Максимов-Диковский В. А., член партии с 1920 г, бывший помощник В. В. Куйбышева;
18. Крючков П. П., беспартийный, бывший секретарь Горького А. М.;
19. Плетнев Д. Д., беспартийный, заслуженный деятель науки. Профессор, бывший врач-консультант А. М. Горького и В. В. Куйбышева;
20. Раковский Х. Г., состоял членом партии с 1918 по 1927 г. и с 1935 по 1937 г., начальник Управления научно-исследовательских институтов Наркомздрава РСФСР;
21. Бессонов С. А., член партии с 1920 года. Советник полпредства СССР в Германии;

Все они, за исключением Плетнева, Раковского и Бессонова, были приговорены к расстрелу. Впоследствии Плетнев, Раковский и Бессонов в числе 170 заключенных Орловской тюрьмы в сентябре 1941 г. без следствия и суда по заочному приговору Военной коллегии Верховного

суда СССР, вынесенному в связи с решением ГКО, принятым по представлению НКВД СССР на имя Сталина, также были расстреляны.

В числе осужденных по настоящему делу было 5 членов ЦК, избранных на XVI съезде партии: Иванов, Икрамов, Зеленский, Чернов и Ягода и 4 кандидата в члены ЦК — Бухарин, Рыков, Розенгольц и Гринько. Кроме Бухарина и Рыкова, все они были исключены из состава ЦК заочно и арестованы с партийными билетами.

По приговору Бухарин, Рыков и другие осужденные были признаны виновными в том, что по заданию иностранных разведок в 1932–33 гг. организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок» с целью свержения в СССР социалистического строя; занимались шпионажем в пользу иностранных государств; организовали диверсионно-вредительские группы в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте; организовали убийства Кирова и умерщвление Куйбышева, Менжинского, Горького и его сына — Пешкова, а также пытались отравить Ежова.

Бухарин был признан виновным также в том, что в 1918 г. он и возглавлявшая им группа «левых коммунистов» вместе с «левыми» эсерами пытались сорвать Брестский мир, арестовать и убить Ленина, Сталина, Свердлова и сформировать новое правительство.

Зеленский, Иванов и Зубарев были признаны виновными кроме того в сотрудничестве с царской охранкой.

В 1957-1959 годах [?] человек из 21 осужденного по данному делу реабилитированы и в партийном отношении.

В результате изучения имеющихся материалов и дополнительной проверки установлено, что дело о «правотроцкистском блоке» сфальсифицировано, Бухарин, Рыков и другие лица обвинены в тягчайших государственных преступлениях необоснованно. Доказательства виновности осужденных, приведенные в обоснование приговора: их признания, показания свидетелей, заключения экспертов, объективно ничем не подтверждены и являются не состоятельными.

Ни одно из предъявленных обвинений Бухарину, Рыкову и другим осужденным в ходе проверки своего подтверждения не нашло. В приговоре, например, говорится, что осужденные по заданию иностранных разведок организовали заговорщическую группу с тем, чтобы свергнуть в СССР социалистический строй и восстановить капитализм, и что якобы многие из них занимались шпионажем в пользу иностранных государств. Однако это обвинение основывалось лишь на «признаниях» самих арестованных. При проверке в соответствующих архивах данных, указывающих на связь проходящих по делу лиц с иностранными разведорганами, не обнаружено. В оперативных материалах ИНО НКВД СССР, осуществлявшего наблюдение за Троцким за границей, сведений о

встречах Крестинского с Троцким в 1933 году в г. Меране также не имеется.

По приговору убийство Кирова якобы было организовано по решению «право-троцкистского блока». Это обвинение основано лишь на голословных показаниях Ягоды, которые при проверке не подтвердились.

Важное место на процессе было отведено т. н. «заговору врачей», по которому бывшие лидеры правого уклona вместе с известными врачами Плетневым, Левиным и Казаковым обвинялись в злодейском умерщвлении Горького, Куйбышева, Менжинского и сына Горького — Пешкова. Изучение всех материалов, относящихся к этому тягчайшему обвинению, показало его полную несостоятельность. В процессе предварительного следствия судебно-медицинская экспертиза не проводилась. Экспертам, вызванным в судебное заседание, никаких судебно-медицинских документов не предъявлялось и, как теперь выяснилось, заключение ими было дано лишь на основании общих вопросов, поставленных прокурором и судом. Обвинявшийся в этих злодеяниях врач Плетнев в своих жалобах после осуждения писал о том, как органы НКВД состреляли это обвинение.

В приговоре указывается также, что участники «право-троцкистского блока» организовали диверсионно-вредительские группы в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. В доказательство этого в приговоре приводится лишь один факт — крушение поезда на перегоне Хор-Дормидонтовка с человеческими жертвами. Выяснилось, что никакого отношения Бухарин, Рыков и другие к этому не имели, а дело о крушении поезда было сфальсифицировано.

Не состоятельными являются и все другие обвинения.

Бухарин, Рыков и другие осужденные по процессу лица признали себя виновными в совершении тягчайших государственных преступлений. Однако материалы, полученные в ходе проверки, раскрывают картину чудовищного произвола, творимого следствием в тот период. В результате применения незаконных методов, жестких избиений от арестованных были получены «признательные» показания, которые и были положены в основу их вины. Установлено, что во время следствия жестоко избивались Крестинский, Плетнев, подвергался избиениям Рыков, а также ряд других лиц, показания которых органы НКВД начали собирать ещё задолго до ареста Бухарина и Рыкова, а затем использовали для обвинения их и других осужденных по настоящему делу. Достаточно сказать, что в качестве таких «доказательств» к делу приобщены показания 155 арестованных по другим делам, из которых 139 человек в настоящее время уже реабилитированы.

Вместе с тем следует отметить, что протоколы допросов, где арестованные не признавали себя виновными, к делу не приобщались.

В архивных материалах НКВД обнаружены протоколы допросов Бухарина и Рыкова от 5 мая 1937 г., в которых они отрицали свою вину. Также не были представлены суду обнаруженные в ходе проверки письма Бухарина к Сталину от 15 апреля и 10 декабря 1937 г. и на имя своей жены Лариной, где он, вопреки полученным от него признательным показаниям, отрицал предъявленные ему обвинения и заявил о своей верности делу партии.

Известно, что Бухарин, Рыков и Томский в 1928 году возглавляли оппозиционную группу в партии, выступавшую за снижение темпов индустриализации страны, против осуществления чрезвычайных мер в деревне и наступления на кулака, Однако установлено, что после XVI съезда партии бывшие лидеры правого уклона больше не выступали против генеральной линии партии, не защищали своих прежних правоопportunических взглядов и ничем не наносили ущерб партии и государству. XVI съездом они были избраны членами ЦК партии, а на XVII съезде кандидатами в члены ЦК и продолжали работать на ответственных постах.

Вскоре после убийства С. М. Кирова, в террористической деятельности наряду с бывшими троцкистами и зиновьевцами начали действовать и бывшие правые. Была поставлена задача во что бы то ни стало связать бывших лидеров правой оппозиции с участниками т. н. троцкистско-зиновьевского блока и уличить их в двурушничестве, а затем обвинить в тягчайших преступлениях перед партией и страной. От Каменева, (...) были получены показания о блокировании правых с троцкистами и зиновьевцами.

Несмотря на то, что Бухарин и Рыков являлись кандидатами в члены ЦК. Выдержка из протокола допроса Каменева, без какой-либо проверки и опроса их, были включены в составленное Сталиным закрытое письмо ЦК ВКП (б) от 29.VII.1936: «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Таким образом, имена бывших лидеров правого уклона стали намеренно увязывать в партийных документах с бывшими лидерами троцкистско-зиновьевской оппозиции, уже привлеченными к уголовной ответственности.

Осуществление расправы над Бухариным и Рыковым осложнялось тем, что они в прошлом являлись известными деятелями партии и государства. Поэтому, прежде, чем создать против них уголовное дело, были предприняты шаги для политической компрометации их, подготовки против них общественного мнения. С этой целью в печати появились выпады против них с использованием тенденциозно подобранных фактов из их прошлой деятельности.

Вопрос о Бухарине и Рыкове дважды обсуждался на Пленуме ЦК ВКП (б) (в декабре 1936 г. и феврале-марте 1937 г.), где в основу обвинения их в антипартийной и преступной деятельности были положены те

же ложные показания, полученные НКВД от арестованных нечестным путем.

Для обвинения Бухарина и Рыкова были использованы также показания Радека, Астрова и других, которые они давали на очных ставках с Бухариным и Рыковым в Политбюро ЦК ВКП (б) и НКВД.

(...) Проверкой установлено, что один из главных разоблачителей Бухарина — Астров ещё с 1933 года являлся агентом НКВД и использовался в разработке правых. За свое «усердие» Астров вскоре после очной ставки в Политбюро по указанию Сталина из-под стражи был освобожден. Будучи вызванным по время настоящей проверки, Астров заявил, что показания, которые он давал в 1937 году в отношении Бухарина, были вымышленными и продиктованы органами НКВД.

Установлено также, что Сокольников и Радек, «изобличавшие» Бухарина и Рыкова, будучи осужденными и находясь в местах заключения, рассказывали в камере, что на очных ставках в ЦК они их оговорили. Сокольников осенью 1937 из тюрьмы был доставлен в Москву для использования в качестве свидетеля на предстоящем открытом процессе Бухарина, Рыкова и других, однако, отказался выступить в суде, после чего был возвращен обратно. Когда же Сокольников и Радек стали в тюрьме рассказывать правду о прошедших процессах, органы НКВД устроили провокацию в отношении Сокольникова и Радека и убили их.

Дело об «антисоветском право-троцкистском блоке» было создано в 1937-38 гг. в период массовых репрессий против бывших оппозиционеров в связи с убийством Кирова, в обстановке культа личности Сталина. Так же, как и «объединенный троцкистско-зиновьевский» и «параллельный троцкистский» центры, которых, как теперь установлено, не существовало (...).

Проверка показала, что дело Бухарина и Рыкова было сфабриковано по указанию и при личном участии Сталина. Начиная с 1935 года, Ягода, а затем Ежов посылали ему протоколы допросов с показаниями, полученными на Бухарина и Рыкова незаконным путем. Какими-либо другими оперативными материалами об их преступной деятельности, как показала проверка, органы НКВД не располагали.

Сталин лично «комплектовал» блок, редактируя представленные ему Вышинским варианты обвинительного заключения, он неоднократно изменял состав участников «блока» — одних вычеркивал, других добавлял.

В архивах Политбюро ЦК ВКП (б) и НКВД обнаружено 4 варианта обвинительного заключения, в которых в различных сочетаниях назывались лица, впоследствии осужденные по отдельным делам. Так, после процесса были осуждены и расстреляны Антипов, Варейкис, Вейцер, Яковлев, Уншлихт, Кнорин, Аболин, Таиров, Лаврентьев, и Грядинский — не вошедшие в окончательный вариант обвинительного заключения.

В ходе проверки их дел установлены факты грубейшего нарушения законности. Например, бывший секретарь ЦИК СССР Уншлихт, признавая себя виновным на следствии, в суде отказался от своих показаний и заявил, что давал их исключительно потому, что не мог переносить длительного допроса. Почему Уншлихт дал так называемые «признавательные» показания, достаточно убедительно объясняет обнаруженный в архиве Политбюро ЦК ВКП (б) следующий документ, написанный Сталиным:

«Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)». Аналогичные указания Сталина обнаружены и в отношении бывшего первого секретаря Воронежского обкома партии, члена Центральной Ревизионной Комиссии ВКП (б) Рябина, арестованного в 1937 году. В отдельной записке Сталина наряду с другими пометками по этому вопросу имеется следующая фраза: «бить всю Рябина, почему не выдал Варейкиса».

Вместе с прошедшими по процессу лицами предполагалось привлечь Манцева, Яковлеву, Карелина, Осинского, Камкова, Стукова, Артеменко, Запорожеца, Саволайнена, Семенова и Членова, однако, материалы на них были выделены в особое производство. Как теперь установлено, Артеменко, Запорожец, Саволайнен, Семенов и Членов ещё за несколько месяцев до этого были осуждены и расстреляны, поэтому объявление о выделении на них материалов было ничем иным, как обманом общественного мнения.

В феврале 1938 г. Сталин отредактировал представленный ему Вышинским проект сообщения в печати о предстоящем открытом процессе по делу право-троцкистского блока. Смысл редакционных поправок сводился к усилению и подчеркиванию роли Бухарина и Рыкова как руководителей заговора. Сталин собственноручно написал формулировку обвинения Бухарина и Рыкова, которая затем полностью вышла в обвинительное заключение и приговор. В указанное сообщение в печати Сталин также вписал в число участников «заговора врачей» врача санчасти НКВД Виноградова, который не дал требуемых показаний и задолго до окончания следствия по настоящему делу в особом порядке был расстрелян.

Искусственное создание так называемого «право-троцкистского блока» в главе с Бухариным и Рыковым привело к тому, что в стране было репрессировано огромное количество лиц по обвинению в принадлежности к несуществовавшей «право-троцкистской организации».

В каждой отрасли народного хозяйства, в республиках, краях и областях были «вскрыты» свои «центры», руководителями которых «оказывались» секретари ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов партии, председатели совнаркомов, облисполкомов, руководящие работники промышленности, сельского хозяйства, армии и т. д. Среди них

были лица, с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции занимавшие руководящие посты в партии и государстве (...).

Как теперь установлено, Берия и Вышинский представляли Сталину материалы о законченном расследовании уголовных дел на участников т. н. право-троцкистской организации. По этим материалам опросным путем принимались решения Политбюро ЦК ВКП (б), которые по существу предопределяли судьбу привлеченных лиц. Вот одно из таких:

«8 апреля 1939 г.

Вопросы НКВД и Прокуратуры СССР

Дела на активных участников контрреволюционных, право-троцкистской, заговорщической и шпионской организаций в количестве 931 человека передать Военной коллегии Верховного суда СССР для рассмотрения в соответствии с законом от 1.12.1934. Причем в отношении 198 руководящих участников этих организаций — применить высшую меру уголовного наказания — расстрел, а остальных 733 обвиняемых приговорить к заключению в лагерь на срок не менее 15 лет каждого.

Секретарь ЦК И. Сталин»

Руководствуясь указаниями XX и XXI съездов КПСС, органы прокуратуры, суда и государственной безопасности за последние годы проделали значительную работу по ликвидации последствий культа личности Сталина и нарушений социалистической законности, реабилитировав большое число незаконно осужденных честных, ни в чем не повинных советских людей. Реабилитация т. т. Постышева, Чубаря, Косиора, Бубнова, Пятницкого, Рудзутака, Межлаука, Блюхера, Гамарника, Тухачевского, Косарева и других видных деятелей партии и государства, имена которых связывались с Бухарином и Рыковым, ещё раз подтверждает фабрикации настоящего дела.

Считаем необходимым также сообщить, что жена Бухарина — Ларина А. М. будучи вызвана в КПК при ЦК КПСС, заявила о том, что Бухарин накануне ареста написал письмо к «Будущему поколению руководителей партии». Опасаясь, что она будет изъята при аресте, Бухарин письмо уничтожил, предварительно попросив Ларину выучить его содержание наизусть. В этом письме, воспроизведенном Лариной по памяти, говорится, что в угоду болезненной подозрительности Сталина органы НКВД творят гнусные дела, любого члена ЦК эти органы могут стереть в порошок и превратить в предателя, террориста, шпиона и диверсанта. Заявляя о своей невинности, Бухарин в этом письме обращается к будущему поколению руководителей и всем членам партии с уверенностью, что история рано или поздно «смоет грязь с его головы».

Таким образом, в результате изучения всех материалов дела и дополнительной проверки установлено, что дело о «право-троцкистском блоке» сфальсифицировано и такого блока не существовало. Никакой

антипартийной, тем более антисоветской деятельности Бухарина, Рыкова и других после отхода от оппозиции в ходе проверки не установлено.

В связи с этим считаем, что дело об «антисоветском право-троцкистском блоке» подлежит прекращению, а все осужденные лица, за исключением Ягоды Г. Г., полной реабилитации. Что касается Ягоды, то с него должны быть сняты обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации, а также в шпионаже и терроре. Поскольку Ягода в период его работы в НКВД в 1934–36 гг. принимал активное участие в фальсификации и создании различных «антисоветских» заговоров, обвинение его в вредительстве (ст. 58-7 УК РСФСР) должно быть оставлено.

В материалах процесса одним из руководителей «право-троцкистского блока» называется Томский М. П., однако, в ходе проверки никакой антипартийной или антисоветской деятельности его после отхода от правого уклона не установлено. Считаем, что с Томского также должны быть сняты выдвинутые против него обвинения.

Председатель: Н. Шверник

Члены комиссии: З. Сердюк, А. Шелепин, Р. Руденко,

О. Шатуновская, Н. Миронов.

№ 3

Заявление А. Лариной-Бухариной

30 августа 1961

В Президиум XXII съезда КПСС

Уважаемый Никита Сергеевич!

Уважаемые товарищи члены президиума съезда!

С неослабевающим вниманием следила я за работой XXII съезда коммунистической партии. Мое особенно обостренное внимание объясняется тем, что я была женой Н. И. Бухарина и являюсь матерью его сына. Пережила с Николаем Ивановичем последние тяжкие дни его жизни, проведенные на свободе под следствием с августа 1936 г. по день его ареста — 27 февраля 1937 года, когда гробовая тишина квартиры нарушалась рыданиями погибающего Николая Ивановича, читающего ложные, сфабрикованные показания против него, когда доносившийся бой кремлевских часов напоминали о последних часах его жизни. Человеческий язык беден, чтобы описать весь ужас пережитого в эти страшные месяцы. Это были дни, когда правда не нужна была. Нужна была только ложь, она наступала и побеждала!

Примерно в марте этого года я была вызвана в комитет партийного контроля при ЦК КПСС, где мне предложили написать все, что я знаю о Бухарине.

В Президиум ЦК КПСС я написала все, что смогла, всю горькую трагическую правду. Я передала текст письма Николая Ивановича, который почти четверть века бережно хранила моя память и которую я поклялась передать будущему поколению руководителей партии.

Часто задумываясь, почему до сих пор не обнародована реабилитация Бухарина. Ведь теперь, когда на XXII съезде партии, с трибуны съезда руководство партии продолжило прямой и честный рассказ народу о тех страшных злодеяниях, к которым привел культ личности Сталина, о страшных делах Молотова, Кагановича, принимавших активное участие в уничтожении Бухарина, я думаю, час пробил, настало время сказать и о нем. Я понимаю, что революционный путь Бухарина не гладок, он сам пишет об этом в своем письме: «Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался дискуссионный листок — все спорили, искали путей, ссорились и мирились и шли дальше вперед вместе». Верно то, что Бухарин был одним из лидеров правой оппозиции; верно и то, что Бухарин был «левым коммунистом» (кстати, публично реабилитированы Бубнов и Ломов. Многие в то время были тоже левыми коммунистами»). Дзержинский также очень яростно выступал против заключения Брестского мира (см. протоколы Центрального комитета РСДРП, заседание от 23 февраля 1918 г., Изд. 1958 г. Рос-Политиздат). Верно и то, что у Бухарина были и теоретические ошибки — верно многое. Но разве этим только исчерпывается такая яркая, многогранная жизнь Бухарина? Разве только это верно? Разве не сделал он много хорошего для советского государства? Разве не за это любили его в партии и так любил Владимир Ильич, назвав его в своем «Письме к съезду» законным любимцем партии. Значит было за что любить, а для Владимира Ильича неизменным условием для любви была прежде всего беззаветная преданность делу рабочего класса. Только так мог думать Ленин. Я обратила особое внимание на одно место в речи тов. Ильичева. Он совершенно правильно говорил о том, какая судьба постигла старого большевика историка-марксиста М. Н. Покровского, говорил о том, что в работах Покровского было не мало ошибок и о том, как Ленин оценивал труд Покровского: «критиковал с принципиальных, дружеских позиций и направлял его». Разве не так относился к Бухарину Ленин. Ленин и Бухарина критиковал не с вражеских позиций, а направлял его, тем более, что Покровский был Ленину примерно ровесник, а Бухарин почти на два десятилетия моложе Ленина и многие работы его не написаны, разумеется в достаточно зрелом, особенно для политического деятеля, возрасте. И если Ленин в своем «Письме к съезду» говорил о том, что теоретические взгляды Бухарина не могут быть отнесены к вполне марксистским — следова-

тельно, надо понимать, они с изъясном, но тем не менее он пишет, что Бухарин, крупнейший и ценнейший теоретик партии, а теоретик коммунистической партии не может быть не марксист. Вот эту часть ленинских высказываний всегда «забывал» Сталин, когда хотел политически убить Бухарина, а когда он захотел его физически уничтожить, этого стало мало, потребовались диверсии, шпионаж и террор. Передо мной лежит биография Бухарина, напечатанная в Большой Советской энциклопедии старого издания. В этой биографии, кроме очень интересных сведений о Бухарине, сообщается, что в Институте Ленина хранится экземпляр «Экономики переходного периода», книги, написанной Бухариным, с интереснейшими пометками Ленина на полях в конце книги, в биографии публикуются эти заметки, не буду приводить в настоящем письме, во многом Ленин считал взгляда Бухарина неверными, но очень многое ценил. Приведу лишь итоговый отзыв книги в целом: «... позвольте выразить надежду — пишет Владимир Ильич, — что этот небольшой недостаток исчезнет в следующих изданиях, которые так необходимы нашей читающей публике и послужит к ещё большей чести Академии. Академию я поздравляю с великолепным трудом его члена» (31 мая 1920 г.).

Вот отношение Ленина к Бухарину. Если взять фотографию, разрезать её на части, умышленно увеличить отдельные её части, другие преуменьшить или вовсе выкинуть, а потом слепить снова, то истинным образ не получится, вот так по сей день ещё поступают с Бухариным. На съезде много страшного рассказывали о гибели тов. Якира. Его я знала, с женой его я прошла многолетний путь великих испытаний, с сыном его я была вместе в ссылке, на пятнадцатом году жизни его арестовали и вырос он в заключении. Тяжело было узнавать страшные подробности гибели тов. Якира. В одном ему «повезло». Не испытал он таких длительных мучений — за десять дней все было начато и конечно. Николаю Ивановичу не сразу рубили голову, её отпиливали постепенно, мучили полгода до ареста, год в тюрьме, где нельзя себе представить, до какого состояния и какими средствами довели его (и других вместе с ним), что все они плели такую околесицу, что только голова, наполненная не мозгами, а мякиной или опилками, могла в это поверить.

Ведь действительно, инквизиция средневековья меркнет перед всем этим.

Я не член партии, жизнь рухнула в 23 года, когда я была комсомолкой и должна была стать членом партии, но хотя я и не имею партийного билета, я не чувствую себя беспартийной» Когда я обдумывала, следует ли мне обращаться к XXII съезду с этим письмом, мысли мои были обращены к Ленину. Как бы он к этому отнесся, подумала я, и когда об этом подумала, я решила послать настоящее письмо.

Товарищи члены президиума съезда, Никита Сергеевич! Прошу решить вопрос о реабилитации и посмертном восстановлении в партии Н. И. Бухарина в новом составе Пленума ЦК КПСС, всю свою сознательную жизнь Николай Иванович был в рядах Коммунистической партии, никогда не принадлежал к иным партиям. Долгие годы был членом ЦК партии (с XVII съезда — кандидат в ЦК ВКП (б)). Был одним из руководящих деятелей вооруженного восстания в Москве. Все последние годы не имел никаких политических разногласий о политикой, проводимой партией. Отдавал все свои силы, знания и талант служению народа.

Я пишу и мне слышатся слова, написанные Бухариным в своем письме перед арестом: «Обращаюсь к Вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни делается все грандиознее, разгорается как пламя и душит партию, ко всем членам партии обращаюсь я!» Бухарин — преднамеренная жертва Сталина, Молотова, Кагановича. И разве именно теперь не время, исключая из партии подручных Сталина, восстановить в партии Бухарина и сделать тем самым ещё один вклад в дело восстановления ленинских норм партийной жизни.

Я прошу о реабилитации Николая Ивановича не только от своего имени, от имени его дочери и сына. Я передаю его личную просьбу руководителям партии. Не могу её не передать, я поступила бы против своей совести. Кровью и слезами пишу я эти строки.

Именем Ленина, великими идеями и принципами которого вы руководствуетесь, прошу вас об этом.

№ 4

Заявление от дочери Н. И. Бухарина Светланы Николаевны Гурвич (3)

В Президиум ЦК КПСС

После 5 мая 1965

Уважаемые товарищи

Я уже обращалась в Президиум ЦК с просьбой о реабилитации моего отца Н. И. БУХАРИНА, но безрезультатно. Поэтому я вновь обращаюсь с той же просьбой.

Политические деятели — больше и малые — живут после смерти в памяти людей. История и историки оценивают и судят их. Прошли годы, и судебные процессы, названные по именам жертв, все чаще называют «сталинскими процессами» по имени действительного преступника.

В одном из новых французских документальных изданий объявлено, что скоро выйдет книга «Московские процессы», в которой её автор, как сказано в аннотации, дает полную критику трех крупных сталинских

процессов. В одном из исторических журналов сообщается, что существует неизвестно от кого состоящая «Международная комиссия по пересмотру московских процессов 30-х годов». Я не говорю уже о книгах, из которых можно узнать многое о жизни и деятельности Н. И. Бухарина, о том, что В. И. Ленин называл его «наш алмаз».

Правда о Бухарине не может не раскрыться. Но допустимо ли, чтобы она была раскрыта не коммунистами и не у нас? Инициатива XX и XXII съездов партии в восстановлении правды и справедливости должна остаться за коммунистами.

Мне хочется сказать ещё следующее, до сих пор бытует выражение «троцкистско-бухаринский», хотя оно является одной из многих сталинских фальсификаций.

Никогда не было «троцкистско-бухаринского блока» хотя бы потому, что Н. И. Бухарин в течение многих лет боролся ПРОТИВ троцкизма. В небольшой книжечке «IX пленум Исполкома Коммунистического Интернационала Резолюции и постановления» /М. 1928/ находим документ: «О троцкистской оппозиции. Резолюция по докладу тов. Бухарина».

И не вопиют ли против сталинской фальсификации все опубликованные партийные документы двадцатых годов, какими бы предисловиями и комментариями их не снабжали?

№ 5

Заявление от А. М. Лариной (4)

8 января 1976

*Генеральному Секретарю ЦК КПСС
Товарищу Брежневу Леониду Ильичу*

Уважаемый Леонид Ильич!

Приближается открытие XXV съезда КПСС, и я вновь ставлю вопрос о реабилитации Бухарина Николая Ивановича, члена партии с 1906г. по день своего ареста, непрерывного члена ЦК партий, с августа 1917 г., т. е. с VI съезда РСДРП/б/ и избиравшегося на всех партийных съездах при жизни, на ХУИ съезде — кандидат в ЦК ВКП/б/.

В 1961 г. я была вызвана в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, и мне была обещана реабилитация Бухарина в самом ближайшем будущем. Прошло уже почти пятнадцать лет, а вопрос о реабилитации Бухарина до сих пор не решён.

Процесс уже давно рассыпался, многие сопроцессники Бухарина реабилитированы. Реабилитированы и Енукидзе, и Тухачевский, с которыми, как показывали обвиняемые, у никогда не существовавшего в действительности «право-троцкистского» блока была прямая связь.

В докладе, в связи со столетней годовщиной со дня рождения В. И. Ленина, Вы, Леонид Ильич, сказали: «И при Ленине, и после Ленина партия смело критиковала ошибки и недостатки. Она сурово осудила культ личности, который приводил к нарушениям ленинских норм партийной и государственной жизни, социалистической законности и демократии... Партия говорит народу правду, какой бы она ни была».

При Ленине — не могла бы возникнуть такая ситуация, при которой мне надо было бы к нему обращаться по такому вопросу. Но представьте себе на мгновение, что было бы, если бы он очнулся от вечного сна, как бы он поступил?

Без Ленина — Вы, я убеждена, должны поступить также. Если «партия говорит народу правду, какой бы она ни была», почему в отношении Бухарина можно лгать и лгать.

Оспаривать то, что Бухарин был против заключения Брестского мира или был лидером правого уклона — так тогда называли позицию Бухарина и т. д., я не собираюсь, — не в этом ложь.

В чём же выражается ложь в отношении Бухарина?

Во-первых — клевета, содержащаяся в материалах процесса, до сих пор официальна не опровергнута.

Во-вторых — извращаются мотивы разногласий, они квалифицируются, как враждебные, а не как разногласия с товарищем по партии, чего никогда не делал в отношении Бухарина-Ленин.

В-третьих — все его теоретические мысли, без исключения, — как минимум бездарные, в худшем случае-враждебные.

В-четвёртых — Бухарину приписываются ошибки, которые он никогда не совершал, и часто искажаются его мысли.

Тогда почему Ленин считал Бухарина «ценнейшим и крупнейшим» теоретиком партии. Почему Бухарин — академик? Кто его избирал? А ведь это звание и пулей не прошибешь, оно остаётся навечно, оно останется в истории.

В-пятых — в истории партии не освещается абсолютно никак огромная положительная деятельность Бухарина в партии. Но ведь даже разномасштабность правд, и та не даёт истинного образа, и та — ложь. А положительная деятельность Бухарина не отражена ни в каком, даже самом минимальном масштабе. Если взять фотографию, разрезать её на части, одну часть увеличить, вторую уменьшить, третью выкинуть, потом склеить, истинного образа не получится. Так поступают с Бухариным. (5) Поэтому в истории — это не Бухарин, а карикатура на Бухарина. Это — Бухарин в кривом зеркале.

Уходя в последний раз на февральско-мартовский пленум /пленум заседал не один день/, предчувствуя, что он уже не вернётся, Николай Иванович, учитывая мою тогдашнюю молодость, просил меня бороться за его посмертное оправдание. Этот невыносимо тяжёлый момент

никогда не умрёт в моей памяти. Николай Иванович пал передо мной на колени. Измученный следствием до ареста, страшными очными ставками, тяжёлым пленумом, ослабевший от голодовки, в протест против неслыханных обвинений, со слезами на глазах, он на коленях просил не забыть ни единого слова его письма и бороться за его оправдание. «Клянись, что ты это сделаешь. Клянись! Клянись! Клянись!»

И я поклялась. Я ношу эту клятву в душе, я выполняю свой долг перед Бухариным, поэтому я не могу молчать. Мне стоило огромного напряжения сохранить это письмо в памяти точно, пока оно не было записано. Оно могло погибнуть вместе со мной, так как я случайно не расстрелена (6).

Я прошу выполнить последнее желание погибающего Бухарина и восстановить его посмертно в партии. Тогда и история в отношении Бухарина будет осмещаться объективно. Тогда и семья его не будет жить в таком угнетении.

Годы идут, мне уже седьмой десяток, я уже на краю могилы. Возможно, я обращаюсь к Вам последний раз, да хорошо бы потому, чтобы надобность миновала,

Все мы смертны, Леонид Ильич, все до единого, и в этом все равны. Но голос Бухарина, раздавшийся благодаря моим огромным усилиям, с того света, через расстояние лет, из несуществующей могилы, не смолкнет перед историей.

Одновременно снова посылаю обращение Бухарина «К будущему поколению руководителей партии», а также, написанное более 10 лет назад, свое письмо Президиуму ЦК КПСС, прочитанное Елене Дмитриевне Стасовой и очень одобренное ею. Письмо, на которое я не получила ответа.

№ 6

Заявление от Ю. Н. Ларина (7)

8 января 1976

В Политбюро ЦК КПСС

Уважаемые товарищи

Накануне XXV съезда КПСС вновь обращаюсь к вам по вопросу о реабилитации моего отца — Николая Ивановича Бухарина.

Хотя уже прошло почти двадцать лет после XX-го съезда партии, разоблачившего сталинские преступления против партии и страны, реабилитация Николая Ивановича и некоторых других ленинских соратников всё ещё откладывается. Прошло более десяти лет со дня подачи нашей семьёй и друзьями В. И. Ленина — Е. Д. Стасовой и В. А. Карпинским заявлений в президиум ЦК КПСС с просьбой о реабилитации

Н. И. Бухарина, но ни нам, ни им /теперь уже мертвым/ отвечено не было.

Старейшие большевики — Е. Стасова /член КПСС с 1898г./, В. Карпинский /член КПСС с 1889г./, Р. Катанян /член КПСС с 1903г./, А. Руденко /член КПСС с 1905г./ писали тогда, обращаясь в Президиум ЦК КПСС, что отсутствие отмены незаконного приговора и восстановления Бухарина в партии приводит к тому, что «о нём можно писать только плохое». И к «искажению соответствующих разделов истории вообще».

То, что именно так и происходит, можно видеть на примерах многих исторических работ, посвящённых революционному движению в России и Октябрьской революции, в частности. При описании дооктябрьского периода историки партии умышленно акцентируют моменты разногласий между Лениным и Бухариным, квалифицируя позиции Бухарина по самым разным вопросам, как «антиленинские» вообще, сознательно игнорируя лежащие в основе их совместной деятельности сотрудничество и товарищеские отношения. Они пренебрегают также тем фактом, что Владимир Ильич написал предисловие к главной работе Н. И. Бухарина в период эмиграции — «Мировое хозяйство и империализм», в котором отмечал «научное значение работы Бухарина.» Абсолютно искажаются роль Бухарина во время Октябрьской революции и непосредственно в Московском вооружённом восстании.

Искажения истинного облика Бухарина и его отношений с Лениным особенно ярко видны на примерах исторических работ, в которых затрагивается книга Бухарина «Экономика переходного периода». Мне известны по крайней мере четыре работы авторов, которые извращают подлинную оценку Лениным этой книги. Как же на самом деле оценил эту работу Ленин? Отметив некоторые недостатки книги, Ленин выразил надежду, что эти небольшие недостатки исчезнут в «следующих изданиях, которые так необходимы нашей читающей публике и послужат к ещё большей чести академии; академию мы поздравляем с великолепным трудом её члена.» Я думаю, вы поймете меня правильно, что речь идёт не о современной оценке «Экономики переходного периода», которая была продуктом своего времени—периода «военного коммунизма», а о правдивом изложении истории, и, тем самым, взглядов В. И. Ленина на Н. И. Бухарина.

Можно говорить о многих других проявленных фальсификаций и умолчаний в отношении Бухарина. Наша историческая литература умалчивает о значении Н. И. Бухарина в деле раскрытия сущности германского фашизма и опасности развязывания войны фашизмом. Так, например, ещё в 1934 г., на XVII-ом съезде партии, Николай Иванович предупреждал партию и народ о готовящемся нападении гитлеровской Германии, как о неминуемой угрозе; он, в частности, говорил: «Вот кто стоит перед нами, и вот, с кем мы должны будем, товарищи, иметь дело во всех тех громадных исторических битвах, которые история возложила на наши плечи.»

В нынешних условиях любое положительное упоминание имени Бухарина невозможно. Незадолго по своей кончине писатель Илья Эренбург, юношеский друг Бухарина, с горечью рассказывал мне, что цензура потребовала удаления из текста его мемуаров всего, что связано с именем Бухарина. Даже упоминания о «заразительном смехе» Бухарина и о том, что «он знал философию, историю, словесность» оказались для цензуры неприемлемыми. Восстановление истины в отношении образа и роли Бухарина есть вопрос, имеющий большое значение для правильного освещения в целом истории партии и страны. Обращаясь с просьбой о реабилитации Н. И. Бухарина, как политического деятеля и человека, я поднимаю вопрос, касающийся не только членов его семьи и меня, как его сына.

Но я позволю себе указать также и на положение, сложившееся у семьи Бухарина. Так, например, в своё время мне были выданы ложные метрики, где в графе «отец» стоял оскорбительный для матери прочерк, умышленно изменены фамилия, дата рождения и отчество. В настоящее время при узаконенном клейме, наложенном на Бухарина, как «врага коммунизма», «врага партии», я по существу лишён возможности носить свою фамилию. У меня подрастает сын. Может сложиться такая ситуация, при которой я могу оказаться вынужденным лгать ему, пытаюсь уберечь его моральное здоровье и, одновременно, разрушая своё. Жизнь в такой ситуации будет невыносимой. Прошу Политбюро ЦК КПСС:

— Откликнуться на предсмертное обращение Николая Ивановича «К будущему поколению руководителей партии».

— Восстановить в партии ленинское отношение к Бухарину.

— Опубликовать в печати сообщение о незаконности и беспочвенности клеветнических обвинений в отношении Бухарина и о посмертном восстановлении его в партии.

— Восстановить его посмертно в звании Действительного Члена Академии Наук СССР /как это уже было сделано в отношении Николая Ивановича Вавилова./

Уверен, что на это письмо вы откликнетесь.

№ 7

Клуб комсомольских активистов

г. Брежнев

Апрель 1987

Уважаемые товарищи, руководители партии (8)

Мы, молодые коммунисты и комсомольцы, члены клуба комсомольских активистов города Брежнева, обращаемся к Вам со следующим

заявлением: демократические процессы, происходящие в нашей стране, предполагают расширение гласности во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. В исторической науке — это ликвидация так называемые белых страниц, о чем говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС в своем выступлении на XX съезде ВЛКСМ.

На занятиях в клубе мы уделяем немало времени изучению истории нашей Родины, знакомимся с биографиями выдающихся деятелей партии и государства и, по возможности, с их произведениями. Особенно нас волнуют те страницы нашей истории, которые долгое время обходила наша печать и которые муссируют наши идейные противники на Западе: речь идет о сложном времени 30-х и 40-х годов, когда были репрессированы многие крупнейшие деятели Коммунистической партии, видные военачальники, рядовые коммунисты...

В вопросе, как и почему это произошло, мы, как нам кажется, разобрались. Вопрос сейчас в другом — необходимо восстановить в памяти людей имена тех большевиков, которые бок о бок с Лениным боролись за торжество коммунистических идеалов, за победу Октябрьской революции, за построение и укрепление пролетарского государства, а затем пали жертвой произвола и до сих пор не реабилитированы.

Изучив всевозможные материалы, касающиеся этих деятелей, мы пришли к твердому убеждению, что на первом месте среди них стоит имя Николая Ивановича Бухарина.

Мы знаем, что на протяжении всей своей революционной деятельности у него было немало ошибок, за которые В. И. Ленин неоднократно подвергал его критике. Однако Ленин, да и другие большевики высоко ценили его неординарный ум, выдающиеся знания в политэкономии, литературе. Целых 12 лет Н. И. Бухарин был редактором «Правды», в то время, когда центральный орган большевиков был рупором Октябрьской революции на весь мир. Николай Иванович Бухарин играл большую роль в международном коммунистическом движении, его знали и ценили во многих странах мира. Недаром он возглавлял Коминтерн. В своем «Письме к съезду», где Ленин характеризует наиболее выдающихся деятелей ЦК, ни один из них не заслужил такой лестной оценки, как Бухарин: «законный любимец партии».

Мы знаем также, что Н. И. Бухарин много времени уделял работе с молодежью, за что пользовался среди комсомольцев особым уважением.

Зная, какая трагическая участь постигла Н. И. Бухарина, мы испытываем боль и чувство горечи, и мы считаем своим гражданским и партийным долгом обратиться к политическому руководству нашей партии с призывом восстановить доброе имя Н. И. Бухарина, с тем, чтобы он занял достойное место в нашей истории.

Средства массовой информации на Западе обещают развернуть широкую пропагандистскую волну: представить 1987 год, как 50-летие сталинского террора. Восстановив добрые имена таких деятелей, как

Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, К. Радек, Г. Л. Пятаков и других, мы достойно ответили бы нашим идейным противникам.

Кроме того, мы убеждены, что публикация трудов Н. И. Бухарина, в которых он пытался наметить программу экономического развития нашей страны, оказала бы большое влияние на развитие политэкономической мысли в стране, чего сейчас явно не хватает.

9 октября 1988 года исполнится 100 лет со дня рождения Николая Ивановича Бухарина. Очень надеемся, что справедливость восторжествует и люди узнают правду о человеке, всю свою жизнь посвятившего борьбе за достижение коммунистических идеалов.

№ 8

Письмо

**руководителям секретариата Военной коллегии
Верховного совета СССР, А. Никонова (9)**

А. М. Лариной (Бухариной).

9 февраля 1988

Уважаемая Анна Михайловна!

Направляю Вам справку о реабилитации БУХАРИНА Николая Ивановича. Одновременно сообщаю, что свидетельство о смерти Бухарина Н. И. Вы можете получить в отделе ЗАГС Мосгорисполкома, которому дано распоряжение о регистрации смерти.

По вопросу возвращения стоимости имущества, если конфискация проводилась, Вы можете обратиться в КГБ СССР.

Высылаю выписку из постановления Совета Министров СССР № 1655 от 8 Сентября 1955 года о компенсациях и льготах членам семей реабилитированных граждан.

Копия постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 февраля 1988 года направлена в КПК при ЦК КПСС.

Приложение: Справка (10), выпуски.

№ 9

Военная коллегия Верховного суда
СССР

9 февраля 1988

Справка (11)

Дело по обвинению Бухарина Николая Ивановича, до ареста 27 февраля 1937 г. — Главный редактор газеты «Известия», пересмотрено Пленумом Верховного Суда СССР 4 февраля 1988 г.

Приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 13 марта 1938 г. в отношении Бухарина Н. И. отменен и дело действиях состава преступления.

Бухарин Николай Иванович реабилитирован посмертно.

Начальник секретариата Военной Коллегии
Верховного Суда СССР
Полковник Юстиции А. Никонов

№ 10

Светлана Николаевна Гурвич-Бухарина Интервью от 22 февраля и 29 марта 1991года

Светлана Гурвич-Бухарина: В рамках политической перестройки реабилитация Николая Ивановича Бухарина является козырем для партии и правительства. Нельзя же было приступать к демократизации всей страны, не вспомнив о расстрелянных; об их именах, их судьбе. Это было необходимо для восстановления исторической справедливости. Ведь демократизация предполагает отречение от тоталитаризма. Отречься же от тоталитаризма означает, однако, в первую очередь, показать его истинное лицо, так, чтобы его все смогли увидеть. Нужно представить людям тех, кто оказывал сопротивление тоталитаризму, кто отдал жизнь за демократию. Гласность без их реабилитации бессмысленна, трудно себе представить такую гласность. Реабилитация — это знамя новой политики. В реабилитации её огромная заслуга. Но и реабилитация должна была созреть. После того как Хрущев сделал свой доклад (12) на XX съезде, имя Бухарина появилось вновь. Однако затем пришел Брежнев, и все стало по-старому.

Марк Юнге: Почему Хрущев в итоге все же не реабилитировал Вашего отца?

С. Г.-Б.: По этому вопросу у меня пока только предварительное мнение, я предполагаю, что не хватило сил. Это относится также и к 1956 году, когда было ещё достаточно энергии. Хрущев мог в 1956 году прочитать свой доклад, но чтобы сразу же реабилитировать Бухарина, для этого ему недоставало союзников. Возможно также, что он сам этого...

М. Ю.:... не хотел?

С. Г.-Б.:... опасался. Вы не можете себе представить, как ужасно звучало это имя. Имя Бухарина! Я пугалась, если кто-либо произносил мою фамилию. За ней была смерть!

М. Ю.: Сегодня Вы — Светлана Гурвич-Бухарина. Была ли у Вас в те времена другая фамилия?

С. Г.-Б.: Меня звали Светлана Бухарина. Когда разразилась катастрофа 1937 года, моя мама и я плакали. Мы обсудили все. Мне было 13 лет. Мы решили, что необходимо изменить фамилию. Мы не могли избежать этого. По-иному мы бы не выжили. Была бы у меня нейтральная фамилия, тогда официально никто не был бы обязан знать, кто мы на самом деле, хотя все, конечно, это знали. Я получила документ с фамилией Гурвич, т. е. с фамилией моей мамы. Разумеется, в новом свидетельстве о рождении 1937 года было записано: Светлана Николаевна Гурвич. Отец — Бухарин, Николай Иванович, мать — Гурвич, Эсфирь Исаевна. Печать, подпись.

М. Ю.: После смерти Сталина Вы вновь стали Светлана Николаевна Гурвич-Бухарина?

С. Г.-Б.: Нет, только сейчас. Работы, посвященные моему отцу, я подписываю сейчас Гурвич-Бухарина. Конечно, можно было бы вновь взять отцовскую фамилию. Но я нахожу это неприемлемым, поскольку моя мать — святая, к тому же я под её фамилией некоторое время занималась научной деятельностью. Тем не менее, изменение фамилии после ареста отца стало для меня большой катастрофой. Для ребенка — это не шутка. Эта была большая трагедия для всего класса в школе. Когда наша любимая учительница 1-го сентября (или даже раньше) вошла в класс, подошла к столу и сказала (это было первое, что она сказала!):

«Дети, Светлану теперь зовут Светлана Гурвич».

Это было все... Стало тихо... Конечно, я была не единственной, у кого не было отца. Уже несколько учеников нашего класса лишились отцов. Все молчали. Никто не спрашивал меня, что, как и почему. Все все понимали. Я тоже никогда об этом не говорила.

Теперь о Хрущеве: в 1956 году, это однозначно, ему не хватило сил. Чтобы сделать второй шаг — первым стал его доклад — и реабилитировать этих людей, у него не оказалось достаточно союзников. А он нуждался в союзниках для проведения голосования на съезде, в ЦК, на Политбюро. В то время таких сил не было. Однако осенью 1961 года, накануне XXII съезда, неожиданно заговорили о предстоящей возможной реабилитации Бухарина.

Мы все её ждали. Мою мать и меня вызвали в марте на комитет партийного контроля, являвшийся важным органом партии. Маму попросили написать все, что она знает о Бухарине. Она писала об его отношениях с Лениным и о том, что она знала о его взглядах на коллективизацию. Кроме того, она подала короткое заявление, в котором обосновывала необходимость его реабилитации.

Со мной, разумеется, проводился иной разговор. Там была Ольга Григорьевна Шатуновская, к настоящему времени она уже умерла. Долгое время работала с Хрущевым, сама была в лагере. Она была хорошим человеком, спросила меня: «Кто из вашей семьи ещё не реабилитирован?». Я поняла не сразу и сказала: «Конечно, Николай Иванович Бухарин, его брат Владимир Иванович и его дети». Двое сыновей Владимира Ивановича в то время находились далеко от дома и не были арестованы. Однако младший сын и дочь были арестованы и все ещё находились в ссылке. Жена Владимира Ивановича была сослана в Казахстан. Шатуновская ответила: «Сейчас вы поедете домой, сядете и напишите им письмо о том, чтобы они как можно скорее подали официальное заявление с просьбой о реабилитации». Разумеется, сразу по возвращении домой я написала письмо. Они быстро подали официальное заявление и вскоре после этого были реабилитированы.

М. Ю.: Обещала ли Шатуновская Вам и Вашей матери, что Бухарин будет реабилитирован?

С. Г.-Б.: Она сказала следующее: «Что Вам нужно?». Я подумала и ответила:

«Помогите мне там, где я работаю, поскольку мне не доверяют самостоятельную работу».

Мне же было уже тридцать восемь лет, и мне не давали самостоятельно работать. После окончания института мне сразу же поручили работу, которую обычно давали младшим сотрудникам.

М. Ю.: То есть Вам создавали затруднения?

С. Г.-Б.: На каждом шагу! Это было несправедливо. К тому времени я закончила аспирантуру и работала над диссертацией. Я писала о рабочем движении во Франции: о Левом блоке и объединении партий; тема, которой в то время не придавалось особого значения. Над этой темой, в мое время наполовину запрещенной, я работала с большим желанием. Никто её не исследовал с научной точки зрения. Это не разрешалось, это было опасно. Но это другой вопрос. Я рассказала Шатуновской, что меня заставляют выполнять вспомогательные работы. Она сняла телефонную трубку и позвонила в институт. Секретарь сказала, что директор отсутствует, хотя он, разумеется, был на своем месте. «Можно поговорить с научным секретарем». Шатуновская позвонила научному секретарю и включила усилитель, так что я могла слышать, что тот говорил. Я не буду об этом говорить, потому что ответ, который я услышала от этого человека, связан для меня с насмешкой и слезами... Шатуновская дала указание вернуть меня в институт, дать мне возможность защитить кандидатскую диссертацию и работать над докторской. Во-вторых, Шатуновская спросила меня: «Вы своим жильем довольны?» «Конечно, нет», — ответила я. Мы жили в одной комнате. Шатуновская

на это сказала: «Когда придете домой, подавайте заявление о предоставлении квартиры». И нами дали эту квартиру (13).

Все это могло бы подойти для сюжета трагикомедии, воспринималось, однако, ужасной трагедией, переживаемой людьми. Ничего не разрешалось. Я не была человеком. На каждом шагу я зависела от кого-то, кого я не знала, кто никогда меня не видел. Об отце Шатуновская говорила — сейчас я об этом вспоминаю, разговор в комитете партийного контроля состоялся 13 марта 1961 года — следующее: «Все обвинения, предъявленные Николаю Бухарину, сняты. Работает комиссия по проверке его дела».

М. Ю.: Знаете ли Вы, кто входил в эту комиссию?

С. Г.-Б.: По-моему, руководила комиссией Шатуновская. Я об этом не спрашивала.

Заявление, что Бухарин освобожден от всех обвинений процесса, было очень важным! Это было в марте 1961 года. Но что касалось осуждения партией, об этом не было и речи. Но что дальше? Официально ничего не публиковалось. Произошло следующее: Микоян выступил в университете и сказал что-то в смысле, что он хорошо знал Н. И. Бухарина, что тот не был врагом народа и так далее. Возможно даже, Микоян выступил лишь для того, чтобы выразить свое личное мнение о Бухарине. Кроме того, свое мнение высказал также Поспелов. Как раз один из тех, кто внес свой вклад в уничтожение Бухарина.

Затем осенью 1961 года состоялся XXII съезд. И официальной реабилитации не произошло. Я стала размышлять о том, что говорила Шатуновская, когда нас к ней пригласили. Мы уже в сентябре переехали в новую квартиру и вспомнили все ещё раз. Я поняла, что Хрущев и его люди сделали для нас очень много. Почему они позвали нас именно перед съездом и дали нам квартиру? Обычно это делалось наоборот: реабилитация, а потом квартира. Однако в нашем случае все было наоборот. Я поняла, что они уже заранее знали, что реабилитация не состоится. Это мое предположение.

Говорят, Торез, руководитель французской коммунистической партии, был против, поскольку опасался своей отставки. Но одного Тореза было бы мало, чтобы не дать реабилитации состояться. Внутри КПСС также существовали мощные силы, не согласные с реабилитацией. По этой причине Хрущев и Шатуновская действовали очень благородно и заботливо. Они позаботились о семьях, чтобы они могли жить в достойных условиях.

Потом в 1963 году я закончила диссертацию и сдала кандидатские экзамены. Но было, конечно, горько, что реабилитация не состоялась. Тяжелое время: моя жизнь и моя работа зависели от реабилитации моего отца. Каждый поступок, совершаемый мной, был обусловлен этим. В институте были люди, для которых было бы лучше всего, если бы меня

вообще не существовало, лишь потому, что я — дочь Бухарина. Но об этом я говорить не буду. День за днем каждый мой шаг зависел от состояния дела отца.

Летом 1964 года произошло следующее: за несколько месяцев до отстранения Хрущева в журнале «Коммунист» была опубликована жесткая статья: «О политике партии в области литературы». Статья не была подписана, то есть это была редакционная статья. Там шла речь о «троцкистско-бухаринском уклоне в вопросах литературы». «Троцкистско-бухаринский» — это же однозначно сталинистская формулировка, и это, несомненно, являлось шагом назад. Я написала протест Хрущеву, но Хрущев был снят.

Шло время, и в апреле 1965 года, когда Политбюро и ЦК возглавил Брежнев, мне позвонил из ИМЛ Владимир Яковлевич Зевин, сын бакинского комиссара. Он был руководителем отдела издания произведений Ленина, а пригласил меня на беседу по поводу моего протеста. 5 мая 1965 года, в день Печати, я пошла в ИМЛ. Беседа была очень долгой и касалась реабилитации и статьи в журнале «Коммунист». Относительно статьи Зевин сказал: «Да, её можно было бы написать по-другому» (без формулировки «троцкистско-бухаринский»). То есть он частично согласился со мной, что это было неправильно. В отношении реабилитации я бы хотела зачитать мои записи, касающиеся разговора с Зевиным: (14)

«Разговор переходит на именные указатели в сочинениях Ленина. В итоге Зевин говорит, что они в указателе придерживаются партийных документов, т. е. были документы, что Н. И. Бухарин осужден и писали осужден, теперь это снято и они не пишут» (15).

Это значит, они писали так, как об этом говорилось в действующих партийных документах. Но какие документы были действующими? Дела и решения, вся та бессмыслица, приписываемая моему отцу?

«Зевин говорит, что если будут документы о реабилитации и восстановлении в партии, они смогут писать по-другому, более правдиво» (16).

То есть, все было извращено до своей противоположности. Исходя из сфальсифицированных документов в изданиях, например, произведений Ленина утверждалось, что это, якобы, правильная оценка Бухарина. Когда мне было тринадцать лет, я не понимала, почему мой отец должен быть врагом, предателем. На меня это обрушилось как ужасное несчастье. Я сейчас даже не могу вспомнить, что происходило после этого у меня в голове. Ведь я выросла в Ленинских Горках, в семье Ленина. Как же я могла согласиться с обвинением, что мой отец замыслил убийство Ленина? Это же смешно! Кроме того, я была ещё ребенком, и нельзя было никому довериться. Все, о чем я думала, я должна была пережить сама. Но внутри у меня все горело. Я задала Зевину ещё несколько вопросов. Например, вошли ли в его архив множество писем Ленина

Бухарину, конфискованные при его аресте. Мой отец показывал мне письма от Ленина. Кажется, это было в 1934 или 1935 году. Я как раз, как это случалось часто, пришла к нему в Кремль. Отец открыл стол в своем кабинете и показал мне большой ящик, в котором — я помню это совершенно точно — находилась толстая, белая почтовая картонная коробка с голубой виньеткой. В ней лежали письма Ленина отцу.

М. Ю.: И каким был ответ?

С. Г.-Б.: Нет, не вошли!

М. Ю.: Как Вам показалось, к Вам отнеслись с пониманием?

С. Г.-Б.: Там были Зевин и другие. Один сотрудник — сейчас он профессор — занимался специально вопросами литературоведения. Я, конечно, была очень взволнована. Но разговор был очень предупредителен и дружелюбен. Зевин подчеркнул, что они будут писать на основании документов. Но что это означает? Действующие документы лгут, это — фальсификации! И они, и я знали, что это — фальсификации.

М. Ю.: Вы тогда так об этом и сказали?

С. Г.-Б.: Нет, тогда это было невозможно. В то время обвинения, предъявленные на процессе, были сняты. То есть, в ИМЛ они больше в краткой биографии Бухарина не писали «осужден». [Читает:]

«Зевин подчеркнул, что это является все-таки большим прогрессом, когда указывают на то, что Бухарин был членом Политбюро и сотрудником «Правды»» (17).

Какой прогресс! Я возразила: «Но ложное обвинение в антипартийной деятельности остается?»

В первую очередь, заявление Зевина, что отдел издания произведений Ленина в ИМЛ может использовать лишь одобренные партией документы и будет писать что-либо другое только тогда, когда будут открыты соответствующие, тяготело надо мной как кошмарный сон.

М. Ю.: Но ведь сотрудники ИМЛ могли ознакомиться с соответствующими документами в их архиве.

С. Г.-Б.: Разумеется, они все точно знали. Ведь архивные материалы уничтожены не были.

М. Ю.: К какому выводу пришли Вы после разговора?

С. Г.-Б.: Прежде всего, все, что я смогла вспомнить, я изложила на бумаге. Я пришла к заключению, что в нем было мало смысла. Меня охватил страх. Как мы будем дальше жить? Как можно так жить? Как может существовать страна на основе фальсификаций? Я поняла также, что при Брежнев все возвращается назад. Я поняла, что не должна обращаться к этим людям, особенно к Брежневу. Я сделала следующий вывод: реабилитация произойдет, когда она будет нужна руководству. Но буду ли я к тому времени ещё жива, этого я не знала. Я сделала несколько попыток написать Хрущеву и Брежневу. Несколько писем я даже отослала. Вот одно из них, Хрущеву:

«За время Вашего отсутствия в печати появились статьи, в которых с помощью самых худших сталинских методов лжи и подтасовки фактов снова было оклеветано имя моего отца, Николая Ивановича Бухарина...» (18).

И вот ещё кое-что интересное:

«15 августа [1964года], когда Вы были на целине, в “Литературной газете” поместилось статья Анны Караваевой о тридцатилетии первого съезда советских писателей 1934 года. И что же! Караваева рассказывает будто основные положения этого доклада, то есть доклада Н. И. Бухарина на съезде писателей, отражавшие порочные теоретические установки автора, не верно ориентировали советских литераторов. Это не чудовищное вранье? Разве Бухарин выступал на съезде как частное лицо, а не по поручению ЦК ВКП (б)? Разве его доклад не был утвержден в ЦК?» (19).

Во время разговора в ИМЛ с Зевиным они утверждали, что Бухарин выступал на съезде писателей в 1934 году как частное лицо. Я знала, наверное, что выступать там в качестве частного лица было невозможно. Сейчас стали известны документы, подтверждающие, что Сталин вместе со Ждановым и Стецким, бывшим учеником Бухарина, спровоцировали отца к этому выступлению. Это была чистая провокация! Сталин купил этого Стецкого, назначив его руководителем отдела агитации и пропаганды ЦК, т. е. поставил во главе отдела идеологии. Таким образом, он дискредитировал школу Бухарина. Жданов и Стецкий, получив для проверки текст доклада на съезде писателей, потребовали от отца, чтобы он осудил Маяковского. Это была чистая провокация. Он на это не согласился, однако, точно понял, о чем идет речь. Во время разговора я ещё не располагала этой информацией, хотя уже тогда составила для себя представление о том, что происходило. К тому времени в «спецхранилище» ещё можно было достать доклад Бухарина. Хорошо, что женщины, работавшие там, проявили ко мне сочувствие и дали то, что мне было нужно.

«Далее Караваева заявляет, что доклад Бухарина “был решительно отвергнут собравшимися»» (20).

В действительности же, он заслужил бурные овации. Это видно из стенограммы съезда, вышедшей отдельной книгой.

«Вся эта ложь съедает душу не только читателей, но и авторов её. Ведь у клеветы не может быть добрых намерений и лежит тяжелее всего на душе оставшихся всех живых детей Н. И. Бухарина. Они надеются, что имя их отца будет ограждено от недостойных выпадов людей, которые все ещё не могут отказаться от привычек культа [личности Сталина]» (21).

Вы думаете, приятно было пойти в специальное хранилище?! Поскольку я работала над Францией, мне в институте дали необходимое

для доступа в спецхранилище разрешение. Однако ведь там каждый знал, кто я такая. Когда я спросила о съезде писателей, который имел отношение не к Франции, а к моему отцу, все сразу поняли, что именно мне нужно.

М. Ю.: Вы это письмо послали Хрущеву?

С. Г.-Б.: Хрущеву я посылала несколько писем, Брежневу — нет (22). Я решила не опускаться до просьб, поскольку этим людям правда была не нужна. Они знали результаты работы комиссии по реабилитации, проверявшей дело. Они знали, что Николай Иванович невиновен. Они знали, что дело было сфальсифицировано! Отсюда же ясно, что правда для них значения не имела.

[Находит письмо]. Ах, про это письмо я уже совсем забыла. Я написала его в конце 1964 года, после того как неожиданно вновь вспыхнула кампания дискредитации против Бухарина, выдвинувшая при помощи старых сталинистских методов новые обвинения против Бухарина. Эта кампания, собственно, имела печальные материальные последствия. О мертвых не должно говорить плохо, потому что, в конце концов, их дети ещё живы. Как бы ужасно это ни звучало: грехи, приписываемые казненному отцу, теперь имели тяжелые последствия для жизни и работы его дочери. После того как 28 июня 1964 года в «Правде» была опубликована сокращенная статья из «Коммуниста» № 9 за 1964 год, руководство исторического института, где я работала, решило не придерживаться в отношении моей персоны ни законов, ни элементарнейших правил приличия. Они приняли решение вновь поручить мне не соответствующую моему образованию работу, а именно публикацию институтских статей, от которой я была освобождена в 1961 году благодаря помощи Комитета партийного контроля.

Это произошло следующим образом: научным секретарем нашего института назначили ужасного человека, он был ещё хуже, чем тот, с которым раньше беседовала Шатуновская. Он был карьеристом. Первым делом он вызвал меня к себе и сообщил: «Мы Вас снова переводим». Именно туда, откуда я ушла благодаря Шатуновской. Несмотря на то, что уже прошло три года после того, как я защитила кандидатскую диссертацию, я теперь вновь должна была вернуться к выполнению вспомогательных работ. Я ответила, что ни в коем случае не соглашусь с этим. Вы не знаете этих людей, у них на лице написан их характер. «Я бы советовал Вам согласиться», — сказал новый научный секретарь, скрипя зубами. Я ответила, что никогда на это не пойду, вышла из кабинета и пошла к заместителю директора института, к А. И. Страхову. Замдиректора был ненамного лучше, но все-таки не столь плох. Он заверил меня, что никаких вспомогательных работ я выполнять не буду, немедленно пошел к научному секретарю и устроил ему скандал.

М. Ю.: Были ли у Вас затруднения с защитой докторской диссертации?

С. Г.-Б.: Я не профессор. В 1988 году мне запретили защищать докторскую.

М. Ю.: На каком основании?

С. Г.-Б.: Не разрешил ЦК! Партийные инстанции отказались дать свое согласие. Директор института, Жуков, пытался провести мою защиту, но в 1980 году умер. Он был обязан моему отцу, благодаря ему он пришел в науку. Но Жуков всегда боялся, потому что он являлся отдаленным родственником. Хотя Жуков никогда не поддерживал отношений с Бухариным, его этим запугивали. Через год после смерти Жукова мне сказали, что моя защита не состоится, поскольку на это есть запрет.

М. Ю.: Новый директор не могла что-либо сделать для Вас?

С. Г.-Б.: Нет, она ничего не могла сделать, хотя и пыталась. Я была вынуждена ждать свыше десяти лет. Лишь когда я вышла на пенсию, через год после реабилитации отца, в годовщину его восстановления в партии 21 июля 1989 года, я смогла защитить докторскую диссертацию.

М. Ю.: Кто был членом комиссии?

С. Г.-Б.: Разные, но хорошо настроенные ко мне люди. Мне подарили так много цветов! Они все пришли с цветами, все!

М. Ю.: И те, кто Вам раньше вредил?

С. Г.-Б.: Нет. Да я бы их и не увидела. Зал был переполнен хорошими людьми.

М. Ю.: Как Вы считаете, имеет ли Горбачев, после всего, что произошло, ещё шанс реформировать эту систему?

С. Г.-Б.: Все очень запутано. Я думаю, нельзя отступать ни на шаг. Без мести! Без злобы! Без этих плохих чувств, характерных для старых времен... Один из основных уроков прошлого ужаса, через который мы шли пол-столетия, состоит в том, что ни одной благородной цели нельзя достигнуть преступными средствами!

М. Ю.: Где Вы учились? На каком факультете?

С. Г.-Б.: При поступлении в институт нужно было написать автобиографию. Но любая автобиография начинается с родителей. Кто бы принял меня в институт, если бы я написала, что мой отец — Бухарин? Если бы кто-нибудь затем доложил руководству, что в институт была принята дочь Бухарина, его директор с вероятностью в 90% оказался бы в тюрьме. Если бы я не указала, что Бухарин мой отец, меня бы обвинили в том, что я хочу скрыть факты. Соккрытие такого важного факта было опасно. Начни я где-либо учиться, я стала бы угрозой для себя и для окружающих. Не сразу, но я поняла это.

В 1942 году я поступила в архитектурный институт. Там работали хорошие люди, они меня приняли. Вся эта процедура была для меня

исключительно неприятна. Московский архитектурный институт находился в то время в Ташкенте. Он был туда эвакуирован. Нужно было принимать студентов, и там были открыты подготовительные курсы. Я туда поступила. Но пройти всю эту процедуру было как «провести верблюда в игольное ушко». Я поняла, нас не выпустят из поля зрения. Нет! Очень скоро к нам пришел какой-то человек. Что с ним обсуждала моя мать, я не знаю. Вроде бы, он проводит какие-то консультации, может помочь нам и т. д. Можете мне поверить, что нас не выпустили из поля зрения. Моя мать знала это точно. Непосредственной опасности ещё не было. Время ещё не доспело. Немцы под Москвой, а в это время заниматься ещё и мной?! Для этого ещё было слишком рано. Лишь когда я снова вернулась в Москву, начались трудности.

М. Ю.: И что же Вы, в конце концов, потом написали?

С. Г.-Б.: Я написала, что Бухарин — мой отец. Никто ничего не сказал. Потом вывесили списки лиц, зачисленных в институт. Вероятно, там были доброжелательные люди.

М. Ю.: Ваша мать всегда Вас поддерживала?

С. Г.-Б.: Лучшей мамы, чем моя, просто нет. Она умерла три года назад. Однажды она сказала: «Чтобы спасти дочь, я вынесу, если с меня живой сдерут кожу». Я никогда в этом не сомневалась. В 1949 году следователь бросил её в карцер, в холодный карцер. Её содержали в лагере «строгого режима», потому что она была человеком, отвергавшим все, что не могла одобрить. Никакая сила не могла бы её заставить сказать что-то, чего она не хотела, сделать что-либо не так, как она считала правильным...

М. Ю.: Когда Вы в первый раз писали свою автобиографию, помогала ли Вам Ваша мать. Давала ли она Вам советы?

С. Г.-Б.: В Ташкенте? Не помню. Но все остальное мы обсуждали. Когда мы снова были в Москве, и я захотела перевестись из архитектурного института на исторический факультет, мы всю ночь обсуждали, не буду ли я подвергаться опасности, если переведусь на исторический факультет. Я, дочь Бухарина, на историческом факультете! Всю ночь мы разговаривали, пока мама наутро, наконец, не сказала:

«Ну хорошо, переводись!»

Да, она меня всегда поддерживала. Она согласилась на шаг, который мог стать роковым для нас обеих. С другой стороны, ей было в этот момент, вероятно, ещё хуже, чем мне, потому что она не могла сказать мне, что этот шаг делает нашу гибель почти неизбежной. И все же это означало бы признать, что партия благожелательна не к каждому.

М. Ю.: Расскажите мне, пожалуйста, ещё о своем детстве. Где Вы в то время жили?

С. Г.-Б.: Я жила со своей мамой в центре Москвы. Мы туда приехали ещё в 1928 году, до того как мой отец развелся с мамой. Вместе с ним

мы жили там недолго. Жизнь тогда была очень сложной, несмотря на то, что мой отец и дедушка, Иван Гаврилович, отец Бухарина, жили с нами. В 1938/1939 гг. у нас забрали половину квартиры. Моя мать сразу же после казни отца была исключена из партии. Но что значило исключение из партии? Обычно сразу же следовало увольнение с работы. Но чем ещё может заняться научный сотрудник, уволенный с работы?! У неё был ребенок. И она понимала, что её в любой момент могли уволить. Но её не уволили! Почему, я не знаю. Вероятно, ещё оставались люди, поддерживавшие её и стремившиеся ей помочь в несчастье. Для нас же это означало, что мы не будем голодать. И все же было морально тяжело. Она получила строгий выговор, я не знаю, от московского комитета или от ЦК. Мне кажется, что решающий выговор был вынесен ЦК.

М. Ю.: Поддерживала ли Ваша мать взгляды Бухарина впоследствии?

С. Г.-Б.: Я не могу сказать, спрашивали ли её об этом. И что она на это ответила, мне также неизвестно. Но она была не из тех людей, кто говорит то, что от них хотят услышать.

М. Ю.: Я спрашиваю об этом, поскольку говорят, что, чтобы спасти свою жизнь, необходимо было отречься от Бухарина?

С. Г.-Б.: Конечно. Это лишь один из примеров того, в каких ужасных условиях жили люди.

М. Ю.: И как Вы прошли через эту ситуацию?

С. Г.-Б.: По крайней мере, я не сошла с ума. Когда моей матери в последний раз вынесли выговор, у нас уже забрали половину квартиры. У нас было четыре маленьких комнаты. Две у нас забрали и заселили в них женщину из нашего дома. Её муж также был арестован. У этой женщины было двое детей. Её квартиру отдали какому-то начальнику. Мне было тогда четырнадцать лет.

М. Ю.: Ваша мать Вам объяснила, почему у вас забрали комнаты?

С. Г.-Б.: Нет, почему Вы так решили? Боже мой! Я все это уже сама понимала. Моя мать думала так: меня исключили из партии, меня могут в любой момент уволить; пол-квартиры забрали, и меня даже могут арестовать. Что же будет тогда с моей дочерью? Это было ужасно. Она часто плакала. Я этого никогда им не забуду! Когда мне было двадцать пять лет, мне пришлось ещё раз пройти через унижения. Это было «продолжение образования» в области того, что происходило в действительности. Оно началось тюрьмой.

М. Ю.: Как Вы туда попали?

С. Г.-Б.: Потому что я училась в университете. Это случилось в 1949 году. Так называемые «десятилетние» вышли из лагерей на свободу; репрессированные, арестованные и не уничтоженные в 1937–1939 гг. Дети репрессированных — большинство из них погибли во время войны — вновь появились в высших учебных заведениях. Но что с ними делать?

Девушки были интеллигентными, полными надежд: я, как и многие другие. Они появились, а потом их снова арестовали — всех! Как и их родителей! В качестве основания для ареста могли, например, написать:

«В достаточной мере изобличена. Дочь Бухарина».

Там в тюрьме женщины рассказывали, кто за что сидит. Все без исключения сидели из-за своих казенных родственников... Это было мое первое достоверное знание о происходящем. Женщины научили меня многому. Сначала они спросили меня, кто я такая. Все они подходили по возрасту мне в матери, они были намного старше меня. Я ответила, что я студентка, но мой арест не имеет отношения к университету. Они умолкли и стали думать, кем я могу быть. Через два дня одна из них сказала:

«Мы знаем, кто Вы. Вы — “гидра”».

Я сейчас не могу сказать, откуда взялось это слово. Моего отца и остальных называли тогда «гидрой контрреволюции». Возможно, это слово встречается у Ильфа и Петрова. Женщины посоветовали мне: «Когда Вы в первый раз пойдете на допрос, обратите внимание, какую Вам дадут статью уголовного кодекса. Если Вы получите статью 7/35, можете радоваться. Это означает “член семьи”. Тогда Вы поедете не в лагерь, а в ссылку. А мы будем рады за Вас. Лучшего быть в принципе не может. Статья 58 — это очень плохо. Это значит “контрреволюция”». Я не помню, сколько раз меня водили на допрос. Возможно два-три раза. Они ничего не спрашивали, лишь писали:

«В достаточной степени виновна. Дочь Бухарина».

М. Ю.: А что произошло с Вашей матерью?

С. Г.-Б.: Мою мать увезли первой. Она не знала, что меня тоже арестуют. Нашу квартиру обыскали. Забрали все из письменного стола.

М. Ю.: Когда же арестовали Вас?

С. Г.-Б.: Сразу же, на следующее утро.

М. Ю.: Было ли Вам позволено до ареста учиться в вузе?

С. Г.-Б.: Нет. Уже за два с половиной года до этого я была отчислена. Сначала, действительно, меня приняли на исторический факультет. Но затем, на втором курсе, через полтора года учебы меня все же отчислили. Директор института был обязан меня отчислить. И все же было принято решение разрешить мне продолжать учиться экстерном. Моя мать добилась для меня этого.

М. Ю.: В качестве основания для отчисления, по всей вероятности, было указано, что Вы являетесь дочерью Бухарина?

С. Г.-Б.: Нет. Написали, что я, якобы, нерегулярно посещаю занятия.

М. Ю.: По всей видимости, Ваша мать никогда не теряла мужества?

С. Г.-Б.: Никогда! Только когда опасалась, что я буду голодать, когда её увезли в тюрьму. Но женщины, сидевшие в камере вместе с ней, успокоили её:

«Не бойтесь, Светлана тоже уже здесь, в тюрьме. А это значит, что она не умрет от голода». [Громко смеется]. Эти женщины понимали, что нас арестовали не потому, что моя мать сопротивлялась режиму, а потому, что я была дочерью Бухарина. Нельзя же было меня арестовать, а её оставить. Нас обеих доставили на Лубянку. Я получила статью 7/35, то есть «член семьи» и «ссылка». По этому поводу у нас в камере состоялся небольшой праздник...

Нам, студентам, находившимся под арестом, впоследствии не заплатили никакой компенсации. Ни копейки за весь этот кошмар! Все остальные, в том числе и моя мать, вернувшаяся в 1956 году, получили компенсацию в размере двойного оклада. Наши жизни не стоили ничего. За жизни же родителей мы кое-что получили. Это смешно, в какую сумму они оценили отца: за жизнь отца — 4.400 рублей. Таким образом, мы, четверо потомков отца, получили по 1.100 рублей за жизнь Бухарина [смеется].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Личный архив А. Лариной-Бухариной.
2. РГАНИ. Комиссия Шверника. Всего 10 страниц. Справка была подготовлена на основе Постановления Президиума ЦК КПСС от 6 мая 1961 г. (П 326/XXV).
3. Личный архив С. Н. Гурвич-Бухариной.
4. Личный архив А. М. Лариной
5. Мысль о том, что сумма разномасштабных правд даёт ложь, мысль, с которой я так сроднилась, что она кажется уже моей, принадлежит не мне, а нашему известному актёру — Сергею Владимировичу Образцову, которую он высказал в своей книжке, конечно, совсем по другому поводу.
6. Я была осуждена на 8 лет лагерей, как член семьи изменника родины, еще до суда над Бухариным. После процесса меня вновь арестовали в лагере и увезли в Новосибирск. Посадили в одиночную камеру в подвале, где на полу стояла вода и бегали крысы. От меня требовали выдать контр-революционную организацию молодежи, о которой я понятия не имела. Я не занималась контрреволюцией. Я занималась в экономическом институте, который только успела закончить, и работала от райкома комсомола пропагандистом на заводе Ильича. Следователь кричал мне: «Нет места вам на Советской земле!». Через несколько месяцев двое охранников повели меня на расстрел. И когда меня подвели к оврагу, где действительно расстреливали, и вот-вот сердце мое перестало бы уже биться, произошло чудо. Прибежал запыхавшийся конвоир и еще издали крикнул: «Ванёк, вертай назад!». Сменивший Ежова Берия, прежде чем принимать такое решение, захотел со мной познакомиться, и в тот же день меня увезли в Москву к Берия. Он хвастался своей гуманностью, заявив, что Ежов, конечно, меня бы расстрелял, И после того, как я два года провела во внутренней тюрьме на Лубянке, я была вновь отправлена в лагерь.

7. Личный архив Ю. Н. Ларина.
8. Архив клуба Н. И. Бухарина в г. Набережные Челны.
9. АМБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Ягода, Крестинского. Арх. № Н 13614. Том 53. Л.179.
10. Смотрите следующий документ, № 9.
11. АМБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Ягода, Крестинского. Арх. № Н 13614. Том 53. Л.180.
12. Подразумевается т. н. секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году.
13. В этой квартире С. Гурвич-Бухарина еще проживала во время проведения интервью.
14. После беседы в Институте марксизма-ленинизма Гурвич-Бухарина по памяти сделала записи, которые она цитирует. См. Гурвич-Бухарина С. Н. Разговор в ИМЛ от 5 мая 1965, — Личный архив Гурвич-Бухариной С. Н.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Гурвич-Бухарина С. Н. Хрущеву Н. С. 16 августа 1964. — Личный архив С. Н. Гурвич-Бухарина.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. С. Гурвич-Бухарина не послала ни одного письма Брежневу, но в ЦК КПСС обращалась. См. № 4 в документальном приложении.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы из архивов

Архив клуба им. Н. И. Бухарина в Набережных Челнах

Калачев А. Бухарин и вопросы о государстве (доклад на конференции о Н. И. Бухарине в Набережных Челнах 24 сентября 1988 г.).

Клуб комсомольских активистов в г. Брежневле руководителям партии. Апрель 1987.

Писигин В. Вступительный доклад на конференции о Н. И. Бухарине в Набережных Челнах 24 сентября 1988 г.

Тукаев И. Кооперация 20-х годов (Ульяновск 1988) (доклад на конференции о Н. И. Бухарине в Набережных Челнах в 24 сентября 1988 г.).

Архив музея Октябрьской революции

Выставка Н. И. Бухарина 1888–1938. Книга отзывов. Москва 1988.

Архив Федеральной службы безопасности Российской революции (АФСБ РФ)

Архивная справка № 1 от 9 апреля 1956 //АФСБ РФ. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Л.132–134.

Архивная справка № 2 от 19 апреля 1956 //АФСБ РФ. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Л.135–138.

Дело Гринько Г. Ф., Иванова В. И., Зеленского И. А. //АФСБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского. Арх. № Н 13614. Т.53. Л.123–128, 138.

Дело на Бухарина Н. И. //АФСБ РФ. Арх. № Н 13614.

Копия протокола допроса Розенблум А. А. от 27 декабря 1955 (начальник санчасти) //АФСБ РФ. Материалы дополнительной проверки по уголовному делу по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., и других. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Т.95. Л.214–217.

Копия протокола допроса Розенблум А. А. от 16 ноября 1954 //АФСБ РФ. Материалы дополнительной проверки по уголовному делу по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., и других. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Т.95. Л.218–220.

Письмо руководителя секретариата Военной коллегии Верховного совета СССР, А. Никонова А.М. Лариной (Бухариной). 9 февраля 1988 //АФСБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Ягода, Крестинского. Арх. № Н 13614. Т.53. Л.179. (Смотрите № 8 в документальном приложении).

Опись документов находящие в деле № Н 13614 //АФСБ РФ. Материалы дополнительной проверки по уголовному делу по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., и других. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Т.95. Л.1.

Протокол допроса Бухарина Н. И. 5 марта 1937 г. //АФСБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Ягода, Крестинского. Арх. № Н 13614. Т.53. Л.141–160.

Протокол допроса Ежова Н. И. //АФСБ РФ. Материалы дополнительной проверки по уголовному делу по обвинению Бухарина Н. И., Рыкова А. И., и других. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Т. 96. Л. 1–28.

Протокол очной ставки Бухарина и Чернова от 7 марта 1937 //АФСБ РФ. Судебное производство по делу Бухарина, Рыкова, Ягода, Крестинского. Арх. № Н 13614. Т.53. Л.161–180.

Справка КГБ от 20 декабря 1961 //АФСБ РФ. Дело на Бухарина. Арх. № Н 13614. Л.141–160.

Справка по результатам изучения материалов дела антисоветского «ПРАВОТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА» //АФСБ РФ.

Личный архив автора

Интервью с Афанасьевым Ю. Н. от 20.02. 1991.

Интервью с Cohen St. F. от 28.06. 1997.

Интервью с Ежевым В. И. от 7.06. 1991.

Интервью с Гореловым И. Е. от 18.03.1991.

Интервью с Логиновым В. от 20.05. 1991.

Интервью с Мокеевым В. от 5.03.1991.

Интервью с Морозов Л. от 29.05. 1991.

Интервью с Наумовым В. П. от 21.05. 1991.

Интервью с Писигином от 1.03. 1991.

Интервью с Шкаренковым Л. К. от 21.05. 1991.

Справка идеологического отдела ЦК КПСС о письме Гурвич-Бухариной С. Н. Погодину Н. от 22 апреля 1962. 9 апреля 1965.

Личный архив Гурвич-Бухарины С. Н.

Гурвич-Бухарина С.Н. Заявление дочери Н. И. Бухарина, Н. С. Хрущеву. Написано после 21 апреля 1962.

— Погодину Н. от 22 апреля 1962.

— Хрущеву Н. С. от 16 августа 1964.

— Разговор в ИМЛ от 5 мая 1965.

— Заявление дочери Н. И. Бухарина в Президиум ЦК КПСС. После 5 мая 1965
Гурвич Есфирь Президиуму ЦК КПСС от 28 марта 1961.

Личный архив Лариной-Бухариной А. М.

Бухарин В. И. Заявление В. И. Бухарина и членов его семьи В КОМИТЕТ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС, председателю т. ШВЕРНИКУ Николаю Михайловичу от 2 мая 1961. (Смотрите № 1 в документальном приложении).

Ларина-Бухарина А. М. Заявление в Президиум XXII съезда КПСС от 30 августа 1961. (Смотрите № 3 в документальном приложении).

— Заявление в Президиум XXIII съезда КПСС от 25 марта 1966. С.1–3

— Заявление от А. М. Лариной Генеральному Секретарю ЦК КПСС, товарищу Брежневу Леониду Ильичу от 8 января 1976. (Смотрите № 5 в документальном приложении).

— Генеральному секретарю ЦК КПСС председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Л. И. Брежневу и Председателю КПК при ЦК КПСС т. А. Я. Пельше от 18 августа 1976. С.1–18.

— В Президиум XXVI съезда КПСС от 16 февраля 1981. С.1–3.

— Ларин Юрий. Генеральному Секретарю ЦК КПСС т. М. С. Горбачеву от 27 марта 1985. С.1.

— Генеральному Секретарю ЦК КПСС т. М. С. Горбачеву и Президиуму XXVII съезда КПСС от 17 февраля 1986. С.1–22.

— Председателю Верховного суда СССР т. В. И. Теребилову от 6 апреля 1987.

Личный архив Ларина Ю. Н.

Ларин Ю. Н. Заявление в Политбюро ЦК КПСС от 8 января 1976 (смотрите № 6 в документальном приложении.)

— Председателю Верховного Суда СССР Смирнову Л. Н. от 11 июня 1977 г.

— Председателю Верховного Суда СССР Смирнову Л. Н. от 21 декабря 1977 г.

— Генеральному секретарю ЦК КПСС Андропову Ю. В. и членам Политбюро ЦК.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Бабурин С. Председателю Президиума Верховного совета СССР, генеральному секретарю ЦК КПСС, т. Брежневу Л.И. от 27 августа 1977 //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля. С.1–12.

Личное дело на работника снятого с персонального учета № 56670. Номенклатурное дело Бухарина Н. И. //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля.

Новаковский М. В. В редакцию журнала «Коммунист» // РГАНИ. Ф.5. Оп.30, (1961). Д.375 (ролик 4635). Л.47.

— Некоторые вопросы истории КПСС и культ Сталина //РГАНИ. Ф.5. Оп.30, (1961). Д.375 (ролик 4635). Л.47–64.

Обсуждение на Пленумах ЦК ВКП (б) в середине 30-х годов вопроса о группе Бухарина. Справка Наумова В. П. от 4 февраля 1988 (на 10 страницах) //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля.

О работе комиссии февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина, Рыкова. Справка Наумова В. П. от 4 февраля 1988 (на 3 страницах) //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля.

Перечень наиболее существенных вопросов, поступивших на партийных собраниях Академии общественных наук, высшей партийной школы и Московского государственного университета //РГАНИ. Ф.5. Оп.30 (1956). Д.139. Л.5–27.

Протокол № 2. Заседание КПК при ЦК КПСС от 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС (факсимильная копия) //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля. Ф.88. Оп.2. Д.2. Л.1–7.

Протокол № 2. Заседание КПК при ЦК КПСС от 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС (факсимильная копия) //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля. Ф.88. Оп.2. Д.2. Л.9–16.

Справка КГБ [для ЦК КПСС об историке Новаковском М. . из г. Рига] от 5 апреля 1962 //РГАНИ. Ф.5. Оп.30, (1961). Д.375 (ролик 4635). Л.46.

[Справка комиссии Президиума ЦК КПСС по результатам проверки дела о «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОМ БЛОКЕ»] от 26 сентября 1961 //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля. (Смотрите № 2 в документальном приложении).

Справка о результатах проверки материалов открытого судебного процесса по делу Бухарина Н. И., Рыкова А. И. и других //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля.

Справка работника КПК, Каткова Н.Ф. о Протоколе № 2 заседания КПК при ЦК КПСС от 21 июня 1988 г. по рассмотрению дел о партийной реабилитации в соответствии с решениями октябрьского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС (факсимильная копия) //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля. Ф.88. Оп.2. Д.2. Л.9–16.

Шверник Н. Председателю Мосгорисполкома т. Воротникову Н. И. от 28 июня 1961 //РГАНИ. Архив комитета партийного контроля.

Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ)

Ларин Ю. В Политбюро ЦК КПСС. Январь 1965 //РГАСПИ. Ф.84. Оп.1. Д.144. Л.71–73.

Ларина-Бухарина А. М. В Президиум ЦК КПСС. Январь 1965 //РГАСПИ. Ф.84. Оп.1. Д.144. Л.47–70.

Переписка центрального партийного архива ИМЛ //РГАСПИ. Сектор поступления письма.

Пленум ЦК ВКП (б) 1929. 10–17 ноября. Стенографический отчет //РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Ед. хр.

Поспелов П. Н. О задачах научно-исследовательской работы кафедры истории КПСС высших учебных заведений //РГАСПИ. Личный фонд Поспелова. Ф.629. Оп.1. Д.76. Л.1–40.

Протоколы заседаний редакции журнала «Коммунист» по 1962 г. //РГАСПИ. Ф.599. Оп.1. Д.189, 192, 193, 199.

Протокол заседания комиссии Пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. 27 февраля 1937 //РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.577. Л.30, 33.

Стенограмма заседания пленума ЦК ВКП (б) за 4 и 7 декабря 1936. Стенограммы с авторскими правками //РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Ед. хр. 574.

Справка руководителя идеологического отдела ЦК КПСС, Украинцева В. № 07252/64 в ЦК КПСС от 9 апреля 1965 [Справка о письме Гурвича-Бухарина С. Н. от 16 августа 1964. См. личный архив Гурвич-Бухариной С. Н.] //РГАСПИ.

2. Опубликованные источники

На русском языке

Барсуков Н. А. Обратная сторона «оттепели». Историко-документальный очерк //Кентавр. 1993. № 4. С.129–1143.

Бовин А. Е. Человек и его время //Иноземец Н. Цена победы. — М., 1995. С.6–13

Бухарин Н. И. Будущему поколению руководителей партии //Спутник. 1988. № 5. С.117.

— Письма // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С.42–50.

— Последнее письмо жене //Известия. 13 окт. 1992.

— «Прости меня, Коба...». Неизвестное письмо Н. Бухарина (Публикация Мурина Ю.) //Источник. 1993. № 0. С.23–25.

— Последнее письмо И. В. Сталину // Родина. 1993. № 2. С.52–54.

— «Всюду и везде я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности...». Письма Н. И. Бухарина последних лет. Август–декабрь 1936 г. Публикация Мурина Ю. //Источник. 1993. № 2. С.4–18.

— Философские арабески. Диалектические очерки //Вопросы философии. 1993. № 6. С.19–73.

— Времена. Роман. — М., 1994.

— Тюремные рукописи Н. И. Бухарина. В 2-х книгах. Кн.1: Н. И. Бухарин. Социализм и его культура. Кн.2: Философские арабески. Диалектические очерки. — М.: АИРО-XX, 1996.

Бухарин Николай. Документальный фильм. Режиссер-постановщик Андриканис Е. Мосфильм. 1988.

Во имя законности, справедливости и правды. В ЦК КПСС //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.107.

Выписка из решений Политбюро ЦК ВКП (б) за 27 октября — 25 ноября 1938 г. //Исторический архив. 1992. № 1. С.131.

Выступление Бухарина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б). 18 апреля 1929 г. /Сост. Смирнов Г. Л., Журавлев В. В., Наумов В. Р. Бухарин Н. И.: Проблемы теории и практики социализма. — М., 1989. С.253–308, 318.

В ЦК КПСС //Вопросы ЦК КПСС.1963. № 1. С.1–5.

Гефтер М. Я. Все мы заложники мира предкатастроф. Письмо американскому историку Стивену Коэну //Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. — М., 1991. С.85–91.

Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа //Московские новости. 1992. 21 июня. С.18–19.

Горбачев М.С. Потенциал кооперации — делу перестройки. Выступление на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1986 г. Москва, 1988.

Дело о «Ленинградском центре» //Вестник верховного суда СССР. 1991. № 5. С.15–18.

Девятый (XI) пленум Исполкома Коммунистического Интернационала. Резолюции и постановления. — М., 1928.

Двадцать второй (XXII) съезд КПСС Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. — М., 1962. Т.1.3.

Евтушенко Е. А. Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Горбачеву М. С. //Евтушенко Е. А. Политика привилегия всех. — М., 1990. С.33.

— Вдова Бухарина //Известия. 1988. 25 марта.

— Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП (б) 1936 года //Вопросы истории. 1995. № 1. С.3–21

Из «отчета о работе Комитета Партийного контроля при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956–1961гг.) /Сост. Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. Р. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991. С.80–91.

Из постановления пленума Верховного суда СССР. 4 февраля 1988 г. //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.120.

Коммунистическая Партия — вдохновитель и вождь Советского народа //Правда. 1956. 6 июля. С.2.

Ларина-Бухарина А. Незабываемое. — М., 1989.

Ленин В. И. Письмо к съезду //Коммунист. 1956. № 9. С.15–19.

Массовые репрессии оправданы быть не могут //Источник. 1995. № 1. С.117–132.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года //Вопросы истории. 1992. № 2–12. 1993 № 2, 5–9. 1994 № 2, 6–8, 10, 12. 1995 № 4–8, 10.

Об антиконституционной практике 30–40-х и начала 50-х годов // Источник. 1995. № 1. С.123–130.

Об образовании комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 28 сентября 1987 //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.109–110.

О партийности лиц, проходивших по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» /Сост. Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. Р. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991. С.241–260.

О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы //Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С.124–131.

О так называемом «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» //Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С.78–94.

О так называемом «антисоветском правотроцкистском блоке» //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.122–131.

О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов. Указ Президиума Союза Советских Социалистических Республик //Сост. Кури-

лов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. Р. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991. С.332–333.

О журнале Вопросы истории. Постановление ЦК КПСС от 9 марта 1957 г. //Справочник партийного работника. — М., 1957. С.382–383.

Письмо Н. И. Ежова в ЦК ВКП (б), 23 ноября (не сентября!) М.Ю.) 1938 г. //Исторический архив. 1992. № 1. С.129–130.

Порядок организации работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Приложение к протоколу № 1 //Известия ЦК КПСС.1989. № 1. С.112.

Последняя «Антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС //Исторический архив. 1993. № 3–6; 1994. № 1–2.

Постановление Центрального Комитета КПСС. О преодолении культа личности и его последствий //Правда. 1956. 2 июля. С.1–3.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. //Исторический архив. 1992. № 1. С. 123–128.

Принципы перестройки. Революционные мышление и действие //Правда. 1988. 5 апреля. С.2.

Протест (в порядке надзора) по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. Р. Розенгольца, М. А. Чернова, Р. Р. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, Р. Р. Крючкова, Х. Г. Раковского //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.114–119.

Протокол № 2 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 5 февраля 1988 г. //Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С.113.

Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партии Советского Союза. Москва, 1958.

Протокол заседания комиссии Пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Рыкова. 27 февраля 1937 //Известия ЦК КПСС.1989. № 5. С.79–80, 82–83.

Расстрел по разнарядке, или как это делали большевики //Труд. 1992. 4 июня. С.1–4.

Серебрякова Г. Вера неиссякаемая // Литературная газета. 1964. № 97. С.2–3.

Сколько делегатов XVII съезда Партии голосовало против Сталина? К истории голосования при выборах центральных органов партии на XVII съезде ВКП (б) // Известия ЦК КПСС.1989. № 7. С.114–121.

Сообщение Министерства внутренних дел СССР //Правда. 1953. 4 апреля. С.1.

Советская социалистическая законность неприкосновенна //Правда. 1953. 6 апреля. С.1.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991.

Трагедия в медведевском лесу. О расстреле политзаключенных Орловской тюрьмы //Известия ЦК КПСС.1990. № 11. С.124–131.

- Хрушев Н.С. Материалы к биографии. Сост. Аксиутин Ю. В. — М., 1989.
 — О культе личности и его последствиях //Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С.128–170.
 — Хрушев Н. С. вспоминает... //Аргументы и факты. 1989. № 13 (1–7 апр.). С.2.
 — Мемуары //Вопросы истории. 1990. № 2–12, 1991. № 1–12, 1992. № 1, 3, 6–9, 11–12. 1993. № 2–5, 10. 1994. № 10–11, 1995. № 2–6.
 — «Сам я не слушал, но мне говорили...». Сост. Анфилов В. А. //Военно-исторический журнал. 1994. № 4. С.83–91.

На других языках

Beschluß des Zentralkomitees der KPdSU vom 30. Juni 1956: «Über die Überwindung des Personenkults und seine Folgen» //Meissner B. Russland unter Chruschtschow. — München, 1960. S.271–284.

Bucharin N. I. An die künftige Generation führender Parteifunktionäre //«Unpersonen». Wer waren sie wirklich? Bucharin, Rykow, Trotzki, Sinowjew, Kamenew. — Berlin, 1990. S.10–12.

— An Stalin. Ein unbekannter Brief, kommentiert und übersetzt von Hedeler W. und Stoljarova R. //Sozialismus. 1993. № 9. S.58–60.

— Gefängnisschriften. — Berlin, 1996.

Gorbatschow M. Die Rede. «Wir brauchen die Demokratie wie die Luft zum Atmen». Referat vor dem ZK der KPdSU am 27.1.1987. — Hamburg, 1987.

— «Die Jugend als schöpferische Kraft der Erneuerung». Rede vor dem XX. Komsomolkongreß am 16.4.1987 //Sowjetunion heute. 1987. № 5 (приложение).

— Die Oktoberrevolution und der Umgestaltungsprozeß //Sowjetunion heute. 1987. Ноябрь. Специальный выпуск.

— Erinnerungen. — Berlin, 1995.

Gurwitsch-Bucharina S. «Freude mit Tränen in den Augen». Ein Interview //Löwy A.G. Die Weltgeschichte ist das Weltgericht. Leben und Werk Nikolaj Bucharins. — Wien, 1990. S.421–430

Die Prinzipien der Umgestaltung- Revolutionäres Denken und Handeln // Sowjetunion heute. 1988. № XXIII–XXVIII.

Hielscher K. Die «Pamjat»-Bewegung in der Sowjetunion //Osteuropa. 1990. № 3. A137–149.

Larina-Bucharina A. Nun bin ich schon weit über zwanzig. Erinnerungen. — Göttingen, 1989.

Meyer G. (сост.) Wir brauchen die Wahrheit. Geschichtsdiskussion in der Sowjetunion. — Köln, 1989.

Pelikan J. (сост.) Das unterdrückte Dossier. Bericht des ZK der KPTsch über politische Prozesse und «Rehabilitierungen» in der Tschechoslowakei 1949–1968 (the Pillar-rapport). — Wien, 1970.

Pirker T. (сост.) Die Moskauer Schauprozesse 1936–38. — Muenchen, 1963.

Prozeßbericht über die Strafsache des Antisowjetischen «Blocks der Rechten und Trotzlisten». Vollständig stenographischer Bericht. — Moskau, 1938.

- Rehabilitierung der Mörderärzte //Ostprobleme. 1953. № 16. S.632.
Schuetzler H. (сост.) Schauprozesse unter Stalin 1932–1952. Zustandekommen, Hintergründe, Opfer. — Berlin, 1990.
Trepper H. Der Sozialismus und das Vaterland sind in Gefahr! //Osteuropa. 1990. № 7. A390–402.
 Über die Überwindung des Personenkults und seiner Folgen /Сост. *Meissner B.* Russland unter Chruschtschow. — München, 1960. S.271–284.
 Verbrecherische Abenteurer entlarvt //Ostprobleme. 1953. № 16. S.634.

3. Энциклопедии, учебные и справочные издания

На русском языке

- Большая советская энциклопедия. — М., 1926–47.
 Большая советская энциклопедия. — М., 1948–60.
 Большая советская энциклопедия. — М., 1970–78.
 Большой энциклопедический словарь. — М., 1991.
 Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. — М., 1957–1968.
 Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия. — М., 1987.
 История КПСС. — М., 1959.
 История КПСС. — М., 1962.
 История КПСС. — М., 1969.
 История КПСС. — М., 1978.
 История ВКП (б). Краткий курс. — М. 1938.
 Учебник истории КПСС. — М., 1962.
 Советская историческая энциклопедия. — М., 1961–76

На других языках

- Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang. — Dortmund, 1976.
Torke H.-J. (Сост.) Historisches Lexikon der Sowjetunion 1917/22 bis 1991. — München, 1993.

4. Литература

На русском языке

- Афанасьев Ю.* «С позиции правды и реализма» //Советская культура. 1987. 21 марта. С.3.
Афанасьев Ю., Карпинский Л., Огородников М. Мышление без «погон» //Московские новости. 1988. 25 сентября. С.2.

- Афанасьев В.* Демократия и гласность //Правда. 1987. 14 декабря. С.2.
Амбарцумов Е. Уроки НЭПа //Московские новости. 1986. 9 ноября. С.3.
Андреева Н. Не могу поступаться принципами //Советская Россия. 1988. 13 марта. С.3.
Анин Д. Актуален ли Бухарин? //Континент. 1975. № 2. С.281–314.
Антонов М. Несуществующие люди //Наш современник. 1989. № 2. С.125–150.
Авторханов А. Технология власти. — Нью-Йорк, 1979.
— Технология власти //Вопросы истории. 1991. № 1. С.126–145; 1991. № 11. С.62–81; 1991. № 12. С.73–89.
Белади А. Краус Т. Сталин. — М., 1990.
Биография тт. Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Сталина, Томского. — М., 1928.
Блок М. Апология истории. — М., 1986.
Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Николай Бухарин. Эпизоды политической биографии //Коммунист. 1988. № 13. С.91–109.
— Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина //Вопросы ЦК КПСС. 1988. № 8. С.15–33.
— Время трудных вопросов //Правда. 1988. 3 октября. С.3.
— Поздний Бухарин. Представления о социализме /Сост. Солопов А. Н. Бухарин. Человек, политик, ученый. — М., 1990. С.149–161.
— История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992.
Борин А. Ритуал. Листы архивного дела № 18856 по обвинению Н. М. Лукиной-Бухариной //Литературная газета. 1988. 23 ноября. С.12.
Бородулин В. И., Тополянский В. Д. Димитрий Димитревич Плетнев //Вопросы истории. 1989. № 9. С.36–54.
Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука Коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической Партии (большевиков), принятой на 8 съезде. — М., 1919.
Бухарин Н. И. Великая реконструкция. О текущем периоде пролетарской революции в нашей стране //Правда. 1930. № 49. 19 февраля.
— Выступление Н. И. Бухарина, посвященное памяти Скворцова-Степановна (Вступительная статья и комментарии Лешева Б. В.) //Вопросы философии. 1988. № 5. С.75–84.
— Заметки экономиста //ЭКО. 1988. № 8. С.55.81
— Заметки экономиста. К началу хозяйственного года //Правда. 1928. 30 сентября.
— Избранные произведения. — М., 1990.
— Избранные труды. История и организация науки и техники. — Л., 1988.
— К новому поколению. Доклады, выступления и статьи, посвященные проблемам молодежи (Сост. Криворученко В. К., Строканов А. А., Писигин В. Ф.). — М., 1989.
— Какой должна быть молодежь? Наши основные задачи и молодежь. Доклад на X губернском съезде Московской организации РЛКСМ (24 фев-

- раля — 3 марта 1926) /Сост. Криворученко В. К., Строканов А. А., Писигин В. Ф. Бухарин: К новому поколению. — М., 1990. С.408–435
- Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. — Л., 1989.
- Памяти Ильича //Правда. 1988. 12 февраля. С.3.
- Политическое завещание Ленина //Коммунист. 1988. № 2. С.93–102.
- Путь к социализму. Избранные произведения. — Новосибирск, 1990.
- Экономика переходного периода. Часть первая. Общая теория трансформационного процесса. — М., 1920.
- Экономика Советской страны //Известия. 1934. 12 мая. С.3.
- Бутенко А. Р.* Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. — Л., 1990.
- Голанд Ю.* Что предшествовало «великому перелому» 1929 года //Политическое образование. 1989. № 8. С.74–78.
- Гончарук Л.А.* Концепция социализма Н. И. Бухарина //Научный доклад высшей школы: Научный коммунизм. 1989. № 10. С.79–86.
- Горелов И., Осипов А.* Николай Иванович Бухарин //Агитатор. 1988. № 5. С.21–25.
- Горелов И. Е.* О книге С. Коэна «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938» /Коэн С. «Бухарин. Политическая биография. 1888–1938». — М., 1988. С.545–555.
- Николай Бухарин. — М., 1988.
- Альтернативы и кризисы в период НЭПа //Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С.3–18.
- Горинов М. М., Цакунов С. В.* Ленинская концепция НЭПа. Становление и развитие //Вопросы истории. 1990. № 4. С.20–39.
- Горинов М. М.* Советская страна в конце 20-х начале 30-х гг. //Вопросы истории. 1990. № 11. С.31–47.
- Гребенник Г. П.* А все-таки альтернатива была. К вопросу о повороте 1929 г. (Статья не была опубликована, а в конце 1988 года послана в редакцию журнала «Вопросы истории»). Частично опубликовано в книге: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1992. С.133–136.
- Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы. Кто есть кто? — М., 1990.
- Гурвич-Бухарина С. Н.* «Опровержение, которое было бы излишне...» //Коммунист. 1992. № 1. С.80–84.
- Данилов В. Р., Красникова С. А.* Оппонент «Великого перелома». К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина //ЭКО. 1988. № 8. С.45–54.
- Данилов В. Р., Тетцов Н. В., Ильин А.* Коллективизация. Как это было // Правда. 1988. 26 августа. С.1, 3. 16 сентября. С.3.
- Данилов В. Р., Ивницкий Н. А.* (Сост.) Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. — М., 1989. С.261–288.

- О литературном наследстве Н. И. Бухарина /Сост. Камзолова Т. Н.: Н. И. Бухарин. Указатель литературы АН СССР. — М., 1989. С.1–8
- «Бухаринская альтернатива» /Сост. Солопов А. Н. Бухарин. Человек, политик, ученый. — М., 1990. С.82–130.
- Коллективизация сельского хозяйства в СССР //История СССР. 1990. № 5. С.7–30.
- Данилов В. Р., Красникова С. А. Предисловие /Бухарин Н. И. Пути к социализму. Избранные произведения. — Новосибирск, 1990. С.V–XXVI.
- Дело Бухарина. Об отказе в реабилитации Н. И. Бухарина //Хроника защиты прав в СССР (Нью-Йорк). 1977. № 27. С.16–17.
- Деннис Ю. О значении XX съезда КПСС //Правда. 1956. 27 июня. С.2–4.
- Диденко А. М., Цыганаш Н. Г. Идеиная борьба в РКП (б) — ВКП (б) в 20-е годы. Опыт. Уроки. (Дискуссия в Ростовской высшей партийной школе. Ноябрь 1988) //Известия Северно-Кавказского научного центра высшей школы общественной науки. 1989. № 2, С.34–36.
- Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. — М., 1989.
- Эффект Коэна–Горелова. Телепатия или шарлатанство // Московская гвардия. 1989. № 12. С.268, 275
- Евсеев М. П. К истории политической экономии социализма в СССР, 1926–1936 гг. — Томск, 1971.
- Журавлев В., Наумов В. Возвращение к правде. К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина //Правда. 1988. 9 октября. С.3.
- Земсков В. Н. Гулаг. Историко-социологический аспект //Социологические исследования. 1991. № 6. С.10–27.
- Зевелев А. И. Ленинская концепция историко-партийной науки. — М., 1982.
- Иллеш Е. В бывшем Брежнев... //Советская культура. 1988. 7 июля. С.3.
- Президент читает Бухарина //Советская культура. 1988. 5 ноября. С.5.
- Премии фонда Бухарина //Советская культура. 1989. 18 марта. С.3.
- Иванов В. В борьбе за единство //Правда. 1979. 27 мая. С.3.
- Кабанов В. В. Александр Васильевич Чайанов // Вопросы истории. 1988. № 6. С.146–167.
- Капустин М. Конец утопии? Прошлое и будущее социализма. — М., 1990.
- Караваева А. Наше тридцатилетие //Литературная газета. 1964. № 97. С.1, 3.
- Карпинский Л., Мокеев В., Писигин В. Не играйте в бирюльки //Московские новости. 1988. 9 октября. С.8–9.
- Кислицын С. А. Освещение в общественно-политической литературе борьбы ВКП (б) с так называемым «Правым уклоном». Вопросы теории и историографии //Известия Северно-Кавказского научного центра высшей школы общественной науки. 1989. № 2. С.10–21.
- Кислицына И. Г., Кислицын С. А. Круглый стол. Концепция социализма в работах Н. И. Бухарина о политическом завещании В. И. Ленина. (Ростов-на-Дону. Октябрь 1988) //Известия Северно-Кавказского научного центра высшей школы общественной науки. 1989. № 2. С.37–39.

- Клямкин И.* Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10. С.55–64.
- Knoll V., Kuhl L.* (сост.) Der Fall Berijas. Protokoll einer Abrechnung. Das Plenum des ZK der KPdSU im Juli 1953. Stenographischer Bericht. — Berlin, 1993.
- Коэн Ст.* Бухарин. Политическая биография 1888.1938. — М., 1988.
- На крутом повороте. Бухарин и Сталин накануне «великого перелома» // Знание — сила. 1988. № 9. С.64–74.
- Предисловие к советскому изданию // Огонек. 1988. № 45. С.28.
- Дуумвират. Бухарин и Сталин // Огонек. 1988. № 45. С.29–31
- «Хранить вечно». Тюремные рукописи Н. И. Бухарина // Свободная мысль. 1995. № 12. С.50–56.
- Коллективизация. Как это было // Правда. 1988. 26 августа и 16 сентября. [Интервью с Даниловым В. К.].
- Конференция молодых ученых в институте экономики АН СССР // Вопросы экономики. 1988. № 9. С.94–105.
- Корольков И.* Самовар «ЭКО» и тысяча вопросов // Известия. 1988. 26 октября.
- Костырченко Г.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. — М., 1994.
- Кожин В.* Уроки истории. О ленинской концепции национальной культуры // Москва. 1986. № 11. С.183–198.
- «Мы меняемся?» Полемиические заметки о культуре, жизни и «литдеятелях» // Наш современник. 1987. № 10. С.160–174.
- Самая большая опасность // Наш современник. 1989. № 1. С.141–179.
- Кун М.* Бухарин. Его друзья и враги. — М., 1992.
- Курилов И. В., Михайлов Н. Н., Наумов В. Р.* (сост.) Реабилитация. Политические процессы 30–50-х гг. — М., 1991.
- Лацис О. Р.* Проблема темпов в социалистическом строительстве. Размышление экономиста // Коммунист. 1987. № 18. С.79–90.
- Перелом / Сост. *Сенекосов Ю. П.* Суровая драма народа. Ученые и публицисты а периоде сталинизма. — М., 1989. С.67–174.
- Латышев А.* Бухарин. Известный и неизвестный // Неделя. 1987. № 51. С.6–7.
- Ленин В. И.* Биография (сост. П. Н. Поспелов). — М., 1960.
- Полное собрание сочинений. — М., 1967
- Ленов С. Л.* Вопросы экономистической теории в работах Н. И. Бухарина // Экономические науки. 1988. № 10. С.94–100.
- Лошак В.* Действующие лица лидеров кооперативного движения, представляющих 5461 кооператив из республик, собрала III межрегиональная кооперативная конференция в Набережных Челнах... // Московские новости. 1989. № 5. 29 января. С.13.
- Линев Р. А. И. Рыков.* Революционер, политик и человек // Известия. 1988. № 67. 5 марта. С.3.
- Возвращение правды. Л. Морозов беседует с корр. Р. Линевым // Неделя. 1988. № 39. С.8–9.

Максимов Ю. Ретушь трагедии? //Литературная газета. 1988. № 14. 6 апреля. С.11

Мандельштам Н. Вторая книга. — Нью-Йорк, 1970.

Маринич Н. Отвергающий зло. К 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина //Вечерняя Москва. 1988. 8 октября. С.2.

Медведев Ф. «Он хотел переделать жизнь потому что её любил» //Огонек. 1987. № 48. С.26–31.

Мещеряков Н. Николай Иванович Бухарин //Малая советская энциклопедия. Т.1. — М., 1929.

Михайлов Н. «Тайное» голосование. Сколько делегатов XVII съезда партии голосовало против Сталина? //Диалог. 1991. № 1. С.79–87.

Мнения и сомнения //Литературная газета. 1988. № 4. С.3.

Молотов В. М. Краткая биография //Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С.112.

Морозов В. М. Левые коммунисты //СИЭ (Москва 1961–1976). Т.8. 1965. С.514–17.

Морозов Л. Ф. Возвращение Николая Бухарина //Социалистическое соревнование. 1988. № 5. С.44–48.

— Ленинская концепция кооперации и альтернативы развития //Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С.101–115.

— Когда старое мешает новому //Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С.120–122.

Москалев М. От политического течения — к оголтелой банде врагов народа. Историческая справка /Правые реставраторы капитализма. Сборник статей. — М., 1937. С.113–203.

Мурин Ю. Г. Как фальсифицировалось «дело Бухарина». Послесловие А. М. Лариной (Бухариной) //Новая и новейшая история. 1995. № 1. С.61–76.

— Последнее слово Николая Бухарина. Стенограмма под цензурой //Российская газета. 1996. 26 января.

Овчаренко Н. Е. XXV съезд КПСС и вопросы борьбы с современным правым ревизионизмом //Вопросы истории КПСС. 1977. № 1. С.102–112.

Панкратов А. Вначале было слово... //Комсомольская правда. 1988. 7 октября.

Павлов Н. В., Федоров М. Л. Николай Иванович Бухарин //Вопросы истории КПСС. 1988. № 10. С.73–87.

Писигин В. «Мы видим перед собою путь...» //Мастерская. Август 1989. С.6.

Погодин Н. Школа Правды //Правда. 1962. № 111. 21 апреля. С.5.

Пономарев В. Путь бухаринской группировки от оппозиции к контрреволюции //Большевик. 1937. № 5–6. С.86–103.

Попов Ф. Х.: В. И. Ленин о борьбе с бюрократизмом //ЭКО. 1983. № 2. С.16–36.

Пospelов П. Борьба Бухарина и Рыкова против Ленина и партии //Правда. 1937. № 71. 13 марта. С.3.

— XXII съезд КПСС и задачи кафедр в развитии научных исследований по истории КПСС //Вестник высшей школы. 1962. № 2. С.35–40.

Потапов А. Возвращение. Заметки после пленума Верховного суда СССР //Труд. 1988. № 32. 9 февраля. С.2.

Правые реставраторы капитализма. Сборник статей. Партиздат ЦК ВКП (б). — М., 1937.

Проханов А. Афганские вопросы. Мнение писателя //Литературная газета. 1988. 17 февраля. С.1.

Против догматизма и вульгаризации в литературе и искусстве //Коммунист. 1964. № 9. С.9–26.

Ревизионизм — главная опасность. Из опыта борьбы коммунистических и рабочих партий против современного ревизионизма. — М., 1958.

Роговая Л. Записка П. Н. Поспелова об убийстве Кирова //Свободная мысль. 1992. № 8. С.64–71.

Рыбаков А. Дети Арбата //Дружба народов. 1987. № № 4–6.

Сидоров А. В. Внутрипартийные разногласия конца 20-х годов. Современный взгляд //Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С.152–157.

Смирнов К. Часть истины неизбежен. Решением президиума АН СССР Н. И. Бухарину возвращено звание академика //Известия. 1988. 11 мая. С.3.

Солопов А. Н. (сост.) Бухарин. Человек, политик, ученый. — М., 1990.

Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. — Париж, 1974. Т.1.

— Ленин в Цюрихе. — Париж, 1975.

Сорин В. Борьба Бухарина и Рыкова против партии Ленина–Сталина. Историческая справка //Известия. 1937. № 79. 2 апреля.

Стасова Е. Д. Воспоминания. — М., 1969.

Тополянский В. Он слишком много знал //Литературная газета. 1988. 15 июня. С.13.

Туровская М. Догадка или что мы знаем о себе самих //Московские новости. 1988. 2 октября. С.13.

Фельдман М. А. Заметки по поводу статьи «Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина» //Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С.26–27.

Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. Комментарии к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной). «Незабываемое» с приложениями. — М., 1993.

Фигуровская Н. К. К столетию со дня рождения А. В. Чайнова //Вопросы экономики. 1988. № 1. С.52–62.

Филонова М. Завещание для настоящего //Литературная газета. 1989. № 13. 29 марта. С.1.

Цакунов С. В. Развитие экономических взглядов Н. И. Бухарина после перехода к НЭПу / Сост. *Солопов А. Н.* Бухарин. Человек. политик. ученый. — М., 1990. С.303–325.

— В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. — М., 1994

Цветкова Р. Первые лауреаты //Сельская жизнь. 1989. 24 августа.

Ципко А. С. Размышление о причинах исторической устойчивости кооперации //ЭКО. 1987. № 9. С.3–33.

Черниченко А. Новые люди из бывшего Брежнева //Литературная газета. 1990. № 21. 23 мая. С.2.

Черняк А. Восстановление справедливости. Заметки с пленума Верховного суда СССР //Советская Россия. 1988. № 31. 7 февраля. С.2.

Чикин Б. Восстановление справедливости. Заметки с пленума Верховного суда СССР //Советская Россия. 1988. № 31. 7 февраля. С.2.

Шатров М. Брестский мир. Драма в двух частях //Новый мир. 1987. № 4. С.3–51.

Шкаренков Л. К. Николай Иванович Бухарин //Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С.59–78.

Шмелев Г. И. «Не смей командовать!» //Октябрь. 1988. № 2. С.3–26.

— Перед поворотом /Сост. *Сенокосов Ю. П.* Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. — М., 1989. С.55–66.

Шмелев Н. Авансы и долги //Новый мир. 1987. № 6. С.142–158.

Шмидт И. П. Правый уклон //СИЭ (Москва, 1961–76). Т.11. 1965. С.510–511.

Штурман Д. Николай Бухарин — любимец партии //Время и мы. 1979. № 39. С.130–146. № 40. С.120–135.

Экономия и политика в уроках «великого перелома» //Коммунист. 1989. № 5. С.96–104.

Ярославский Е. Борьба Бухарина и Рыкова против партии //Партийное строительство. 1937. № 6. 20 марта.

На других языках

Aly G., Heim S. Das zentrale Staatsarchiv in Moskau («Sonderarchiv»). Rekonstruktion und Bestandsverzeichnis verschollen geglaubten Schriftguts aus der NS-Zeit. Düsseldorf (Hans Böckler Stiftung), 1993.

Andrejewa N. Ich kann meine Prinzipien nicht preisgeben //Sowjetunion heute. 1988. №5. S.XVII–XXII.

Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin. Portrait of a Tyranny. — New York, 1981.

Bermann H. J. Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law. — Cambridge/Mass., 1963.

Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. — Göttingen, 1993.

Bonwetsch B. Die Bewältigung der Vergangenheit. Geschichts- und Gesellschaftswissenschaften in der «Perestrojka» /Сост. *Mommsen M., Schröder H.-H.* Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. — Frankfurt am Main/Berlin, 1987. S.74–88.

— «Nur vorwärts und vorwärts?». Die Umgestaltung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft //Osteuropa. 1988. № 6. S.457–468.

— Bucharin und der Stalin-Terror //Das Parlament. 1989. № 41/42. S.14.

Bordjugow G., Koslow W. Nikolaj Bucharin. Episoden einer politischen Biographie /«Unpersonen». Wer waren sie wirklich? Bucharin, Rykow, Trotzki, Sinowjew, Kamenew. — Berlin, 1990. S.13–49.

Borke A. Perestrojka und die Gegenoffensive der Konservativen. Zu den Hintergründen von Gorbatschows Rede zum 70. Jahrestag der Revolution // Aktuelle Analysen des BIOst. 1988. № 3.

Boukharine N. I. Les problèmes fondamentaux de la culture contemporaine. — Paris, 1936.

Carmichael J. Säuberungen. Die Konsolidierung des Sowjetregimes unter Stalin 1934–38. Frankfurt am Main/Berlin/Wien, 1972.

CDU/CSU-Wähler: Gorbatschow besser als Kohl. Spiegel-Umfragen in Moskau und in der Bundesrepublik über Perestrojka, über Russen und Deutsche // Der Spiegel. 1989. № 23. S.160–168.

Cohen St. F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. A Political Biography 1888–1938. — New York, 1973.

— Why Bukharin's Ghost Still Haunts Moscow. The Heresy of the Star Defendant of the 1938 Show Trial is Loose in the Communist World // New York Times Magazine. 1978. Decembre 10. P.146–158

— Rethinking the Soviet Experience. — Oxford/New York, 1985.

Conquest R. Am Anfang starb Genosse Kirow. — Düsseldorf, 1970.

— Inside Stalin's Secret Police. NRVD Politics 1936–39. — London, 1986.

Daniels R. V. Das Gewissen der Revolution. Kommunistische Opposition in Sowjetrußland. — Köln/Berlin, 1962.

Danilov V. R. Alternative Strategie für das Land / Соц. *Bergmann Th., Schäfer G.* Liebling der Partei. Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker des Sozialismus. — Hamburg, 1989. S.227–240.

Daniels R. W. The Socialist Offensive 1929–1930. — London, 1980.

— Perestrojka und Geschichte. Wende in der sowjetischen Historiographie. — München, 1991.

Deutscher T. Bucharinism vs Trotskyism. A Review // Monthly Review. 1975. № 11. S.48–56.

Ennker B. Ende des Mythos? Lenin in der Kontroverse / Соц. *Geyer D.* Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991. S.54–74.

Ferretti M. Kulturrevolution, Konsensbildung und sozialistische Demokratie / Соц. *Bergmann Th., Schäfer G.* «Liebling der Partei» N. Bucharin. — Hamburg, 1989.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. — New York/Oxford, 1994.

Ginsburg G. The Reform of Soviet Military Justice 1953–58 / Соц. *Barry D. B., Feldbrugge G., Ginsburg G., Maggs P. B.* Soviet Law after Stalin. Part III: Soviet Institutions and the Administration of Law. — Leiden, 1979.

Götz-Coenenberg R. Manager gegen Bürokraten. Probleme der Umgestaltung des sowjetischen Wirtschaftssystems / Соц. *Mommsen M., Schröder H.-H.* Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. — Frankfurt am Main/Berlin, 1987. S.157–174.

Gouldoever A. P. van The Limits of Destalinization. Political Rehabilitation in the Soviet Union since Stalin. — London/Sydney, 1986.

Gurvitsch-Bucharina S. N. Das politische Vermächtnis. Bucharins Vortrag in Paris vom 3. April 1936 /Сост. Bergmann Th., Schäfer G. Liebling der Partei. Nikolai Bucharin. Theoretiker und Praktiker des Sozialismus. — Hamburg, 1989. S.25–30.

Haynes M. The Resurrection of Bukharin //International Socialism. 1978. № 2. S.11–34.

Hedeler W., Stoljarowa R. Nikolai Bucharin. Leben und Werk. — Mainz, 1993.

Hedeler W. Nikolai Bucharin. Bibliographie. — Mainz, 1993.

— Stalin, Trotzki, Bucharin. Studien zum Stalinismus und Alternativen im historischen Prozeß. — Mainz, 1994.

Heer N. Politics and History in the Soviet Union. — London, 1971.

Heitman S., Knirsch P. N. I. Bucharin. — Berlin, 1959.

Herbst-Otmanns A. Entstalinisierung. Der Einzelne zählt wieder in der Sowjetunion /Сост. Crusius R., Wilke M. Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. — Frankfurt am Main, 1977. S.50–64.

Hielscher K. Der neue Frühling in Literatur und Kunst /Сост. Mommsen M., Schröder H.-H. Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. — Frankfurt am Main/Berlin, 1987. S.31–51.

— Auf der Suche nach Sündenböcken. Rechtsextremismus und Antisemitismus in der russischen Publizistik //Neue Gesellschaft (Frankfurter Hefte). 1989. № 11. S.1010–1017.

Hildermeier M. Revolution und Revolutionsgeschichte /Сост. Geyer D. Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991. S.32–53.

Hösler J. Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953–1991. Studien zur Methodologie und Organisationsgeschichte. — München, 1995.

Howe I. Leon Trotzki. — New York, 1978.

Hunter H. The Overambitious First Soviet Five Year Plan //Slavic Review. 1973. № 1. S.237–257.

Kargalitzki B. Perestrojka. Dialektik des Wandels //Die Internationale (Imprekor Beilage). 1988. № 3. S.17–26.

Kappeler A. Geschichte und Politik. Die Auseinandersetzung mit der Vergangenheit /Сост. Kappeler A. Umbau des Sowjetsystems. — Stuttgart/Bonn, 1989. S.165–194.

Katkov G. The Trial of Bukharin. — London, 1969.

Kirilina A. L'assassinat de Kirov. Destin d'un stalinien, 1888–1938. Traduit du russe. — Paris, 1995.

Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. — Oxford, 1978.

Knight A. W. The KGB. Police and politics in the Soviet Union. — London, 1990.

— Beria. Stalin's first Lieutenant. — Princeton, 1993.

Kolakowski L. Marxist Roots of Stalinism /Сост. Tucker B. R. Stalinism. Essays in historical interpretation. — Princeton, 1977. S.283–298.

Koslow W. A. Der Historiker und die Umgestaltung /Сост. Meyer G. Wir brauchen die Wahrheit. Geschichtsdiskussion in der Sowjetunion. — Köln, 1989. S.64–77.

Labeledz L. Resurrection and Perdition //Problems of Communism. 1963. Вып.12. № 2. S.48–59.

- Laqueur W.* Abrechnung im Zeichen von Glasnost. — München, 1990
- Leonhard W.* Kreml ohne Stalin. — Köln/Berlin, 1959.
- Liebman M.* Bukharinism, Revolution and Social Development /The Socialist Register. 1975. S.75–94.
- Lewin M.* Political Undercurrents in Soviet Economic Debates. From Bukharin to the Modern Reformers. — Princeton/London, 1974.
- Lewytkyj B.* Vom Roten Terror zur sozialistischen Gesetzlichkeit. — München, 1961.
- (сокр.) The Stalinist Terror in the Thirties. Documentation from the Soviet Press. — Stanford/Cal., 1974.
- Mandel E.* Zur Geschichte der KPdSU //Beiträge zur Geschichte der internationalen Arbeiterbewegung. 1977. № 5. S.127–176.
- Marcuse H.* Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus. — Neuwied, 1963.
- Maurach R.* Das sowjetische Amnestiegesetz //Osteuropa. 1953. № 3. S.166–170.
- McClarnand E.* The Debate continues. Views on Stalinism from the former Soviet Union //The Soviet and Post-Soviet Review. 1993. № 1. S.11–38.
- McNeal R.H.* Stalin. Man and Ruler. — London, 1988.
- Medwedew R. A.* Politbureau-discussions of the 3rd Show Trial in the Soviet Union //New York Times. 1962. 19 okt. S.3.
- Medvedev R. A., Medvedev Zh. A.* Khrushchev. The Years in Power. — New York, 1976.
- Medvedev R. A.* Political Essays. — Nottingham, 1976.
- Medwedjew R.* Vom XX. zum XXII. Parteitag der KPdSU. Ein kurzer historischer Überblick /Cocr. *Crusius R., Wilke M.* Entstalinisierung Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. — Frankfurt am Main, 1977. S.23–49.
- Medvedev R. A.* On Stalin and Stalinism. — Oxford, 1979.
- Nikolaj Bukharin. — London, 1980.
- Khrushchev. — Oxford, 1982.
- Medvedev Zh. A.* A Postscript by Zhores Medvedev /Coates K. The ase of Nikolai Bukharin. — Nottingham, 1978, S.102–105.
- More startling revelations about Krushchev's attempt to rehabilitate Bukharin //Tribune (London). 1978. 15 sept. S.8.
- Meissner B.* Rußland unter Chruschtschow. — München, 1960.
- Wandlungen im Herrschaftssystem und Verfassungsrecht der Sowjetunion /Cocr. *Boettcher E., Lieber H. J., Meissner B.* Bilanz der Ära Chruschtschow. — Stuttgart/Berlin/Köln/ Mainz, 1966.
- Merl St.* Die Anfänge der Kollektivierung in der Sowjetunion. Der Übergang zur staatlichen Reglementierung der Produktions- und Marktbeziehungen im Dorf, 1928–1930. — Wiesbaden, 1985.
- Kollektivierung und Bauernvernichtung /Cocr. *Geyer D.* Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991. S.101–132.
- Mommsen M., Schröder H.-H.* (сокр.) Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. Frankfurt am Main/Berlin, 1987.

Mommsen M. Von «Kritik und Selbstkritik» zu «Glasnost». Tendenzen zur Pluralisierung der öffentlichen Meinung in der Sowjetunion /Cocr. *Mommsen M., Schröder H.-H.* Gorbatschows Revolution von oben. Dynamik und Widerstände im Reformprozeß der UdSSR. — Frankfurt am Main/Berlin, 1987. S.11–30.

Müller E. Blick zurück im Zorn?! Bürgerkrieg, Kriegskommunismus und Neue Ökonomische Politik /Cocr. *Geyer D.* Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991. S.75–102.

Natoli A. Le Frattocchie. Bucharin davanti agli studiosi. — Firenze, 1980.

— Bucharin nella storia dell URSS e del comunismo. — Rom, 1980.

Negt O. Marxismus als Legitimationswissenschaft. Zur Genese der stalinistischen Philosophi /Cocr. *Blumenberg H., Habermas J. u.a.: Abram Deborin, Nikolai Bucharin.* Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus. — Frankfurt am Main, 1969. S.7–48.

Oppenheim S. A. Rehabilitation in the Post-Stalinist Soviet Union //The Western Political Quarterly. 1967. № 2. S.97–115.

Pachter H. Bukharin – History and Legend //Dissident. 1974. S.572–579.

Pisigin W. Warum brauchen wir die politische Rehabilitierung Bucharins? /Cocr. *Bergmann Th., Schäfer G.* «Liebling der Partei» N. Bucharin – Theoretiker und Praktiker des Sozialismus. Beiträge zum internationalen Bucharin-Symposium in Wuppertal 1988. — Hamburg, 1989. S.19–24

Reimann M. Lenin, Stalin, Gorbatschow. Kontinuität und Brüche in der sowjetischen Gesellschaft. — Hamburg, 1987.

Rouhani N. Die aktuelle Geschichtsdiskussion in der sowjetischen Publizistik (unveröffentlichte Magisterarbeit bei Prof. Dr. A. Kappeler. — Köln, 1989).

Rybakow A. Die Kinder vom Arbat. — Köln, 1988.

Sawka R. Gorbachev and his Reforms 1985–1990. — New York/London, 1990.

Schmidt-Häuer C., Huber M. Rußlands zweite Revolution. Chancen und Risiken der Reformpolitik Gorbatschows. — München, 1987.

Schröder H.-H. Stalimus «von unten»? Zur Diskussion um die gesellschaftlichen Voraussetzungen politischer Herrschaft in der Phase der Vorkriegsfünfjahrpläne /Cocr. *Geyer D.* Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. — Göttingen, 1991. S.133–166.

— Vormalige Säulen der Macht. Streitkräfte und KGB //Blätter für deutsche und internationale Politik. 1991. № 10. S.1179–83.

Sedgwick P. The Return of Bukharin //International Socialism. 1975. № 1. S.16–20.

Segbers K. Der sowjetische Systemwandel. — Frankfurt am Main, 1989.

Service R. J. The Road to the Twentieth Party Congress. An Analysis of the Events Surrounding the Central Committee Plenum of July 1953 //Soviet Studies. 1981. № 2. S.232–45.

Shapiro J. P. Political Rehabilitation in Soviet Central Asian Party Organizations //Central Asian Review. 1966. № 3. S.199–209.

— Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union 1953–1964, unpublished Ph.D. thesis Columbia University, 1967 (University Microfilms, Ann Arbor/ Mich. 1977).

— Soviet Historiography and the Moscow Trials. After Thirty Years //Russian Review. 1968. № 1. S.68–77.

— Rehabilitation Policy under the Post-Khrushchev Leadership //Soviet Studies. 1969. № 4. S.490–498.

Shurawl'jow W., Naumow W. Rückkehr zur Wahrheit. Zum 100. Geburtstag von Nikolai Bucharin «Unpersonen». Wer waren sie wirklich? Bucharin, Rykow, Trotzki, Sinowjew, Kamenew. — Berlin, 1990. S.50–62.

Skala J. Der XX. Parteitag und die Neufassung der «Geschichte der KPdSU» /Соцр. *Crusius R., Wilke M.* Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen. — Frankfurt am Main, 1977. S.360–394.

Smith K. (соцр.) Soviet industrialization and Soviet maturity. — London/New York, 1986.

Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin. — Toronto, 1986.

Starkov B. A. Narkom Ezhov /Соцр. *Getty J. A., Manning R. T.* Stalinist Terror. New Perspectives. — Cambridge, 1993. S.21–39.

Timmermann H. Gorbatschow – ein Bucharininst? //Berichte des BIOst. 1988. № 15.

Tolz V., Starr F. The USSR's Emerging Multiparty System. — London, 1990.

Tumarkin N. Lenin lives! The Lenincult in Soviet Russia. — Cambridge, 1983.

Wehner M. Die Diskussion um den «Liebling der Partei». Zur politischen Bedeutung der Rehabilitierung N. I. Bucharins //Osteuropa. 1990. № 4. C. 301–317.

— Auf der Suche nach der «Wahrheit»? Zum polemischen Streit sowjetischer Historiker und Publizisten über die 1920er Jahre und die Ursprünge des Stalinismus //Osteuropa. 1990. № 12. C. 1128–1144.

— Rückkehr mit Hindernissen. Die «gebremste» Diskussion um L. D. Trotzki in der Sowjetunion //Osteuropa. 1991. № 3. C. 246–258.

Wheatcroft St. G. Glastnost' and Rehabilitations //Ito T. (Ed.) Pacing Up to the Past. Soviet Historiography under Perestroika. — Sapporo (Japan). C.199–218.

Wishnevsky J. The Samizdat image of Nikolai Bukharin //Radio liberty research. 1978. Vol.179. № 78. 16 August. C.1–6.

— The unofficial Rehabilitation of Nikolai Bukharin //Radio liberty research. 1987. Vol.43/87. January 29. C.1–4.

— Bukharin and Rykov rehabilitated //Radio liberty research. 1988. Vol.53/88. 5 February. C.1–4.

— Reactionaries Tighten Their Hold on the Writers' Union //Radio Liberty Research Bulletin. 1988. Vol.148/88. No.14. C. 1–6.

Wolkogonow D. Das Phänomen Stalin //Meyer G. (Hrsg.). Wir brauchen die Wahrheit. Geschichtsdiskussion in der Sowjetunion. — Köln, 1989. C. 219–226.

Ziehr W. Die Entwicklung der «Schausprozesse» in der Sowjetunion. Ein Beitrag zur sowjetischen Innenpolitik.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ	Большая Советская Энциклопедия
ВОСР	Великая Октябрьская Социалистическая революция. Энциклопедия
ГКО	Государственный Комитет Обороны
ГУЛАГ	Главное Управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений
ИТК	Исправительно-Трудовая Колония
ИТЛ	Исправительно-Трудовой Лагерь
КПК	Комитет Партийного Контроля
МВД	Министерство Внутренних Дел
МГБ	Министерство Государственной Безопасности
НКВД	Народный Комиссариат Внутренних Дел
НЭП	Новая Экономическая Политика
ОСО	Особое Совещание
ОТК	Отдел Технического Контроля
РГАНИ	Российский Государственный Архив Новейшей Истории
РГАСПИ	Российский Государственный Архив Социальной и Политической Истории
СИЭ	Советская Историческая Энциклопедия
ФСБ	Федеральная Служба Безопасности

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аболин 278
Абуладзе Т. – 157, 174
Авторханов А. – 153
Амбарцумов Е. – 155
Андреева Н. – 95, 127, 174
Андриканис К. – 251
Андропов Ю.В. – 154, 155
Анин Д.С. – 149, 154
Антипов Н.К. – 45, 278
Антонов М. – 247, 248, 249, 250
Антонов-Овсенко А.В. – 11, 72, 151
Аристов А.В. – 57, 70, 131
Артеменко 279
Астров Б. – 278
Афанасьев Ю.Н. – 19, 158, 170, 173, 229, 240

Б

Бабурин С. – 144, 145
Базаров Ф. – 227
Белади А. – 250
Бергман Т. (Bergmann Th.) 18, 229
Берия Л.П. – 22, 31, 36, 37, 38, 39, 49, 280
Берлингуэр (Berlinguer E.) 145, 154, 244
Бессонов С.А. – 73, 98, 274
Биллик В.И. – 229
Биннер Р. (Binner R.) 19
Блюхер В.К. – 102, 280

Блок М. (Bloch M.) 254
Болдин В.И. – 212
Бонвеч Б. (Bonwetsch B.) 171, 256
Бордюгов Г.А. – 18, 19, 198, 199, 200, 210, 220, 240, 241, 249, 250, 251, 252
Брандт В. (Brandt V.) 19
Брежнев Л.И. – 8, 16, 139, 141, 142, 144, 150, 155, 163, 169, 232, 264, 292, 296, 297, 298
Бритен (Britan I.) 231, 244, 245, 246
Бубнов А.С. – 280, 282
Бухарин И.Г. – 89, 302
Бухарин В.И. – 273
Бухарина К.К. – 273
Бухарина М.В. – 273
Буев В. – 227
Буланов П.П. – 44, 172, 274
Булгаков М. – 247
Булганин Н.А. – 22, 39, 67
Бутенко А. – 250

В

Ваганов Ф.М. – 80, 81, 140, 149, 198
Валетов А.Ю. – 59
ван Гудевер (Van Goudoever A. P.) 11, 12, 13, 14, 17, 156, 157, 158
Варейкис И.М. – 101, 269, 278, 279
Василенко А. – 246, 247, 248
Ватлин А. – 18
Вавилов Н.И. – 289
Вейцер 278

Викторов Б.А. – 39
Виноградов 279
Виноградов А. – 244, 245, 246
Виннер М. (Wehner M.) 208
Ворошилов К.Е. – 22, 39, 52, 57, 61,
67, 68, 107
Вышинский А.Я. – 40, 43, 101, 102,
280

Г

Гаер Д. (Geyer D.) 238
Гайдар Е.Т. – 229
Гамарник Я.В. – 102, 280
Гейфтер М.Я. – 146, 147, 148, 149,
153, 229
Гловели Г. – 207
Гнедин Е.А. – 153
Голанд Ю. – 252, 253, 254
Гончарук Л. – 250, 251, 252
Горький М. – 143, 179, 275, 276,
277
Горбачев М.С. – 7, 155, 156, 157,
268, 269, 270
Горелов И.Е. – 193, 196, 197, 198,
204, 205
Горинов М.М. – 249, 250
Гребеник Г.П. – 254
Гринько Г.Ф. – 45, 73, 98, 274
Грядинский 278
Гурвич Е.И. – 89, 91, 92, 113, 293
Гурвич-Бухарина С.Н. – 16, 18, 89,
90, 91, 92, 93, 111, 112, 113, 114,
117, 118, 122, 123, 124, 125, 127,
130, 131, 132, 134, 135, 136, 139,
150, 151, 153, 230, 245, 284, 292

Д

Данилов В.П. – 150, 153, 159, 204,
205, 206
Демичев П.Н. – 212
Денис (Dennis E.) 53
Дзержинский Ф.Э. – 161, 167

Дмитров Г.М. – 59
Дэвис Р. (Davies R.) 268, 207, 208,
209, 268

Е

Ельцин Б.Н. – 14, 160, 212
Емельянов Ю. – 240, 241, 242
Енукидзе А.С. – 285
Есенин С.А. – 168, 247, 248, 249
Евтушенко Е. – 224, 248
Ежев В.И. – 15, 177
Ежов Н.И. – 44, 45, 46, 49, 50, 51

Ж

Жданов А.А. – 60, 61, 101, 183
Жуков Г.К. – 45, 68, 69, 84, 300
Журавлев В.В. – 198

З

Запорожец – 279
Заславская Т. – 226
Зеленский И.А. – 73, 74, 96, 98, 274
Зевин В.Я. – 134, 151, 296,
Зиновьев Г.Е. – 7, 23, 25, 34, 35, 41,
53, 54, 58, 66, 74, 77, 86, 100,
107, 109, 116, 120, 125, 144, 183,
195, 214, 220, 233
Зубарев П.Т. – 74, 96, 274

И

Игнатъев С.Д. – 37
Икрамов А.И. – 73, 74, 98, 143, 274,
275, 276
Ильф и Петров – 303
Иванов – 96
Иванов В. – 73, 98, 149, 274, 275,
276

К

Кабаков И.Д. – 45, 52
Кадар Я. – 64

- Кадыков М. – 207
 Каганович Л.М. – 22, 52, 57, 61, 67,
 68, 69, 84, 107, 108
 Калачев А. – 224, 225, 226
 Каменев Л.В. – 7, 23, 34, 35, 58, 66,
 74, 77, 81, 93, 94, 99, 107, 110,
 111, 112, 116, 117, 120, 124, 125,
 128, 144, 183, 187, 195, 214, 220,
 231, 233, 244, 253, 277
 Камков 279
 Капустин М. – 250, 251, 252
 Караваева А. – 123, 298
 Карелин 279
 Карпинский В.А. – 136, 287
 Катамян Р. – 136, 288
 Катков Н.Ф. – 127, 185, 186, 187,
 188
 Казаков И.Н. – 177, 274
 Кириченко А.И. – 67
 Киров С.М. – 33, 34, 43, 46, 96, 99,
 161, 167
 Кислицын С.А. – 251, 179, 276
 Климов Г.С. – 143, 145, 204, 208
 Кнорин В.Г. – 278
 Кожин В. – 247, 248, 249
 Козлов Ф. – 84
 Козлов В.А. – 18, 146, 148, 198,
 210, 220, 240, 241, 250, 251, 252
 Комаров Н.П. – 45, 131
 Кондратьев Н.Д. – 160
 Коробов Л.А. – 177
 Косарев А.В. – 102, 280
 Косиор – 280
 Козн С. (Cohen St.) – 8, 18, 19, 74,
 75, 130, 141, 146–148, 153, 158–
 160, 189–192, 203, 204, 216, 217,
 229, 240, 241–243
 Красильников С. – 268
 Краус Т. (Kraus T.) – 250
 Крестинский Н.Н. – 44, 73, 74, 85,
 143, 276
 Кржижановский Г.М. – 134
 Крючков П.П. – 177, 274
 Куйбышев В.В. – 275–277
 Кун Б. – 54, 55, 62
 Кузьмин А. – 244–246
- ## Л
- Лацис О. – 160, 204, 229
 Ларин Ю.Н. – 16, 18, 89, 133, 134,
 141–144, 153, 154, 225, 230, 287
 Ларина-Бухарина А.М. – 16, 18, 89,
 91, 94, 97, 102, 110, 113, 117,
 118, 126–129, 133, 139, 141–144,
 154, 167, 178–180, 189, 225,
 230–232, 246, 268, 280, 281, 285,
 291
 Латышев А. – 166
 Лаврентьев 278
 Левин Л.Г. – 117, 118, 177
 Левицкий (Levytsky B.) – 10, 49
 Леонард (Leonhard W.) – 53, 266
 Лигачев Е.К. – 173–175
 Лобов С.С. – 45
 Лукьянов А.И. – 212
 Лукина-Бухарина А.М. – 89
- ## М
- Макаренко В.П. – 209
 Максимов-Диковский В.А. – 177
 Маленков Г.М. – 22, 52, 67–69, 107,
 108, 124
 Манцев – 279
 Мандель (Mandel E.) – 77
 Мандельштам Н. – 147
 Мдивани В. – 58
 Мехлис Л.З. – 112
 Медведев Р.А. – 10, 72–75, 118
 Медведев Ж. – 10, 72
 Менжинский 275–277
 Межлаук В.И. – 102, 280
 Микоян А.И. – 22, 52, 61, 67, 68, 83,
 295
 Миронов Н.Р. – 103, 109, 281
 Могилат С.Д. – 212

Мокеев В. – 224
Молотов В.М. – 22, 41, 52, 61, 66–
69, 83, 84, 95, 107, 108, 110, 111,
124, 282, 284
Морозов Л.Ф. – 198, 199, 218, 225,
243, 257, 264, 265, 274–277

Н

Наумов В.П. – 15, 197, 213, 218
Николаевский Б. – 231
Никонов А.А. – 160, 291
Новаковский М.Б. – 114, 115, 130

О

Орджоникидзе Г.К. – 161
Осинский Н. – 279

П

Панкратова А.М. – 90
Павлов И.П. – 92
Пельше А.Я. – 144
Первухин – 67
Пешков А.М. – 26, 275, 276
Пирошков В.П. – 213
Писигин В. – 224, 225
Плетнев Д.Д. – 44, 50, 74, 98, 274
Погодин Н. – 111, 112, 130
Поллит (Pollitt Н.) – 72, 73, 85
Пономарев Б.Н. – 86, 115
Попов Г. – 226
Поспелов П.Н. – 39, 57, 61, 115,
119–121, 124, 131, 137, 140, 143,
266
Преображенский Е.А. – 194
Пятаков Г.Л. – 25, 58, 225
Пятницкий – 280

Р

Радек К.Б. – 25, 58, 100, 225, 278,
291
Разумовский Г.П. – 212

Раковский Х.Г. – 98, 177, 274
Распутин В. – 243
Рекунов А.М. – 176, 177, 274
Розенцвейг – 98
Руденко А. – 42, 57, 90, 103, 109,
136, 137, 264, 265, 281, 288
Рудзутак Я.А. – 34, 161, 280
Рыбаков А. – 157, 174
Рыков А.И. – 7, 23, 25, 27, 33, 41,
44, 45, 48, 54, 55, 61, 65, 66, 73,
75, 80, 82, 85, 86, 96–105, 107,
108, 116, 117, 119–121, 124, 125,
128, 138, 140, 143, 144, 149, 150,
159, 163, 175–178, 181–183, 201,
202, 203
Рюмин М.Д. – 37
Рябинин Е.Ю. – 101, 279

С

Сабуров М.З. – 67
Салихов Р. – 227
Савинкин Н.И. – 212
Саволайнен – 279
Семенов И. – 29, 207, 279
Семичастный В. – 109
Сердюк З.Т. – 103, 109, 281
Серебряков Л.П. – 123, 132
Серебрякова Г.Ю. – 132
Серов И.И. – 177
Смирнов Г.Л. – 192, 197, 198, 205,
212
Смирнов Л.Н. – 145,
Сокольников Г.Ю. – 58, 100, 132,
144, 187, 244, 278
Соломенцев М.С. – 175, 212
Соловьев А.А. – 212
Солженицын А.И. – 147
Стасова Е.Д. – 136, 139, 287, 288
Стецкий – 298
Страхов А.И. – 299
Стуков – 279
Стура Р. – 159
Суслов М.А. – 52, 57, 67, 73

Т

- Табakov О. – 159
 Таиров – 278
 Тербилов В.И. – 176
 Тепцов Н. – 18
 Торез М. (Thorez M.) – 72, 73, 75
 Тихонов В.А. – 229
 Тольятти П. (Togliatti P.) – 53, 64
 Томский М.П. – 7, 23, 25, 27, 35, 75,
 80, 96, 98, 103–105, 107, 116,
 124, 138, 140, 149, 181, 182, 184,
 185, 187, 201–203, 243, 264, 265,
 277, 281
 Трапезников С.П. – 140, 149
 Троцкий Л.Д. – 7, 23, 25, 26, 29,
 54, 55, 65, 68, 74, 78, 83, 100,
 109, 115–117, 119, 122, 126,
 134, 145, 159, 164, 186, 190,
 194, 195, 197, 199, 201, 215,
 220, 225, 232, 233, 246, 248,
 265, 268, 275, 276, 281
 Тухачевский М. – 41, 42, 58, 66, 84,
 102
 Тукаев И. – 227

У

- Украинцев Б. – 134
 Ульянов М. – 159
 Ульянова М.И. – 92, 112
 Уншлихт И.С. – 45, 101, 278–280
 Ушаков З.М. – 45

Ф

- Фадеева Н.М. – 18
 Фельдман М.А. – 251, 252, 253
 Фельштинский – 236
 Фокин А.И. – 213
 Фриновский М.П. – 44, 49, 50, 60
 Фурцева Е.А. – 57

Х-Ц

- Хейне (Heine H.) – 246, 247, 248
 Ходжаев Ф.У. – 73, 74, 143, 274
 Хрущев Н.С. – 8, 154, 257, 264, 265,
 270, 281, 292
 Цакунов С.В. – 207–209, 249, 250,
 254

Ч

- Чаянов А.В. – 160, 228
 Чебриков В.М. – 127, 212
 Черненко К.У. – 74
 Чернов М.А. – 98, 177, 274
 Членов – 279
 Чубарь В.Я. – 102, 280

Ш

- Шапиро (Shapiro J.P.) – 10
 Шарангович В.Ф. – 74, 274
 Шатров М. – 159, 171, 174, 268
 Шатуновская О.Г. – 93, 94, 103,
 106, 126
 Шелепин А.Н. – 103, 109
 Шепилов – 69
 Шевелев В. – 158
 Шкаренков Л.К. – 193–195, 199,
 205
 Шляпников А.Г. – 144
 Шмелев Г. – 204, 207, 208
 Шверник Н.М. – 57, 103, 131, 140,
 265–267, 281

Э-Я

- Эренбург И. – 22, 143
 Ягода Г.Г. – 44, 96, 98, 102, 106,
 176, 178, 188
 Якир И.Е. – 69, 84, 281, 283
 Яковлев – 278, 279
 Яковлев А.Н. – 158, 174, 212

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августовский путч – 14, 18
Академия наук – 190, 193, 195,
206–208, 239, 243–245, 289
Амнистия – 30, 31
Антипартийная группа – 67, 110
Антисемитизм – 239, 243–245, 269
Брест-Литовск – 29, 93, 96, 113,
126, 137, 165, 194, 199, 200, 243,
282
Верховный Совет – 29
Верховный суд – 7, 39, 72, 74
Внутрипартийная оппозиция – 45,
63–65, 134, 138, 139, 141
– левый уклон – 24–26
– левые коммунисты – 23–25
– левая оппозиция – 7, 23, 24, 99
– правый уклон – 19, 23, 24, 80,
81, 99, 103
– правая оппозиция – 8, 23–25
Военная коллегия Верховного суда –
43, 45, 85, 89, 98, 177, 178
Всероссийное собрание историков –
119
Выставка о Бухарине – 232, 234,
235
Генеральный прокурор СССР – 176
Десталинизация – 10, 11, 13, 88
Индустриализация – 138, 202–204
Институт марксизма-ленинизма
(ИМЛ) – 15, 134, 176, 180, 181,
192, 197, 198, 220, 244–246, 271,
296
Исторические науки – 263, 267
Историки – 255–257, 269
КГБ – 15, 104, 175, 176, 179, 239,
266
Клуб Бухарина – 224, 225, 289
Коллективизация – 23, 138, 147,
162, 181, 182, 187, 202, 203, 210,
241, 251, 253, 254, 268
Комитет партийного контроля
(КПК) 15, 42, 71, 84, 89, 90, 94,
108, 109, 126, 127, 129–131, 140,
175, 184–186, 265, 273, 280, 281,
285
Культ личности – 10, 11, 32, 64, 67,
69, 75, 108, 114, 117, 119, 121,
123, 142–144, 170, 172
Музей Октябрьской революции – 3,
189
Националисты – 232, 238, 239, 269
Новая экономическая политика
(нэп) – 29, 126, 155, 162, 191,
194, 220, 227, 250, 251, 256
НКВД – 34–36, 39, 40, 44–51, 57,
59, 60, 66, 69, 71, 89, 92, 97, 98,
100–105, 127, 128, 136, 147, 185,
203, 265, 276, 277
Общественные науки – 249, 250,
266
«Память» – 248
Право-троцкистский блок – 7, 9, 14,
15, 24, 25, 42–47, 49–53, 80, 95,
169, 178, 182, 264–266

- процесс о... 18, 28, 41, 42, 51, 58, 70, 73, 93, 95, 96, 98–100, 103, 104, 106, 108, 109, 119, 120, 124, 175, 178–180, 182, 188, 215, 248, 273, 280
- Прокуратура СССР – 38–43, 47–49, 51–53, 57, 58, 63, 66, 72, 74, 101, 102, 104, 124, 143, 144, 175–177, 179, 180, 185, 230, 264, 280
- Реабилитация Бухарина
 - гражданская – 137, 158, 160, 175, 188, 189, 266–268
 - политическая – 124, 129, 134, 175
 - полная – 12, 103, 105, 124, 134
 - посмертная – 142
 - формальная – 74, 175, 178, 180
 - юридическая – 7, 18, 124, 137, 189
- Реабилитация и террор – 270
- Реабилитация – 106
 - гражданская – 11, 13
 - посмертная – 11
 - формальная – 11, 264
 - юридическая – 15
- Реабилитационная политика – 263, 265
 - шестидесятых годов – 264–266
 - восьмидесятых годов – 267–269
- Реабилитационные комиссии – 15
 - комиссия Молотова – 41, 42, 46, 47
 - комиссия Соломенцева – 175, 176, 180, 184
 - комиссия Шверника – 96, 109, 113, 118, 120, 121, 124, 137–139, 203, 215, 265–267
- Репрессии – 33, 34, 91, 145, 230, 263, 267
- Родственники Н.И. Бухарина – 16, 89, 90
- Съезды РСДРП (б) и Коммунистической партии
 - VI – 164, 165, 285
 - XV – 251
 - XVI – 99, 277
 - XVII – 39, 99, 181, 277, 288
 - XX – 10, 18, 32, 41, 46, 50, 53, 55, 63, 75–78, 88, 90, 91, 94, 102, 107, 110, 115, 125, 144, 148, 162, 202, 224, 264–266, 280, 285, 287, 290
 - XXI – 280
 - XXII – 8, 10, 13, 76, 88, 91, 95, 102, 106–108, 110, 114, 117, 119, 120, 129, 130, 162, 264, 281, 282, 285, 293, 295
 - XXIII – 139
 - XXV – 141, 285
 - XXVII – 155, 170, 230
- Тайная речь Н.С. Хрущева – 265
- Террор – 13, 14, 33, 34, 57, 88, 265, 270
- Фонд Бухарина – 231
- ЦК ВКП (б)
 - июльский пленум (1928) – 27
 - апрельский пленум (1929) – 27, 181, 187, 198
 - декабрьский пленум (1936) – 100, 129, 183, 198

Марк ЮНГЕ

СТРАХ ПЕРЕД ПРОШЛЫМ
РЕАБИЛИТАЦИЯ Н. И. БУХАРИНА
ОТ ХРУЩЕВА ДО ГОРБАЧЕВА

Дизайн и верстка: Сергей Щербина

Издатель: Александр Ушаков

ISBN 588735101-2

9 785887 351018

ИД № 01428 от 05.04.2000
Подписано в печать с оригинал-макета 30.06.2003
Формат 84×108/32. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 21. Зак.

Научно-исследовательский центр «АИРО-XX»
E-mail: airo20@online.ru